

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В.И. Вернадского»
ТАВРИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
кафедра истории и теории государства и права**

МАТЕРИАЛЫ

**II ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА,
АСПИРАНТОВ И СТУДЕНТОВ,
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО
ПРАВОВЕДЕНИЯ»
(19- 20 апреля 2017 г.)**

г. Симферополь

2017

Актуальные проблемы сравнительного правоведения. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов /. Симферополь: «КФУ имени В.И. Вернадского», 2017. 409 с.

Настоящий сборник составлен по материалам II Всероссийской научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. «Актуальные проблемы сравнительного правоведения», состоявшейся 19 апреля 2017 г. в г. Симферополе.

В материалах нашли отражение проблемные аспекты российского и зарубежного права, актуальные проблемы теории и методологии сравнительного правоведения, рассмотрено историческое развитие и функционирование правовых институтов в зарубежных странах и Российской Федерации, проблемы организации государственной власти, существующие в различных государствах и др.

Исследованы и проанализированы тенденции и перспективы развития общественных отношений в РФ и зарубежных странах, эффективность существующих в мире различных подходов по регулированию государственно-правовых отношений, выявлены правовые способы для решения проблем развития государства и общества на основе сравнительно-правового аспекта.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

СОДЕРЖАНИЕ

Доклады пленарного заседания

<i>Скакун О.Ф.</i> МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ.....	10
<i>Потапенко С.В.</i> СУДЕБНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРАВА.	14
<i>Гарчева Л.П.</i> ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ.....	18
<i>Кащенко С.Г.</i> ДЕМОКРАТИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ: АФИНСКАЯ И СПАРТАНСКАЯ.	22
<i>Кузьмин А.В.</i> МЕСТО НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В КОНСТИТУЦИЯХ ГОСУДАРСТВ DE FACTO.	28
<i>Аметка Ф.А.</i> СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ.....	34
<i>Регушевский Э.Е.</i> СООТНОШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ.	39
<i>Сейт-Абдулов Э. Э.</i> ОСОБЕННОСТИ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КАНАДЕ.	42

Секция 1-2 Теоретические и методологические аспекты сравнительного правоведения. Сравнительно-правовые аспекты в методике преподавания юридических дисциплин

<i>Мищенко В. Ю.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРАВОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ И УКРАИНЕ. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.	47
<i>Тимохин А.М.</i> СВОБОДА РЕЛИГИИ И БОРЬБА С ДИФФАМАЦИЕЙ РЕЛИГИИ В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ	51
<i>Смирнова Е.В.</i> СВОЕОБРАЗИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬЕ.	56
<i>Смирнова Е.В., Исакова Н.В.</i> ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ СУДА И ПРОКУРАТУРЫ ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ. ...	59

<i>Синявская Ю.А.</i> ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ. ..	62
<i>Лелеко А.А.</i> ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ	66
<i>Гвинтовка Д.В.</i> ГЕНЕЗИС И СОСТОЯНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬЕ.	69

Секция 3 Общетеоретические проблемы отечественного и зарубежного государства и права

<i>Черткова Ю.В.</i> ПОНЯТИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ И СПОСОБЫ ИХ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В АКТАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.	72
<i>Курсаев А.В.</i> УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕВЫПЛАТУ ЗАРОБОТНОЙ ПЛАТЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ	75
<i>Струнский А.Д.</i> НЕТИПИЧНЫЕ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.	79
<i>Моор К.Ю.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ.	82
<i>Гарчева Л.П., Чопикян А.А.</i> ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПРИРОДА РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.	85
<i>Катакли И.С.</i> РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II КАК ПРЕВЕНЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 гг.	89
<i>Алимов З.А.</i> ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЗЕМЕЛЬ КАК ОДИН ИЗ ВОЗМОЖНЫХ СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН НА ЗЕМЛЮ В РФ.	92
<i>Кошман В.А.</i> КАЙМАКАНСКИЕ И НИЖНИЕ ЗЕМСКИЕ СУДЫ В ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ ТАВРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ (1784-1796 Г.Г.).....	96
<i>Пазий А.Я.</i> ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПАТЕНТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И РАЗВИТИЯ.....	99
<i>Таран П.Е., Кошкин А.С.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОГРУЗОЧНО-РАЗГРУЗОЧНЫХ РАБОТ В ТОРГОВЫХ МОРСКИХ ПОРТАХ КРЫМА В 1920-Е ГОДЫ.	103
<i>Чопикян А.А.</i> СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ.	107

<i>Новокольская К.А.</i> ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА.	111
<i>Карпюк К.В.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ. ...	114
<i>Голубенко Д.Д.</i> ПРАВОВА ОХРАНА ИНСТИТУТА ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ГРАЖДАН.	118
<i>Петкевич Т.В.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ.	121
<i>Жантоан Я.А.</i> ЗАЩИТА ПРАВ ФАКТИЧЕСКИХ СУПРУГОВ В ОТНОШЕНИЯХ ПО НАСЛЕДОВАНИЮ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ.	126
<i>Калугин Д.А.</i> БИПАТРИЗМ В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ: РЕАЛИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.	129
<i>Енилеева А.Э.</i> СПОСОБЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПА ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНСТИТУЦИОННЫХ АКТАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.	134
<i>Паршичева И.Е., Оголь В.Л.</i> ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ.	138
<i>Паршичева И.Е., Кравцова А.А.</i> КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.	141
<i>Мовсисян А.М.</i> СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК МЕРА НАКАЗАНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НОРВЕГИИ И РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 19 В. (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)".	145
<i>Копилян В.А., Копилян Т.В.</i> АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.	150
<i>Морозова А.Н.</i> К ВОПРОСУ О ЮВЕНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ.	153
<i>Бугара Е.И.</i> КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.	156
<i>Лузик А.А.</i> ПРАВОВЫЕ ГРАНИЦЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.	160
<i>Вирозуб А.А., Мамутова Г.Р.</i> ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ.	163
<i>Подгайская В.Г.</i> РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ КАК ОДНО ИЗ ПРЕДПОСЫЛОК ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.	167

<i>Маринко А.В.</i> КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ.	170
<i>Дзюбенко А.Д.</i> ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА СРЕДСТВАМИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ.	173
<i>Перфильева А.Э.</i> ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВА В КОНСТИТУЦИИ РФ.....	177
<i>Мещеряков Д.В. Зитулаева Д.А.</i> ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.	182
<i>Усеинова Р.Х.</i> БИОЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ.	185
<i>Щербакова А.Ю.</i> СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИЗБИРАТЕЛЕЙ ЗА НЕЯВКУ НА ВЫБОРЫ	190
<i>Шильнов Н.Н.</i> СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	193
<i>Бугаев В.А., Самойлова Д.Д.</i> ОТДЕЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	196
<i>Кузьменко К.Н.</i> СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ.	199
<i>Зитулаева Д.А. Мещеряков Д.В.</i> ИНСТИТУТ ОТЯГЧАЮЩИХ И СМЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ.....	202
<i>Ханбеков Д.Э.</i> ПРАВО ГРАЖДАН РФ НА ЗАМЕНУ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ ПО ПРИЗЫВУ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБОЙ.....	207
<i>Борецкая Л.Р.</i> ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЕ СТОРОНАМИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ.....	210
<i>Гвардеев А.Г.</i> ИЗМЕНЕНИЯ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945) ГГ.....	213
<i>Ворецкий Я. М.</i> СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКИ КРЫМ.....	216
<i>Артамонов А.Р.</i> АНАЛИТИЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПО ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЕ С СОВРЕМЕННЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИИ	219
<i>Таранец Д.В.</i> СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО УПК РФ И УПК НЕКОТОРЫХ СТРАН СНГ.....	223
<i>Коропова А.А.</i> КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ФЕДЕРАЛИЗМА В ГЕРМАНИИ	226
<i>Мокрушин В.И.</i> НАДЕЛЕНИЕ ПРАВАМИ ИНОСТРАННЫХ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ.	230

Секция 4 Организация государственной власти: сравнительно-правовой аспект

<i>Пашнева В.А.</i> ПОЛНОМОЧИЯ ГЛАВЫ СОДРУЖЕСТВА НАЦИЙ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЦИИ КАНАДА).	233
<i>Смирнова Е.В.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДОВ КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ.	237
<i>Аблязова Ф.М.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ МИГРАЦИИ В РОССИИ И ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ.	241
<i>Латышева Ю. Я.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.	245
<i>Макриди Д.А.</i> НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ В 1917-1922 Г.	248
<i>Мартынов Е. В.,</i> ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ И ПРОКУРАТУРЫ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬЕ.	251
<i>Ислямова М.Р.</i> СУДЕБНАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ.	255
<i>Чурадзе В.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ КОРОЛЕВСТВ НОРВЕГИИ И ДАНИИ.	
<i>Умерова В.</i> ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ОМБУДСМЕНА В США И РФ. ..	260
<i>Бессмертная А.И.</i> ПРОБЛЕМЫ УЧРЕЖДЕНИЯ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.	265
<i>Логинов Н.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ США	269
<i>Адельсеитова А.Б., Сильванович Ю.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ИМПИЧМЕНТА КАК ФОРМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГЛАВ ГОСУДАРСТВ В США И РФ.	273
<i>Говоркова Д.А.</i> ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПАРЛАМЕНТАРИЯ В РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ	278
<i>Феттаева С.Ф.</i> МОДЕЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И В РФ.	282
<i>Щуковский А.В.</i> ЗНАЧЕНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ В СТАНОВЛЕНИИ СИЛЬНОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА.	287

**Секция 5 Актуальные проблемы территориального развития:
правовое регулирование деятельности органов местного
самоуправления и управления в России и за рубежом**

<i>Киян М.Ш.</i> ГАРАНТИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕПУТАТОВ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОРГАНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ: СРАВНИТЕЛЬНО – ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	291
<i>Мокрушин В.И., Костылев В.В., Савчук А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ АППАРАТА МИРОВОГО СУДЬИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ.....	294
<i>Гулевич И.В.</i> ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАН В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ.....	298
<i>Козодубов А.А.</i> ИЗМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ К ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ.	301
<i>Буркина А.Н.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РФ И ФРГ.....	304
<i>Новицкая А.Р.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РФ.....	309
<i>Сибилева А.Ю., Лахтина А.И.</i> СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РФ И ШВЕЙЦАРСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ.	313
<i>Подгайская В.Г.</i> РОЛЬ И МЕСТО УСТАВА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ.....	317
<i>Степанова В.В., Лось Л. В.</i> СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ.....	320
<i>Голубева Н.А., Шишов А.В.</i> ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ СЛУШАНИЙ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ.....	324
<i>Аблаева Д.С.</i> МОДЕЛИ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	327
<i>Адельсеитова А.Б., Евдокимова И.С.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ЗАРУБЕЖНЫХ ФЕДЕРАЦИЙ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	333
<i>Заинчковская К.Д.</i> ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	337

<i>Письменная М.Д.</i> ПРОБЛЕМЫ КОМПЕТЕНЦИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	341
<i>Хан К.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РФ И КОММУНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ФРГ	345
<i>Медведева А.М.</i> СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАТУСА ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ ПО «ГОРОДОВОМУ ПОЛОЖЕНИЮ» 1870 ГОДА И ГЛАВЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД.	348
<i>Кочмарев Н.В.</i> ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГЛАВЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РФ: О НЕОБХОДИМОСТИ УПРОЩЕННОГО ПОРЯДКА ОТЗЫВА.	352
<i>Шевченко В.И.</i> КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В МЕКСИКЕ	355

Секция 6 Проблемы сосуществования национального и международного права в глобальном мире: формирование, развитие, обеспечение.

<i>Анохин А.Н., Совхоз Ф.Р.</i> О ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ПОЗИЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	364
<i>Сорокин Р.А.</i> МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВХОЖДЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	367
<i>Шумиленко А.П., Пастухова Л.В.</i> ПРАВО ГОСУДАРСТВ НА ДЕРОГАЦИЮ В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА	371
<i>Черницова В.В.</i> ОКАЗАНИЕ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ – ВЕДУЩИЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ.....	376
<i>Петрова А.С.</i> МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ	380
<i>Ляховчук Ю.Н.</i> МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНКУРЕНТНОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	384
<i>Гиренко О.И.</i> ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА НА НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РФ..	387
<i>Хлыстова П.</i> Н.ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИИ	392

<i>Алания Н.А.</i> ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТАТЬИ 6 ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	395
<i>Шаталова В. С.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО	399
<i>Шармоянц А.Н.</i> ПРОБЛЕМЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ТОРГОВОГО МОРЕПЛАВАНИЯ В РФ	402
<i>Холодов М.В.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	404

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ДОКЛАДЫ

УДК 340.5(075.8)

СКАКУН О.Ф.

д.ю.н., профессор

Юридический институт, «Севастопольский государственный университет»

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

Сравнительное правоведение, как научное направление правовой науки, в XXI веке достигло высокого уровня развития: никогда ранее сравнение правовых систем, отраслей и институтов не было столь необходимым и планетарно признанным. В этом велика заслуга Международной академии сравнительного права, учрежденной в 1924 г. в Гааге. Основная форма деятельности этой академии состоит в организации международных конгрессов по сравнительному праву, на которых обсуждаются узловые проблемы права по всем юридическим дисциплинам. Мировые конгрессы проходят (с 1950 г.) один раз в четыре года. Последним был XIX Международный конгресс сравнительного права в Вене в 2014 г. Следующий XX Международный конгресс сравнительного права должен состояться в Фукуоке 22-28 июля 2018 года. В тематике каждого международного конгресса в большей или меньшей степени поднимаются проблемы методологии сравнительного правоведения как научной дисциплины и методики ее преподавания.

Методологический инструментарий сравнительного правоведения представляют теория сравнительно-правового метода, методы, принципы, междисциплинарные (методологические) подходы. Первой скрипкой в оркестре методологического инструментария сравнительного правоведения и первичной материей для юриста-исследователя служит сравнительно-правовой метод, который обусловлен компаративным подходом общенаучного познания. Путем сопоставления одноуровневых юридических понятий, явлений, процессов и выяснения между ними сходства и различия исследователь получает возможность перейти от простого описания внешнего объекта к его научному анализу.

Однако применение только сравнительно-правового метода в компаративистском правовом исследовании недостаточно. Необходим *набор методов*, соответствующих особенностям объекта и стадии его изучения. Выделим несколько объективных факторов, влияющих на использование определенных методов в сравнительно-правовых исследованиях.

1. Привлечение иных методов (кроме метода сравнительного анализа) диктуется, прежде всего, двумя измерениями закономерностей строения, функционирования и взаимодействия правовых систем мира, познаваемых в границах их сравнительно-правового анализа, – временем и пространством. Время требует измерения исторического, а пространство – географического.

2. Познание правовых систем на различных уровнях не может быть одинаковым. На уровне отдельных компонентов правовых систем (микро-сравнение) употребление метода сравнительного анализа проявляется не столь упорядочено, как на уровне отраслей права и, особенно, на уровне правовых систем (макро-сравнение). Поэтому в переплетении со сравнительно-правовым методом на межотраслевом, отраслевом, институциональном уровнях правовой системы, а также на уровне познания ее значимого элемента, используются методы: диалектический, право-социологический, историко-правовой, формально-юридический, право-интерпретационный, институционально-правовой, инструментально-правовой и др.

3. С расширением объектов изучения сравнительного правоведения (национальные правовые системы, правовые семьи, правовые системы межгосударственных объединений, система международного права), возросла активность в анализе эффективности их правовых норм и организационных форм, состояния и перспектив развития международного правопорядка с помощью конкретно-социологического метода, методов правового моделирования и правового прогнозирования.

Конкретно-социологический метод ориентирован на познание социальной обусловленности каждого конкретного элемента правовой системы мира. Метод правового моделирования выражается в мысленном, творческом, создании моделей правовых явлений (сходство исторического становления, структуры права, источников права, концептуальных правовых подходов и др.) в государствах и межгосударственных отношениях, а метод правового прогнозирования – в поисках и установлении перспективных оптимальных решений конкретных внутригосударственных и международных правовых проблем.

Практическая ориентированность на совершенствование национальной правовой системы путем обогащения инациональным правовым опытом, а также на выработку наднациональных или международных правовых стандартов, требует от исследователя соблюдения определенных *методологических принципов*, соответствующих объективным закономерностям развития общества и сущности его права: принцип объективности; принцип функционализма; принцип единства исторического и логического; принцип сопоставимости объектов сравнения; принцип учета условий и уровня развития объектов сравнения и др.

Междисциплинарные (общие, методологические) подходы в конкретном сравнительно-правовом исследовании служат функциональным элементом метода, транслированным из философии, социально-гуманитарных и естественных наук: они задают соответствующую программу его методологического обеспечения, устанавливают ракурс исследования и определяют общую особенность конкретного используемого метода как на уровне общих, так и множества частных объектов (межотраслевой, отраслевой, институциональный).

Наиболее востребованы в сравнительном правоведении подходы – аксиологический, систематизированный, деятельностный, социально-культурный, институциональный, синергетический, коммуникативный, геояридический и др. Созрела необходимость более активного применения экономического подхода в сравнительно-правовых исследованиях.

Остановим внимание на некоторых перечисленных междисциплинарных подходах.

Аксиологический подход ориентирует на решение круга идейно-познавательных задач, связанных с духовной интерпретацией деятельности людей во взаимосвязанных правовых системах планеты. С помощью этого подхода можно реконструировать универсальность ценностей, выработанных в национальных правовых системах, выявить органическое единство государственно-правовой формы жизни людей с жизнью в иных общественных формах, а также выйти на уровень индивидуального права (права человека) и международного права (уровень внешнего взаимодействия правовых систем).

Систематизированный подход предполагает одновременное изучение нескольких правовых систем мира путем структурирования элементов внутри систем разных уровней и соединения этих систем с другими системами одного уровня, что позволяет выявить системы более высокого уровня организации и обобщенности, наглядно представить максимально возможное число связей

множества взаимодействующих объектов всех уровней. В то же время этот подход служит специфическим методом ограничения разнообразия правовых систем, объединения их в типы, синтез целого (правовая система) из определенных частей (на нормативном уровне – нормы права, институты права, отрасли права).

Деятельностный подход используется для познания деятельной связи национальных правовых систем. Особенность деятельностного подхода состоит в том, что он не только служит аналитическим приемом, а выступает основой формирования и функционирования правовой системы, поскольку развитие правовой системы не исчерпывается его нормативной подсистемой (законы на бумаге не есть право), а предполагает постепенное превращение законодательных предписаний в постоянные руководящие правила поведения людей.

Экономический подход важен своей направленностью на изучение экономической эффективности правовых норм и институтов, законодательных и судебных решений в сравниваемых правовых системах и полезен уже тем, что нацеливает развитие права на снижение издержек его реализации и повышение эффективности правовой системы, предоставляя рекомендации для проведения действенной правовой политики в сфере экономики. Успех реализации основных источников права – нормативно-правовых актов, правовых прецедентов, нормативно-правовых договоров – определяется не только подсчитыванием степени эффективности правового регулирования экономических процессов в каждой из правовых систем, но и учетом надлежащего экономического обеспечения правовых норм, которые содержатся в этих источниках.

Методологический инструментарий сравнительного правоведения богат и разнообразен, как богата и разнообразна современная наука и практика. Умение исследователя-компаративиста правильно подобрать и использовать методологический инструментарий – залог успеха в решении поставленных задач и возникших проблемных ситуаций.

Потапенко С.В.

д.ю.н, профессор, заслуженный юрист РФ

ФГБОУ ВПО Кубанский государственный университет» Юридический факультет

СУДЕБНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРАВА

Автор на основе нормативно-доктринального подхода раскрывает правовую природу судебных источников российского права, относя к ним постановления Конституционного Суда РФ, постановления Пленума и Президиума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: постановление Конституционного Суда РФ, постановления Пленума и Президиума Верховного Суда РФ, источники права.

The author on the basis of normative-doctrinal approach reveals the legal nature of the judicial sources of the Russian law comprises decisions of the constitutional Court of the Russian Federation, decrees of the Plenum and of the Presidium of the Supreme Court.

Key words: decision of the constitutional Court of the Russian Federation, decrees of the Plenum and of the Presidium of the Supreme Court, sources of law.

Согласно ст. 10 Конституции РФ [1] государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную.

Однако сформулированный в приведенной норме принцип разделения властей нельзя абсолютизировать, поскольку средством осуществления власти служат, прежде всего, правовые нормы - акты законодательства, управления и правосудия [2, с. 46]. Суды не только устраняют из действующей системы правового регулирования часть законодательных и иных норм, но и достаточно часто вводят в нее новые общеобязательные правила поведения для неопределенного круга субъектов общественных отношений, которые не содержатся в проверяемом нормативном правовом акте. Как пишет Г.А. Жилин, в подобных случаях «судебные акты, исходящие от судов, приобретают признаки, совокупность которых позволяет отнести их к формально-юридическим источникам российского права» [3, с. 33-45].

Если говорить о правовой природе постановлений Конституционного Суда РФ, то они соответствуют по всем признакам требованиям, предъявляемым к источникам права, поскольку обладают свойствами нормативно-правовых актов. Например, Конституционный Суд РФ, признавая законодательные акты или их отдельные положения неконституционными, что влечет утрату ими юридической

силы, тем самым выступает в качестве «негативного законодателя» [4, с. 123]. Действительно, в соответствии с ч. 5 ст. 125 Конституции РФ акты или их отдельные положения, признанные Конституционным Судом РФ неконституционными, утрачивают силу. Из этого следует, что постановления Конституционного Суда РФ, которыми подконтрольные ему нормативные правовые акты признаны соответствующими или не соответствующими Конституции, обязательны для судов и они должны учитывать их, в том числе и ссылаться на них в судебных постановлениях.

Противоречивость и наличие пробелов в российском законодательстве, требует активной роли Верховного Суда РФ, вынужденного заполнять правовой вакуум путем высказывания своей правовой позиции – источника права в постановлениях Пленума и Президиума. То есть происходит своего рода опережающее субсидиарное (дополнительное) правовое регулирование, поэтому в юридической литературе высказано мнение, «что суд в ряде случаев выступает в качестве квазиправотворческого органа» [5, с. 28-32].

Согласно п.п. 1 п. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3 – ФКЗ (ред. от 04.11.2014) «О Верховном Суде Российской Федерации» (далее № 3- ФКЗ) Верховный Суд РФ в целях обеспечения единообразия применения законодательства РФ дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения [6]. В специально посвященной Пленуму Верховного Суда РФ ст. 5 закона № 3- ФКЗ говорится, что Пленум Верховного Суда РФ рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики о целях обеспечения единообразного применения законодательства РФ (пп. 1 п. 3).

Все постановления Пленума Верховного Суда РФ условно можно разделить на две категории: 1) Постановления, в которых Пленум Верховного Суда РФ дает толкование действующего законодательства; 2) Постановления, в которых Пленум Верховного Суда РФ дает нижестоящим судам разъяснения о преодолении пробелов путем применения аналогии закона, аналогии права, субсидиарного применения права [7, с. 109-111]. Поскольку во втором случае речь идет о формулировании положений, которые ранее не содержались в законодательстве, то вполне справедливо говорить об опережающем правовом регулировании со стороны Верховного Суда РФ, о том, что создаются нормы права, обязательные к применению всеми судами России.

Важно подчеркнуть, что создавая правовые нормы, Верховный Суд РФ действует отнюдь не как законодатель, он осуществляет судебную власть. Как пишет Н.С. Бондарь, «такая деятельность не противоречит принципу разделения властей, как не противоречит ему и деятельность органов исполнительной власти по принятию подзаконных нормативных актов» [8, с. 36].

Исходя из этого, постановление Пленума Верховного Суда РФ представляет собой интерпретационный, правотворческий [9], легальный акт официального [10, с. 76] судебного толкования, конкретизирующий путем разъяснения нормы права и адресованный судам, целью принятия которого является единообразное применение законодательства РФ.

В отличие от постановлений Пленума Верховного Суда РФ постановления Президиума Верховного Суда РФ- это правоприменительные акты – судебные решения. Так, например, согласно п. 3 ст. 391.9 ГПК РФ [11] судебные постановления, указанные в части второй статьи 391.1 ГПК РФ, подлежат отмене или изменению, если при рассмотрении дела в порядке надзора Президиум Верховного Суда РФ установит, что соответствующее обжалуемое судебное постановление нарушает единообразие в толковании и применении судами норм права. При этом в ч. 4. ст. 391.12 ГПК РФ особо подчеркнуто, что указания Президиума Верховного Суда Российской Федерации о толковании закона являются обязательными для суда, вновь рассматривающего дело. Поэтому обеспечение единообразия судебного правоприменения является важнейшей установленной законом задачей Верховного Суда РФ, прежде всего, в лице его Пленума и Президиума.

Согласно п. 5 ч.4 ст. 392 ГПК РФ - основания для пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу (по вновь открывшимся или новым обстоятельствам), к новым обстоятельствам относятся определение (изменение) в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации практики применения правовой нормы, примененной судом в конкретном деле, в связи с принятием судебного постановления, по которому подано заявление о пересмотре дела в порядке надзора, или в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации, вынесенном по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора, или в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Таким образом, определение (изменение) в постановлении Президиума или в постановлении Пленума Верховного Суда РФ практики применения правовой нормы – это основание для пересмотра судебных постановлений, вступивших в

законную силу. Из этого следует, что при определенных обстоятельствах правовая позиция Верховного Суда РФ, высказанная в постановлении его Президиума, становится источником права.

На данный момент в АПК РФ и КАС РФ получила нормативное закрепление возможность суда сослаться в судебном решении суда на постановления Пленума или Президиума Верховного Суда РФ, что также свидетельствует о нормативном характере этих постановлений Верховного Суда РФ, через которые судебная власть формирует единообразную правовую среду.

Так, согласно абз. 7 ч. 4 ст. 170 АПК РФ в мотивировочной части решения могут содержаться ссылки на постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившие силу постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики, а также на постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившие силу постановления Президиума.

В силу п. 4 ч. 4 ст. 180 КАС РФ [12] в мотивировочной части решения суда могут содержаться ссылки на постановления и решения Европейского Суда по правам человека, решения Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации, принятые Верховным Судом Российской Федерации в целях обеспечения единства судебной практики и законности.

Все изложенное позволяет сделать вывод, что высшие российские суды наряду со своей основной монопольной функцией правосудия занимаются еще и основанным на законе правотворчеством.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 17.04.2017).
2. Лившиц Р.З. Современная теория права: Краткий очерк. М., 1992.
3. Жилин Г.А. Судебное нормотворчество в механизме защиты прав // Защита прав в России и других странах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации»: сб. науч. статей. Краснодар; СПб: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2011. С. 35–45.

4. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М.: Эксмо, 2009.
5. Барышникова В.А. Правовые позиции высших судебных инстанций как средство формирования опережающего гражданского процессуального регулирования // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 6. С. 28-32.
6. СЗ РФ. 10.02.2014. №6. Ст. 550.
7. Загайнова С.К. О роли постановлений Пленума Верховного Суда РФ // Проблемы защиты прав и законных интересов граждан и организаций: Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 2002
8. Бондарь Н.С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4.
9. Петрова И.В. Законодательные основания судебного правотворчества // Современное право. 2008. № 7.
10. Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. М., 1976. С. 28.27.
11. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: [#http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200079&dst=0&rnd=0.9998276252349474](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=200079&dst=0&rnd=0.9998276252349474) (дата обращения: 17.04.2017).
12. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ(ред. от 28.03.2017, с изм. от 13.04.2017)[Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/a1b5f926f9defba735571a9c3a212ac4eeacb0bb/ (дата обращения: 17.04.2017).

УДК 342.5:340.5

Гарчева Л.П.

д.и.н, профессор

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» Юридический факультет

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В КОНСТИТУЦИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Принцип разделения властей является одним из важнейших принципов построения и функционирования современного демократического государства. Направленный на исключение узурпации власти одним органом или должностным лицом, он обеспечивает самостоятельное и независимое осуществление власти каждой её «ветвью».

Принцип разделения властей давно вошел в практику применения его демократическими государствами. И хотя в конституциях зарубежных стран формулировка принципа «разделения властей» вообще не упоминается, суть его пронизывает все важнейшие положения конституций, выражается в раздельном и последовательном изложении правового статуса ветвей власти, воплощается в структуре, полномочиях, порядке образования и взаимоотношениях государственных органов.

Так, Конституция США [7, с. 23] четко определяет, что «полномочия законодательной власти принадлежат Конгрессу Соединенных Штатов», который состоит из Сената и Палаты представителей [ст. I, Раздел 1], «исполнительная власть осуществляется Президентом Соединенных Штатов Америки» [ст. II, Раздел 1], судебная власть осуществляется «Верховным судом и теми низшими судами, которые будут время от времени учреждаться Конгрессом» [ст. III, Раздел 1].

На основе принципа разделения властей, согласно Конституции [7, с. 108], строится государственная власть Италии. Законодательная функция власти осуществляется совместно обеими палатами парламента [ст. 70], исполнительная власть вверена Президенту и правительству республики, возглавляемому председателем совета министров, политически ответственным перед парламентом [ст. 87, 95], судебные функции власти осуществляются ординарными судьями, подчиняющимися только закону [ст. 101, 102].

В Основном законе ФРГ [7, с. 144] принцип разделения властей также прямо не упоминается, но факт того, что именно на этом принципе базируется государственная власть Германии видно из п. 2 статьи 20, провозгласившего: «Вся государственная власть исходит от народа. Она осуществляется народом путем выборов и голосований, а также через специальные органы законодательной, исполнительной и судебной власти». Законодательная власть в ФРГ принадлежит двухпалатному парламенту, исполнительная – правительству, возглавляемому канцлером, и Президенту (хотя Президент республики обладает очень малыми полномочиями в исполнительной власти и вступает в политический процесс только в случае, если в бундестаге нет устойчивого большинства депутатов, поддерживающих канцлера [7, с. 141]). «Судебная власть вверяется судьям; она осуществляется федеральным конституционным судом, федеральными судами... и судами земель» [7, ст. 92⁶⁴]

Принцип разделения властей положен в основу и Конституция Японии 1947 года [7, с. 269]. Единственным законодательным органом в Японии является парламент. Теоретически к ветви исполнительной власти в соответствии с концепцией разделения властей могут быть отнесены император (глава государства) и правительство (Кабинет министров). Однако император Японии не наделен полномочиями, связанными с осуществлением государственной власти. Его действия в сфере деятельности государства могут быть предприняты лишь с совета и согласия правительства. Исполнительная власть осуществляется Кабинетом, который состоит из Премьер-министра и других государственных министров [ст. 65, 66]. Вся полнота судебной власти принадлежит Верховному суду и учрежденным законом судам низших инстанций [ст. 76].

Принципу разделения властей особое внимание уделено в конституциях посттоталитарных (постсоветских) государств. Поскольку в СССР принцип разделения властей был отброшен как буржуазный, контрреволюционный, провозглашено «всевластие советов», что фактически означало сосредоточение всей власти в руках верхушки самой партии, то вновь созданные после распада СССР государства сочли необходимым закрепить в своих конституциях в первых разделах («Основы конституционного строя», «Общие положения») саму формулировку данного принципа. Так, в ст. 10 Конституции Российской Федерации говорится: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» [1]. Вст. 6 Конституции Республики Беларусь – «Государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. Государственные органы в пределах своих полномочий самостоятельны: они взаимодействуют между собой, сдерживают и уравновешивают друг друга» [3]. В Конституции Республики Армения статье 4 «Принцип разделения и баланса властей» указывается: «Государственная власть осуществляется в соответствии с Конституцией и законами - на основе разделения и баланса законодательной, исполнительной и судебной властей» [2]. Конституция Украины вклjučила статью 6, согласно которой «Государственная власть в Украине осуществляется по принципу ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти осуществляют свои полномочия в установленных настоящей Конституцией пределах и в соответствии с законами Украины» [5]. Конституция Республики Грузия в п.4

ст.5 провозгласила: «Государственная власть осуществляется на основе принципа разделения властей». Конституция Республики Казахстан п.4 ст.3 также указала на то, что «Государственная власть в Республике едина, осуществляется на основе Конституции и законов в соответствии с принципом ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви и взаимодействия между собой с использованием системы сдержек и противовесов»[4].

Такая новация призвана была акцентировать внимание на отходе этих государств от тоталитарных методов управления, закреплении демократических принципов. Кроме того, все постсоветские конституции также закрепили для каждой ветви государственной власти свой порядок формирования, четко сформулированный перечень полномочий, разграничение полномочий и предметов ведения между ветвями власти, взаимный контроль, систему сдержек и противовесов, пределы деятельности, принципы взаимозависимости и взаимодействия различных ветвей власти.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята референдумом 12.12.93) (ред. от 30.12.2008)
2. Конституция Республики Армения. Принята 06.12.2015.
3. Конституции Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.)
4. Конституция Республики Казахстан принята 30 августа 1995 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.03.2017 г.)
5. Конституция Украины. Принята 28 июня 1998г. (с изменениями от 15.03.2016).
6. Конституция Республики Грузия. Принята от 24 августа 1995 г.
7. Современные зарубежные конституции. Сборник документов по конституционному праву зарубежных стран /составитель В.В. Маклаков. – М., 1996. – 286 с.

Кащенко С.Г.

д.и.н., профессор

*Таврическая академия ФГАОВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского» Юридический факультет*

ДЕМОКРАТИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ: АФИНСКАЯ И СПАРТАНСКАЯ

Древняя Греция представляла собой совокупность располагающихся на юге Балканского государства полисов небольших городов-государств. Из них наиболее известными и оставившими наибольший след в истории были Афины и Спарта. Афины располагались в Аттике ,на полуострове ,выступающем в Эгейском море в средней части Греции.

В гомеровский период, т.е. в 9 в. до н.э., здесь проживало четверо родственных греческих племён (ионийцы),находившихся в своём общественном развитии на стадии военной демократии .В это время они объединились вокруг центра одного из них-вокруг Афин,в результате чего возникли Афинский полис – город-государство, единый народ, и афинское право. Верховная власть в нем имела наследственный характер и принадлежала басилевсам (царям). Вспомогательная роль в ней принадлежала совету старейшин и народному собранию. В своей деятельности они обычно выражали интересы родовой знати – эвпатридов , т.е. имеющих благородных отцов. Это вызывало недовольство и все более усиливавшееся противодействие демоса (народа),который всё более настойчиво требовал и его допустить до власти .Под давлением в Афинах были приняты и стали действующими законы Солона, Клисфена, Эфиальта и Перикла, которые выражали интересы демоса и законодательно закрепили его ведущую роль в государственном управлении. Это привело к формированию афинской демократии – демократического государственного устройства, при котором народ имел реальную возможность принимать активное участие в управлении государством через систему выборных государственных органов.

Система афинской демократии, окончательно сформировавшаяся в VI-V вв. до н.э., была хорошо продумана ,тщательно разработана и действовала весьма эффективно .

По форме правления Афины представляли собой демократическую республику, все граждане которой пользовались равными политическими правами.

Высшая власть в них принадлежала эклессии - народному собранию, в которое входили все граждане-мужчины (всего около 35 тысяч человек). Заседания народного собрания проходили регулярно - четыре раза в месяц. Вопросы, которые на них должны были рассматривать, объявлялись заранее и на них собирались те афиняне, которые их интересовали. Эклессия принимала законы, псефизмы (постановления по частным вопросам), избирала должностных лиц, решала вопросы войны и мира и другие государственные дела. Выступать с предложениями на народном собрании имел право каждый его участник. После его обсуждения оно ставилось на голосование, во время которого решалась его дальнейшая судьба. Участник собрания мог снять с обсуждения и голосования предложение другого афинянина, заявив, что он возбудит против него судебное обвинение, поскольку принятие его принесёт вред государству. Голосование осуществлялось с помощью поднятия рук, а при решении наиболее важных и принципиальных вопросов применялось закрытое голосование. Основным в деятельности эклессии было законотворчество. Каждый ее член мог внести на ее рассмотрение свой проект закона.

Демократия проявлялась и в том, что все граждане имели право принимать участие в обсуждении тех законопроектов, которые вносились другими. Однако свою законодательную инициативу афиняне не могли проявлять беспредельно, поскольку она ограничивалась действенной системой ее ограничений-сдержек. Перед внесением своего законопроекта на рассмотрение народного собрания, афинянин должен был его представить на заключение совета пятисот, в состав которого входило по 50 человек от каждого из 10 фил – административно-территориальных единиц. Мнение совета оглашалось при рассмотрении законопроекта в эклессии. Ограничивало законодательную инициативу афинян и то, что внося на ее рассмотрение свой законопроект, они несли при этом уголовную ответственность, если выяснялось, что принятие законопроекта противоречит демократии или могли принести вред государству. На недопущение вступление такого закона в силу было направлено и то, что после принятия его народным собранием он рассматривался в форме судебного процесса в гелиэе. На ее заседание инициатор закона обосновывал необходимость его принятия, критиковал старые законы, а защищал их утвержденный народным собранием адвокат. После судебного разбирательства в гелиэе окончательное решение по сходному закону принималось путём тайного голосования большинством ее членов. Одним из важнейших органов афинской демократии была гелиэя суд присяжных. В нее народное собрание

избирало 6000 афинян старше 30 лет – отцов семейств. Ее члены разделялись на 10 палат (декастерий) по 600 челок в каждой. Большое число членов палат и распределения между ними рассматриваемых дел по жребию было вызвано стремлением предотвратить постороннее воздействие на суд.

Судебный процесс проходил на основе состязательного принципа между обвинителем и ответчиком. По закону Солона каждому гражданину позволялось выступать в защиту потерпевшего и требовать наказания преступника [1,с.174]. Кроме рассмотрения обыкновенных судебных дел на гелиэю была возложена и задача конституционного надзора – охрана афинской демократии. Каждый гражданин имел право выступать на ее заседании с жалобой «на противозаконие». После поступления такой жалобы одна из декастерий ее рассматривала и принимала по ней решение. Если жалоба признавалась несправедливой, ее автор наказывался крупным денежным штрафом, изгнанием и даже смертью. Это тоже предохраняло от внесения в народное собрание скороспелых, непродуманных и антидемократических проектов.

Чтобы не допустить изменения демократического государственного устройства Афин, Клисфен провёл через народное собрание и закон «о суде черепов». В соответствии с ним каждый весной проводилась эклессия, которая голосованием определяла следует ли прибегнуть к остракизму, т.е. к изгнанию из Афин лиц представляющих опасность для афинской демократии. Если путём голосования признавалось, что такая угроза существует, эклессия собиралась снова и каждый ее участник писал на остроконе (черенке) имя того, кто по его мнению представлял угрозу демократии. Осуждённый большинством изгонялся на 10 лет. Одним из важных элементов народовластия в Афинах было и то, что на одних из ежемесячных народных собраний отчитывались о своей деятельности должностные лица. После ее обсуждения оно большинством голосов решало, была ли она в течение прошедшего месяца достаточно эффективной, законной и не направленной против народовластия. Чтобы афиняне не были равнодушными к государственным делам, не отмалчивались в народном собрании, по закону Солона за инертность при этом они должны были лишаться гражданских прав [1,с.174].

Демократия в Афинах проявлялась и в том, что все должностные лица избирались эклессией только на один год без права переизбрания. Исключение в этом плане распространялось только на членов коллегии стратегов, руководившей военными делами. Желавший занять выборную должность сам предлагал народному собранию свою кандидатуру и излагал программу своей деятельности на ней. В

афинском государстве функционировал многочисленный административный аппарат, но он не был бюрократическим. Все органы были коллегиальными, чтобы не допустить сосредоточения власти в одних руках. Чтобы каждый гражданин, в том числе самый неимущий, мог занять выбранную должность и принять непосредственное участие в государственном управлении, члены магистратуры по закону Перикла получали жалование от 3 до 5 оболлов.

Недостатком афинской демократии было то, что она не распространяла своё действие на рабов. Кроме этого, женщины, хоть и считались гражданами, но не имели права принимать участие в политической жизни. Несмотря на это демократическая организация государственной власти в Афинах, которые стали матерью демократии, была большим достижением на пути развития и становления государственности вообще и оказала впоследствии в различных странах влияние на организацию в них государственного управления на принципах народовластия, особенно, в новейшее время.

Иное место занимала демократия в государственном устройстве Спарты, в которой она сочеталась с другими политическими режимами. В противоположность Афинам её нельзя считать демократической, она являлась олигархической (аристократической) республикой, в которой государственная власть принадлежала немногим. Причины этого надо искать в особенностях образования Спарты. В 13-11 вв. до н.э. в Лаконику небольшую область на полуострове Пелопоннес, населённую ахейцами, вторглись дорийские племена, пришедшие сюда из Северного Причерноморья. После длительной борьбы с аборигенами они захватили не только Лаконику, но и соседнюю Массению. В результате возникла Спарта, в государственном устройстве которой было мало места для исследования демократических принципов в управлении. Спартанцы превратились в господ, а аборигены не по своей воле стали неполноценными гражданами или государственными рабами.

Полноправными гражданами Спарты были только дорийцы-завоеватели. Те же аборигены, которые не оказали завоевателям серьёзного сопротивления, были превращены ими в периэков, которые были лично свободными, но не имели права принимать участия в политической жизни. А те, которые оказывали завоевателям длительное и ожесточенное сопротивление были превращены ими в илотов - государственных рабов, прикреплённых к государственной земле. Их количество в 20 раз превосходило численность спартанцев. Поэтому у них возникала потребность в организации такой государственной власти, которая давала им возможность с её

помощью постоянно господствовать над многочисленными илотами, держали их в повиновении и эксплуатировать в своих интересах.

В этих условиях в Спарте власть не могла принадлежать многим, особенно покорённым аборигенам. Это осознавал Ликург, законы которого сформировали своеобразное государственное устройство Спарты. Когда кто-то из спартанцев стал требовать, чтобы он ввёл в ней демократию, он сказал: «Введи сначала демократию у себя в доме» [1,с.11]. В результате осуществления законов Ликурга в Спарте сформировалась государственная организация, которая сочетала в себе элементы трёх политических режимов – монархии, олигархии(власть немногих) и ограниченной демократии, которые уравнивали друг друга.

Монархический элемент проявлялся в наличии власти двух архагентов (царей), которые не занимали ведущего положения в государственном управлении. Власть архагентов имела наследственный характер. Одновременно правление их двух было обязательным. Оба исполняли жреческие функции и являлись верховными командующими во время боевых действий. Чтобы предупредить совместное установление ими тирании законами Ликурга должностным лицам предоставлялось постоянно разжигать вражду между архагентами. Кроме того, они должны были ежемесячно давать клятву в том, что будут действовать только в соответствии с законами Ликурга.

Демократическая составляющая в государственном устройстве Спарты проявлялась в том, что высшим органом государственного управления в ней считалась апелла – собрание всех спартанцев старше 30 лет. Оно имело значительные властные полномочия: принимало законы, утверждало договоры и объявляло войны, избирало военных командиров и должностных лиц. Хотя это собрание и имело определённый демократический аспект, но реальная его верховная власть была весьма ограниченной. В системе государственной власти апелла играла меньшую роль чем экклесия в Афинах, поскольку ее члены не имели права вносить на ее рассмотрение проекты законов. Этим правом пользовались только высшие должностные лица.

Ограниченность спартанской демократии проявлялась в том, что члены апеллы не имели права обсуждать предоставленные на рассмотрение законопроекты, а могли только их принимать или отвергать. Выборы осуществлялись с помощью голоса, за кого громче кричали, тот и считался избранным. Олигархия в системе государственной власти проявлялась в том, что главную роль в ней на самом деле играли не народные собрания, а герусия – совет геронтов. Она состояла из 30 человек – 2 архагентов и 28 геронтов избранных на всю свою жизнь из лиц старше 60 лет.

Она руководила военными, финансовыми, судебными и прочими делами. Она никому не подчинялась, ни перед кем не отчитывалась, принимала отчёты эфоров, когда заканчивался срок их полномочий. Некоторые свои решения она выносила на утверждение апеллы. Недовольная ее решениями, герусия могла ее распустить, а ее решения отменить. В Спарте важную роль в государственном управлении играла и коллегия эфоров, состоявшая из 5 членов избравшихся на год. Эфоры (надзиратели) были главными блюстителями законов Ликурга. Их коллегия была высшим контрольно-административным органом государства.

Спартанцы не имели права заниматься земледелием, ремеслом и торговлей. Их постоянным занятием была подготовка к военной службе, совершенствование их боевого мастерства. Для этого функционировала и государственная программа воспитания мальчиков с 7 лет, во время которой из них делали воинов. Спартанцы были освобождены от забот по добыванию средств для своего существования. Для этого государственная земля была разделена на 9 тысяч равных участков по числу спартанцев. Каждому из них предоставлялся один из таких участков, который обрабатывали прилагаемые к нему илоты. Они обеспечивали материальную сторону существования спартанцев [1,с.99].

Одной из целей законов Ликурга было стремление избежать конфликтов и недоразумений, борьбы за власть среди спартанцев, порождённые их имущественным неравенством и различиями в правовом статусе. Ликург убедил граждан принять такие законы, которые бы сделали богатство бесполезным грузом, и не отвлекали от нахождения их в состоянии постоянной боевой готовности. Поэтому, законы Ликурга предусматривали меры, направленные на недопущении среди них имущественного расслоения, продвигали для спартанцев чистоту их быта, умеренность в еде, их участия в сессиях (групповых обрядах) запрещение на приобретение предметов роскоши [1,с.101-102] ограничение денежного обращения [1,с.116]. Осуществление законов Ликурга превратило Спарту в постоянно готовый к боевым действиям военный лагерь, всегда готовый к подавлению спартанских восстаний илотов и неполноправных граждан.

Различные политические режимы организации Афин и Спарты имели неодинаковые последствия. Афины стали выдающимся центром науки, литературы искусства, а Спарта военным гегемоном в античной Греции. По словам Плутарха, в продолжении 5 веков, пока Спарта оставалась верна законам Ликурга, она по своему строю и славе была первым государством в Греции. Государственное устройство

Спарты взяли за основание для своего собственного идеала государства и Платон. Одобрял его и Аристотель.

Список литературы:

1. Плутарх. Избранные жизнеописания. В 2 томах. Том первый. М.: Изд-во «Правда». 1987. – 590 с.

УДК 341.470

Кузьмин А.В.,

к.ю.н., доцент

Юридический институт

«Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»

МЕСТО НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В КОНСТИТУЦИЯХ ГОСУДАРСТВ DE FACTO

Современная геополитическая картина мира представляет собой исчерпывающее распределение сухопутных пространств земного шара между формализованными взаимообусловленными суверенами. Однако формально-юридическая сущность такого разграничения не может игнорировать существование территорий, фактически не контролируемых указанными суверенами. Речь идет о территориальных образованиях, известных в юридической науке под терминами «непризнанные» или «частично признанные» или «самопровозглашенные» государства. В рамках настоящей статьи, наряду с этими терминами, в качестве равнозначного будет использоваться, как представляется, более точная формулировка - «государство de facto».

Безусловно, далеко не любая территориальная организация имеет основания считаться государством такого типа. Лишь в случаях фактической сецессии такое основание может возникнуть. В частности, здесь можно говорить о феномене «стабильного функционирования непризнанного государства» [См.: 1].

Теоретическая конструкция данного феномена основывается на использовании качественных характеристик признаков государства. Активные проявления сецессионных требований оказывают существенное влияние на перераспределение содержания этих признаков между формальным сувереном и

стремящимися к самоопределению регионами. Так, из структуры государственной территории исключается регион, на который фактически не распространяется юрисдикция центральной власти. И наоборот, стремящийся к независимости регион имеет признак территориальности. В противном случае утрачивает смысл заявление о стремлении соответствующей институции к государственной обособленности.

Суверенитет, также как и территория, имеет, в целом, неделимую юридическую природу, предполагающую определенность в вопросе принадлежности. Владелец государственного суверенитета вправе им распоряжаться, в том числе и передавая полномочия межгосударственным организациям, и возвращая эти полномочия. Но владелец-распорядитель суверенитета всегда должен быть один. В этом смысле стремящийся к самоопределению регион зачастую в большей степени соответствует понятию «государство», чем т.н. «метрополия», поскольку из суверенитета последнего исключается верховенство на территории региона, стремящегося к независимости. Население такого региона, как представляется, также в большей степени обладает политико-правовой связью с регионом, нежели с центральной властью «метрополии». Так, Приднестровская Молдавская Республика (далее также - ПМР, Приднестровье) осуществляет верховенство власти на своей территории, а также обеспечивает политико-правовую связь с проживающим на её территории населением посредством отношений гражданства. Напротив, Республика Молдова не имеет возможности реально осуществлять верховенство власти на территории Приднестровья, которое формально является частью Молдовы. Кроме того, Молдова также ограничена в реализации политико-правовой связи через отношения гражданства с подавляющим большинством населения непризнанного государства. Это, как представляется, наглядно показал проведенный 17 сентября 2006 года референдум, на котором население Приднестровья высказалось, во-первых, за независимость и последующее свободное присоединение Приднестровья к Российской Федерации и, во-вторых, категорически против отказа от независимости и против вхождения в состав Республики Молдова.

Аналогичное положение можно наблюдать и в других «государствах *de facto*», некоторые из которых получили международное признание.

Функции стремящегося к самоопределению региона совпадают с теоретико-правовым перечнем функций государства. Здесь всегда имеют место политическая, экономическая, правоохранительная, военная, социальная функции. Причём формы осуществления этих функций традиционны – правотворчество, правоисполнение и

правосудие. Во всех подобных регионах сформированы институты государственной власти - парламент, правительство или президент, а также органы судебной власти, включая Конституционный Суд (например, в Приднестровской Молдавской Республике).

Наличие системы формально закреплённых правил поведения – права – является основой апеллирования к мировому сообществу относительно признания в качестве государства. Тем более, если в законодательстве, в качестве приоритетных, определены общечеловеческие ценности. Так, в частности, в преамбуле Конституции Приднестровской Молдавской Республики [2] подтверждается приверженность общечеловеческим ценностям, стремление жить в мире и согласии со всеми народами в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права.

Конституционные нормы определяют место норм международного права в правовой системе государства и определяют параметры и процедуры участия государства в международных отношениях. Статья 10 Конституции ПМР устанавливает, что «Внешняя политика республики исходит из принципов суверенного равенства государств, неприменения силы, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела других государств», а «общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Приднестровской Молдавской Республики являются основой отношений с другими государствами и составной частью правовой системы».

Особенностью правовой системы государств *de facto* выступает практика признания актов международного права рамочными нормами. Наиболее активно это используется именно в ПМР, где практически одновременно с провозглашением независимости, Постановлением Верховного Совета ПМР от 22 сентября 1992 г. [3] было признано, что «независимо от членства Приднестровской Молдавской Республики в соответствующих международных организациях... считать действующими на территории Приднестровской Молдавской Республики со дня принятия настоящего Постановления» следующие международные акты: 1. Конвенцию о предупреждении геноцида и наказания за него. 2. Международный пакт о гражданских и политических правах и протоколы к нему. 3. Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод и протоколы к ней. 4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. По состоянию на декабрь 2015 года на сайте МИД ПМР содержались сведения о 24

актах Верховного Совета ПМР о признании рамочными нормами 38 международных договоров и конвенций [См.: 4].

Республика Абхазия закрепляет свое отношение к международному сотрудничеству, сформулировав в ст. 3 Конституции [5], что «Республика Абхазия - субъект международного права - вступает в договорные отношения с другими государствами».

Южная Осетия также признает международное право, что прямо закреплено в ее Конституции [6] в статье 2: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Республики Южная Осетия являются составной частью ее правовой системы». Кроме того, определен курс внешней политики Южной Осетии в ст. 11 Конституции, как основанный на принципе членства в международных организациях и иных объединениях. Общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Республики Южная Осетия являются основой отношений с другими государствами.

Часть 5 ст. 7 Конституции Нагорно-Карабахской Республики устанавливает, что «Международные договоры Нагорно-Карабахской Республики являются составной частью правовой системы Нагорно-Карабахской Республики», а ч. 6 этой статьи - что «Законы и иные правовые акты должны соответствовать общепризнанным принципам и нормам международного права» [7].

Статья 141 Конституции Тайваня определяет принципы внешнеполитической деятельности и отношение к нормам международного права: «Внешняя политика Китайской Республики должна осуществляться в духе независимости и самообеспечения и, на основе принципов равенства и взаимности, должна содействовать развитию дружественных отношений с другими странами и соблюдению договоров и Устава Организации Объединенных Наций, с тем чтобы защищать права и интересы китайских граждан, проживающих за рубежом, содействовать международному сотрудничеству, продвигать международное правосудие и обеспечивать мир во всем мире» [8].

Статья 19 Конституции Косово определяет принципы применимости международного права: «1. Международные договоренности, ратифицированные Республикой Косово, становятся частью внутренней законодательной системы с момента их публикации в Официальной Газете Республики Косово. Они применяются в виде «как есть», за исключением случаев, когда они применяются самостоятельно и их применение требует обнародования закона. 2.

Ратифицированные международные договоренности и обязательные для исполнения нормы международного права приоритетнее, чем законы Республики Косово» [9].

Интересно, что Конституции Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики содержат не принципиальный подход к вариантам имплементации норм международного права в национальное законодательство, а лишь опосредованно формируют представление о применении норм международного права в процессе осуществления прав и свобод человека. Причём в обеих Конституциях, в статье 12 содержится клишированный фраза: «В... признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией...» [10, 11]. Справедливости ради, отметим, что подобное отношение к международному праву объясняется недостаточным развитием внешнеполитических ведомств этих территорий в силу непродолжительности существования в качестве государства de-facto.

Опять же, в отношении фактического взаимодействия с ДНР на официальном государственном уровне, следует упомянуть реализацию такого рода контекста в качестве одного из условий политической или юридической коммуникации с непризнанным государством. Так, с соблюдением правил ИКАО 22 июля 2014 года премьер-министром Донецкой Народной Республики были переданы полномочному представителю официальных властей Малайзии бортовые самописцы разбившегося 17 июля 2014 года авиалайнера Boeing 777 компании «Malaysia Airlines», совершавшего рейс МН17 из Амстердама в Куала-Лумпур[12].

Следует отметить, что государства de facto в своих основополагающих конституционных документах активно используют конструкцию международно-правовой основы национального законодательства. Это проявляется как в придании нормам международного права большей юридической силы по сравнению с национальным законодательством, так и в практической деятельности внешнеполитических ведомств этих государств.

Единственным препятствием для трансформации «государства de facto» в «государство de jure» является отсутствие в системе признаков «государства de facto» глобального международно-правового признания, окончательно формирующего международную правосубъектность государства. Именно признание позволяет преодолеть разрыв формального и реального в правовом и политическом статусе государства.

Таким образом, характеристики стремящегося к независимости региона в рамках «стабильного функционирования непризнанного государства» соответствуют всем другим теоретико-правовым параметрам государства и права и позволяют рассматривать это государство если не как субъекта, то как актора международного права.

Список литературы:

1. Кузьмин А.В. Некоторые аспекты теоретико-правового и конфликтологического анализа стабильного функционирования непризнанного государства // Современный конституционализм. 2006. № 2 [Электронный ресурс] URL: http://www.kspm.r.idknet.com/MAG/?id=54&id_article=133c22a8e1ece0bb27965076b66f4c17e&search=%EA%F3%E7%FC%EC%E8%ED&lang=ru (дата обращения: 03.04.2017)
2. Конституция Приднестровской Молдавской Республики // [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://president.gospmr.ru/ru/news/konstituciya-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki> (дата обращения: 04.04.2017).
3. Постановление Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики от 22 сентября 1992 г. № 226 «Об отношении Приднестровской Молдавской Республики к международным договорам и другим актам по правам человека» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://mfa-pmr.org/ru/tdt> (дата обращения: 04.04.2017)
4. Постановления Верховного Совета ПМР о безусловном исполнении международных актов, о присоединении к международным актам, о признании международных актов рамочными нормами права [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://mfa-pmr.org/ru/TLj> (дата обращения: 03.04.2017)
5. Конституция Республики Абхазия [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.parlamentra.org/upload/docs/cons.doc> (дата обращения 04.04.2017)
6. Конституция Южной Осетии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parliamentso.org/node/13> (дата обращения: 04.04.2017)
7. Конституция Нагорно-Карабахской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nkr.am/ru/constitution/9/> (дата обращения: 04.04.2017)
8. The Constitution of the Republic of China [Electronic data] Access: <http://www.taiwandocuments.org/constitution01.htm> (дата обращения: 09.04.2017)
9. Kushtetuta e Republikës së Kosovës // Официальный сайт Ассамблеи Республики Косово (Kuvendi i Republikës së Kosovës). - 2017. - URL: http://www.assembly-kosova.org/common/docs/Kushtetuta_e_Repub-likes_se_Kosoves_me_amendamentet_I-XXIV.pdf (дата обращения: 03.04.2017)
10. Временный Основной закон (Конституция) Луганской Народной Республики (с изменениями, внесенными Законами Луганской Народной Республики от 24.09.2014 № 22-I, от 03.12.2014 № 1-II, от 03.03.2015 № 11-II) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://glava-lnr.su/content/konstituciya> (дата обращения 09.04.2017)
11. Конституция Донецкой Народной Республики 14 мая 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsoviet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/> (дата обращения 09.04.2017)
12. Представители ДНР и Малайзии подписали меморандум о передаче самописцев «Боинга» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novorosinform.org/news/id/3721> (Дата размещения 22 июля 2014 г., 09:52) (дата обращения: 09.04.2017)

УДК 343.163

Аметка Ф.А.

к.ю.н., доцент

Крымский юридический институт (филиал)

«Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Актуальность темы исследования заключается в том, что в современный период, когда Российская Федерация стоит на пути построения правового демократического государства, где приоритетным направлением его деятельности является реализация институтов гражданского общества, прав и свобод человека, огромное значение приобретает их соблюдение и эффективная защита. В связи с этим, в государстве создан целый комплекс государственных органов, на которые возлагается функция защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина, и одно из ведущих мест отводится органам прокуратуры. Именно перед прокуратурой РФ стоят задачи обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Особую важность и остроту представленная тема исследования приобретает на сегодняшний день, в условиях проводимых реформ в сфере деятельности государственных органов. Современный период развития и становления Российской Федерации сопровождается кардинальным обновлением правовой системы, реформированием государственно-правовых институтов власти, а также правоохранительных органов, включая прокуратуру, правовое положение которой претерпело существенные изменения. Данные реформы вызвали волну новых научных дискуссий об изменении правового статуса прокуратуры.

В этой связи колоссальное значение имеет сравнительно-правовое исследование правового статуса органов прокуратуры в зарубежных странах, поскольку в эпоху глобализации, правовой аккультурации происходит заимствование передовых моделей и форм деятельности государственных органов,

однако следует это осуществлять аккуратно, с учетом нашего исторического прошлого, самобытности и специфики развития государственности.

Учитывая, что идеальной модели прокуратуры для всех стран мира не существует и каждая из них имеет свои преимущества и недостатки, можно сделать вывод о том, что феномен прокуратуры следует определять в контексте социально-политических условий ее организации и функционирования, с учетом национальных традиций и менталитета общества[1].

Принимая во внимание тенденции развития демократических государств, а также опыт стран европейского Сообщества в регламентации роли и статуса прокуратуры, законодатели отдельных государств-участников СНГ, по-разному определили место прокуратуры в национальных правовых системах, в том числе среди властных государственных институтов. Не случайно, поэтому в России продолжаются ожесточенные споры о месте и роли прокуратуры и вносятся диаметрально противоположные предложения о необходимости обновления законодательства об органах прокуратуры в соответствии с особенностями развития государственного устройства, разделения властей и становления новых правовых отношений. Практика показала, что заимствование некоторыми постсоветскими республиками западно-европейских моделей построения и функционирования органов прокуратуры без адекватных изменений в правовых системах порождает коллизии, затруднения и ошибки в их деятельности. Подтверждением тому служит тот факт, что некоторые государства-участники СНГ представили на проект Модельного закона о прокуратуре абсолютно разные либо даже взаимоисключающие идеи и предложения о месте и роли органов прокуратуры в соответствующих странах.

Итак, функции прокуратуры в зарубежных странах сводятся к трем основным: 1) уголовное преследование лиц, совершивших преступление; 2) поддержание публичного обвинения в суде; 3) надзор за законностью предварительного расследования преступлений и содержания лиц в местах лишения свободы.

В состав конституционных институтов прокуратура обычно не входит: в конституциях демократических стран ее упоминание можно встретить редко. Статус прокуратуры регулируется специальными законами и судебно-процессуальным законодательством.

Различное место прокуратура занимает в системе органов государственной власти; выделяют основные четыре группы стран, в которых 1) прокуратура входит

в состав Министерства юстиции: США, Франция, Бельгия, Нидерланды, Дания, Польша, Румыния, Израиль, Япония. Несмотря на то, что прокуратура в этих странах входит в состав министерства юстиции, она, тем не менее, при этом может относиться к органам правосудия, а прокуроры могут принадлежать к судебному корпусу. Прокуратура Франции входит в структуру Министерства юстиции, а ее структура совпадает со структурой судебной системы и во многом обеспечивает ее действенность[2]. Входя в судебную систему и состоя при судах, прокуроры пользуются существенной автономией и независимостью и имеют необходимые полномочия. Хотя действия прокурора находятся под контролем министра юстиции, в судебных заседаниях прокурор независим. Прокурор возбуждает уголовное преследование, поддерживает обвинение в суде, осуществляет контроль за предварительным следствием, агентами судебной полиции. При производстве предварительного следствия судья во многом поднадзорен прокурору, который вправе давать ему указания, направленные на установление истины, и на любой стадии вправе взять на себя выполнение следственных функций[3].

По законодательству ФРГ прокуратура относится к исполнительным органам власти, подчинена министру юстиции и, хотя организационно составляет часть судебной системы, к судебной власти не относится, являясь обычным административным ведомством. Прокуратура состоит из двух частей: федеральной и земельной. Возглавляют соответствующие прокуратуры Генеральные прокуроры, причем Генеральный прокурор ФРГ назначается президентом страны. Компетенция прокуратуры определяется компетенцией суда, при котором она действует. Прокурор осуществляет предварительное расследование, в том числе при помощи полиции, которой он по существу руководит. Прокуратура в ФРГ решает три задачи: «во-первых, расследует дела и осуществляет уголовное преследование, выступает как обвинитель в суде, во-вторых, участвует в судебном процессе в качестве беспристрастной стороны и, в-третьих, приводит приговор в исполнение».

2) Прокуратура полностью включена в состав судебного корпуса (магистратуры) и находится при судах либо пользуется в рамках судебной власти административной автономией. Ко второй группе стран относятся, в частности Испания, Колумбия, Болгария, Латвия. В Испании включена в систему судебной власти с функциональной автономией, прокуратура выполняет свою задачу в соответствии с принципами единства действий иерархической зависимости. Органы прокуратуры действуют при судах вплоть до провинциального уровня.

3) Прокуратура выделена в самостоятельную отдельную систему и подотчетна парламенту либо главе государства: социалистические (Вьетнам, КНР, КНДР, Куба, Лаос) и постсоциалистические государства. В этих странах на прокуратуру наряду с упомянутыми выше функциями обычно возлагается функция надзора за исполнением законов (так называемый общий надзор), объектами которого являются государственные органы, как правило, относящиеся к исполнительной власти, общественные объединения, хозяйственные организации, разного рода учреждения и физические лица. Прокуратура в этих странах имеет конституционный статус и признается в качестве одного из важнейших органов государства, хотя реальное значение прокурорского надзора за исполнением законов может быть незначительным. Обычно в социалистических странах прокуратура представляет собой организационно обособленную систему органов, возглавляемую генеральным прокурором [4].

4) Прокуратура или ее прямой аналог вообще отсутствуют: Великобритания и ее бывшие доминионы, где прокуратуры как особого государственного органа не существует, а функции, присущие прокуратуре, на практике осуществляют генеральные атторнеи и службы публичных преследований. Полномочия аттorneyской службы по уголовному преследованию аналогичны функциям прокуратур других государств, поэтому в литературе аттorneyскую службу в странах англосаксонской системы права обычно называют прокуратурой. Аттorney-обвинитель играет большую роль на всех стадиях уголовного процесса и является важной составляющей механизма уголовной юстиции.

Таким образом, как правило, в европейских государствах прокуратура относится к исполнительной ветви власти, и наделена полномочия прокуратур по уголовному преследованию, причем они различны в ведущих странах Европы весьма разнообразны и далеко не одинаковы. При всем многообразии содержания функции уголовного преследования в него неизменно входит, помимо прочего, возбуждение уголовного дела (инициация уголовного преследования), с которого, собственно, преследование и начинается.

Во всех рассматриваемых государствах прокуратура или аналогичные ей органы вправе инициировать уголовное преследование, но в большинстве стран это право для них не монопольное. Наряду с прокуратурой уголовное преследование могут возбуждать органы следствия, полиция, органы госбезопасности, другие органы дознания, частные лица (по делам частного обвинения), а иногда и суды[5]. Прокурорский надзор за законностью деятельности органов следствия, дознания и

ОРД - эта функция характерна в основном для социалистических и некоторых постсоциалистических государств. В развитых странах Европы контроль за законностью (и обоснованностью) деятельности органов расследования возложен в основном на суды, как одинаково беспристрастные органы по отношению к сторонам обвинения и защиты. В Италии прокуратуры осуществляют достаточно жесткий контроль за органами предварительного следствия, особенно полицией, однако его задача - не столько собственно охрана законности, сколько обеспечение других прерогатив прокуратуры, особенно процессуального руководства следствием. В предварительном следствии, которое ведет следственный судья, прокуратура пользуется правом ничем не ограниченного контроля. О любом следственном действии следственный судья обязан проинформировать прокуратуру, которой предоставлено право участия во всех допросах, экспертизах и т.д., если она сочтет это нужным в интересах расследования.

Проведенное исследование позволило сформулировать вывод о том, что не существует единой правильной модели деятельности органов прокуратур, каждое государство избирает для себя необходимую модель, опираясь на свои ментальные, исторические, политические факторы, однако во всех государствах именно прокуратура стоит на страже правопорядка, законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы:

1. Решетникова Т. А. Правовой статус, функции и полномочия прокуратуры в странах СНГ (сравнительно-правовое исследование). - Автореферат диссертации: Москва, 2005. – С. 4.
2. Тюренкова К. А., Демидов А. С. Конституционно-правовой статус прокуратуры в зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ // Молодой ученый. — 2015. — №21. — С. 633-636.
3. Рохлин В. И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение. - СПб: Юридический центр Пресс, 2009.
4. Тюренкова К. А., Демидов А. С. Конституционно-правовой статус прокуратуры в зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ // Молодой ученый. -2015. - №21. - С. 633.
5. Додонов В.Н., Щерба С.П. «Полномочия прокуроров на досудебных стадиях в уголовном процессе Германии, Франции, Англии, Италии и Испании». <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=22&art=2399>

Регушевский Э. Е.

к.ю.н., доцент,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

Юридический факультет

СООТНОШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ.

Наряду с конституционно-правовой, иными видами юридической ответственности, в конституционном праве все большую значимость приобретает и политическая. Проявление политической ответственности в конституционном праве достаточно разнообразно и находится в плоскости политико-правовых отношений субъектов конституционного права в различных сферах.

Следует отметить, что политическая ответственность не имеет достаточного нормативно-правового оформления, но зачастую имеет прямое отношение к возникновению конституционно-правовой ответственности. Так, например, отказ избирателей в поддержке на следующих выборах, находящихся у власти президента, партии, главы муниципалитета и т.д., уход в отставку высоких должностных лиц в связи с высказанной на референдуме позицией, противоречащей политической программе, взятой за основу в государственном управлении. В парламентских республиках при отклонении правительства от «курса партии», парламентское большинство может вынести вотум недоверия правительству, и глава государства может отправить его в отставку.

Независимо от формы и вида конституционно-правовой ответственности, политическая ответственность предшествует, является определенным катализатором ее наступления. Чем выше должность, а соответственно и политическая ответственность, тем меньше шансов найти компромисс для возможности избежать конституционно-правовую ответственность.

Возникновение конституционно-правовой ответственности связано с возникновением обстоятельств политико-правового характера, подпадающих под условия, предусмотренные соответствующими нормами права. Вместе с этим, только конкретизированное, прямое указание на соответствующие условия политико-правового характера может повлечь за собой наступление

предусмотренной конституционно-правовой ответственности. Практически во всех случаях возникновения конституционно-правовой ответственности, законодателю сложно предусмотреть все возможные условия, особенно если речь идет о политико-правовых отношениях, определенных нормативно только процессуально.

Конституционно-правовая и политическая ответственность напрямую связана и с субъективными качествами субъекта – правовой и политической культурой. Так, наступление определенных видов конституционно-правовой ответственности связаны в большей степени с политической волей. Например, уход в отставку с поста высшего должностного лица либо сложение с себя депутатских полномочий по собственному желанию связано с проявлением политической воли самого субъекта, носителя полномочий. Следует отметить, что и само увольнение с должности по причинам политико-правового характера, не предусматривающего обязательного увольнения, также может быть осуществлено по политической воле полномочного на это органа или должностного лица. При отсутствии политической воли соответствующей конституционно-правовой ответственности может и не наступить. Соответственно политическая культура, политическая воля и политическая ответственность – взаимообуславливающие категории, влияющие не только друг на друга, но и во многом определяющие правовую составляющую правоотношения, связанного с реализацией конституционно-правовой ответственности.

Конституция, как политико-правовой документ государства устанавливает маркеры допустимого и недопустимого, в том числе и в плоскости политической ответственности, устанавливает модели политико-правового поведения субъектов конституционного права, определяя рамки конституционно-правовой ответственности. Вместе с тем, дисбаланс конституционно-правовой ответственности вносит определенные разногласия и в формировании системы управления на основе принципа «сдержек и противовесов». Такой порядок вещей опосредовано приводит к проявлению скрытых полномочий отдельных субъектов, поскольку реализация политической ответственности в рамках конституционно-правовой становится заложницей политической воли иных субъектов. Так, например, может проходить опосредованная легитимация неуспешной деятельности субъекта воспользовавшегося правом на уход с должности по собственному желанию, но не отправленного в отставку иным субъектом (к примеру, парламентом) и таким образом рассеивая политическую ответственность за свою

деятельность перед обществом и избегая вполне определенную нормативно конституционно-правовую ответственность.

Также, следует отметить, что и наступление политической ответственности у субъекта связано с наступлением, собственно, конституционно-правовой ответственности. Так, должностное лицо, являющееся одновременно политическим деятелем и отправленное в отставку, в зависимости от причин отставки может нести и политическую ответственность в виде утраты рейтингов и доверия как лично, так и для политической силы, которую он представляет.

Как мы уже отметили, в наступлении политической ответственности важна роль причин наступления конституционно-правовой ответственности. Часто в политических процессах государства и общества, применение в тех или иных случаях конституционно-правовой ответственности играет и роль усиления доверия должностному лицу или, соответственно, представляемой им политической силе, но изучение таких процессов находится в плоскости политологии. Единственное на что необходимо обратить внимание, это на возможность негативного влияния таких процессов, на значимость конституционно-правовой ответственности как правовой категории, невольного ее перевода в инструментарий политической борьбы за электорат и рейтинги.

Подводя итог, необходимо отметить неразрывность большинства из видов и форм конституционной ответственности с наступлением политической ответственности. Все политико-правовые процессы в государстве обусловлены неразрывностью, взаимной значимостью и влиянием политики на право и права на политику. Зачастую, в самой сущности конституционно-правовой ответственности мы можем увидеть проявление политической ответственности определенной нормами конституционного права. Следует уделять должное внимание и регламентации конституционно-правовой ответственности с учетом особенностей политической культуры общества и государственных чиновников.

Сеит-Абдулов Э.Э.,

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского» Юридический факультет*

ОСОБЕННОСТИ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КАНАДЕ

Изучение отличительных особенностей института местного самоуправления в зарубежных странах, анализ законодательства и опыт функционирования системы муниципальных органов Канады имеет большое значение для регулирования подобных отношений в Российской Федерации. Исследование данного института может выявить благоприятные для применения в Российской Федерации модели построения и преобразования системы местного самоуправления.

Вопросам децентрализации местного самоуправления в Канаде посвящали свои работы Лексин И.В., Ларичев А.В., Шаповалов Б.А.

Задачами доклада выступают анализ особенностей института местного самоуправления в Канаде, выявление отличительных особенностей, проблемных моментов и вынесение предложений по усовершенствованию системы местного самоуправления в Канаде.

В Конституции Канады, состоящей из важнейших конституционных законов государства, институт местного самоуправления остаётся почти лишенным внимания. Органы местного самоуправления были созданы еще в XVII в., однако только после образования Доминиона Канады регулирование вопросов, связанных с функционированием органов местного самоуправления, было отнесено к исключительному ведению провинций (ст. 92 Конституционного акта 1867 г.) [1, с. 4]. На данный момент полномочия по законотворчеству в сфере местного самоуправления также делегированы и северным территориям, не имеющим статус субъектов федерации. Учитывая различную плотность населения в субъектах и территориях федерации, а также национальный состав населения, особенности экономического и географического положения, в каждой провинции сложилась обособленная и уникальная система, структура и порядок функционирования органов местного самоуправления. Важно отметить, что у провинций нет собственной конституции, поэтому институт местного самоуправления раскрыт в базовых законах (под названием «Акт о муниципалитетах», или же

«Муниципальный акт»), а также в ряде конкретизирующих документов, регламентирующих работу органов местного самоуправления в городах, селах или же в крупных отраслях городского хозяйства.

Муниципалитет в Канаде понимается как административно-территориальная единица. При каждом муниципалитете формируется орган самоуправления - совет [2]. Их состав и полномочия различаются в каждой провинции в зависимости от принятых муниципальных актов. В таких законах регламентирован состав и порядок выборов в местные органы, а также их компетенция. Наибольшими полномочиями обладают региональные муниципалитеты и метрополитенские советы, создающиеся в крупных городах. На них возложены функции охраны общественного порядка, организации строительства дорог, сбор и ликвидация отходов, социальные услуги, организация водоснабжения, пожарная безопасность и др. [3, с. 102]

Кроме совета органом местного самоуправления признаётся и мэр, являющийся высшим должностным лицом муниципалитета. В отличие от Российской Федерации, в Канаде полномочия мэра кажутся несколько сжатыми, а его роль в реальном управлении выглядит малозначительной. К примеру, в ст. 225 Муниципального акта Онтарио мэр только председательствует на собраниях, даёт рекомендации при принятии решений и выступает представителем муниципалитета в отношении публичных и частных субъектов [4]. В провинциях Квебек, Британская Колумбия и Манитоба мэр имеет право наложения вето на решение совета и его возвращение на повторное рассмотрение. В целом, ограниченность полномочий мэра свидетельствует, с одной стороны, о гарантии недопущения концентрации чрезмерной власти в одних руках, с другой стороны, он «отодвинут от непосредственных рычагов экономической власти и исполнительного аппарата» [5, с. 193].

Особенностью канадской системы также является то, что не во всех провинциях Канады на законодательном уровне установлено наличие местной администрации в качестве обязательного органа местного самоуправления, а законодательство большинства провинций и вовсе устанавливает должность мэра в качестве необязательной. Однако анализируя законодательство провинций, в последнее время прослеживается тенденция к расширению полномочий главы администрации. Например, в 2015 году в провинции Альберта изменения коснулись Акта о местном самоуправлении, где в ст. 209 предусматривается право мэра делегировать свои полномочия другим должностным лицам муниципалитета [5, с. 195].

Также особенности местного самоуправления заключаются в различии структуры и деятельности местных органов в зависимости от численности населения провинций. К примеру, в таких провинциях, как Ньюфаундленд и Лабрадор, Остров Принца Эдуарда, местное самоуправление носит более императивный характер из-за небольшого населения, а также существенно нуждается в поддержке провинциальным правительством. С свою очередь в густонаселённых провинциях муниципальные органы, как правило, имеют большую степень независимости и более высокоразвитую структуру.

Из децентрализации местного самоуправления вытекает проблема финансирования. Немалая доля бюджета провинций зависит от федеральных субсидий, которые затем перенаправляются и в бюджеты местных органов. Существуют точки зрения, что федеральное правительство таким образом участвует в регулировании вопросов местного значения, и благодаря финансовому участию федеральных органов проблемы местного уровня решаются на трехсторонней основе совместно с государственными органами провинций [7, с. 205]. Растущий с каждым годом уровень урбанизации вместе с ростом населения в некоторых административных районах государства приводит к тому, что местных бюджетов не хватает на покрытие всех расходов, а правительство провинций не осуществляет своевременную дополнительную финансовую помощь. Возникает проблемная ситуация, при которой местные органы вынуждены либо повышать местные налоги и сборы, либо объединяться в более крупные единицы, тем самым, образуя метрополитенские советы. В таких объединениях каждый субъект этой системы продолжает независимо осуществлять лишь часть своих полномочий. Как утверждает А.А. Ларичев, «современной тенденцией в управлении агломерацией является не раздробление городских территорий между мелкими муниципалитетами, но наоборот, их консолидация, с целью выработки единого плана и стратегии развития большого города» [6, с. 1608].

Отличительной чертой местного самоуправления в Канаде также выступают специальные округа, обладающие узкой направленностью: округа по управлению полицией, здравоохранением, водоснабжением [7, с. 212]. Они финансируются из провинциальных и муниципальных бюджетов, реже с помощью сборов и добровольных взносов. Особо стоит отметить школьные округа, получившие распространение во всех провинциях государства. Школьные округа прилагают усилия для достижения единого стандарта в образовании, а также практически

руководят процессом образования, контролируют и нанимают преподавательский состав.

Особенностью децентрализации местного самоуправления в Канаде является то, что, с одной стороны, отсутствуют назначаемые центром чиновники, избрание должностных лиц происходит на местном уровне, то есть муниципальные органы обладают автономией. С другой стороны, федеральные органы всё же контактируют косвенно с муниципалитетами по некоторым вопросам, например, в случаях трансферта субсидий в провинциальный бюджет, которые затем перенаправляют часть средств в бюджеты муниципалитетов. Реже встречается и непосредственный контакт федеральных органов с муниципалитетами, например, в случае регулирования вопросов охраны общественного порядка на местном уровне с привлечением федеральной полиции. Также, кроме законодательного регулирования, контроль деятельности органов местного самоуправления осуществляется специально созданными министерствами по муниципальным делам, устанавливающие стандарты работы местных служб, издающие инструкции, дающие разъяснения и рекомендации и т.д. Одним из наиболее влиятельных видов контроля является судебный: провинциальные суды, имеющие право конституционного надзора, устраняют противоречия в положениях законодательных актов, разрешают споры о компетенции или обязанностях тех, или иных органов местного самоуправления, выносят судебные приказы, запреты решений или действий местного органа.

Итак, несмотря на уникальность института местного самоуправления в Канаде, различное его регулирование на уровне провинциальных муниципальных актов имеет и существенные недостатки, выражающиеся в отсутствии единства системы местного самоуправления. С каждым годом значимость муниципалитетов в жизни граждан увеличивается, происходит постепенное расширение сферы ответственности, увеличение правовой базы деятельности муниципальных органов. Усугубляемая проблема с сильной финансовой зависимостью от провинций ставит на повестку дня необходимость предоставления муниципалитетам большей самостоятельности от провинций путём детального конституционного закрепления их статуса и института местного самоуправления в целом.

Список литературы:

1. Конституционный акт 1867 года [Электронный ресурс]. 2017. Режим доступа: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/const/page-1.html> (дата обращения: 08.04.2017).

2. Кытманова, Н. М. Зарубежный опыт организации местного самоуправления и возможность его применения в России [Электронный ресурс]. 2015. Режим доступа: <http://shkola-municipalnogo-politika.ru/istoriya-mestnogo-samoupravleniya/zarubezhnyu-opyt-organizatsii-mestnogo-samoupravleniya-i-vozmozhnost-ego-primeneniya-v-gossii/> (дата обращения: 08.04.2017).
3. Лексин, И. В. Специфика территориальной организации местного управления и самоуправления в Канаде // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. № 2. Т. 4. С. 99–108.
4. Муниципальный акт, 2001. [Электронный ресурс]. 2001. Режим доступа: <https://www.ontario.ca/laws/statute/01m25> (дата обращения: 08.04.2017).
5. Ларичев, А. А. Правовое положение мэра и главы местной администрации в системе местного самоуправления (сравнительный опыт Канады и России) / А. А. Ларичев. //Актуальные проблемы российского права. 2016. № 5. С. 191 - 197.
6. Ларичев, А. А. Реформирование местного самоуправления в Российской Федерации: обоснованность планируемых изменений и учет зарубежного опыта (на примере Канады)/А.А. Ларичев // Актуальные проблемы российского права.2014. № 8. 1832 с.
7. Шаповалов, Б. А. Местное самоуправление в Канаде // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2004. № 26 (246). 237 с.

СЕКЦИЯ 1- 2

Теоретические и методологические аспекты сравнительного правоведения. Сравнительно-правовые аспекты в методике преподавания юридических дисциплин

УДК 340.12

Мищенко В. Ю.

Крымский Юридический Институт (филиал)

«Академия Генеральной Прокуратуры Российской Федерации»

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ И УКРАИНЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Построение демократического правового государства в Российской Федерации является одной из наиболее приоритетных задач государственной политики, что в свою очередь невозможно без создания прочного правового базиса – системы законодательства.

Следует отметить, что вопросу сравнительно-правового анализа законодательного процесса в России и Украине, с целью выявления положительных особенностей законодательства, для последующего их заимствования и применения, не было уделено достаточного внимания, что обусловило выбор данной темы исследования.

В России, как и в Украине, основой правотворческой деятельности является законодательный процесс. Понятия правотворчество и законодательство не тождественны, так как под законодательством, как особым видом правотворчества следует понимать деятельность высшего законодательного органа государства, связанную с подготовкой, принятием, изменением, отменой законов или приостановлением их действия.

Первой стадией законодательного процесса Российской Федерации и Украины является законодательная инициатива, то есть официальное внесение в компетентный орган парламента уполномоченным субъектом законопроекта или предложения.

На стадии законодательной инициативы видно, что в Российской Федерации данным правом обладает больше субъектов, чем в Украине, что обусловлено федеративной формой государственного устройства, а также двухпалатным

парламентом. Стоит отметить наличие права законодательной инициативы у Национального банка Украины, и отсутствие такового у Центрального банка Российской Федерации.

Правом законодательной инициативы, согласно ст. 93 Конституции и Закона Украины «О внесении изменений в Конституцию Украины» от 8 декабря 2004 года наделены Президент Украины, народные депутаты Украины, кабинет министров Украины и Национальный банк Украины [1, с.30].

В соответствии со ст. 104 Конституции Российской Федерации право законодательной инициативы принадлежит Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду Российской Федерации и Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения [2, с.23].

Следующая стадия законотворческого процесса – обсуждение законопроекта. На данном этапе существенные различия между законотворческой процедурой Украины и России отсутствуют, в обоих государствах процедура схожа, и осуществляется, как правило, в трех чтениях.

Обсуждения законопроекта завершается голосованием. В Украине закон считается принятым, если за него проголосовало большинство от общего количества депутатов Верховной Рады или квалифицированное большинство, в случае если принимается Конституционный закон. Аналогичное количество голосов депутатов Государственной Думы необходимо при принятии Федерального Закона – большинство от общего числа, и квалифицированное большинство при принятии Федерального Конституционного закона[3, с.507].

Россия является федеративным государством, высшим законодательным органом которого является двухпалатный парламент, в отличие от унитарной Украины с однопалатным парламентом. В связи, с чем в законотворческом процессе Украины и России существует значительное различие, а именно необходимость одобрения принятого Государственной Думой закона верхней палатой парламента Российской Федерации – Советом Федерации.

После принятия закона Государственной Думой, он в течение 5 дней передается на рассмотрение в Совет Федерации для одобрения. Закон считается одобренным, если за него проголосовало более половины от общего числа членов

палаты. В некоторых случаях закон считается одобренным, если он не был рассмотрен Советом Федерации в течение 14 дней.

В случае отклонения федерального закона Советом Федерации палаты могут создать согласительную комиссию для преодоления возникших разногласий, после чего федеральный закон подлежит повторному рассмотрению Государственной Думой. В случае несогласия Государственной Думы с решением Совета Федерации федеральный закон считается принятым, если при повторном голосовании за него проголосовало не менее $\frac{2}{3}$ от общего числа депутатов Государственной Думы [4, с.566].

Следующим, аналогичным этапом законотворческого процесса в России и Украине является подписание закона Президентом. После принятия закона Верховной Радой, а в Российской Федерации одобрения Советом Федерации, закон в течение 5 дней поступает для подписания Президенту.

На данном этапе в законотворческой процедуре Украины и России, существуют различия в сроках подписания и опубликования закона, и процедуре преодоления вето Президента.

Президент Украины в течение 15 дней подписывает закон, или в тот же срок реализует свое право вето в отношении принятого закона и возвращает со своими замечаниями и мотивированным предложением в Верховную Раду. Если при повторном рассмотрении законопроекта, он наберет не менее $\frac{2}{3}$ голосов от общего числа депутатов Верховной Рады, то вето считается преодоленным и закон подлежит подписанию Президентом, и опубликованию в течение 10 дней. В случае если в установленный срок закон не был возвращен в Верховную Раду, то он считается одобренным Президентом и подлежит опубликованию.

В отличие от Украины в Российской Федерации после поступления принятого закона Президенту, президент в течение 14 дней подписывает закон, или же накладывает на него вето, для преодоления которого при повторном рассмотрении закона за него должны проголосовать не менее $\frac{2}{3}$ общего числа депутатов Государственной Думы, и членов Совета Федерации. Подписанный президентом Российской Федерации закон подлежит опубликованию в течение 7 дней [5, с.5].

В Украине, как и в России, закон вступает в силу в течение 10 дней после его официального опубликования, если самим законе не предусмотрен иной порядок его вступления в силу.

Подводя итоги проведенного исследования, хотелось бы отметить, что законотворческий процесс Российской Федерации и Украины в силу сложившихся

исторических особенностей развития обоих государств очень схожи, а некоторые его этапы и вовсе аналогичны. Однако присутствует и ряд существенных различий таких как: двух уровневая система законодательства в Российской Федерации, состоящая из законодательства субъектов и федерального законодательства, обусловленная различной формой устройства государств, федеративной у России и унитарной у Украины; и двух палатный парламент Российской Федерации в отличие от однопалатного парламента Украины.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что правотворческий процесс в каждом государстве индивидуален, зависит от специфики ее формы правления, государственного устройства и политических традиций которые присущи конкретному государству.

Законотворческая процедура в рассматриваемых государствах, по ранее рассмотренному ряду причин, по своему уникальна, в связи, с чем на данном этапе развития не предвидится возможности обоюдного заимствования отдельных элементов законотворческого процесса именно из за различия в формах государственного устройства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации(принята всенародным голосованием 12.12.1993)
2. Конституция Украины (принята Верховной Радой 28.06.1996)
3. Скакун О.Ф. Теория государства и права: Учебник. — Харьков: Консум; Ун-т внутр. дел, 2000. — 704 с.
4. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. Учебник для юридическх вузов и факультетов. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 2006. – 752 с.
5. Борискова И.В. Современный законодательный процесс Российской Федерации//И.В. Борискова//Вестник Воронежского института МВД России. – 2007. - №4. – С.1-11.

Тимохин А.М.

к. ф. н, доцент

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского» Философский факультет*

СВОБОДА РЕЛИГИИ И БОРЬБА С ДИФФАМАЦИЕЙ РЕЛИГИИ В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

Данное исследование в рамках сравнительного правоведения освещает вопрос о допустимости в правовом государстве *преследования на основании закона за диффамацию религии* с точки зрения соблюдения основных прав и свобод человека и верховенства права. Проблема заключается в том, что и сторонники, и противники судебного преследования за диффамацию религии в своей аргументации ссылаются на необходимость защиты основных политических прав человек: свободы совести и свободы слова. Сравнительное рассмотрение того, как указанный вопрос решается в различных системах национального права и как он представлен на уровне международного права позволяет в теории уточнить понимание смысла свобода религии, что необходимо для ее полноценной реализации и защиты в правовом государстве. Далее внимание исследования будет сосредоточено на опыте Российской Федерации, тем более, что согласно ч. 1 ст. 17 основного закона “в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно *общепризнанным принципам и нормам международного права* и в соответствии с настоящей Конституцией”[1], что делает необходимым их сопоставление с нормами российского законодательства.

В последние два десятилетия происходит изменение акцентов в компаративистских исследованиях правовых систем. Ранее компаративистика предназначалась для поиска специфических, уникальных, непохожих элементов правовой системы определенного типа, отличающих ее от всех прочих. Такая компаративистика служила целям критики правового универсализма и оправдания существования правовых систем столь же загадочных и экзотических, как и территории, на которых они сложились. Компаративистика сегодня, используя *Critical Comparative Legal Analysis*, движется в противоположном направлении - к реабилитации универсального смысла элементов правовой системы и выполняет функцию критики aberrаций использования правовых идей, оценивая национальные

особенности как на допустимую вариацию или неприемлемое отклонение от стандарта [2].

Практическая необходимость такого поворота к критической компаративистике в сфере права, была засвидетельствована в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН об учреждении Совета по правам человека. Согласно этой резолюции “в своей работе Совет должен руководствоваться принципами универсальности, беспристрастности, объективности и неизбирательности” для того, чтобы “на основе объективной и достоверной информации проводить всеобъемлющие периодические обзоры выполнения каждым государством его обязательств и обязанностей в области прав человека таким образом, который обеспечивает универсальность охвата и одинаковое отношение ко всем государствам” [3]. Результатом реализации программы компаративистских исследований в сфере права стали проводимые раз в четыре года во всех государствах-членах ООН Универсальные периодические обзоры [4], а также их обсуждение и дискуссии на заседаниях Совета.

Изучая и учитывая важность национальных и региональных особенностей и различий в историческом, культурном и религиозном развитии государств и права, критическая компаративистика, не будучи сугубо теоретическим изысканием, стремится раскрыть как конструктивный, так и деструктивный потенциал различных правовых систем в сфере реализации и защиты прав человека. Примером одной из наиболее интересных тем, демонстрирующих эффективность компаративистики такого рода, является дискуссия о реализации в различных странах мира права на свободу религии и, в частности, обсуждаемый в стенах ООН уже более полутора десятков лет вопрос о возможности запрета диффамации религии вплоть до необходимости определения форм юридической ответственности за его нарушение как на национальном, так и на международном уровне.

Провозглашенная правовым государством Российская Федерация не могла оказаться в стороне от этого процесса. Как государство-член ООН, подписавший Всеобщую декларацию прав человека и Международный пакт о гражданских и политических правах, она признает свободу религии. Являясь участником Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация учитывает в своем законодательстве положения статей 9 и 10, а также ориентируется на решения Европейского суда по правам человека относительно нарушения или соблюдения этих статей государством. В Конституции Российской Федерации ст. 28 закрепляет свободу религии.

Также Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ “О свободе совести и религиозных объединениях”, подтверждая закрепленное в конституции право каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, а также на равенство перед законом, регулирует правоотношения, предполагающие свободу совести и свободу вероисповедания. Этим законом определено национальное понятие законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания, в частности, ч. 3 ст. 2, говорится, что “ничто в законодательстве о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях не должно истолковываться в смысле умаления или ущемления прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, гарантированных Конституцией Российской Федерации или вытекающих из международных договоров Российской Федерации”[5].

В соответствие с принципами и доктриной прав человека, положениями международных норм в сфере прав и свобод человека и Конституции Российской Федерации, в ч. 2 ст. 3. устанавливается, что “право человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания *может быть ограничено федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях* защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства”. Что более существенно для данного обзора правового регулирования свободы религии, в Российской Федерации “воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе сопряженное с насилием над личностью, с умышленным оскорблением чувств граждан в связи с их отношением к религии, с пропагандой религиозного превосходства, с уничтожением или с повреждением имущества либо с угрозой совершения таких действий, запрещается и *преследуется* в соответствии с федеральным законом”, гласит ч. 6., ст. 3[5].

Казалось бы, о какой почве для критической компаративистики может идти речь, если практически невозможно спорить с тем, что в российском праве воссоздана почти идеальная модель для реализации и защиты свободы религии? Между тем, одно обстоятельство ставит под сомнение соответствие национальной версии свободы религии ее “классическому” эталону. **В Российской Федерации законодательно поддерживается борьба с диффамацией религии**, о чем свидетельствует вступивший в силу 2 июля 2013 года Федеральный закон № 136-ФЗ “О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия

оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан»[6]. Между тем, наличие норм, криминализирующих диффамацию религии, не характерно для правовых систем, отвечающих на должном уровне требованиям стандартов верховенства права и прав человека значимых в правовом государстве. Что же представляет собой диффамация религии и почему борьба с ней омрачает благоприятное впечатление от состояния свободы религии в Российской Федерации?

Словосочетание “диффамация религии” не является строго юридическим термином. Можно сказать, что “диффамация религии” в дискурсе международного права обозначает действия, очерняющие религию, “борьба с диффамацией религии” означает действия государства направленные на защиту достоинства групп и отдельных лиц, адептов религии, посредством ограничения свободы религии для других лиц. Оно родилось, обрело значение и стало популярным благодаря деятельности Комиссии ООН по правам человека. В 1999 году по инициативе Организации исламская конференция была внесена на рассмотрение Комиссии ООН по правам человека резолюция, озаглавленная «Диффамация ислама». В процессе обсуждения название резолюции было изменено на “Диффамация религии”. На протяжении ряда лет резолюция уточнялась и дорабатывалась, пока в 2005 году не была принята Генеральной ассамблеей ООН под названием “Борьба против диффамации религии”. Небезынтересными стали результаты голосования: 101 - за, 53 - против, 20 - воздержалось. Из числа государств, постоянных членов Совета безопасности ООН, только Россия и Китай проголосовали за эту декларацию, страны ЕС проголосовали против [7, 8].

Поскольку резолюции ООН носят рекомендательный характер и выражают в себе призывы, оценки и намерения; отношение к ним в национальных правовых системах разное. Участие в голосовании и внесение изменений в ст. 148 УК РФ свидетельствует о том, что Российская Федерация в отличие от многих правовых государств поддержала идею преследования за диффамацию религии.

Причин, по которым большинство правовых государств, в частности, страны Европейского Союза, не поддержали резолюцию, направленную на борьбу с диффамацией религии, две. Первая связана с тем, что запрет диффамации ограничивает свободу слова. Вторая причина более существенная. Она как раз и выявляет расхождение, требующее критического сравнительного анализа в том, как понимается свобода религии в декларации и в российском законодательстве. Последнее не учитывает ряд существенных элементов традиционной доктрины свободы религии и, не предполагая какой-либо альтернативы, демонстрирует

непонимание ее ключевых положений. Сам по себе факт очернения религии, будучи для ее адептов крайне неприятным не влечет за собой тех последствий, которые требовали бы от государства прибегнуть к ограничениям политических свобод.

Стоит отметить, что в целом ряде стран Европы действуют законы, позволяющие привлечь к ответственности за диффамацию религии[9], однако они не связаны с защитой права выбирать и исповедовать определенную систему взглядов. В целом, диффамация религии допустима, недопустимы ее последствия, проявляющиеся в дискриминации, поэтому, чаще всего, речь идет о запрете преследования граждан, в том числе, с использованием речей и иных оскорбительных действий, за их религиозные убеждения. Другими словами, в этих государствах речь идет о правовой оценке действий тех, кто пытается совершить преследование или оклеветать, вызвать беспорядки и причинить вред, а не о защите “трепетных и уязвимых” религиозных чувств верующих. Противоправное поведение, которое скрывается за ярким словосочетанием “диффамация религии”, относится к категории подстрекательства к дискриминации и насилию на почве религиозных различий.

Таким образом, отношение к борьбе с диффамацией религии демонстрирует наличие существенного отличия между отношением к свободе религии как ключевому элементу концепции прав человека в российском национальном праве и отношением, сложившимся в праве государств, отстаивающих классические стандарты соблюдения прав человека. Это означает, что национальное законодательство в сфере защиты свободы религии может быть подвержено критике и, возможно, пересмотру с позиции недопустимости в правовом государстве преследований за диффамацию религии. Для Российской Федерации речь не идет обязательно об отмене чч. 1 и 2 статьи 148, а о ее уточнении с учетом правоприменительной практики, оценки ее конституционности национальными судами и ЕСПЧ, а также более детальной доктринальной проработке понятия свобода религии с учетом результатов юридической компаративистики.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. Mede'cigo A.N. Rule of Law and Fundamental Rights. Critical Comparative Analysis of Constitutional Review in the United States, Germany and Mexico. - Switzerland: Springer International Publishing, 2016. - XV, 262 p.
3. Резолюция «Совет по правам человека» 60/251, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 15 марта 2006 года.

4. Jacobsen A.F. Spot on Universal Periodic Review: an introduction. - Copenhagen: Danish Institute for Human Rights, 2010. - 48 p.
5. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ “О свободе совести и религиозных объединениях”.
6. Федеральный закон от 29.06.2013 № 136-ФЗ “О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан”.
7. Хордецки Б. Вокруг проблем с непрозрачностью понятия свобода совести и религии в документах Организации Объединенных Наций // Русская политология -Russianpoliticalscience. - № 1. – 2016. – С. 137-146.
8. Langer L. Religious Offence and Human Rights: The Implications of Defamation of Religions. – Unated Kingdom: Cambridge University Press, 2014. - 462 p.
9. Гимгина М.Е. Проблемы конституционного регулирования свободы мысли, совести и религии и свободы выражения мнения в государствах европейского региона // Российский юридический журнал. – № 6. – 2010. – С. 77-83.

УДК 340.116:340.5

Смирнова Е.В.,

к.ю.н., доцент

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

СВОЕОБРАЗИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АНГЛО- АМЕРИКАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬЕ

Юридическая деятельность в странах англо-американской правовой семьи имеет свои особенности по сравнению со странами романо-германской правовой семьи, причем не только по качественным свойствам, но и по количественным показателям. Так, в США в период с 1880 года и по наше время количество юристов с 60 тыс. выросла более чем 1 млн. лиц, то есть сегодня каждый 270-й человек в стране является юристом [1, с. 19].

Неотъемлемой и фундаментальной составляющей юридической деятельности стран англо-американской правовой семьи является деятельность **судебных** учреждений и прежде всего судей. Важность этой профессии объясняется тем, что, кроме чисто судебных функций по разрешению дел, судьи в англо-американских странах и осуществляют правотворческую функцию, что обусловлено природой этой правовой семьи.

Судебная система Великобритании структурно делится на несколько звеньев судебной системы: Суд палаты Лордов, который является высшей инстанцией судебной системы страны, Верховный суд, Апелляционный суд, Высокий суд, Суд Короны, действует также суд магистрата, которые в свою очередь подразделяется на обычный и стипендиарный магистрат. Каждому уровню судов присущи собственные полномочия, порядок назначения судей, формы взаимодействия с другими судами и прочее[2, с. 73].

Судебная система США имеет более сложную структуру, поскольку, кроме обычного распределения судов в соответствии с полномочиями, существует еще и федеральная судебная система и суды штатов. Высшим судебным звеном является Верховный суд США и соответственно судьи, которые входят в его состав. Поскольку в его компетенцию входит толкование нормативных актов, то решения Верховного суда являются окончательными и обжалованию не подлежат. В компетенцию Верховного суда США входит также рассмотрение судебных дел в первой инстанции, но, по сравнению с остальным объемом работы Верховного суда США, он составляет незначительную часть. В основном к ним относятся споры между штатами[3, с. 113-115].

Адвокатская юридическая деятельность. В целом страны англо-американской правовой семьи можно разделить на два блока. В первом блоке действуют две ветви юридической профессии – это барристеры и солиситоры. К таким странам можно отнести Канаду, Англию, Уэльс, Ирландию и тому подобное. Ко второму блоку стран, где адвокатскую деятельность осуществляют исключительно «lawyers» (лойеры), сочетающих в себе черты солиситоров и барристеров, можно отнести США. Также близка ко второму блоку Австралия, в которой, хоть и существуют две ветви адвокатской профессии, однако их обязанности и права почти идентичны[4, с. 23-25].

Профессии барристера и солиситора в странах первого блока четко различаются, поскольку они регулируются различными нормативно-правовыми актами, имеют свои собственные органы руководства и профессиональные, нравственные правила, требования и тому подобное.

Другим видом юридической деятельности, является деятельность **полиции** в странах англо-американской правовой семьи. Организация полиции каждой страны разная и адаптирована как под национальное законодательство, так и под структуру самого государства.

Кадровая работа в странах англо-американской правовой семьи отличается от ее аналогов в странах романо-германского типа. В таких странах как Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Австралия, Канада, Новая Зеландия, почти все, кого принимают на работу в полицию, начинают с самого низкого уровня обучения. При прохождении службы каждый полицейский может получить повышение при условии надлежащего исполнения им своих обязанностей и прохождения конкурсных соревновательных экзаменов, что позволяет выявить наиболее профессионально подготовленных и достойных работников [5].

Несколько иной является деятельность австралийской полиции, которая, как и полиция США, делится на федеративную (общегосударственную) и полицию отдельных штатов, который выполняет свои полномочия в пределах отдельного штата, иногда отдельного города (чаще всего мегаполиса). В частности, в США существует пять групп полицейских агентств.

Связанным с судебной и полицейской деятельностью является деятельность лиц, занимающих должности **прокуроров** или аналогичные им. В Великобритании преследование по уголовным делам осуществляет Королевская служба во главе с Генеральным Атторнеем страны, которая входит в систему специализированных правоохранительных органов исполнительной власти. Органы этой службы возглавляют королевские преследователи, которые вместе с другими ее членами осуществляют поддержание обвинения в судебном процессе. Королевская служба преследования Великобритании. Королевская служба преследования тесно сотрудничает не только с полицейскими или судебными органами, но и с представителями обеих ветвей адвокатской профессии Великобритании. Причем, при рассмотрении определенных дел поддержание обвинения в суде уполномоченными на то солиситором или барристером осуществляется на основании договоров, которые заключаются между адвокатом и службой преследования [2, с. 66-60].

В Великобритании общее руководство службой публичного преследования и поддержания обвинения в судебном процессе обеспечивает Генеральный Атторней, который осуществляет преследование по наиболее тяжким делам и в случаях, когда они касаются интересов монарха, парламента, правительства и т. д [2, с. 7].

На территории Соединенных Штатов Америки подобные функции выполняет атторнейская служба, которая, несмотря на федеративную структуру страны, более разветвленная и сложная по своей структуре, чем Королевская служба преследования Великобритании. В частности, в США выделяются уровне

федерального атторнея, генерального атторнея штата, местных атторнеев, которые независимы и не подчинены друг другу. Атторнеев федерального уровня назначает Президент США с согласия Сената, местных атторнеев в большинстве штатов избирает население. Полномочия атторнейской службы США являются почти одинаковыми с королевской службой преследования Великобритании. Основные различия между этими двумя службами существуют в их структурной организации и в законодательном регулировании [6, с. 203-205].

Список литературы:

1. Бигун В. С. Юридическая профессия и образование. Опыт США в сравнительной перспективе / В. С. Бигун. – Москва : «Юстиниан», 2016. – 272 с.
2. Уолкер Р. Английская судебная система. Перевод с английского / Р. Уолкер пер. : Т. В. Апарова ; отв. ред. и предисл. : Ф. М. Решетников – М. : Юрид. лит., 1980. – 631 с.
3. Шумилов В. М. Правовая система США / В. М. Шумилов. – М. : Дека, 2003. – 400 с.
4. Гловатский И. Ю. Адвокатура зарубежных стран. Англия. Германия. Франция: учебно-практ. Сборник / И. Ю. Гловатский. – М. : Атика, 2007. – 587 с.
5. Policelawenforcement [Электронный ресурс] / EncyclopediaBritannica. – Режим доступа статьи: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/467289/police>
6. Грицаенко Л. Р. Прокуратура в странах Европы: Учебн. сборник [для студ. высших учеб. заведений.] / Л. Р. Грицаенко. – Акад. прокурор. России. – М., 2010. – 400 с.

УДК 340.116:340.5

Смирнова Е.В., к.ю.н., доцент, **Исакова Н. В.,**

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ СУДА И ПРОКУРАТУРЫ ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ

Судья занимает центральное место в системе правосудия. В социальном смысле он считается эталоном в юридической профессии. Профессия судьи является одной из наиболее сложных юридических профессий. И это не только потому, что обучение является в ФРГ самым продолжительным и сложным, но и потому, что судье вверено осуществлять правосудие; судья является воплощением социальной справедливости, поддержкой и обеспечением общесоциальных ценностей.

Федеральный закон о судьях 1962 г. (в редакции 1972 г.) отмечает, что судьи находятся в специфических отношениях с государством. Такой статус в известной степени гарантирует их независимость от чиновников, работающих в государственном аппарате[1].

Судьей в ФРГ может стать только гражданин страны, получивший специальное юридическое образование и сдавший необходимые государственные экзамены.

В Австрии судьи назначаются на свои должности президентом республики (судьи трех высших судебных органов) или правительством по представлению министерства юстиции и судов.

Большая часть судей ФРГ назначается правительствами земель или министрами юстиции. Судьи высших федеральных судов назначаются Президентом ФРГ по представлению министра юстиции и комитетом по выборам судей, в который входят все министры юстиции земель и 11 избранных бундестагом членов комитета. Судьи Федерального Конституционного суда избираются бундесратом и комитетом бундестага по выборам, состоящие из 12 депутатов бундестага[1].

Задачи судьи очень разнообразны, поскольку судебная отрасль является очень разветвленной. Одна из основных задач – это назначение наказания. В гражданском судопроизводстве - это решение правовых частных споров. Судопроизводство в сфере трудовых отношений решает правовые споры в области трудового права, в частности споры между работодателем и работником, а так же другие споры в сфере трудовых отношений. Судопроизводство в области управления предоставляет гражданам правовую защиту и выполняет одновременно внешний контроль за управлением. Финансовая юрисдикция касается споров о налогообложении, а это тесно связано с социальной юрисдикцией, к которой относится социальное страхование и социальное обеспечение. Наконец, конституционная юстиция следит за соблюдением высших норм конституционного права, особенно основных прав защиты человека, которые должны защищать человека и гражданина от произвола государства. Интересным в этом аспекте является конституционная деятельность суда Швейцарии. Значительная часть конституционных решений, вынесенных Федеральным Трибуналом, состоит из «конституционных жалоб».

Деятельность прокуратуры ФРГ и юристов, которые работают в этой сфере, соответствует определенному имиджу: прокурор является представителем обвинения[3].

Институт прокуратуры возник в результате либерально-правовой реформы уголовного процесса в XIX в. Процесс инквизиции был заменен на обвинительный процесс, тайное судопроизводство было заменено на открытое устное слушание дела с непосредственными доказательствами. Если во времена инквизиции судья выступал и как следователь, и как обвинитель, и как тот, кто выносит приговор, то после введения обвинительного процесса задачи следствия и обвинения взяли на себя органы прокуратуры. Судья занял позицию как независимый нейтральный Третий[4, с. 125-127].

Прокуратура является государственным органом, независима от суда, ее деятельность (функции, процедуры) четко отделены от судебной деятельности. Но вместе с тем прокуратура находится при судах. Централизованной системы прокуратуры в ФРГ нет.

В ФРГ действуют: Федеральная прокуратура при Верховном суде; 24 прокуратуры при высших судах земель; 115 прокуратур при земельных судах.

Основной деятельностью прокуратуры является предварительное расследование. Также значительная часть времени прокуроров тратится на разработку правовых позиций и выступлений в первой судебной инстанции при пересмотре дел, при проверке оснований для ареста и др.

Считается, что сегодня особенно актуальными для прокуратур являются политические преступления, дела, связанные с прессой, охраной природы, хозяйственные преступления, молодежная преступность и преступность против молодежи[3, с. 106].

Прокуратуры являются учреждениями, которые входят в структуру Федерального министерства юстиции, но функционируют при судах. Звеньями прокуратуры является Федеральный генеральный прокурор при Верховном суде; прокуроры при высших судах земель; прокуроры при судах земель.

Надзор и руководство за деятельностью прокуратуры осуществляют:

1) федеральное министерство юстиции - по отношению к Федеральной генеральной прокуратуре и федеральной адвокатуре;

2) земельные управления - по отношению ко всем прокурорским чиновникам этих земель. Как уже отмечалось, прокуратура ФРГ не является централизованной, а важнейшие проблемы деятельности прокуратуры определяются и решаются именно на уровне земель.

Как учреждение прокуратура имеет определенную внутреннюю структуру. При этом образуются так называемые децернаты (отделения), которые делятся на

общие и специальные. Каждые три-шесть децернативов объединяются в отдел, который возглавляет обер-прокурор как руководитель отдела. В очень больших прокуратурах из нескольких отделов создается главный отдел (или управления), также возглавляется соответствующим руководителем.

Назначение прокуроров, как и судей, особенно четко регламентируется на федеральном уровне. Согласно ст. 149 Закона о судеустройстве, для назначения федеральных прокуроров необходимо предложение Министерства юстиции, согласие бундесрата и решение Президента.

Список литературы:

1. Швайцер Р. Судебная система Федеративного государства: взгляд из Швейцарии [Электронный ресурс] / Райнер Шварцер // Казанский институт федерализма. – Режим доступа: <http://www.kazanfederal.ru/actions/konfer2/dok14/>
2. Андрощук А. Профессиональная подготовка юристов в Германии / А. Андрощук // Юрид. практика. – 2001.
3. Бланкенбург Э. Юристы и правовые инновации в Германии и США / Э. Бланкенбург // Государство и право. - 2007. - № 5. – С. 100 – 108.
4. Зорге А. Свободные профессии в Германии / А. Зорге // Режим доступа: <http://www.freie-berufe.de>
5. Марченко М. Н. Правовые системы современного мира: учеб. пособие / Марченко М. Н. – М. : ИКД «Зерцало – М», 2001. – 400 с.
6. Михельс Н. Основной закон Федеративной Республики Германии / Н. Михельс // Государство и право. – 2003. - № 7. – С. 67-72.
7. Яровая М. В. Особенности судебных систем Франции, ФРГ, Великобритании и Нидерландов / М. В. Яровая // Рос. юстиция. – 2006. - № 3. – С. 68 - 71.

УДК 340.116

Синявская Ю.А.,

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Правовые системы современного мира представляют собой множество национальных правовых систем, которые в совокупности вырисовывают правовую картину всего мира, которую для себя лично должен открыть каждый.

Неоднородный характер национальных правовых систем вызвал многочисленные попытки разбить их на группы, осуществить их классификацию по классам, типам, исходя из определённых признаков. Следует, однако, констатировать, что определение количества семей, групп, классов, типов, правовых систем и надлежащая их классификация всегда были и являются дискуссионными вопросами. В силу их множества и физической невозможности охватить все правовые системы, рассмотрим основополагающие правовые семьи.

В современной юридической литературе термин «правовая система» приобрел значительное распространение. Но, не обращая внимание на его широкое употребление термина «правовая система», в отрасли сравнительного правоведения, это понятие все еще остается малоисследованным [1].

Поскольку, правовая система – это целостное единство норм национального права, разделённых на основе внутреннего согласования, на части: правовые институты и отрасли права. А семьи правовых систем включает в себя множество национальных правовых систем государств, построенных на общих источниках, системе права и истории развития. Таким образом, семья правовой системы объединяет в себе конкретные правовые системы, которые связаны по общим критериям. Вследствие чего выделяют, основные семьи правовых систем современности: романо-германская (континентальная), англо-американская, мусульманская семьи правовых систем.

Первая группа – романо-германская правовая семья, именуемая иногда «континентальной» или «цивильной» (Civil law). Эта правовая семья объединяет правовые системы многих государств современного мирового общества и распространена достаточно широко. Сюда причисляют правовые системы европейской части континента: Франции, Бельгии, Голландии, Италии, Испании, ФРГ, Австрии, Швейцарии, скандинавских стран, а также правовые системы славянских стран, в том числе России и Украины. Распространение романо-германского типа правовой системы ныне выходит за пределы Европы. Вся Латинская Америка, значительная часть Африки, страны восточной части Азии. Влияние этой правовой системы нашло отражение в правовых системах Японии, Индонезии и иных стран [2].

К отличительным признаками романо-германской правовой семьи можно причислить следующие: становление на основе римского права, что представляет собой процесс «рецепции», т.е. заимствования; источником (вместе с другими) считается обычное право; центром системы права относится нормативно-

правовой акт; право четко структурировано по делению на публичное и частное; юридическая терминология унифицирована; ведущая роль в правотворчестве принадлежит законодателю; существование доктрины верховенства закона; теоретическим построениям принадлежит действия разработки нового законодательства и подготовке юристов; ярко проявляющиеся кодификация. Указанные особенные признаки романо-германской правовой семьи не умоляет иные особенные признаки. Однако, эти основные признаки вырисовывают обобщающее понятие этой правовой семьи.

Система англо-американского (общего) права сформировалась исторически в Англии и прошла несколько этапов (периодов) в своем развитии. На сегодняшний день англо-американский тип правовой системы во многом сблизился с романо-германским. Особенно это проявляется в американском праве, где есть четкая структура системы права и систематизированное законодательство, действуют кодифицированные федеральная конституция и конституции штатов. А в самой Англии возрастает роль законодательных актов. Но, не смотря на незначительные расхождения эти страны, входят в одну правовую семью правовых систем – англо-американскую. Такими достаточно характерными чертами обладает эта правовая семья в Англии и ее колониях; исходный источник – общее право Англии; «право справедливости»; статутное (парламентское) право; особенность источника права – юридический прецедент; своеобразная структура права; нормы законодательства – правила поведения общего характера и нормы прецедентного права – конкретно-казуистический характер; автономный специфика юридической терминологии; главная роль в правотворчестве отводится судам; доктрина верховенства права.

Весьма значительные особенности по сравнению с романо-германской и англо-американской правовыми системами имеют правовые системы, входящие в семью религиозно-традиционного права, которые охватывают религиозные правовые системы, основанные на любом вероучении, и традиционные правовые системы, основанные на обычном праве.

В частности, мусульманское право включает систему норм, проявляющиеся в теологической форме, представляющие волю и интересы высшего религиозного общества, которые первоначально имели поддержку теократического мусульманского государства. Это вероисповедание, упоминается в литературных источниках, включает, в первую очередь, религию, которая закрепляет и конкретизирует верования и не верования, навязанные извне, а во вторую

очередь, устанавливают и предписывают круг допустимых деяний сторонникам этой религии. В исламском вероисповедании множество подобных установок, именуемых шариатом и тем самым, выражает мусульманское право [3].

Мусульманская семья правовой системы обладает характерными чертами своей семьи: доминирующим местом в социальном регулировании занимает не норма права, а религиозные нормы; источником права выступают священные книги: Коран, Сунна, Иджма; нормативные правовые акты (законодательство) имеют вторичное значение; особое место в системе источников права занимают труды ученых-богословов (доктрины); правовые нормы не расчленены с нормами религии, а составляют с ними синкретическое единство; право неструктурированное – отсутствие деления на частное и публичное, отрасли и институты; в правовом регулировании преобладают обвязывание. Мусульманский тип правовой системы наименее подвержен влиянию извне. Для этого типа права характерна стабильность, даже консерватизм, а порой и нетерпимость к иным влияниям.

Таким образом, правовые системы имеют основные характеристики, которые отличаются своей индивидуальностью, в свою очередь это позволяет объединить правовые системы в семьи правовых систем, но одновременно прослеживаются некоторые сходства, тем самым определенно влияние правовых семей одна на другую. Каждая правовая система показывает уникальную индивидуальность, в значительной мере обусловленную соответствующим уровнем роста государств, и варьируется в связи от своих особенных процессов происходящих внутри правовой системы. Ведущей особенностью разделения правовых систем считается источник права каждой правовой семьи: в романо-германской правовой семье – нормативно-правовой акт, в англо-американской – юридический прецедент и в мусульманской семье правовых семей – священные книги, т.е. доминирующее положение в социальном регулировании овладевает не нормы права, а религиозные нормы. В результате, формируется правовая картина мира из многих имеющихся и действующих на данном историческом этапе становления общества национальных правовых систем. Все они в какой-то доли взаимосвязаны, взаимозависимы и оказывают влияние друг на друга.

Список литературы:

1. Шевчук, О. М. До питання про поняття правової системи / під ред. Ф. А. Думко // Вісник Одеського інституту внутрішніх справ. – 2001. – №2. – С. 165.
2. Крестовская, Н.Н. Теория государства и права: элементарный курс / Н.Н. Крестовская, Л.Г. Матвеева. – 3-е изд. – Х.: Одиссей, 2001. —С. 369; Марченко, М.Н. Теория государства и права / М.Н. Марченко. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2013. – С. 234; Теория государства и права: курс лекций / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 1998. – С. 304.
3. Давид, Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право) / Р. Давид. – М., 1967. – С. 83, 84.

УДК 340.5

Лелеко А. А.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ

Юридическое образование является основой формирования юриста-профессионала. Эффективность образовательной системы - определяющий фактор эффективности юридической практической деятельности. Именно в процессе обучения лицо приобретает знания, необходимые умения и навыки. Учитывая важность образовательного процесса, требуется соответствующее правовое обеспечение. Поэтому вопрос правовых основ юридического образования является достаточно важным при рассмотрении юридической деятельности.

Система юридического образования ФРГ функционирует, в первую очередь, на базе Основного закона, который определяет основные цели, для ориентации юристов в демократическом и правовом государстве (Ст. 20 Основного закона), а также важные структурные решения и компетентные нормы (ст. 98, ст. 74 Основного закона)[1, с. 18].

Правовые основы юридического образования в ФРГ необходимо рассматривать на федеральном уровне и на уровне земель. На федеральном уровне правовые основы юридического образования в ФРГ установлены Федеральным Законом ФРГ о судьях. В частности, §5 и следующие за ним посвящены юридическому образованию. Существуют также акты субъектов федерации. В ФРГ

нет специального судейского образования. Все юристы получают одинаковое юридическое образование в университете [2].

Поступление на юридический факультет проходит без экзаменов, хотя существуют определенные условия зачисления. Абитуриент должен набрать необходимое количество баллов по результатам обучения в гимназии. Средний проходной балл каждый год колеблется, хотя в престижных университетах всегда остается достаточно высоким. Для юридических факультетов проходной балл также высокий - от 1,0 (очень хорошо) до 2,0 (хорошо). Поэтому предпосылкой поступления на юридический факультет является получение успешной «довузовской» подготовки, а начало обучения возможно с любого семестра, что также свидетельствует об определенной специфике юридического обучения в Германии. В законе отмечено также, что «время обучения составляет три с половиной года, и это время может быть уменьшено, если студент выполнит все требования, необходимые для допуска к первому экзамену», но не менее двух лет обучения в университете [3].

Само обучение условно разграничивается на два этапа: изучение основ права (1 - 4-й семестры) и углубленная подготовка (с 5-го семестра). В течение первых четырех семестров студентам предлагается прослушать курсы лекций по основным дисциплинам. На втором этапе происходит специализация студентов по отраслям права. Студентам предоставляется возможность выбора одного из 10-15 направлений.

Проблемным вопросом в правовом регулировании функционирования юридического образования является соотношение обязательных дисциплин и дисциплин, избираемых студентами самостоятельно. Отдельные студенты избегают изучение предметов, способствующих расширению кругозора, обеспечивающих фундаментальность обучения. Учебные планы различных университетов заметно отличаются набором дополнительных дисциплин, в связи, с чем абитуриенты стараются выбрать такой университет, где «легче» учиться [4].

Детальное правовое регулирование процесса обучения на юридических факультетах университетов не создает никаких препятствий для самостоятельности студентов. Образовательное законодательство обеспечивает свободное посещение занятий, широкий выбор дополнительных лекций и семинаров, возможность изменения места обучения. Однако администрации учебных заведений осуществляют постоянный контроль за успеваемостью студентов.

Несмотря на положительные качества юридического образования в ФРГ, имеются и проблемы, которые способствуют постоянному реформированию юридического образования.

Важно отметить, что правовые основы юридического образования в Австрии, как и в ФРГ, необходимо рассматривать как на федеральном уровне, так и на локальном. Основными нормативными актами являются ст. 17 Основного закона об общих правах граждан, о том, что наука и обучение свободны; Конституция Австрийской Республики, а именно ст.6 об Университетах, где дается их полный перечень; Федеральный закон об обучении в университетах; Федеральный закон об организации университетов 1993 г. и Закон об университетах 2002 г. Последний практически заменил предыдущий. Он предусматривает всю деятельность университета: общие положения, управления, внутреннюю структуру, финансирование, контроль и т.д. [5, с. 110-115]. Именно каждый университет, согласно своему уставу, предусматривает учебные программы, процедуры, исследования.

Как отмечалось выше, все юридические факультеты в Швейцарии готовят юристов по Болонской системе. Подготовка на всех юридических факультетах имеет одинаковую структуру, могут быть только отдельные кантональные различия (например, по срокам) [4].

Следовательно, правовые основы юридического образования в государствах, входящих в германской правовой семьи (Федеративная Республика Германии, Австрийская Республика и Швейцарская Конфедерация) определяются федеративным устройством названных государств и состоят из федеральных нормативно-правовых актов, нормативно-правовых актов административно-территориальных единиц и уставов университетов и университетских правил, которые имеют разные названия и относятся к локальному уровню правового регулирования отношений в пределах того или иного научно-педагогического коллектива. В образовательном законодательстве государств, закреплён принцип общей ориентации на судебную, административную и юридически консультативную практику, подчеркивается обязательность практики. Характерной чертой нормативного регулирования юридического образования и самого образовательного процесса в германской правовой семье является высокий уровень правового регулирования, консервативность, которая проявляется в существовании четких и неизменных критериев оценки знаний студентов, добротная материально-техническая база, четкость процедуры и гибкая организация учебного процесса при

значительной самостоятельности студентов, а также сочетание академического и практического обучения [7].

Список литературы:

1. Abschlussbericht des Rechtsausschusses vom 20.3.2002, S.18.
2. Anwaltsberuf und Richterberuf in der heutigen Gesellschaft: Deutsche Landesberichte zur IX. Weltkonferenz für Prozeßrecht in Coimbra und Lissabon 1991/ Peter Gilles (Hrsg.). – 1. Aufl. – Baden-Baden: Nomos Verl.- Ges., 1991. – 268 S.
3. Anwaltsorientierung im rechtswissenschaftlichen Studium: Bestandsaufnahme universitärer Ausbildungskonzepte in Deutschland / Stephan Barton ... – Hamburg: Kovac, 2000. (Schriftenreihe des Instituts für Anwalts- und Notarrecht der Universität Bielefeld; Bd. 6).
4. Вершинин А. П. Юридическое образование в Федеративной Республике Германии: Опыт организаций / А. П. Вершинин // Изв. вузов. Правоведение. – 2012. – № 1. – С. 76 – С. 80.
5. Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты: сб. / сост. Т. Г. Морщакова; под ред. Ю. П. Урьяса. – М.: Прогресс, 1991. – 468 с.
6. Шумилов В. М. Введение в правовую систему ФРГ / Шумилов В. М. – М.: Дека, 2011. – 140 с.
7. Малиновская С. Почему едут учиться в Австрию и Швейцарию [Электронный ресурс] / С. Малиновская // Урал Бизнес Образование. – Режим доступа: <http://www.ubo.ru/articles/?cat=101&pub=2121>

УДК 340.116

Гвинтовка Д.В.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» Юридический факультет

ГЕНЕЗИС И СОСТОЯНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬЕ

Германская правовая семья - это одна из групп романо-германской правовой семьи, к которой относятся правовые системы Австрии, ФРГ, Швейцарии, Греции. В системе романо-германской правовой семьи (ее еще называют центральноевропейским права или «правовой семьей стран континентальной Европы»), исследователи выделяют, кроме германской группы, еще романскую. Некоторые ученые указывают и на необходимость выделения славянской группы (Болгария, Югославия) и северной группы. Об этом заявили еще на I Международном конгрессе 1900, потом об этом говорил А. Эйсман в 1905 году. Но

если проанализировать различные классификации правовых систем мира, которые предлагались в течение конца XIX-XX вв., то А. Эйсман (1905 г.), Дж. Вигмор (1928 г.), К. Цвайгертом и Г. Кётц (1984 г.), а также современные исследователи М. В. Свечение, М. Н. Марченко, А. И. Харитонов, Е. А. Харитонов, Б. Хашматулла поддерживают деление романо-германской правовой семьи на две подгруппы [1, с. 23-26]. При этом следует заметить, что закономерности развития именно германской правовой семьи, ее характерные черты легли в основу современного понимания романо-германской правовой семьи.

На первом этапе система германского права наиболее активно формировалась в течение XII-XIII вв. на западе Европы, что можно связать с историческими событиями. «Возрождение имело многоаспектный характер, где одним из аспектов был юридический. Новое общество начало понимать, что только право может обеспечить порядок и безопасность, которых требует божий замысел и которые необходимы для прогресса» [1, с. 53]. До этого времени существовали лишь отдельные элементы, наличие которых свидетельствовало о факторе зарождения такого типа права, который в будущем приобрел мирового значения.

Второй период характеризуется как период рецепции римского права, формирование основных концептуальных и доктринальных подходов континентального права (XIII - XVIII вв.). Этот период может быть условно разделен на два этапа: этап средневековья (XII-XV вв.) и этап Возрождения и Просвещения (XVI-XVIII вв.) [2, с.53]. Р. Давид и другие исследователи называют этот период - периодом обычного права.

В XIII в. наблюдается тенденция разграничения религии и морали с гражданским порядком и правом. Во время второго периода (XIII-XVIII вв.) право развивалось как продукт, независимый от политики, на основании чего в обществе возникла мысль, что благодаря праву можно обеспечить порядок, безопасность и стабильность развития.

На этапе средневековья Западная Европа была как относительно целостное историко-культурное, социально-политическое, цивилизационное сообщество, как региональная, феодальная романо-германская цивилизация [3, с.5].

Понимание права, как такого, которое может обеспечить порядок и безопасность, способствовало активизации его развития. В связи с этим необходимо выделить пять обстоятельств, повлиявших на формирование германского права, обусловили его отдельные свойства:

1. Признание рецепции римского права, которая происходила несколько раз.

2. С первым обстоятельством тесно связана деятельность университетов. Процесс усвоения и переработки римских правовых текстов в западноевропейских университетах проходил в три этапа, каждый из которых дополнял предыдущий.

Итак, в XII-XVIII вв. произошло становление романо-германской правовой семьи (это период позднего средневековья и начало развития буржуазных отношений на территории Западной Европы), как результат признания Европой авторитета римского права. Важную роль здесь сыграло каноническое, городское, торговое право, заложило традицию писаного права в качестве основного источника права в странах германской правовой семьи.

Третий период характеризуется как период законодательного права, законодательный позитивизм. В настоящее время закон превращается из второстепенного в основной источник романо-германского права. Исторически этот период охватывает XIX в. и до нынешних времен. В университетах преподавалось право, в результате чего возникла идея сделать образцовое право университетов. Е. Аннерс отметил, что кодификация позволила завершить многовековую эволюцию правовой науки. Было создано пять кодексов, которые представляли собой своды законов демократического характера, кодифицировали достижения социального прогресса демократической революции.

Таким образом, мы рассмотрели генезис юридической деятельности и признаки, характерные для германской правовой семьи, которые позволяют выделить ее среди систем, входящих в романо-германскую правовую семью. Именно это позволяет говорить о необходимости исследования юридической деятельности в германской правовой системе и заимствования передового опыта в национальную российскую правовую систему.

Список литературы:

1. Давид Р. Основные правовые системы современности / Рене Давид. – К.: Жоффре-Спинози:– пер. с фр. В. А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 2003. - 400 с.
2. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение и законотворчество / А. Х. Саидов // Журн. зарубеж. законодательства и сравн. правоведения. – М., 2006. – Вып. 1. – С. 16 – 22.
3. Антология мировой правовой мысли. Т.2. Европа V – XVII вв. – М.: Мысль, 1999. – 829 с.
4. Жалинский А. Введение в немецкое право / А. Жалинский, А. Рерихт. – М.: Спарк, 2001. – 767 с.
5. Правовая система Федеративной Республики Германии / под ред. З. Борн. – Bonn: InterNationes, 1996. – 27 с.

СЕКЦИЯ 3

Общетеоретические проблемы отечественного и зарубежного государства и права

УДК 340.13

Черткова Ю.В.

к.ю.н., доцент

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ПОНЯТИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ И СПОСОБЫ ИХ ЗАКРЕПЛЕНИЯ В АКТАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Категория «правовая норма» всегда выступала как один из основных объектов академической науки позитивистского направления. Однако стремление позитивистов видеть в праве точную науку привело к застыванию некоторых понятий и форм в традиционном, устаревшем виде. Использование формально-догматического подхода к пониманию правовых норм и способов толкования было оправдано и понятно на этапе становления идей позитивного права.

Юридический позитивизм и его более поздний вариант – аналитический позитивизм оказали сильное влияние на развитие правовой науки, как в странах общего, так и в странах континентального права. У истоков формирования юридического позитивизма стояло учение Дж. Остина, который определял правовую норму, как «правило, установленное одним разумным существом, имеющим власть над другим разумным существом, для руководства им» [1, с. 537]. По сути, он видел в правовой норме приказ суверена, снабженный санкцией.

В странах общего права до сих пор не сложилось единой концепции правовой нормы. Отчасти данная ситуация объясняется тем, что аналитический позитивизм постепенно вытесняется идеями социологической юриспруденции. Однако чем дальше социологическая юриспруденция уходит в сторону социологии, тем меньшее внимание уделяется правовым характеристикам правовых норм и способам их закрепления в актах законодательства.

Сторонники социологической юриспруденции относятся к «правовой норме» как к общему руководству, устанавливающему некие рамки, за которые допустимо

выйти при наличии существенных оснований. А важность принятия судьей справедливого решения расценивается выше, чем необходимость соблюдения этих рамок.

Идеи юридического позитивизма получили широкое распространение в российской научной среде, а недостаточно критичная оценка этих идей российскими учеными привела к формированию однобокого взгляда на понятие правовой нормы.

Традиционной идеей для сторонников юридического позитивизма является отождествление права и нормы права, т.е. так называемое определение права с объективной стороны. Г.Ф. Шершеневич отмечал, что право есть всегда правило, или, иначе выражаясь, норма [2, с. 58]. Эта позиция перекочевала из дореволюционного правоведения в советское и, десятилетия спустя, уже советский ученый С.С. Алексеев ввел в обиход термин «норма-предписание», обозначая им то, что традиционно именовалось и именуется нормой права. Норма права, по его мнению, это общеобязательное государственно-властное предписание [3, с. 54]. И этого мнения до сегодняшнего дня придерживается большинство ученых. Например, М.Н. Марченко подчеркивает императивный характер правовой нормы, имея в виду то, что она закрепляет в себе государственную волю [4, с. 571].

О логических нормах говорится лишь как о дополнительной характеристике бытия и связи между специализированными нормативными предписаниями.

Однако данная концепция правовых норм не является единственной. В науке неоднократно высказывались мнения о необходимости пересмотра существующих представлений о правовых нормах и способах их закрепления.

Так, в начале XX столетия отечественный позитивизм развивался в двух направлениях: формально-догматическом и социологизированном. Одним из ведущих ученых социологизированного направления был Н.А. Гредескул, а в рамках формально-догматического направления работал Е.В. Васьковский.

И тот и другой отмечали уязвимость и слабость существующей на тот момент теории толкования и необходимость разработки рациональной теории, общих правил юридической техники. Н.А. Гредескул предпринял попытку разработать такие рациональные правила для особого интеллектуального процесса, направленного на распознавание содержания права и реализацию правовых норм.

Однако его попытки нельзя признать успешными. Абстрактные рассуждения о том, что для реализации права требуется выявление «чего именно желает право», т.е. сначала нужно установить внутренний логический смысл, затем определить правоположение, относящееся к данной конкретной ситуации, и произвести

«умственный переход» от этого правоположения к юридически значимому поступку, не имели реальной практической ценности.

Е.В. Васьковский же, напротив, детально разрабатывал непосредственный механизм толкования. В процессе интерпретации возможно выделение двух видов толкования: словесного (изъяснение — *explication*) и реального (логического) толкования (*ratiocination*). Данная классификация была известна и ранее, она пришла в отечественную юридическую литературу как часть исторического наследия римского права. Еще в 1863 году Карл фон Вангеров в работе «*Lehrbuch der Pandekten*» писал, что суть грамматического толкования в определении смысла закона по его словам, тогда как логическое призвано толковать слова согласно их смыслу [5, с. 85].

Но особая значимость трудов Е.В. Васьковского в том, что он пошел дальше. По его мнению, помимо «раскрытия действительной мысли автора» цель толкования состоит в том также чтобы получить новые нормы, не установленные законодателем, «но *implicite* содержащиеся в его прямых велениях», и столь же достоверные, как и послужившие им основанием нормы [6, с. 283].

Идеи Е.В. Васьковского выходили за рамки обычного понимания логического толкования. Речь шла не просто о наличии логических норм, и не об установлении логической связи между правовыми нормами, но о наличии правовых норм, закрепленных не только текстуально, но и логически.

Эти идеи частично поддерживал С.И. Вильнянский. Он выделял такие способы восполнения пробелов как заключение по противоположности (*a contrario*), а также заключение от меньшего к большему или от большего к меньшему (*a fortiori*), таким образом, допуская, что некоторые нормы из текста статьи закона нужно выводить логическими средствами [7, с. 60]. К работам С.И. Вильнянского обращался И.С. Перетерский. Рассматривая возможные пути восполнения пробелов в праве, он поддерживал идею решения дела путем вывода *a contrario*, когда существующая норма дает основание для отыскания противоположной нормы, относящейся к случаям, не предусмотренным первой нормой [8, с. 128].

В.А. Белов признает значимость исследований Е.В. Васьковского, при этом полагая целесообразным использование логического метода толкования, в процессе применения которого устанавливается истинный, внутренний смысл правовой нормы, тогда как буквальное толкование позволяет установить содержание нормы на основании слов, из которых она состоит [9, с. 115].

Таким образом, в российской юридической литературе наряду с текстуально-закрепленными правовыми нормами пассивно признаются правовые нормы, логически закрепленные в актах законодательства, но их исследование пока не было доведено до стадии разработки практических рекомендаций.

Список литературы:

1. Несесянц В.С. История политических и правовых учений / В.С. Несесянц. – М.: Норма-Инфра, 2003. – 944 с.
2. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. Лекции / Г.Ф. Шершеневич. – М., 1908. – 159 с.
3. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2-х томах. / С.С. Алексеев. – М.: Юрид.лит., 1981. – Т.1. – 361 с.
4. Марченко М.Н. Теория государства и права / М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2004. – 648 с.
5. Васюк А.В. История возникновения и развития юридической герменевтики в России: Дисс.... канд. юрид. наук / А.В. Васюк. – М., 2011. – 215 с.
6. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании применении гражданских законов / Е.В. Васьковский. – М.: Центр ЮриИнфоР, 2002. – 508 с.
7. Вильнянский С.И. Толкование и применение гражданско-правовых норм / С.И. Вильнянский // Методические материалы / Всесоюзный юридический заочный институт. – М., 1948. – [Выпуск] 2. – С. 42-61.
8. Перетерский И.С. Толкование международных договоров / И.С. Перетерский. Отв. ред.: С.Б. Крылов, Г.И. Тункин. – М.: Госюриздат, 1959. – 172 с.
9. Белов В.А. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики / В.А. Белов. – М.: Юрайт, 2009. – 1008 с.

УДК 343.211:340.5

Курсаев А.В.

*к.ю.н., главный эксперт-специалист Договорно-правового департамента МВД
России*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕВЫПЛАТУ ЗАРОБОТНОЙ ПЛАТЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

После распада СССР уголовное законодательство как Российской Федерации, так и стран Содружества Независимых Государств подверглось коренной реформе. Практически во всех странах были приняты обновленные уголовные кодексы.

В то же время названные страны столкнулись и с общими проблемами. Одной из таких проблем явилась хроническая невыплата заработной платы. Социально-криминологическая обусловленность применения уголовной ответственности за данное деяние общеизвестна.

В то же время необходимость криминализации данного деяния, а также уголовно-правовая конструкция описания данного состава преступления в каждой стране СНГ разрешалась по разному.

Модельный Уголовный кодекс государств – участников СНГ ответственности за невыплату заработной платы не предусматривает.

В то же время часть 1 статьи 159 Модельного УК СНГ устанавливает уголовную ответственность за заведомо незаконное увольнение лица с работы, а равно иное существенное нарушение законодательства о труде, совершенные из личных побуждений. Данное преступление предлагается относить к преступлениям средней тяжести.

В большинстве стран СНГ норма об ответственности за невыплату заработной платы также отсутствует (Азербайджан [3], Армения [6], Белоруссии [7], Молдова [8], Туркменистан, Узбекистан [9], Эстония, Литва [5]).

В Российской Федерации Федеральным законом от 15 марта 1999 г. № 48-ФЗ «О дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 145¹» впервые была установлена уголовная ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат. Таким образом, ответственность предусмотрена не только за невыплату заработной платы, но и иных социальных платежей.

Впоследствии Федеральным законом от 23 декабря 2010 г. № 382-ФЗ «О внесении изменения в статью 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» уголовная ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат была дифференцирована в зависимости не только от тяжести наступивших последствий, но и от сроков невыплаты.

Статьей 152 УК Кыргызской Республики 1997 г. установлена уголовная ответственность за использование должностным лицом предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности не по назначению денежных средств, предназначенных для выплаты заработной платы, пенсий, пособий и иных социальных выплат. Данное деяние наказывается штрафом в размере от ста до пятисот минимальных месячных заработных плат. Квалифицированный состав предусматривает ответственность за деяние, совершенное неоднократно. В этом

случае предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет [4, с. 165].

УК Республики Таджикистан законом от 17 мая 2004 года дополнен статьей 153¹ «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий или иных выплат». Ответственность по данной норме предусмотрена за невыплату свыше двух месяцев заработной платы, пенсий, стипендий, пособий или иных установленных законом выплат, совершенная работодателем, руководителем предприятия, учреждения или организации, независимо от формы собственности, из корыстной или иной личной заинтересованности, что наказывается штрафом в размере от двухсот до пятисот минимальных размеров заработной платы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или лишением свободы на срок до двух лет.

УК Республики Казахстан 1997 г. в части 3 статьи 148 «Нарушение трудового законодательства Республики Казахстан» предусмотрел уголовную ответственность за неоднократную задержку лицом, выполняющим управленческие функции, выплаты заработной платы в полном объеме и в установленные сроки в связи с использованием денежных средств на иные цели. Наказывается данное деяние штрафом в размере от трехсот до семисот месячных расчетных показателей либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет.

В УК Республики Казахстан 2014 г. аналогичная по содержанию норма предусмотрена в части 3 статьи 152 УК.

Уголовным кодексом Украины ответственность за невыплату заработной платы, стипендии, пенсии либо иных установленных законом выплат установлена статьей 175.

Уголовно-правовой запрет связан с безосновательной невыплатой заработной платы, стипендии, пенсии или другой установленной законом выплаты гражданам более чем за один месяц, совершенной умышленно руководителем предприятия, учреждения или организации независимо от формы собственности или гражданином – субъектом предпринимательской деятельности. Наказание – штраф от пятисот до тысячи необлагаемых минимумов доходов граждан или исправительными работами на срок до двух лет, лишение свободы на срок до двух лет, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Квалифицированный состав связан с совершением аналогичного деяния вследствие нецелевого использования средств, предназначенных для выплаты заработной платы, стипендии, пенсии и других установленных законом выплат.

При этом статьей 175 УК Украины предусмотрен освобождение виновного лица от уголовной ответственности, если до привлечения к уголовной ответственности им осуществлена выплата заработной платы, стипендии, пенсии или другой установленной законом выплаты гражданам. Данное специальное основание освобождение от уголовной ответственности заслужило в литературе положительной оценки [1, с. 269].

Таким образом, принципиальное отличие анализируемого состава преступления заключается в двух основных критериях.

Во-первых, различие заключается в установлении различного срока задержки выплаты заработной платы, необходимой для привлечения виновного лица к уголовной ответственности.

Во-вторых, это указание на субъект преступления: неоднократная задержка лицом, выполняющим управленческие функции, выплаты заработной платы (Казахстан), задержка выплаты заработной платы данным лицом (Таджикистан) или невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (Россия, Казахстан) без конкретизации признаков виновного лица [2, с. 165].

В то же время, несмотря на имеющиеся особенности, законодательство государств-участников СНГ обладает определенным единством. Имеющиеся же различия скорее отражают не его дифференциацию, а индивидуализацию, обусловленную экономическими, социальными, политическими и иными факторами.

Список литературы:

1. Иванова О.А. Ответственность за невыплату заработной платы по уголовному законодательству стран СНГ // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1. С. 268 – 271.
2. Сравнительное уголовное право. Особенная часть / Под общ. ред. С.П. Щербы. М. 2010. 544 с.
3. Уголовный кодекс Азербайджанской республики / Вст. статья И.М. Рагимова. СПб. 2001. 325 с.
4. Уголовный кодекс Кыргызской Республики / Вст. статья А.П. Стуканова, П.Ю. Константинова. СПб. 2002. 352 с.
5. Уголовный кодекс Литовской республики / Вст. статья Н.И. Мацнева, В. Павилониса, А. Абрамавичюса, А. Дракшене. СПб. 2003. 470 с.
6. Уголовный кодекс Республики Армения / Вст. статья Е.Р. Азаряна, Н.И. Мацнева. СПб. 2004. 450 с.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь / Вст. статья Б.В. Волженкина, А.В. Баркова. СПб. 2001. 474 с.

8. Уголовный кодекс Республики Молдова / Вст. статья А.И. Лукашова. СПб. 2003. 408 с.

9. Уголовный кодекс Республики Узбекистан / Вст. статья М.Х. Рустамбаева, З.Х. Гулямова. СПб. 2001. 338 с.

УДК 340.15

Струнский А.Д.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

НЕТИПИЧНЫЕ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Форма правления выступает одной из основных категорий в общей теории государства и права. Она раскрывает способ организации верховной государственной власти, порядок образования ее органов, их взаимодействия между собой и с населением, степень участия населения в их формировании, является составным элементом формы государства[1, С. 154].

В зависимости от того, осуществляется власть единолично или коллективным органом, принято выделять монархическую и республиканскую форму правления [2, С. 136]. Данные формы правления в том или ином виде преобладали на протяжении долгой истории существования государства, однако встречались и встречаются совершенные иные формы правления, которые нельзя отнести ни к монархии, ни к республике в чистом виде. Как правило, они представляют некий синтез из монархической и республиканской формы правления.

К нетипичным формам правления, которые ближе по своей сущности похожи на монархию, можно отнести:

- Выборная монархия, в которой монарх избирает специально уполномоченный орган. Например, в Речи Посполитой в период с 1572 по 1795 гг. Король польский и великий князь Литовский избирался представителями польской шляхты и подписывал два документа — «Пакта конвента» и «Генриховские артикулы», которые серьезно ограничивали власть монарха. Избранный король не имел право определять своего правопреемника и после его смерти снова проводились выборы главы государства[3, С. 53]. В настоящее время также существует выборная монархия, типичным примером выборной монархии

может являться государство Ватикан, главой которого является Папа Римский, избираемый конклавом кардиналов.

- Коллективная монархия — это такая форма правления, при которой высшая власть в государстве принадлежит нескольким людям. Особой формой коллективной монархии в исторической ретроспективе, на наш взгляд, можно признать диархию. Суть диархии как формы правления состоит в разделении властных прерогатив между верховным правителем, сосредоточивавшим в своих руках жреческие (и в некоторых случаях судебные) функции, и «вице-королем», осуществлявшим всю полноту военной и административной власти. При этом верховенство первого было чисто номинальным, так как, будучи связанным обычаями и церемониями, он не мог самостоятельно осуществлять принадлежащие ему властные полномочия[4]. Примеров диархии в истории было очень много, например царствование Иоанна V Алексеевича и Пётра I Алексеевича в России. Однако не всегда коллективная монархия существует в форме диархии, например, Объединенные Арабские Эмираты являются типичной коллективной монархией. Высшие властные полномочия принадлежат Совету эмиров семи объединившихся в федерацию эмиратов. В ОАЭ раз в пять лет также избирается председатель Высшего совета, однако вся полнота власти в целом принадлежит Совету семи эмиров[5].

- Патриархальная монархия — особая форма правления, существующая в Свазиленде. Король, фактически, является вождем племени. Так в 1982 г. племенной совет (ликоко) во главе с королевой-матерью избрали короля из более чем 150 наследников[6].

- Теократическая монархия — форма правления при которой высшая политическая и духовная власть в государстве сосредоточена в руках религиозного служителя, таким образом глава религиозной организации одновременно является и светским главой государства. Примером теократии может являться Тибет до его захвата Китаем в 1950 г., так как вся власть фактически принадлежала Далай-ламе. Сейчас примером теократической монархии является Ватикан.

Также можно выделить и нетипичные формы республик:

- Теократическая республика. Главный признак таких республик — это придание духовной власти статуса государственной и сосуществование духовной и светской властей в качестве двух взаимосвязанных ветвей государственной власти. Так в Иране, согласно Конституции 1978 г., наряду с постом Президента государства, предусмотрена должность Факиха – духовного руководителя иранского народа, являющегося одним из высших религиозных иерархов. Решения Факиха

обязательны для светской власти, они имеют важное значение при решении государственных дел[7, с. 158].

- Республики с коллективным главой государства. Доктор Георг Еллинек выделял две исторические формы республики с коллегиальным главой государства. Первая собственно «республика с коллективным правителем», под которой он подразумевает государство или территорию управляемую корпорацией, например, власть Тевтонского ордена в Пруссии. Второй формой республики он выделял «олигократические республики», к которым относит диархии, например, Рим в эпоху принципата[8]. Следует отметить, что в классификацию Георга Еллинека не вписываются некоторые государства, которые, на наш взгляд, имеют признаки республики с коллективным главой государства, например, в Йемене с 1990 по 1994 гг. действовал «Президентский совет», состоявший из 5 человек и избиравшийся парламентом. Кроме того не все диархии однозначно можно отнести к республиканской форме правления, в том же Древнем Риме в эпоху Республики существовала должность консула, которая была коллегиальной, то есть консулов было сразу двое.

- Республика с пожизненным президентством. Такую форму правления также трудно отнести к республике, так как она не соответствует одному из основных признаков республиканской формы правления — ротация должности главы государства. Пожизненное президентство устанавливали для себя многие диктаторы в целях удержания своей власти. Например, Гай Юлий Цезарь в 45 году до н. э. провозгласил себя вечным диктатором. Современным примером такой республики является Казахстан, где глава государства Нурсултан Назарбаев был объявлен Лидером нации и наделен властными полномочиями до конца жизни.

Таким образом, мы рассмотрели основные, но не единственные, нетипичные форм правления существовавшие и существующие на сегодняшний день. Также отдельное внимание мы уделили такой форме правления, как диархия, которой, к сожалению, уделяется мало внимание в правовой науке.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Теория государства и права. – М.: Норма, 2005. – 496 с.
2. Марченко М.Н. Теория государства и права. – Москва: Проспект, 2004 г. – 416 с.
3. Андреев В.В., Пушкарев С.В. Периодизация развития института нетипичных форм государственного правления // Вестник Российского университета кооперации. - 2012. - №2. - С. 51-59.

4. Разуваев Н.В. Диархия как форма правления традиционного государства // Личность. Культура. Общество. - 2008. - №2. - С. 317-323.
5. Галайдина О.С. Нетипичные формы правления современности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2013. - №4. - С.305-308.
6. Бухтерева М.А. Сущность и характеристика нетипичных форм правления // Научные исследования высшей школы. - 2010. - С. 9-11.
7. Червонюк В.И. Теория государства и права: учебник. М.: ИНФРА-М, 2009. – 704 с.
8. Еллинек Георг. Общее учение о государстве // Вступительная статья д.ю.н., проф. И. Ю. Козмихина – СПб.: Издательство «Юридический центр пресс», 2004.

УДК 340.5

Моор К.Ю.

Крымский филиал ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

ПРАВОВОЕ РЕУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В современных странах проводятся динамичные демократические и политические преобразования, направленные на эффективное реформирование и развитие институтов государственной гражданской службы. Значение этого процесса нельзя недооценивать в связи с тем, что реализация прав и добросовестное исполнение обязанностей государственными служащими влияют на результаты реализации государственной политики, осуществление государственного управления, качественное решение государственных задач и достижение социально-политических целей, стоящих перед государством.

Государство, являясь особой организацией власти, имеет свои задачи и функции. На практике эти задачи и функции реализуются посредством конкретных действий личного состава, находящегося на службе у государства, т.е. государственных служащих. Выполнение служебных обязанностей в интересах государственной службы и государства в целом, недопущение ущемления прав и свобод человека и гражданина являются принципами деятельности государственных служащих, от выполнения которых зависит не только престиж государственной службы, но и отношение граждан к действующей власти.

В структуре государственной службы различаются две группы отношений: 1) организация государственной службы, её подготовка и служебная деятельность; 2) осуществление отдельным служащим (служащими) своих служебных полномочий.

Именно при реализации второй группы отношений возникает необходимость урегулирования конфликта интересов – важнейшего антикоррупционного механизма, обеспечивающего надлежащее функционирование служебных правоотношений.

На международном уровне правовые основы деятельности в сфере государственной службы и понятие конфликта интересов закреплено в Международном кодексе поведения государственных должностных лиц, утвержденном резолюцией 51/59 Генеральной Ассамблеи от 12.12.1996 г. [1]

Так, в ст.5 этого документа определено: «В той мере, в какой к этому обязывает должность, в соответствии с законами или административными положениями государственные должностные лица сообщают о деловых, коммерческих или финансовых интересах или о деятельности, осуществляемой с целью получения финансовой прибыли, которая может привести к возможной коллизии интересов. В случае возможной или предполагаемой коллизии между обязанностями и частными интересами государственных должностных лиц, они действуют сообразно с мерами, установленными для того, чтобы уменьшить или устранить такую коллизию интересов».

Более конкретизированное определение «конфликта интересов» дается в ст.13 Рекомендации №R(2000)10 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам относительно кодексов поведения для государственных служащих, в ней указано, что: «конфликт интересов возникает в такой ситуации, когда государственных служащий имеет личный интерес, могущий повлиять или показаться влияющим на беспристрастное и объективное выполнение им своих официальных обязанностей».[2] Данное определение воспринято международной антикоррупционной организацией Transparency International, проводящей глобальное исследование распространения коррупции в государственном секторе.

В Российской Федерации определение конфликта интересов дан в ст. 10 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».[3] В данном нормативном акте под конфликтом интересов рассматривается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может

повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий).

Таким образом, смысл определения сводится к возникновению или возможности возникновения конфликта интересов в случае получения доходов государственным служащим или членом его семьи в результате исполнения служебных обязанностей государственным служащим.

Необходимо отметить, что в законодательстве разных стран на данный момент под заинтересованностью понимается только материальную (денежную или в натуральной форме) заинтересованность.

Однако, с нашей точки зрения, не всегда в центре конфликта интересов может находиться только личная материальная заинтересованность, поскольку ее сложно установить. Конфликт интересов на государственной гражданской службе необходимо рассматривать с точки зрения конфликта публичного и частного интереса.

К примеру, родственники могут помогать друг другу и без видимой материальной выгоды. Конфликт интересов может возникнуть и в таких ситуациях: использование служащим ресурсов своей организации в личных интересах; наличие служебных полномочий в сферах, позволяющих принять решение на основе субъективных оценок; разрешение дел, касающихся поддерживаемых служащим политических организаций; корыстное использование конфиденциальной и служебной информации; интересы, возникающие в связи с работой по совместительству.

Достаточно эффективным мы можем назвать опыт США в правовом урегулировании конфликта интересов. В системе исполнительной власти США существует специальное ведомство –Офис по правительственной этике. Его прямая задача исключить влияние личных или корпоративных интересов на выполнение государственными служащими их обязанностей и принятие решений от имени государства, обеспечивать соблюдение ими установленных этических стандартов. Офис работает по следующим направлениям: 1)осуществление общего руководства реализацией программ обеспечения соблюдения служащими этических стандартов и оценивает эффективность данных программ; 2)отвечает за создание и своевременное обновление единой нормативно-правовой базы обеспечения служебной этики; 3)ведет просветительскую работу среди государственных служащих. Таким образом, данный Офис проводит большую работу по предупреждению возникновения ситуации конфликта интересов.

На наш взгляд, необходимо формирование единого подхода к понятию «конфликт интересов» и унификации превентивных мер, только лишь запретительными или рекомендательными мерами разрешить данную проблему невозможно. Также необходимо профессиональное личностное ориентирование государственного служащего, в основе мотивации должностного поведения которого будут находиться принципы служения государству и обществу, соблюдения законов и уважение гражданских прав и законных интересов личности и общества в целом.

Список литературы:

1. Международный кодекс поведения государственных должностных лиц (Резолюция 51/59 Генеральной Ассамблеи ООН) от 12 декабря 1996 года. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_code_of_conduct.shtml/ (дата обращения 12.03.2017 г.)
2. Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 6 октября 2000 г. N R (2000) 19 "Комитет министров - государствам-членам о роли прокуратуры в системе уголовного правосудия" [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://base.garant.ru/12124157/#ixzz4b82RlRV1/> (дата обращения 12.03.2017 г.)
3. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://base.garant.ru/12164203/#ixzz4WV7DJOYg>. (дата обращения 23.01.2017 г.)

УДК 340.1:342.56

Гарчева Л.П., д.и.н., профессор, **Чопикян А.А.,**

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» Юридический факультет

ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПРИРОДА РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вопросы правовой природы и места решений Конституционного суда Российской Федерации (далее – КС РФ) в системе источников права и судебной практике являются одними из центральных и дискуссионных в современной юридической науке.

Данной проблеме посвящали свои работы российские теоретики и конституционалисты Н. С. Бондарь, Н. В. Витрук, В. Д. Зорькин, В. А. Кряжков, В.

В. Лазарев, Л. В. Лазарев, А. А. Петров и др. Особое внимание исследователи уделяют проблеме юридической силы решений КС РФ, их места в иерархии нормативных актов, и лишь вскользь затрагивается вопрос о том, имеют ли его решения характер судебного прецедента.

В статье сделана попытка обобщить различные точки зрения по исследуемому вопросу, а также на основе выявления специфических, законодательно-закрепленных признаков актов органа конституционного контроля и анализа категории судебного прецедента сделать вывод о возможности или невозможности отнесения решений и правовых позиций КС РФ к судебным прецедентам.

Согласно ФКЗ от 21.07.1994 N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» решение КС РФ действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами. Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу, признанные не соответствующими Конституции Российской Федерации, не вступившие в силу международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению. Решения судов и иных органов, основанные на актах или их отдельных положениях, признанных постановлением КС РФ неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях [1].

Анализируя указанные положения закона, председатель КС РФ В. Д. Зорькин приходит к выводу о том, что решения КС РФ по делам о проверке конституционности законов и иных нормативных правовых актов высокого уровня имеют, по сути, нормативный характер (обладают нормативной силой) и как таковые приобретают прецедентное значение. Как указывает В. Д. Зорькин, создание прецедентных решений в ходе осуществления конституционного судопроизводства — один из основных механизмов правовой модернизации [2]. Мнения о прецедентной природе решений КС РФ высказывают Л. В. Лазарев, В. А. Кряжков, указывая на «прецедентный», «прецедентно-обязательный» характер решений судебного органа конституционного контроля [3]. В. В. Лазарев утверждает, что КС РФ официально и законно создает судебный прецедент в Российской Федерации [4]. В свою очередь, Н. С. Бондарь отмечает нормативно-доктринальную природу решений КС РФ, которая предопределяется, по его мнению, двойственным назначением данных актов в системе источников права и правовой системе в целом [5].

Относительно правовой природы решений КС РФ в системе источников права и судебной практике, в юридической науке обоснованно высказываются мнения о том, что решения КС РФ вобрала в себя черты, присущие и нормативно-правовому акту, и судебному прецеденту, и правоприменительному акту, и акту судебного толкования, и преюдициальному акту [6]. По мнению О. Н. Кряжковой, возможность подобной деятельности КС РФ обусловлена и его особой правовой природой, как высшего органа государственной власти, осуществляющего конституционный контроль посредством конституционного судопроизводства [7].

Рассматривая вопрос о прецедентной природе решений КС РФ, необходимо обратиться к самой дефиниции «судебный прецедент».

Так, судебный прецедент – это решение по конкретному делу, являющееся обязательным для судов той же или низшей инстанции при решении аналогичных дел либо служащее примерным образцом толкования закона, не имеющим обязательной силы. Последователи отнесения решений КС РФ к категории прецедентов, исходят из факта вхождения КС РФ в судебную систему, а также из того, что сила его решений распространяется не только на те положения правовых актов, которые были непосредственным предметом рассмотрения, но и на аналогичные положения, содержащиеся в других актах.

Вместе с тем, полагаем, что отождествление деятельности КС РФ и судов общей юрисдикции и арбитражных судов в процессе правоприменительной деятельности не может быть признано оправданным. Особый статус КС РФ, как судебного органа конституционного контроля, не позволяет приравнивать решения КС РФ к судебным прецедентам, которые являются традиционными источниками права в англо-американской правовой системе. Судебный прецедент представляет собой результат оценки судом определенной совокупности фактов. Судебные же органы конституционного контроля рассматривают главным образом вопросы права, а не вопросы факта, и потому предметом изучения в рамках конституционного судопроизводства являются не фактические обстоятельства, а законы и иные правовые акты. В то же время, о судебном прецеденте принято говорить, как о результате деятельности такого суда, который является вышестоящим по отношению к другим судам [8]. Между тем, КС РФ как судебный орган конституционного контроля, не выступает в качестве суда вышестоящей инстанции по отношению к каким-либо иным судам, следовательно, к решениям КС РФ не применима устоявшаяся правовая дефиниция «судебный прецедент».

Изложенное позволяет прийти к выводу о возможности отнесения решений и правовых позиций КС РФ, в первую очередь, к прецедентам толкования, нежели к традиционному судебному прецеденту, как источнику права. При этом юридическая сила прецедентов толкования КС РФ предопределяется особым статусом судебного органа конституционного контроля, являющегося составной частью правовой системы.

Вместе с тем, полагаем, что независимо от того, признаются решения КС РФ судебным прецедентом или выступают в качестве прецедентов толкования, они имеют существенное теоретическое и практическое значение, как для судебной, так и иной правоприменительной практики, являясь гарантией единообразного применения законодательства Российской Федерации и совершенствования системы законодательства в целом.

Список литературы:

1. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».
2. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. N 12. – С. 4.
3. Кряжков В.А, Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации: Учебное пособие. М.: БЕК, 1998. – С. 240.
4. Теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. М., 1996. – С. 140.
5. Бондарь Н.С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. N 4 (124). – С.75.
6. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: науч-практ. пособие / З. Д. Еникеев, Е. Г. Васильева, Р. М. Шагеева, Е. В. Ежова. — Изд. 2-е., перераб. и доп. — М.: ЮРАЙТ, 2014. – С. 703.
7. Кряжкова О.Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации. Теоретические основы и практика реализации судами России. М.: Формула права, 2006. – С. 152.
8. Петров А.А. К дискуссии о правовой природе решений Конституционного Суда Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2002 N 3 (9) (июль-сентябрь). – [Электронный ресурс] // URL: <http://www.advo.irk.ru/117-k-diskussii-o-pravovoj-prirode-reshenij-konstitucionnogo-suda-rossijskoj-federacii.html> (дата обращения: 29.03.2017).

РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II КАК ПРЕВЕНЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 гг.

В современной отечественной историографии остается актуальной проблема влияния экономики на реализацию гражданских прав общества в России. В связи с этим возникает интерес к изучению социальных явлений и изменений, среди которых важное место занимают реформы Александра II, проведенные во второй половине XIX века. Основная цель статьи заключается в освещении этого важного для истории России периода, как предпосылки будущих революций. Если исходить из принципа, что все новое это хорошо забытое старое, то причиной освещения реформ 150-ти летней давности, является понимание значения реформ современных.

Поражение в Крымской войне (1853—1856 гг.) обнажило многочисленные проблемы в военной, административной и социальной сферах России. Чтобы сохранить статус великой державы и оставаться конкурентоспособной на мировой политической и экономической арене, необходимо было осуществить модернизацию государства, особенно в сфере управления экономическими процессами.

Взойдя на престол в 1855 г, Александр II инициировал серию важных реформ в различных сферах, направленных на комплексную экономическую, военную и социальную модернизацию. Программа преобразований включала в себя экономическую, военную, судебную реформы, реформы местного самоуправления, образования и т. д. Основанием проведения данных реформ был «Манифест об отмене крепостного права» [6] в 1861 году как одно из величайших достижений Александра II.

Как отмечал В.О. Ключевский, война – это процесс сдерживания реформ, проведение которых требует мирных отношений. Однако в отечественной истории действует иной импульс. В России война с выигранным исходом способствует укреплению действующей власти и порядка, однако война, принеся поражение, вызывает предпосылки изменений и реформ, которые вынуждено производить правительство, исходя из недовольства масс. Ключевский считает, что изменения во внутреннем обустройстве в российском обществе, достигаются лишь ценой неудачных внешних войн и бед [3, т. 4, с. 100].

Помимо объективных целей реформ, направленных на преобразование государства и, соответственно, укрепление его позиций на международной арене, конечной целью реформ Александра II было укрепление и консолидация царского самодержавия в Российской империи. Система, основанная на крепостном праве, сталкивалась с угрозой краха, как выразился Александр II, «лучше упразднить крепостное право сверху, чем дожидаться того момента, когда оно начнет отменять себя снизу» [2].

При этом нужно учитывать тот факт, что большинство представителей дворянства, которые имели рычаги влияния на власть, не желали отмены крепостного права, и как результат, реформы были компромиссом в попытке государства осуществить общенациональные интересы для всех сословий - отмечает Л.М. Ляшенко [5, с. 16–17].

В экономическом аспекте наряду с развитием железнодорожной системы продвигалась интенсивная индустриализация. Правительство также поощряло экспорт и иностранные инвестиции в экономику страны. Значительные иностранные инвестиции способствовали появлению новых отраслей в российской промышленности, они также стимулировали рост производства угля и нефти. Кроме того, рынок стремительно развивался и расширялся в связи с ростом населения. Таким образом, правительство предприняло несколько важных шагов для экономического развития. Но, несмотря на эти довольно позитивные меры, Россия все еще отставала в промышленном отношении от европейских стран.

По мнению Л.Г. Захаровой, возникновение предпосылок революции во второй половине XIX в. способствовало ускорению проводимых буржуазных реформ и реализации социально – экономических программ [1, с. 236].

Смерть Александра II положила конец эпохе реформ. Его преемник, Александр III, отменил большинство либеральных реформ своего отца, возвратив строгий контроль и цензуру, и положив конец всем надеждам на гражданские свободы. Следующее царствование Николая II также не оправдало ожиданий народа, и, таким образом, в 1905 году разразилась революция.

Русская революция 1905-1907 годов [4] была вызвана множеством различных причин и событий. В то время Россия столкнулась с многочисленными экономическими и социальными проблемами. Низкая заработная плата и растущие налоги способствовали ухудшению жизненного уровня, что, в свою очередь, привело к массовым акциям протеста. С другой стороны, правительство при

Николае II не делало никаких шагов к либерализации режима, и как следствие породило сильную оппозицию властям среди разных слоев населения.

Таким образом, великие реформы Александра II оказали значительное влияние на развитие России. Благодаря им Российская империя стала превращаться в современное европейское государство. Хотя его реформы носили характер, направленный как на сохранение самодержавного режима, они все же были достаточно либеральными и прогрессивными и в конечном итоге должны были принести позитивные результаты. Но, к сожалению, убийство императора в 1881 году довело эпоху прогресса и реформации до конца, так как его преемники вернули страну к жесткому авторитарному режиму. Устранение реформ наряду с внутренними и внешними проблемами привело к социальному, политическому и экономическому кризису, что стало предпосылкой будущей революции. Реформы, начатые Александром II, могли успокоить ситуацию в государстве и, таким образом, помочь избежать будущих потрясений навсегда изменив отечественную историю.

Список литературы:

1. Захарова, Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России в 1856–1861 гг. / Л.Г. Захарова. – М., 1984.
2. Каленюк Л.В. «Крестьянская реформа в России 1861 г.: кредитно – денежный аспект» [Электронный ресурс]: Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика Выпуск № 1 / 2009. Научная статья - Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/krestyanskaya-reforma-v-rossii-1861-g-kreditno-denezhnyu-aspekt>
3. Ключевский, В.О. Курс русской истории /В.О. Ключевский. – М., 1989. – Т.5.
4. Леонов С.В. «Российская революция 1905-1907 гг. в сравнительно – историческом контексте» [Электронный ресурс]: Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. Выпуск № 44 / 2012 с. 75-87. Научная статья - Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-revolyuetsiya-1905-1907-gg-v-sravnitelno-istoricheskom-kontekste>
5. Ляшенко, Л.М. Александр II / Л.М. Ляшенко. – М., 2002.
6. «Отмена крепостного права 1861 г.» Научная статья от 01.04.2011 г. [Электронный ресурс]: - Режим доступа: <http://ayp.ru/library/ot-burzhuznykh-reform-1860-1870-kh-gg-k-kontreformam-80-kh-gg-xix-v/7293>

Алимов З. А.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЗЕМЕЛЬ КАК ОДИН ИЗ ВОЗМОЖНЫХ СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН НА ЗЕМЛЮ В РФ

Земля представляет собой основу для жизни и деятельности человека, является компонентом окружающей природной среды, сферой производства, выступает в качестве источника получения природных ресурсов и не материальных благ, тем самым выполняя экологическую, экономическую, эстетическую, культурную, и рекреационную функции.

Согласно ст. 9 Конституции Российской Федерации земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. В силу указанной нормы государство закрепило землю как основу жизнедеятельности народов проживающих на территории Российской Федерации, что в свою очередь позволило поставить под особую правовую охрану общественные отношения, связанные с использованием земли, тем самым установить конституционные гарантии прав на землю[1].

Практическая составляющая данного вопроса показывает реальность сегодняшнего дня, тем самым обнаруживает, что большая часть рассматриваемых в судах дел, это дела связанные с землёй, в частности споры, как по поводу приобретения, так и признания права собственности на землю. Не редко данные споры посягают и на конституционные гарантии прав граждан на землю.

Учитывая современные реалии, становится актуальным и своевременным провести исследование относительно обеспечения конституционно-правовых гарантий на землю, тем самым определить, каким образом правовой режим земель позволяет обеспечить конституционные права граждан на землю.

Функционирование, какого либо института зависит от конкретных правовых норм, которые, в свою очередь образуют правовой режим. Обратим внимание на правовой режим, в частности на его понимание, тем самым попробуем дать

понятие правового режима сформировавшегося на современном этапе развития правовой науки.

Так под «правовым режимом» следует понимать совокупность правовых норм устанавливающих определённый порядок урегулирования общественных отношений, права и обязанности лиц в рамках определённого института.

В свою очередь, «правовой режим земель» – это установленные конкретными правовыми предписаниями основания и условия возникновения, приобретения и реализации права собственности на земли, относящиеся к той или иной категории, порядок и условия использования владельцами таких земель по их основному целевому назначению, права и обязанности собственников, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков, особенности их налогообложения, а также основания и условия прекращения права собственности, систему охраны указанных земель, ответственность лиц за нарушение установленных правовых предписаний, которые направлены на охрану правовых отношений указанной категории земель» [4, с. 88].

На основании вышеуказанного понятия можно выделить элементы присущие правовому режиму земель, в частности: 1) совокупность правовых норм, которые устанавливают правовые предписания; 2) наличие оснований и условий возникновения права собственности на землю; 3) четкий порядок их использования; 4) особенности налогообложения; 5) основания прекращения права собственности на землю; 6) права и обязанности собственников, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков; 7) обеспечение и защиты прав собственников и землепользователей; 8) система охраны земель; 9) ответственность за нарушение норм земельного законодательства.[5, с. 143] Указанные элементы по своей природе выполняют обеспечительные функции. Попробуем рассмотреть каждый элемент поподробнее.

«Совокупность правовых норм, которые устанавливают правовые предписания», указанный элемент играет весьма важную роль, тем самым даёт возможность связать между собой конкретные отрасли, что позволяет сформировать правовой режим относительно объекта правоотношений.

«Наличие оснований и условий возникновения права собственности на землю». Указанный элемент регламентирует порядок и условия возникновения прав на землю. Согласно п.1 ст. 8 ГК РФ установлены основания возникновения гражданских прав и обязанностей. Исходя из указанной нормы, можно прийти к выводу, что основаниями для возникновения прав на такой вид имущества как

земля, могут являться: а) договор или иная сделка; б) акт государственного органа или органа местного самоуправления; в) судебное решение, установившее право на земельный участок; г) приобретение имущества по основаниям, предусмотренным законом[3]. Однако, учитывая, что земля выступает в качестве особого объекта, то в связи с чем, приобретение прав на землю возможно лишь при соблюдении условий предусмотренных Земельным Кодексом Российской Федерации, а в отдельных случаях и специальными законами как федеральными, так и субъектов федерации.

«Четкий порядок использования земель». Раскрывая суть данного элемента, следует отметить, что п.8, ч.1, ст. 1 ЗК РФ устанавливает два основополагающих принципа по поводу использования земель, в частности, принцип целевого назначения категорий земель, и принцип разрешенного использования земель. Согласно данным принципам все земли в Российской Федерации можно использовать исключительно по целевому назначению в пределах определённой категории земель, а каждая категория земель может использоваться согласно разрешенному использованию в соответствии с классификатором видов разрешенного использования земельных участков[2].

«Особенности налогообложения». Согласно ст. 1 ЗК РФ установлен принцип платности земли, данный принцип находит своё отображение в ст. 65 ЗК РФ, тем самым закрепляет обязанность, как пользователей, так и собственников земель вносить обязательную плату за землю. Таким образом, составляющая данного элемента определяет конкретные размеры земельных налогов предусмотренных НК РФ, относительно каждой категории земель, согласно кадастровой стоимости земельного участка[2].

«Основания прекращения права собственности на землю», в соответствии с ГК РФ и ЗК РФ предусмотрены основания для прекращения права собственности на землю. В частности, такими основаниями могут быть: а) отчуждение собственником своего земельного участка другим лицам; б) отказ собственника от права собственности на земельный участок; в) принудительное изъятие земельного участка у собственника[2,3]. Следовательно, можно прийти к выводу, что право собственности на землю может, прекратиться не иначе как на вышеуказанных основаниях.

«Права и обязанности собственников, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков». В соответствии с главой VI ЗК РФ установлены права и обязанности собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков при использовании земельных

участков. Таким образом вышеуказанные лица пользуются лишь предусмотренными законодательством, как правами, так и несут в соответствии с этими правами соответствующие обязанности.

«Обеспечение и защиты прав собственников и землепользователей». Указанный элемент позволяет обеспечить защиту прав собственников и землепользователей с помощью механизмов установленных как главой IX ЗК РФ, так и ст. 12 ГК РФ, которые в свою очередь предусматривают определённые способы защиты таких прав[2,3].

«Система охраны земель». В силу п. 1 ч. 1 ст. 1 ЗК РФ устанавливает принцип охраны земли как важнейшего компонента окружающей среды. Данный принцип находит своё отображение в ст. 12 ЗК РФ, тем самым устанавливает, две цели охраны земель: а) предотвращение деградации, загрязнения, захламления, нарушения земель, негативных (вредных) воздействий хозяйственной деятельности; б) обеспечение улучшения и восстановления земель, подвергшихся деградации, загрязнению, захламлению, нарушению, другим негативным (вредным) воздействиям хозяйственной деятельности[2].

«Ответственность за нарушение норм земельного законодательства». Данный элемент предусматривает виды юридической ответственности за нарушение земельного законодательства, тем самым позволяет установить вид и меру наказания к лицам, нарушившим нормы земельного законодательства.

На основании проведённого анализа можно прийти к соответствующим выводам, в частности: во-первых, правовой режим выступает в качестве обеспечителя, конституционно-правовых гарантий прав на землю граждан Российской Федерации, тем самым обеспечивает гарантии установленные Конституцией Российской Федерации; во-вторых, обеспечительная функция правового режима земель, достигается за счёт его элементов, которые в свою очередь выступают в качестве механизма реализации конституционно-правовых гарантий.

Таким образом, правовой режим земель на сегодняшний день является один из основных способов позволяющих обеспечить конституционные права граждан на землю в Российской Федерации.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Рос.газ. – 1993. – 25 дек.

2. Земельный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 25.10.2001 №136-ФЗ // СЗ РФ. - 2001 г. - № 44. – ст. 4147.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федер. закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. - 1994 г. № 32. – ст. 3301.
4. Алимов З.А. Современные концепции понимания правового режима земель / З.А. Алимов // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, [«Развитие государственности и права в Республике Крым: реалии и перспективы»] – (г. Краснодар 5 февраля 2016 г.) / под общ. ред. С. А. Буткевича. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. – С. 85 – 88.
5. Алимов З.А. Элементы правового режима земель рекреационного назначения в советский и современный периоды / З.А. Алимов // Ученые записки Крымского Федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки» – 2015. – Т. 1 (67). № 3. – С. 136 – 144.

УДК 342.26

Кошман В.А.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» Юридический факультет

КАЙМАКАНСКИЕ И НИЖНИЕ ЗЕМСКИЕ СУДЫ В ПЕРИОД СУЩЕСТВОВАНИЯ ТАВРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ (1784-1796 Г.Г.)

Среди административных органов на местах в Таврической области наибольшее количество работы выполняли нижние земские суды, и, существовавшие до 1787 года, каймаканские суды. Поскольку хронологически последние существовали раньше, то и свое рассмотрение мы начнем с них.

Они осуществляли свою работу до 1787 года и уже на основании права Российской империи, а не действовавшего во времена Крымского ханства, однако с применением местных обычаев. Главами их были каймаканы, которые назначались генерал-губернатором по его усмотрению. Исходя из изученных протоколов заседаний Феодосийского и Акмечетского уездных судов, а также упоминаний в ряде иных документов, считаем, что данные органы решали в основе тот же самый перечень вопросов, что и нижние земские суды, поскольку сфера их деятельности была столь же широкой. Кроме того, они выполняли и судебные функции. При этом мы не можем дать объективной оценки, каким из данных направлений занимались больше в период с 1784 по 1787 год, из-за малого количества материалов, потому условно отнесем их к органам административной власти, хотя они и имели и

судебные полномочия. Несомненно, тут надо учитывать специфику Крымского ханства, где не было понятия разделения властей на судебную и административную, как было закреплено екатерининскими реформами (и то не везде такой принцип на практике соблюдался). Содержание книги исходящей корреспонденции Карасубазарского каймаканского суда [1] показывает, что наиболее частым адресатом переписки было областное правление, для которого в основе отправлялись рапорта о получении и исполнении его указов. Также через каймаканский суд направлялись запросы от местных жителей в форме доношений, а с равноправными органами он сносился сообщения, к примеру, с Феодосийским каймаканским судом. Кроме того, была замечена переписка с казенной палатой по поводу винного откупа, в том числе и об опубликовании приглашения желающим взять откуп. Это подтверждает тезис о том, что в переходный период 1784-1787 года каймаканские суды выполняли функции, более характерные для нижних земских судов, поскольку, кроме комендантов, они были единственными органами власти на местах и занимались всеми сферами государственного управления.

Порядок функционирования и полномочия нижнего земского суда регулировались Учреждением для управления губерний, а именно ст. ст. 23, 35, 65, 66, 67, 75, 166 и 336, главой 17. Основные направления деятельности устанавливались ст. 224: «Нижний земский суд долженствует во-первых иметь бдение, дабы в уезде сохранены были благочиние, добронравие и порядок; второе, чтоб предписанное законами полезное повсюду в уезде исполняемо и сохраняемо было, в случае же нарушения оных, нижний земский суд по состоянию дела, не смотря ни на какое лице, всякого должен приводить к исполнению предписанного законом, и третье, нижний земский суд один в уезде право имеет приводить в действие повеления правления, решения палат, верхних и уездных судов, и чинить отказы». Кроме того, в его ведении было осуществление расследования по делам, отправление правосудия по мелким делам, осуществление контроля за торговлей, и состоянием дорог, сбор сведений о ценах. Отдельно стоящей фигурой в нижнем земском суде был капитан-исправник. Он выполнял функции председательствующего в данном органе, дополнительные функции, возложенные в целом на земской суд, и свои особые полномочия, что было регламентировано главой 18 Учреждения для управления губерний. В его крайне широкую сферу деятельности, входило, кроме функций характерных для нижнего земского суда, следующее: 1) принятие мер по предотвращению эпизоотий и эпидемий; 2)

осуществление надзора за эффективностью землепашества в подконтрольной ему территории; 3) обеспечение постоа войск.

Исходя из содержания дела с определениями Таврического областного правления [4], которое содержалось в Феодосийском нижнем земском суде, видно, что указания Таврического областного правления нижним земским судам носили преимущественно уведомительный характер. Кроме того, сами нижние земские суды выполняли информационную функцию на местах, которая заключалась в доведении различных сведений до населения, обычно о торгах или о желающих взять на откуп или же совершить поставки. Чаще всего приходили указы о поимке разных лиц, то бежавших арестантов, то лиц, разыскиваемых за долги. Также в деле находится протокол задержания лица, похожего на разыскиваемое и об изъятии у него вещей.

Всего были созданы следующие нижние земские суды: Евпаторийский, Симферопольский, Феодосийский, Днепровский и Мелитопольский, Перекопский [2,3].

Одной из функций вышеперечисленных органов было осуществление расследования, однако в случае совершения воинских преступлений или же подозрения на совершение таковых местные должностные лица подавали рапорта на имя правителя области. Так, судя по рапорту евпаторийского земского исправника Абдусалим аги [5], данный вопрос решался между губернатором и соответствующим главнокомандующим войсками, расквартированных в области, путем подачи требования с просьбой о содействии и о проведении мероприятий по поиску виновных, привлечении их к ответственности по военным установлениям и, в случае чего, о проведении профилактики для недопущения подобных действий со стороны военных. Такие ситуации не были редкостью и чаще всего такими разбойниками были разного рода казаки, как войска черноморского, так и иные, в данном случае же подозревались албанцы.

Необходимо отметить, что нижний земской суд подчинялся в своей деятельности широкому кругу органов: начиная от правителя области, заканчивая уездным судом. Вопрос лишь в том, по каким вопросам и от кого они могли принимать запросы. Фактически какие-либо ограничения были установлены только лишь в отношении местных судов, и казённой палаты, которая в силу то ли порядка в области, то ли еще чего, не выходила за рамки своей деятельности, потому и отправляла указания вышеперечисленным органам строго по вопросам своего ведения. Подлинно вышестоящими органами, которые имели полный спектр полномочий в отношении них были наместник, правитель и областное правление.

Список литературы:

1. Книга на записку исходящих бумаг // ГАРК. – Ф. 486. – Оп. 1. – Д. 1.
2. Макидонов, А. В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века / А.В. Макидонов. – Запорожье: Просвита, 2011. – 337 с.
3. Месячные ведомости, получаемые из ведающих в области полицией (городничих, нижних земских судов, городских магистратов) о том, сколько в местах области, предоставленных откупщику А. Яншину, продано горячего вина и других напитков и сколько выручено от продажи денег // ГАРК. – Ф. 792. – Оп. 1. – Д. 331.
4. Определения Таврического областного правления // ГАРК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 14.
5. По рапорту Евпаторийского земского исправника Абдусалим аги о разграблении имущества д. Кара-Гора Малы Дервиш Эфендия и об убийстве его сына // ГАРК. – Ф. 799. – Оп. 3. – Д. 167.
6. Учреждения для управления губерний. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2350/>

УДК 347.771

Пазий А. Я.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПАТЕНТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И РАЗВИТИЯ

Понимание сущности и особенностей современного законодательства, в том числе законодательства об интеллектуальной собственности, невозможно без исследования вопросов развития права, сформированных на каждом этапе развития государства и общества подходов к правопониманию и правоприменению. Модель правового регулирования той или иной сферы общественных отношений формируется с учетом объективных потребностей общества, базируясь на явлениях преемственности и обновления в праве.

В данной работе нами будут рассмотрены основные периоды развития патентного законодательства в России, исследованы их характерные черты и общие закономерности развития с учетом тенденций преемственности в праве.

В целом можно говорить о существовании нескольких основных этапов в развитии патентного законодательства в России.

1 этап охватывает период с первой половины XVIII века до конца XIX века (а именно – до 1896 года, когда было принято Положение о привилегиях на

изобретения и усовершенствования). Этот период можно охарактеризовать как период выдачи привилегий.

Наиболее детальное исследование в области развития патентного законодательства этого периода осуществил А. А. Пиленко, выделяя в развитии изобретательского права в указанный исторический отрезок времени следующие периоды: от Петра I до 1812 года; от 1812 до 1870 года; от 1870 до 1896 года [1].

Стоит отметить, что до начала XIX века привилегии существовали скорее в форме пожалования за какие-то заслуги перед государством и не связывались с понятием изобретения как таковым. Так, они могли выдаваться за усовершенствования в области мануфактурного производства, промыслов, беспошлинной торговли либо представляли собой льготу другого вида.

Таким образом, не был однозначно определен объект, на который выдавалась привилегия, процедура ее выдачи. Наделение привилегиями носило бессистемный характер. Однако с середины XVIII века наблюдается некоторая преемственность в формулировке тех привилегий, которые выдаются изобретателям.

В качестве общей закономерности можно обозначить тот факт, что привилегия выдавалась на новые виды товаров или новые сферы производства, так как образование монополии в любой отрасли промышленности негативно сказывалось бы на развитии народного хозяйства и экономики в целом.

Манифестом от 17 июня 1812 года «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художественных промыслах», который выступает фактически первым актом, комплексно регулирующим вопросы выдачи привилегий, устанавливалось три возможных срока охраны права на изобретения – 3, 5 и 10 лет. Устанавливалось понятие приоритета изобретения, а также необходимость опубликования описания изобретения.

Существенные изменения в патентное законодательство были внесены в 1833 году и были обусловлены дальнейшим развитием русской промышленности. Разнородные монополии, выдававшиеся по явочной системе, стали препятствовать дальнейшему развитию экономики. В. И. Афанасьева отмечает, что внесенные изменения в порядок выдачи привилегий приблизили патентное законодательство Российской империи к современному патентному праву [2]. Был введен институт предварительного рассмотрения изобретений, а также ведения реестров выданных привилегий.

2 этап развития патентного законодательства охватывает период с 1896 г. по 1919 г. Выделение этого периода обусловлено принятием 20 мая 1896 года

Положения о привилегиях на изобретения и усовершенствования, а также созданием органа, функцией которого являлась выдача привилегий – Комитета по техническим делам.

В вышеуказанном акте устанавливается понятие существенной новизны как необходимого критерия для предоставления правовой охраны изобретению. Установился общий принцип, согласно которому изобретение является собственностью изобретателя. Положение содержало перечень непатентуемых изобретений. Срок охраны прав на изобретение составлял 15 лет, эти права обладатель привилегии мог свободно отчуждать.

3 этап развития законодательства об изобретениях условно можно назвать «советским периодом» - с 1919 г. по 1991 г.

После Февральской революции 1917 г. в течение последующих двух лет сохраняло силу Положение 1896 года. Однако, будучи явно противоречащим политике государства, было отменено в связи с принятием Декрета от 30 июня 1919 года, утвердившим Положение об изобретениях. По утверждению В. А. Венедиктова, данное положение преследовало цель «развития творческой инициативы трудящихся ... в интересах социалистического хозяйства» [3].

Фактически же изобретение изымалось из гражданского оборота, объявляясь достоянием государства. Вопросами отыскания «полезных» изобретений занимался Комитет по делам изобретений. С 1924 года обязательной была экспертиза на наличие новизны.

В соответствии с Положением ЦИК и СНК СССР «Об изобретениях и технических усовершенствованиях» от 09.04.1931 г. автору предоставлялось два варианта охраны его изобретения – выдача авторского свидетельства, сопровождавшаяся выплатой ему вознаграждения (при этом права на изобретение переходили государству), либо выдача патента сроком на 15 лет с сохранением за ним исключительного права на изобретение, однако система патентов фактически не применялась.

Впоследствии предоставляется охрана таким объектам, как рационализаторские предложения, открытия и селекционные достижения.

Мы можем заключить, что указанный период развития патентного права характеризуется коренным изменением подхода к регулированию вопросов изобретательства. Происходит ликвидация сложившейся системы изобретательского права, устанавливается государственная собственность на изобретения, никаких

материальных стимулов изобретательства не предусматривалось, все побуждения творческой активности носили идеологический характер.

Важным моментом стало присоединение СССР к Парижской конвенции по охране промышленной собственности, что положило основу гармонизации части норм изобретательского права. Так, например, правовая охрана была предоставлена промышленным образцам.

4 этап развития патентного законодательства – с 1991 года по настоящее время. Распад СССР и образование независимых государств обусловили коренное изменение подхода к правовому регулированию вопросов, связанных с оборотом результатов интеллектуальной деятельности. Формирование системы патентной охраны было осуществлено с учетом принципов рыночной экономики. Принятые в этот период законодательные акты сами по себе создаются в соответствии с мировыми стандартами в области уровня охраны интеллектуальных прав [4].

Правовая охрана предоставлена таким объектам, как изобретения, полезные модели и промышленные образцы, урегулирована процедура регистрации и выдачи патентов, установлены содержание и сроки охраны прав на соответствующие объекты интеллектуальной деятельности.

Указанные положения отражены в Патентном Законе РФ от 23.09.1991 г. В правовых конструкциях закона прослеживается преемственность с нормами советского периода, в частности, касающимися критериев охраноспособности изобретений, вопросов экспертизы заявок и т.д.

В результате реформы законодательства об интеллектуальных правах и его кодификации данный закон отменен, а все регулирование с 01.01.2008 г. осуществляется в соответствии с нормами части четвертой ГК РФ.

Таким образом, в настоящее время развитие законодательства Российской Федерации в области интеллектуальных прав осуществляется в соответствии с общемировой практикой регулирования указанной сферы отношений. Явления преемственности в патентном праве проявляются преимущественно в его содержательном аспекте, а также в процедурных нормах, в то время как сущность и материально-правовые аспекты в их историческом развитии изменяются согласно социально-экономическим, политическим и идеологическим реалиям.

Доминирующими тенденциями развития патентного законодательства можно назвать направленность на развитие инноваций и научно-технического прогресса, а также процесс гармонизации с международными нормами, а также нормами

законодательства в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Список литературы:

1. Пиленко А. А. Право изобретателя. Тома I-II. Москва, издательство М. М. Сталюсевича, 1902-1903 гг.
2. Афанасьева В.И. Законодательство о привилегиях в России (XIX в.) // Законодательство и экономика. 2007. № 4.
3. Венедиктов А. В. Организация государственной промышленности в СССР. Т. 1. М., 1957.
4. Цветков И. Систематизация законодательства об интеллектуальной собственности: pro et contra. // Российская юстиция. 2004. № 6.

УДК 340.15:347.79«17/19»

Таран П.Е. к.филос.н., к.ю.н., доцент, **Кошкин А.С.,**

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОГРУЗОЧНО- РАЗГРУЗОЧНЫХ РАБОТ В ТОРГОВЫХ МОРСКИХ ПОРТАХ КРЫМА В 1920-Е ГОДЫ

Организация погрузочно-разгрузочных работ в портах имеет огромное значение в деятельности торгового флота, внешней и внутренней торговли, всей экономики страны. В период до 1917 г. основные вопросы, связанные с погрузочно-разгрузочными работами централизованно не регулировались, а возлагались в основном на заинтересованные стороны – владельцев грузов, судов, купцов, грузчиков и т.д. Администрация порта в этом вопросе чаще занимала роль арбитра, а уже к непосредственному его регулированию обратилась лишь в начале XX в., да и то частично [1, с. 417–430]. Несмотря на начавшийся процесс механизации погрузочно-разгрузочных работ основной рабочей силой оставались грузчики. Вызвано это было многотипностью торговых судов, что осложняло применение стандартизированных средств погрузки и разгрузки (краны, лебедки, элеваторные ленты и т.д.), относительно незначительный вес в общей работе портов таких механизмов, в том числе из-за их разрушения в годы гражданской войны, непригодность многих портов к их использованию и т.д.

С другой стороны следует отметить и то, что долгое время администрация портов, как и купцы, судовладельцы, капитаны и шкиперы, сопротивлялись организации артелей грузчиков, не признавая право на их существование, стремясь использовать случайных (сезонных рабочих), в том числе и иностранцев на этих работах.

В начале 1920-х годов правовая регламентация погрузочно-разгрузочных работ в торговых морских портах осуществлялась в значительной мере Декретами и Постановлениями Совета Народных Комиссаров (далее – СНК), такими как:

- Декрет СНК «О ввозе из-за границы и обратном вывозе за границу иностранных товаров». (Временные правила) от 4 декабря 1920 г.

- Декрет СНК. «Об организации погрузки и разгрузки вагонов и судов» от 3 августа 1920 г.

- Постановление СНК СССР «О погрузочно - разгрузочных и других работах при таможенных и оплате этих работ» от 20 сентября 1924 года и другие.

Необходимо отметить, что подобное правовое регулирование погрузочно-разгрузочных работ в торговых портах не могло в полной мере обеспечить правовую определенность данной деятельности, в следствие чего с целью централизации деятельности в области морской торговли, 18 июля 1924 г. постановлением Совета труда и обороны был утвержден учредительный договор между Народным комиссариатом путей сообщения (далее - НКПС) и Народным комиссариатом внешней торговли об образовании «Совторгфлота». Согласно приказ по «Совторгфлоту» от 28 августа 1926 г. в Москве, 25 августа, состоялось учредительное собрание акционеров общества «Совторгфлот». На нем был заслушан доклад временного правления о его деятельности, а также состоялись выборы должностных лиц общества. Членами совета выбраны Фрункин, Хлопьянкин, Именитов, Брон, Шлейхер, Медведев (от Наркомторга) и Серебряков, Матвеев, Сергеев, Боруш, Дмитриев, Ермаков от НКПС. В качестве членов правления избраны Иванов, Герман, Розенталь и Юров. В качестве членов Ревизионной комиссии Яворский, Сергеев, Кунин, Глушков и кандидатов к ним Петухов и Вишнепольский. На заседании правления 27.08 председателем избран Иванов Алексей Николаевич. Заведование коммерческим отделом возложено на члена правления Розенталя Э. Заведывание счетно-финансовым отделом на члена правления Германа П.Э. Заведование техническим отделом – на члена правления Юрова Я. Я. [2, л. 59].

Практически параллельно с этим процессом шла непростая работа с наполнением используемых в погрузочно-разгрузочных работах терминами соответствующего правового содержания. В пример можно привести Протокол заседания № 54 Центрального Комитета по портовым делам 18.12.1925 года по определению понятия «рабочий люк» [3, л. 5–6 об.].

С этого времени Совторгфлот начал постепенно брать на себя все вопросы связанные с торговыми и пассажирскими перевозками морским транспортом, в том числе и регулиацию погрузочно-разгрузочных работ, однако сразу подчинить себе различные объединения грузчиков было делом непростым, да и устранение посредников требовало времени.

Так, согласно общих положений коллективного договора, заключенного между Ялтинским отделением профессионального союза транспортных рабочих местного транспорта (Местран) в лице уполномоченного по ялтинскому району Степаренко К. Ф. с одной стороны и с другой стороны ялтинским отделением крымского смешанного акционерного общества производства погрузочно-разгрузочных работ «Крымпогрузка», данный акт распространялся на всех постоянных и временных рабочих, служащих и административно-технический персонал. Договор заключался на 1 год – с 1 января 1929 по 1 января 1930 г. Устанавливался в нем и порядок разрешения конфликтов. Для чего создавалась расценочно-конфликтная комиссия (далее – РКК), которая вела свою работу на основании положения об РКК. Если же сторонам не удавалось договориться, то требовалось следовать ст. 168 и ст. 175 Кодекса Законов о труде.

Договор также предусматривал такие положения как: «3. Условия найма и увольнения»; «4. Оплата труда»; «5. Рабочее время отдых»; «6. Гарантии и компенсации»; «7. Охрана труда»; «8. Дополнительные условия» [4, л. 1–8].

Можно также упомянуть о том, что в Крыму действовала и такая организация как экспедиционно-транспортная погрузочно-разгрузочная артель инвалидов «Красный экспедитор». Заключая с этими организациями соответствующие договора, Совторгфлот уже в скором времени решил создавать собственные артели грузчиков с единым пакетом необходимых документов. Так, Черноморской Главной конторой Совторгфлота (Коммерческий отдел) 18 октября 1929 г. собственным агентствам Совторгфлота была разослана «Инструкция по выработке новых норм выработки и новых сдельных расценок по погрузочно-разгрузочной операции [4, л. 12]. В ней, кроме прочего, предполагалось в коллективных договорах с артелями грузчиков внести пункт, «который твердо устанавливал бы порядок, что нормы

выработки и сделные расценки разрабатываются администрацией Совторгфлота и утверждаются в Рабоче-крестьянской инспекции, и со дня утверждения вступают в законную силу». Агентствам следовало начать работу по этому вопросу с четкой ориентировкой на местные условия, чтобы к началу подписания новых договоров внести их в них.

На расширенном заседании правления «Совторгфлота» 15-23 декабря 1929 г. особое внимание было уделено вопросу «О механизации погрузочно-разгрузочных работ», по которому было решено «План механизации погрузочно-разгрузочных работ по гл. конторам утвердить в сумме 1294 т.с. с ассигнованием 910 т. с. из средств Совторгфлота и 384 т.с. за счет превентивных сумм Госстраха. Разработать план механизации на 1930 г.» [5, л. 20]. Следует сразу указать, что механизация погрузочно-разгрузочных работ, при всей очевидности ускорения и удешевления данного процесса, безусловно, решало еще одну важную проблему – уменьшение зависимости от артелей грузчиков, в том числе и потому, что управляющие кранами, лебедками и прочими механизмами уже числились за портом.

По результатам 1929 г. было обращено внимание на положительный опыт производства Совторгфлотом погрузочно-разгрузочных операций в Черноморских портах хозяйственным способом путем организации своих артелей грузчиков. Такая форма обслуживания грузовых операций больше соответствовала интересам эксплуатации флота (чем при производстве этих же операций при посреднических организациях) и давала ряд определенных достижений, как то: уменьшение простоев судов, улучшение условий эксплуатации, уплотнение работы судов, устранение текучести состава грузчиков, уплотнение рабочего дня грузчиков.

Улучшение условий эксплуатации подтверждалось следующими цифрами: нормы погрузки-выгрузки на 1 люк за 8 ч. рабочий день за 2 полугодие текущего года, по сравнению с 1-м полугодием, увеличились по Евпатории по сборным грузам на 25%, а по массовым мешковым на 20% [5, л. 20]. При этом отмечались и большие простои судов из-за медленной доставки груза со складов. Признавались неудовлетворительными, особенно в закрытых портах, нормы погрузки-выгрузки на люк в судах срочной линии. Также подчеркивалось, что 1929 г., в области, изменения расценок этих работ и их реформирования стал только подготовительным [5, л. 20 об.].

Однако, существовали и отрицательные моменты. Анализ практики 1929 года по заключению коллективных договоров по каждому порту в отдельности, показал,

что это привело к слишком большому разнообразию и неравенству правовых условий коллективных договоров.

Для решения этих проблем в 1930-е годы были предприняты такие меры, как изменение подхода к заключению коллективных договоров, а именно их заключение в областном и республиканском масштабе, а также изменение тарифов на погрузочно-разгрузочные работы в торговых морских портах.

Список литературы:

1. Змерзлый Б.В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. / Б.В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.
2. Государственный архив республики Крым, ф. Р-1619, оп. 1, д. 6. Годовой отчет городского бюро ялтинского морского агенства Совторгфлота за 1925 г. 1925 г. 104 л.
3. Там же, ф. р-1584, оп. 2, д. 149. Переписка с центральным комитетом по портовым делам. 16.12.1925-1.12.1926. 22 л.
4. Там же, ф. Р-1619, оп. 1, д. 17. Материалы по ликвидации Ялтинского отделения Крымского смешанного акционерного общества производства погрузочно-разгрузочных работ «Крымпогрузка» и передаче всех погрузочно-разгрузочных работ, гужперевозок и местной экспедиции Ялтинскому морскому агенству Совторгфлота. 30.04.1928 – 14.09.1930. – 29 л.
5. Там же, ф. Р-1619, оп. 1, д. 18. Приказы и циркуляры Черноморской главной конторы Совторгфлота. Протокол производственной конференции грузчиков портов Черного и Азовского морей и докладная записка о погрузочно-разгрузочных работах за сентябрь-октябрь 1930 г. 15.09.1929-27.10.1930. 180 л.

УДК 340.142:340.5

Чопикян А.А.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

В современной юридической науке вопросы правовой природы судебного прецедента как источника права являются традиционно дискуссионными. В последние десятилетия все больше исследователей сходятся во мнении о необходимости пересмотра места и роли судебного прецедента, как источника права в романо-германской правовой системе.

Данной проблеме посвящали свои работы российские теоретики и правоведы В.В.Лазарев, В.А.Кряжков, З.Д.Зорькин, П.А.Гук и другие. Особое внимание исследователей уделено вопросам происхождения, развития и юридической природы судебного прецедента как источника права в странах романо-германской правовой системы, системе права современной России.

В статье автором сделана попытка обобщить многообразные позиции по исследуемому вопросу, а также на основе изучения и оценки категории судебного прецедента сделать вывод о допустимости или недопустимости причисления судебного прецедента к источникам права романо-германской правовой системы и правовой системы современной России.

Судебный прецедент, наряду с правовым обычаем, является одним из старейших источников права. Прецедентное право исходит корнями из Англии и впоследствии занимает первостепенное место в странах общего права.

Отличное от указанного отношение к судебному прецеденту принято в странах романо-германской правовой семьи, к которым относится большинство стран континентальной Европы, в том числе и Россия. Правовые системы данных стран развивались на основе римского права и не вобрали в себя практику и традиции, принятые в странах общего права.

Возникновение и развитие судебного прецедента в континентальной правовой семье П.А.Гук связывает с «запретом на отказ в правосудии, то есть отказ вынести решение по делу под предлогом умолчания, неясности или неполноты закона. Требование избежать отказа в правосудии послужило существенным стимулом развития судебного правотворчества в странах романо-германской правовой системы» [1]. В настоящее время судебный прецедент в ряде стран континентальной правовой системы получает формальное (нормативное) закрепление. Решения высших судебных инстанций Франции, Германии, Испании, Италии, Португалии, Швейцарии публикуются в сборниках судебной практики, что позволяет знакомиться с новыми прецедентами и применять их при разрешении аналогичных дел.

В Российской Федерации судебный прецедент не признается в качестве источника права, однако, как и во многих странах романо-германской системы права, прецедент приобретает все большее значение в правоприменительной и правотворческой практике. Так, несмотря на формальный отказ в признании судебного прецедента в качестве источника права, в российской правовой системе

четко прослеживается ориентация на использование прецедента в деятельности судебной системы.

По мнению В.Д. Зорькина, «правотворческая деятельность судов в правовой системе России формально (официально) не признается, в доктрине интерпретируется противоречиво, но реально существует и через высшие судебные инстанции влияет на развитие права, так же как это имеет место и в ряде других стран Европейского континента (Греция, Италия, Нидерланды, ФРГ и др.)» [2].

Указанное позволяет прийти к выводу от том, что одним из признаков судебного прецедента в странах континентальной правовой семьи, в том числе, России, является распространение категории прецедента исключительно на практику высших судебных инстанций. Одновременно практика судов высших инстанций, как правило, касается толкования норм права и издания обзоров и обобщений правоприменительной судебной практики. В.Д.Зорькин отмечает, что «невозможно согласиться с теми учеными, которые рассматривают Верховный Суд Российской Федерации и Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в качестве субъектов правотворчества, а их разъяснения по вопросам судебной практики - в качестве источников права... Решения и разъяснения этих судов... не содержат правовых норм как таковых» [3].

Действительно, на наш взгляд, ныне существующая практика судов высших инстанций не преследует цель создания новой правовой нормы, а направлена, прежде всего, на толкование норм действующего законодательства.

Иная ситуация, по нашему мнению, сформирована с решениями Конституционного суда Российской Федерации.

Представляется, что одним из проявлений расширения значения и роли судебного прецедента как источника права в правовой системе России можно считать сложившуюся в настоящее время практику придания решениям Конституционного суда Российской Федерации общеобязательной силы.

Как отмечает В. Д. Зорькин, «решения Конституционного суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности законов и иных нормативных правовых актов высокого уровня имеют, по сути, нормативный характер (обладают нормативной силой) и как таковые приобретают прецедентное значение. Создание прецедентных решений в ходе осуществления конституционного судопроизводства — один из основных механизмов правовой модернизации» [2].

Мнения о прецедентной природе решений Конституционного суда Российской Федерации высказывают Л. В. Лазарев, В. А. Кряжков, указывая на «прецедентный»,

«прецедентно-обязательный» характер решений судебного органа конституционного контроля [4]. В. В. Лазарев утверждает, что «Конституционный суд Российской Федерации официально и законно создает судебный прецедент в Российской Федерации» [5].

Между тем, полагаем, что несмотря на распространяющееся влияние судебной практики в странах романо-германской правовой семьи, существует ряд неразрешенных теоретических вопросов, сдерживающих процесс признания судебного прецедента в качестве одного из источников права в романо-германской правовой системе. Так, судебный прецедент в большинстве стран континентальной правовой системы имеет несамостоятельный вспомогательный характер, зависящий от основного источника права - закона, направлен на его толкование при неясности содержания последнего. Более того, на сегодняшний день в правовой доктрине юридической науки отсутствует однозначное понятие судебного прецедента, так же как и нет четкой позиции о том, какие решения судебных органов могут носить прецедентный характер, а какие лишены таких свойств.

В то же время, несмотря на явные теоретические проблемы юридической природы судебного прецедента в странах романо-германской правовой семьи, бесспорной является тенденция широкого применения прецедента как в правотворческой, так и в правоприменительной практике, которая, по нашему мнению, предопределяет восприятие и признание прецедента в качестве источника права в романо-германской правовой системе.

Список литературы:

1. Гук, П.А. Судебный прецедент как источник права: Автореферат дис. канд. юрид. наук./П.А.Гук. – Саратов, 2002. – 17 с.
2. Зорькин, В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации/В.Д.Зорькин// Журнал российского права. – 2004. – N 12. – С. 31 – 34.
3. Зорькин, В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд., доп./ В.Д.Зорькин. – М.:Норма, 2008. – 126 с.
4. Кряжков, В.А. Конституционная юстиция в Российской Федерации: учебное пособие/В.А.Кряжков, Л.В.Лазарев. – М.: БЕК, 1998. – 240 с.
5. Теория права и государства/под ред. В.В. Лазарева. – М., 1996. – 140 с.

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

В отечественном праве институт персональных данных является достаточно новым и находится на этапе развития. Основным нормативным документом в системе правовой регламентации защиты персональных данных является Федеральный закон от 27 июля 2006 года №152-ФЗ «О персональных данных», определяющий общие принципы защиты таких данных и направленный на реализацию конституционных прав граждан, гарантирующих неприкосновенность их частной жизни и свободу информации, а также на воплощение в жизнь международных обязательств, взятых на себя Российской Федерацией при ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматической обработке персональных данных от 28 января 1981 года.

Федеральный закон №152-ФЗ «О персональных данных» был призван решить актуальные вопросы, связанные с получением, использованием и распространением персональных данных. За все время своего существования Закон претерпел множество изменений, последние из них были приняты в июле 2011 года. И сам закон, и вносимые в него поправки вызвали неоднозначную реакцию у специалистов. Так, помимо положительных отзывов, вызванных внесением уточнений в закон, устранением некоторых пробелов предыдущих редакций и созданием некоторых «послаблений» для операторов персональных данных, принятые поправки вызвали немало нареканий специалистов в связи с предъявлением к обработке персональных данных строгих и порой излишних требований.

Сегодня отмечается серьезное отставание правового регулирования охраны информационных прав человека и гражданина от возможностей правовой защиты при их нарушении.

Информатизация современного общества, создание и широкое использование различными государственными и частными структурами компьютеризированных баз данных о гражданах, активное участие России в международном

информационном обмене придают особую актуальность задаче обеспечения правовой защиты информации о частной жизни граждан.

Одна из главных проблем защиты личной информации состоит в латентном характере посягательств на частную жизнь граждан: субъект данных может и не догадываться о незаконном сборе, обработке, хранении, уничтожении и передаче его персональных данных, а также о внесении в эти данные преднамеренных искажений.

Защита персональных данных была и остается одной из наиболее острых проблем в информационных отношениях между гражданами, предприятиями, организациями, государством. Одновременно с глобальными структурными изменениями, произошедшими в политике, экономике, социальной сфере России в 90-е годы, начался переход от индустриального к информационному обществу.

В настоящее время в связи с информатизацией общества в России значительно увеличилось количество различных баз данных, содержащих информацию персонального характера, держателями которой являются как государственные, так и частные, коммерческие структуры. При этом вопросы, касающиеся сбора, обработки, хранения и передачи персональных данных все еще не имеют достаточного правового, организационного и технического обеспечения.

[1]

Личная жизнь граждан весьма уязвима для всевозможных вторжений и вмешательств. От того, насколько гарантировано сохранение тайн частной жизни граждан, как глубоко государство может проникать в содержание этих тайн, и какие основания для этого необходимы, зависит степень свободы личности в государстве, демократизм и гуманность политического режима.

За рубежом уже давно практикуется защита подобных сведений. Признание Российской Федерацией Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.), Конвенции о защите прав человека и основных свобод (от 4 ноября 1950 г.), Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (приняты Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г.), Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказания за него (принята Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 г.), Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1963 г.) и ряда других важнейших международно-правовых актов позволило нашей стране заложить основы правового регулирования защиты частной жизни граждан и занять достойное место в цивилизованном мире.

Гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина в условиях демократического общества нашли отражение в нормах Конституции Российской Федерации.

Часть 8 ст. 9 Федерального закона № 148 от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» относит сведения о частной жизни лица к информации ограниченного доступа и запрещает требовать от гражданина (физического лица) предоставления информации, составляющей личную или семейную тайну, а также получать такую информацию помимо его воли, если иное не предусмотрено федеральными законами.

Упоминание о сведениях, связанных с тайной частной жизни, можно встретить во многих подзаконных нормативно-правовых актах. Примером может служить приказ Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 25 июля 2006 г. № 375/584/352 «Об утверждении Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел». Здесь подчеркивается, что возможность ознакомления с находящимися в делах документами личного характера и пользования ими связана с соблюдением режима конфиденциальности в отношении информации, ставшей известной ее пользователю (п.п. 7, 17 Положения).

Очевидно, что проблема конституционно-правового регулирования защиты частной информации граждан непосредственно связана с проблемой защиты персональных данных. Объявив в ряде нормативных актов указанную категорию информации конфиденциальной, законодатель поступил, вне всякого сомнения, правильно, однако не учел широкую распространенность таких сведений. Любая анкета, медицинская карта, автобиография, трудовая книжка, содержит в себе персональные данные. Следовательно, необходим общий нормативный механизм установления и реализации защиты такой информации, выработать который чрезвычайно сложно. Из этого следует вывод, что, наряду с установлением действенного режима защиты необходимо сократить до разумного минимума необходимость предоставления такой информации гражданами в государственные и негосударственные учреждения, максимально ограничить получившее в последние годы широкое распространение всякого рода «уличное» и «телефонное»

анкетирование, а также более точно определить само юридическое понятие «персональные данные».

Список литературы:

1. Михеева М.Р. Проблема защиты персональных данных. – Владивостокский центр исследования организованной преступности при Юридическом институте ДВГУ / http://crime.vl.ru/docs/stats/stat_93.htm.

2. Даукаев И.М., Журавленко Н.И. Проблемы правовой и организационной защиты персональных данных: монография в 2-х т. / И.М. Даукаев, Н.И. Журавленко – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013.- 364 с. Т.1, 365 т. 2

УДК 343.58:340.5

Карпюк К.В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Россия остается одной из немногих стран, где до сих пор не принят закон, защищающий животных от жестокости. К сожалению, ни одна из попыток принять в нашей стране подобный закон не увенчалась успехом. Еще в 2008 году подобный Закон представляла председатель Комитета по природным ресурсам, природопользованию и экологии Н. Комарова. Однако в марте 2008 года Госдума РФ полностью сняла с рассмотрения закон «О защите животных от жестокого обращения» мотивируя это тем, что созданная для доработки закона специальная комиссия прекращает свою работу, поскольку вопрос защиты животных уже урегулирован в действующем законодательстве, в том числе в федеральном законе РФ от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» [1] и федеральном законе РФ от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [2].

Впоследствии проект Федерального закона «О защите животных от жестокого обращения» претерпел существенные изменения после переработки в Государственной Думе РФ: было изменено не только название закона - на ФЗ «Об ответственном обращении с животными» [3], но и само его содержание, которое стало прямо противоположным цели - защите животных от жестокости.

Необходимо отметить, что ни перечисленные выше Федеральные законы, ни проект ФЗ «Об ответственном обращении с животными» не содержат самого

определения жестокого обращения с животными, не определяют меры и способы их защиты. Кроме того на практике на сегодняшний день вся правовая база России по защите животных сосредоточена и представлена фактически лишь единственной статьей 245 УК РФ, которая в силу узкой специализации своего действия не может распространиться на все виды, используемые ради прагматических нужд человека. Даже по фактам жестокого обращения с такими животными как – кошки и собаки – привлечь по этой статье виновных крайне трудно, поскольку доказать сам факт жестокого обращения проблематично.

Учитывая изложенное, вопрос защиты животных от жестокого обращения, остается достаточно острым и злободневным. Недостаточная правовая регламентация в этой сфере обуславливает наличие проблем по привлечению лиц, допустивших жестокое обращение с животными к ответственности.

На современном этапе в условиях обострения криминогенной ситуации в стране, необходимо помнить о том, что одним из факторов, обуславливающих рост преступности, является снижение либо отсутствие нравственности в обществе. Общественная опасность жестокого обращения с животными заключается не только в том, что в результате него им причиняется вред, но и в том, что жестокость сама по себе зачастую является необходимой предпосылкой для совершения других преступлений. Особенно это касается подрастающего поколения, поскольку жестокость по отношению к живым существам развивает у подростков «низменные нравственные начала».

Жестокость по отношению к животным часто порождает многие другие преступления.

Что касается понятия «жестокое обращение с животными», то на сегодняшний день данный термин не имеет четкого определения ни в Российской Федерации, ни во всем мире. Указанный термин не закреплен ни в одном международном нормативном правовом акте. В большинстве стран, в том числе и в России, указанное понятие относится к уголовному законодательству. В некоторых странах под жестоким обращением с животными понимается нанесение увечий или причинение гибели с применением садистских методов с целью извлечения выгоды. В некоторых штатах США к жестокому обращению с животными приравнивается оставление его на улице или выбрасывание. А, например, в Японии наказывается и умышленное истощение животного.

Если обратиться к анализу статьи 245 Уголовного кодекса Российской Федерации, то под жестоким обращением с животными следует понимать

обращение, повлекшее их гибель или увечье, при условии, что это деяние совершено из хулиганских побуждений, корыстных побуждений или с применением садистских методов, или если при его совершении присутствовали малолетние [4]. Данное определение раскрывает лишь последствия, способы и мотивы жестокого обращения с животными, но не раскрывает, какие именно деяния можно расценивать как жестокое обращение. К тому же, уголовной ответственности лицо подлежит только после наступления последствий в виде увечий или гибели. Увечье - понятие оценочное, требующее разъяснений судебных органов.

На сегодняшний день, как уже отмечалось ранее, активно обсуждается и рассматривается проект Федерального закона «Об ответственном обращении с животными», который заменил ранее поданный проект «О жестоком обращении с животными». Так, в соответствии с п. 9 ст. 2 указанного проекта, под ответственным обращением с животными следует понимать гуманное отношение к животным, предполагающее добросовестное выполнение обязанностей по их содержанию и воспитанию, разведению, использованию, оказанию животным ветеринарной помощи, обеспечению удовлетворения их базовых естественных потребностей на основе биологических и индивидуальных особенностей животного, недопущение жестокого и иного антигуманного обращения с животными [3]. В формулировке указанного определения, как мы видим, содержится понятие «жестокое обращение с животными». Однако проект снова не содержит определения такого понятия. Считаю целесообразным дополнить проект определением такого содержания: под жестоким обращением с животными следует понимать такое обращение, которое совершено в результате действия, повлекшего их гибель или увечье, при условии, что это деяние совершено из хулиганских побуждений, корыстных побуждений или с применением садистских методов, или если при его совершении присутствовали малолетние, либо в результате бездействия.

Признаками жестокого обращения с животными являются: причинение физического вреда; причинение вреда в результате действия или бездействия; влечет гибель животного или нанесение ему увечий; на счет признака многократности – по нашему мнению, достаточно одного факта для того, чтобы можно было констатировать факт жестокого обращения с животным.

В нашей стране по сравнению с зарубежными странами, вопросу об ответственности за жестокое обращение с животными, а так же вопросу безнадзорных животных не уделяется должное внимание. Это противоречит принципам гуманного демократического общества. Ведь общество считается

развитым лишь только в том случае, когда все нравственные и моральные идеалы воспринимаются всеми правильно, а поведение не выходит за рамки дозволенного, и урегулировано соответствующими нормами. Целью этих норм является удержание людей от насилия в любой форме, так же как и защита животных от жестокого обращения путем введения новых видов ответственности, в частности, административной, за такие действия.

Кроме того, нарушение санитарных правил содержания животных также можно квалифицировать как разновидность проявления жестокости по отношению к животным. Исходя из этого, можно сделать вывод, что Гражданским кодексом РФ закреплена ответственность за ненадлежащее обращение с животными, противоречащее принципам гуманности, и можно утверждать определенно, что законодатель определил бремя доказывания по гражданскому иску на истца, именно он должен доказать, что в отношении животного собственник применяет незаконные методы содержания. А это в очередной раз доказывает необходимость определения и нормативного закрепления санитарных правил содержания животного с учетом вида и места его содержания.

Так же необходимо разработать стратегию решения проблемы бездомных животных. Она должна быть долгосрочной, комплексной и действенной, а для этого необходимо: создание и функционирование специализированных профессиональных структур (например, муниципальных служб по контролю за численностью городских животных, их содержанию, которые бы принимали соответствующие меры исходя из складывающихся условий и координировали в масштабах населенного пункта всю деятельность, связанную с беспризорными животными); активное вовлечение владельцев животных; повышение ответственности и информированности населения; создание соответствующего бюджета; привлечение волонтеров; уменьшение кормовой базы – отбросов, доступных для самостоятельного потребления животными и др.

Кроме того, необходимо не только в уголовном порядке усиливать наказание за жестокое обращение с животными, но и дать толкование этому понятию, а также предусмотреть административную ответственность за правонарушения в этой сфере в Кодексе об административных правонарушениях РФ.

Кроме того, необходимо принять федеральный закон, который урегулировал бы правоотношения в этой сфере, поскольку: во-первых, он унифицирует все нормы о жестоком обращении с животными в одном нормативном акте; во-вторых, он должен содержать определение таких понятий как «жестокое обращение с

животными», «догхантер»); в-третьих, должен содержать признаки жестокого обращения с животными; в-четвертых, определять меры и виды ответственности в этой сфере.

Список литературы:

1. Федеральный закон РФ от 24.04.1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире». [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6542/
2. Федеральный закон РФ от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/
3. Проект Федерального закона «Об ответственном обращении с животными». [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=81953#0>
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.03.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2017). [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/

УДК 342.7

Голубенко Д.Д.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ИНСТИТУТА ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Мировой опыт развития общества свидетельствует, что без признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека невозможно построить демократическое, социальное, правовое государство. Этот принцип положен в основу Конституции Российской Федерации, которая содержит положение о том, что человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются наивысшей социальной ценностью, а утверждение и обеспечение прав и свобод – главной обязанностью государства. Одним из фундаментальных прав человека, которое отражает его свободу, является право на неприкосновенность частной жизни. В настоящее время общество характеризуется глобализацией мирового экономического пространства и высокими темпами научно-технического прогресса, что порождает появление все новых угроз неприкосновенности частной жизни индивида со стороны как государства, так и отдельных личностей. Самый очевидный пример – проблема защиты персональных данных, их неприкосновенность в сети Интернет, создание кредитных историй и

медицинских баз данных для исследования. Именно поэтому все более актуализируется потребность в осмыслении значимости права на неприкосновенность частной жизни.

Международная правозащитная организация «Privacy International» опубликовала «Международный рейтинг неприкосновенности частной жизни». Рейтинг включал 47 стран, которые ранжировались по степени их вторжения в частную жизнь. Лучше всего частная жизнь защищена в Греции, а что касается России, то она заняла третье место, но с конца. В докладе сказано, что нелегальный сбор данных о гражданах и их распространение является обычным явлением в России. [1]

Изучив материалы судебной практики, связанной с нарушением права на неприкосновенность частной жизни, можно сказать, что за период с 2010 года по 2016 год насчитывается более 5 тысяч судебных дел, что свидетельствует о беспокойстве граждан по поводу их нарушенных прав.

Права человека играют важную роль во взаимоотношениях человека, общества и государства. Это ценность, способная выравнять условия жизни многих народов мира, инструмент, который защищает каждого индивида, вносит в его жизнь взаимопонимание и справедливость, мир и солидарность.

История возникновения и развития права человека на неприкосновенность частной жизни указывает на то, что каждый индивид, его взгляды, убеждения и индивидуальные качества заслуживают уважения уже потому, что по своей природе он есть человек. Именно с этой позиции стоит анализировать статью 17 Конституции РФ, где прописано, что права и свободы человека есть неотчуждаемыми и нерушимыми. Другими словами, право на неприкосновенность трактуется как природное, личное, неотъемное право человека, признанное и охраняемое государством. Право на частную жизнь позволяет человеку быть индивидуальным в отношениях с другими людьми и государством.

Право на неприкосновенность частной жизни состоит в том, что оно принадлежит конкретному человеку, который не может отказаться от него или быть лишенным этого права. Оно может быть нарушено, ограничено, но полностью человек его не лишается. Именно такой подход дает возможность охарактеризовать исследуемый феномен как право фундаментальное. Абсолютность права на неприкосновенность частной жизни не зависит от воли законодателя и проявляется в том, что человек вправе защищать его от всякого вмешательства, а также пользоваться им без всякого специального разрешения. Защита этого права

обеспечивается установлением границ вмешательства государства и общества в частную жизнь индивида.

В английском языке все стороны частной жизни обозначаются единым термином «privacy», который не имеет эквивалента в русском языке. В США, данным понятием обозначают все аспекты частной жизни индивида. В переводе с английского это слово обозначает «секретность», «интимность», «личная тайна»[2], другими словами это круг отношений человека, куда другим вход запрещен. Первая попытка сформулировать суть этого понятия была сделана американскими юристами Уорреном и Брандейсом, которые определили его как «the right to be alone» («право быть оставленным в покое», «право быть предоставленным самому себе»). [3, с.883] Другие американские специалисты в данной сфере выделяют «privacy», как право человека контролировать «свой жизненный простор», т.е. право: а) быть свободным от необоснованных арестов, задержаний, обысков, изъятия имущества и документов; б) контролировать информацию о себе самом; в) отдельным лицам, группам или ассоциациям самим решать, когда, каким образом и какой информацией о них можно информировать других; г) жить так, чтобы органы власти и другие лица без веских причин не вмешивались в их частную жизнь.

Очевидно, что частная жизнь – это одна из сфер индивидуальной жизнедеятельности человека, которая регулируется как правовыми нормами, так и нормами морали, включает в себя все те внутренние и внешние стороны его жизни, которые он сам для себя устанавливает, и должна защищаться принудительной силой государства, не нарушая при этом прав и свобод других лиц. [4, с. 12]

В Конституциях большинства стран мира гарантируется право на частную жизнь, которое состоит как минимум из права на неприкосновенность жилища и тайну коммуникаций. Право на защиту личной жизни от любого вмешательства отражено в решениях международных судов, в частности, в прецедентах Европейского суда по защите прав человека.

Европейский суд по правам человека определил пределы понятия «частная жизнь» (причем на каждое из нижеуказанных утверждений есть решение Европейского суда). Так оно включает в себя: имя человека; изображение (фотография) человека; репутацию человека (защита чести); сексуальную ориентацию, сексуальную жизнь; неприкосновенность жилища (обыски и конфискация); тайну корреспонденции (коммуникаций); деятельность профессионального и делового характера, а также ограничение на занятие профессиональной деятельностью; досье или данные, составляемые службами

безопасности или другими государственными органами; физическую и психологическую неприкосновенность (целостность) личности, включая медицинское обслуживание и психиатрические осмотры, и психическое здоровье; сбор и обработку персональных данных; другие сферы.

Итак, исследуемое нами право на частную жизнь следует рассматривать с двух позиций: как самостоятельное субъективное право и как комплекс его компонентов. Среди проблем, которые требуют своего скорейшего решения, следует выделить, в первую очередь, теоретико-правовые вопросы, связанные с уяснением понятийного аппарата, объекта и субъектов исследуемого права, а также вопросы его обеспечения и защиты, возможных границ и правомерных ограничений.

Список литературы:

1. Исследование Privacy International: Неприкосновенность частной жизни находится под угрозой в большинстве развитых стран. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. — 06.01.2008. 19:39. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2008/01/06/1562>
2. Англо-русский полный юридический словарь, А.С. Мамулян, С.Ю. Кашкин, Москва, «Советник», 1993
3. Международная полицейская энциклопедия: У10 т. / Отв. ред. : ЮЛ. Рымаренко, Я.Ю. Кондратьев, В.Я. Ций, Ю.С. Шемшученко – IV: Криминально-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные способы полицейской деятельности. – К.: Атика, 2007 - С 883
4. Канина И.А. Частная жизнь в сфере права. Автореф. Дис. К.ю.н. – Тамбов ТГУ им. Г.Р.Державина, 2006, 10с.

УДК 349.2

Петкевич Т. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Хотя, право на труд является одним из основополагающих прав человека, но его бесспорной значимости недостаточно для предотвращения его нарушений. В современных условиях в России ежедневно происходят случаи дискриминации в трудовых отношениях по половому признаку и, как правило, «жертвой» дискриминации становится женщина.

По мнению некоторых работодателей, женщины имеют значительно меньше времени и возможностей строить свою карьеру, работать без перерывов, по жесткому графику, а тем более выполнять сверхурочную работу. Именно это и способствует возникновению у работодателей стереотипа: «женщина – худший работник». Не редки случаи отказа женщине в принятии на работу по причине наличия у нее несовершеннолетних детей, несмотря на то, что в трудовом законодательстве содержится запрет на отказ в приеме на работу по таким причинам.

В современных условиях женщины составляют большую часть населения в Российской Федерации. Так, исходя из данных Федеральной службы государственной статистики России, стоит отметить, что на 1 января 2016 года мужчины составили 67,4 млн., что составляет 46,5% от общего населения страны, а женщины – 77,8 млн., что составляет соответственно 53,5% [1]. Что касается уровня занятости в Российской Федерации, то женщины составили 71,6%, а мужчины – 76,4% [2].

К сожалению, трудоустройство женщин, их положение на рабочих местах, условия и оплата труда, если использовать средние показатели, значительно ниже, нежели у мужчин. Это и свидетельствует о наличии гендерной дискриминации в трудовых отношениях.

По биологическим параметрам и показателям, естественно, что мужчины и женщины различны. Однако, в соответствии с законодательством Российской Федерации, это не может служить основанием для ущемления прав женщины.

Так, часть третья статьи 19 Конституции Российской Федерации провозглашает, что «мужчины и женщины имеют равные права, свободы и возможности для их реализации» [3].

Гендерная дискриминация в трудовой сфере может выражаться различным образом. Так, несмотря на наличие образования и квалификации работодатель, как правило, отдает предпочтение мужчинам. Это объясняется тем, что работодатель считает, что работник-мужчина больше заинтересован в своей карьере и он на многое способен в отличие от женщин, которые на первый план выдвигают семью и детей. Это, а также то, что женщинам необходимо предоставлять отпуска по беременности и родам, по уходу за ребенком, учитывать установленные для них ограничения при подъеме тяжестей и работе с вредными и опасными условиями работодатель воспринимает как некое обременение ввиду того, что требуются дополнительные затраты сил, времени, денежных средств.

Хорошо просматривается гендерная дискриминация в результате анализа объявлений о вакансиях, в том числе размещенных в средствах массовой информации, и даже использованных в государственных службах занятости населения [4]. Если брать за основу исследование объявлений о вакансиях в таких городах, как Москва, Самара, Кемерово, то можно с полной уверенностью отметить, что признаками дискриминации в сфере труда выступают пол и возраст.

При этом 59% объявлений о поиске кандидатов на работу в Москве и 25% в Кемерово содержали требования к возрасту. В 56% случаев объявлений указывалось, что нужен мужчина, а в 44% - женщина. Требования к полу указывались в среднем в 29% объявлений (Москва - 36%, Самара - 33%, Кемерово - 17%). Число объявлений, содержащих дискриминационные требования к полу претендентов на вакансии находилось на достаточно высоком уровне – 27% [5].

К сожалению, наше государство не располагает систематическими средствами борьбы с дискриминацией женщин в сфере труда. Можно констатировать тот факт, что после распада СССР и перехода нашей страны к рыночным отношениям рассматриваемая проблема еще больше обострилась. Невзирая на то, что за последние годы было разработано и опубликовано большое количество работ, посвященных указанной проблеме, защита женщин все также продолжает носить «кабинетный» характер, так как ограничивается лишь аудиториями научных конференций.

Как известно, проблема гендерной дискриминации носит и международный характер. Так она распространена в США, Великобритании, Германии и ряде других государств. Однако, на наш взгляд, главным отличием зарубежных стран от нашего государства является наличие эффективного правового механизма осуществления поддержки и помощи женщинам.

В своей статье «The Economic Populist» Роберт Оак сделал акцент на том, что женщины до сегодняшнего времени находятся внизу экономического развития [6]. По его мнению, женщины, которые работают полный рабочий день получают заработную плату в размере 77 центов по отношению к 1 доллару мужчины, а женщины, которые не работают полный рабочий день – 71 цент.

Например, по данным Бюро трудовой статистики в Великобритании за полный рабочий день женщина получает оплату в среднем 82% от дохода мужчины, который осуществляет трудовую деятельность на аналогических условиях [7].

Таким образом, проблема гендерной дискриминации приобретает все большую актуальность в средствах массовой информации всего мира. С. Вэлш

отмечает, что «существующий разрыв в уровне благосостояния между мужчинами и женщинами, объясняется такими факторами, как сознательная и бессознательная предвзятость со стороны работодателей и др.». Указанную позицию он упомянул в своей статье «Гендерная дискриминация крадет будущее у женщин» [8].

Учитывая изложенное, можно утверждать, что гендерная дискриминация характерна и для сферы оплаты труда. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, средняя начисленная заработная плата женщин в 2015 году составила 20 217 рублей, а мужчин – 33 108 рублей [9].

За рубежом также сложилась обширная судебная практика по делам, связанным с дискриминацией женщин. К примеру, в 2007 году суд Великобритании стал на защиту бывшей кухарки всемирно известного рок-музыканта Стинга и вынес соответствующее решение по делу о гендерной дискриминации, согласно которому семья Стингов обязалась выплатить за незаконное увольнение из-за беременности кухарки компенсацию в размере 58,6 тыс. долларов [10].

Стоит отметить, что в Российской Федерации также постепенно складывается судебная практика. Так, в 2014 году было принято Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.01.2014 г. № 1. На практике сложилась такая ситуация, что суды при рассмотрении дел о необоснованном отказе в приеме на работу лиц женского пола, зачастую требуют предоставления доказательств по факту дискриминации, что в большинстве случаев невозможно. В связи с этим, практически все решения судов по фактам дискриминации, к сожалению, не в пользу женщин, подвергшихся дискриминации [11].

Исходя из анализа зарубежного опыта стоит сказать о том, что проблема дискриминации в таких странах широко обсуждается в обществе, в то время как в России подобного рода информация умалчивается органами власти. При этом, официальная статистика не отражает реального состояния проблемы гендерной дискриминации. Что касается реальных цифр дискриминации женщин, то они значительно выше показателей «официальных данных».

Поэтому целесообразно проводить систематический мониторинг, который бы в полной мере объективно отражал рассматриваемую проблему.

Основываясь на проведенном анализе, можно выделить такие пути разрешения рассматриваемой проблемы. Во-первых, необходимо создать на государственном уровне необходимые условия для уменьшения гендерной дискриминации путем предоставления консультаций, проведения исследований и

аналитической работы, поддержки работы межправительственных и экспертных механизмов, занимающихся вопросом дискриминации в отношении женщин. Во-вторых, сотрудничать с Советом по правам человека, устанавливая партнерские отношения, повышая уровень информированности и стимулируя принятие антидискриминационных мер в рамках законодательства, политических стратегий и программ и др. Создание перечисленных условий будет не только способствовать выявлению фактов гендерной дискриминации, но и снижению уровня рассматриваемого явления.

Список литературы:

1. Бюллетень «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2013 года». [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_111/Main.htm (дата обращения: 29.01.2014).
2. Уровень экономической активности и занятости женщин и мужчин в трудоспособном возрасте по субъектам Российской Федерации в 2011 г. [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_50/Main.htm (дата обращения: 29.01.2014).
3. Конституция РФ. М., 2013.
4. Дискриминация в сфере труда: разработка механизмов защиты и оказание практической помощи пострадавшим». [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <http://trudprava.ru/expert/research/discriminsurv/564> (дата обращения: 28.01.2014).
5. Бизюков В. А. Аналитический отчет «Дискриминация в сфере труда: распространенность, формы и причины существования. Распространенность трудовой дискриминации». 2008. [Электронный ресурс] // Центр социально-трудовых прав [Офиц. сайт]. URL: <http://trudprava.ru/expert/research/discriminsurv/565> (дата обращения: 28.01.2014).
6. Robert Oak. Economic Gender Discrimination Alive and Well in 2013. September 22, 2013 [Electronic resource] // The Economic Populist. [Official website]. URL: <http://www.economicpopulist.org/content/economic-gender-discrimination-alive-and-well-2013-5375> (accessed: 29.01.2014).
7. SathbhWalshe. Gender discrimination steals a woman's future. February 9, 2013 [Electronic resource] // The Guardian [Official website]. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2013/feb/09/women-wage-gap-equality> (accessed: 29.01.2014).
8. Средняя начисленная заработная плата женщин и мужчин. [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_50/Main.htm (дата обращения: 29.01.2014).
9. Суд обязал Стинга заплатить 58,6 тыс. долларов за половую дискриминацию кухарки. [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: <http://www.newsru.com/cinema/18jul2007/sting.html> (accessed: 29.01.2014).
10. Апелляционное определение Иркутского областного суда от 12.08.2015 по делу № 33–6575/2015 // СПС КонсультантПлюс; Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 11.03.2015 по делу № 33–800/2015 // СПС КонсультантПлюс.
11. Германия, Армия, полиция. 11 июня 2012. [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=594778 (accessed: 29.01.2014).

Жантоан Я.А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ЗАЩИТА ПРАВ ФАКТИЧЕСКИХ СУПРУГОВ В ОТНОШЕНИЯХ ПО НАСЛЕДОВАНИЮ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

В связи со вступлением 18 марта 2014 года Крыма в состав Российской Федерации появились определенные проблемы в регулировании юридических правоотношений. Особое внимание хотелось бы уделить проблемам регулирования отношений наследования между фактическими супругами на территории Крымского федерального округа.

Также необходимо отметить, что фактические брачные отношения не ново для российской действительности, это уже давно распространенное явление. Сожительство мужчины и женщины, совместное ведение хозяйства, воспитание детей, отношение друг к другу как к мужу и жене и восприятие другими лицами их таковыми, но при этом не зарегистрированное – это фактические брачные отношения [1, с. 28].

В советский период, если мужчина и женщина взаимно признавали друг друга мужем и женой, у них имелись дети и велось совместное хозяйство, такие браки признавались наряду с зарегистрированными, в соответствии с Кодексом законов о браке, семье и опеке от 1 января 1927 г. [2]

Но в дальнейшем фактические брачные отношения утратили свою юридическую силу.

В силу п. 2 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации браком признается только тот союз мужчины и женщины, который заключен в органах записи актов гражданского состояния [3].

Таким образом, в настоящее время правовой защитой пользуются исключительно фактические брачные отношения, возникшие в период до 8 июля 1944 г. [4].

Но при этом при всех юридических запретах на существование фактических брачных отношений, законодатель все же позволяет супругам наследовать друг после друга только в двух случаях. Во-первых, на основании завещания, так как

завещать свое имущество завещатель имеет право любому лицу, в том числе и фактическому супругу. Во-вторых, в случае призвания фактического супруга к наследованию в качестве нетрудоспособного иждивенца (п. 2 ст. 1148 ГК РФ). Но при этом необходимо соблюдение предусмотренных законодателем условий, а именно: фактический супруг ко дню открытия наследства являлся нетрудоспособным и не менее года до смерти наследодателя находился на его иждивении и проживал совместно с ним. В иных случаях основания для наследственного правопреемства между фактическими супругами отсутствуют.

Характерно то, что в некоторых зарубежных странах гражданский брак влечет юридические правоотношения. К примеру, в Гражданском Кодексе Украины было закреплено право лиц, проживающих одной семьей не менее пяти лет без регистрации брака на наследование по закону друг после друга в четвертую очередь (ст. 1264 ГК Украины).

В связи с этим возникает вопрос, о лицах, которые проживали в фактическом браке до вступления Крыма в состав Российской Федерации и будут ли к ним применены нормы украинского законодательства?

На практике к таким отношениям применяются нормы российского законодательства. В то же время поднимается вопрос о том, что при переходном периоде (пять лет со дня принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и города Севастополь и образования в составе Российской Федерации новых субъектов) возможность наследования по закону для «фактических супругов» должна быть сохранена (как и по прежнему законодательству, так и на основании решения суда) [5].

Нужно сказать, что предложения о необходимости правового урегулирования фактических брачных отношений в целях защиты прав фактических супругов имеют место на доктринальном уровне.

Так, Т. П. Солодкова считает, что фактическим супругам необходимо предоставить ограниченные квазинаследственные права в части предметов домашней обстановки, которые будут приобретены после заключения соглашения о вступлении в фактический брак [6].

Однако некоторые ученые отрицают необходимость внедрения в Российской Федерации такого института, как фактический брак, считая, что столь широкое признание фактических брачных отношений, нецелесообразно для большинства государств в настоящее время [7]. Кроме того, отмечается, что в условиях современной внутренней политики Российской Федерации, одним из направлений

которой в настоящее время является поддержка института семьи и пропаганды законного брака, приобретение фактическими супругами наследственных прав представляется маловероятным [8].

Действительно фактический брак в настоящее время подвергнут правовой дискриминации, хотя такие браки – весьма распространенное явление в нашей стране, и не только среди молодых людей. Около 10% взрослого населения в современной России состоит в незарегистрированном браке [9, с. 10].

Незарегистрированные браки не могут находиться вне правового регулирования, так как образованная на их основе семья характеризуется теми же признаками, что и семья, созданная на основе зарегистрированного брака, и выполняет аналогичные функции: деторождение, воспитание детей, осуществление взаимной материальной поддержки и сотрудничества. Лица, состоящие в фактических брачных отношениях, должны иметь право на защиту со стороны государства.

Считаем, что положения украинского законодательства, устанавливающие возможность наследования фактическими супругами, вполне могут быть заимствованы российским законодательством. Представляется, что в условиях увеличения количества фактических браков закрепление за фактическими супругами наследственных прав является актуальным и будет служить защите их имущественных интересов.

Список литературы:

1. Кружалова Л. В., Морозова И. Г. Справочник юриста по семейному праву. СПб., 2007.
2. Кодекс законов о браке, семье и опеке от 19 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. N 82. Ст. 612.
3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия - звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // ВС СССР. 1944. N 37
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. N 1. Ст. 16.
5. Проект Федерального закона "О внесении изменения в Федеральный закон "О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" в части регулирования особенностей применения раздела V Гражданского кодекса Российской Федерации к отношениям по наследованию в Крымском федеральном округе" (подготовлен Минюстом России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 18.04.2016) [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=146360>

6. Солодкова Т. П. Защита прав фактических супругов в наследственных правоотношениях // Наследственное право. 2009. № 2.
7. Слепакова А. В. Правоотношения собственности супругов. М., 2005.
8. Киминчижи Е. Н. Об имущественных отношениях сожительствующих лиц // Семейное и жилищное право. 2008. № 1.
9. Косарева И.А. К вопросу о порядке заключения брака и легитимности фактических брачных отношений // Семейное и жилищное право. 2008. № 3.

УДК 342.718:340.5

Калугин Д.А.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

БИПАТРИЗМ В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ: РЕАЛИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ.

Основополагающим элементом правового статуса личности является гражданство, как устойчивая политико-правовая связь лица с государством. В тоже время, гражданство - один из наиболее важных правовых институтов, являющийся основой конституционного строя. Наравне с гражданами, которые обладают полным объемом прав, свобод и обязанностей, выделяют и иные категории физических лиц: иностранные граждане, лица без гражданства (апатриды) и лица, которые имеют гражданство двух или более государств (бипатриды).

Бипатризм от лат «bis» дважды и греч. «-патρίς» отечество, родина. С точки зрения права под данным термином понимается статус лица, который имеет гражданство двух или более государств, при этом данный статус характеризуется тем, что каждое государство может требовать от лица исполнения обязанностей в его пользу и рассматривает лицо исключительно как своего гражданина. Бипатризм - неоднозначный феномен в международном правовом пространстве, что наглядно подтверждается в законодательстве стран, которые принято называть развитыми: Франция, США, Великобритания, ФРГ, Япония и др. Один тот факт, что вышеперечисленные страны разделились на две группы, представляющие противоположные взгляды на явление бипатризма, поднимает множество вопросов и вызывает большой исследовательский интерес по отношению к данной правовой категории.

В первую очередь необходимо определить единую понятийную базу для верного понимания предмета исследования. В мировой практике термин бипатризм не употребим, используется термин «множественность гражданств» [1]. В отечественной науке принято разделять понятия «двойное гражданство» - как урегулированные договором между странами отношения по поводу одновременного наличия гражданства этих стран у лица [2, с. 158] и «два гражданства» - неурегулированный или запрещенный национальным законодательством факт наличия нескольких гражданств у лица [3, с. 300], что в совокупности и составляет общее определение множественности гражданства. Именно понятие «множественности гражданства», данное в Европейской конвенции о гражданстве 1997 г., является на наш взгляд, наиболее универсальным и гибким понятием, способным охватить всю совокупность правоотношений, связанных с вопросами наличия у лица двух или более гражданств [4, с. 92].

На сегодняшний день гражданство - это важнейший комплексный институт права, который затрагивает не только конституционное национальное (внутреннее) право, но и международное право: действующие международные конвенции, международные правовые обычаи и общепризнанные принципы права, которые регулируют вопросы гражданства. Однако в данном перечне правовых источников, регулирующих вопрос гражданства вообще и множественности гражданства в частности, уже содержится характеристика современного состояния бипатризма [5, с. 116].

На современном этапе в международном праве существует ряд документов, регулирующих вопрос бипатризма: Конвенция о статусе натурализованных лиц, восстанавливающих свое постоянное место жительства в государстве происхождения, принятая в Рио-де-Жанейро в 1906; Конвенция, регулирующая некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве, принятая на Гаагской конференции по кодификации международного права в 1930 году; Европейская конвенция о сокращении случаев множественного гражданства и о воинской повинности в случае множественности гражданства, подписанная в 1963 году; Европейская конвенция о гражданстве, подписанная 6 ноября 1997 года в Страсбурге.

Несмотря на такой, казалось бы, объемный перечень международных актов, их количество не столько недостаточно, сколько нормы данных актов не имеют должного распространения. В настоящее время существует проблема имплементации норм международного права, регулирующих вопросы гражданства,

без гражданства, в том числе и бипатризма – как существующего явления, в национальное законодательство государств. Так Конвенцию о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства, которая является базовым документом в области регулирования вопросов множественности гражданства [6], ратифицировали всего 12 государств Западной и Северной Европы. ФРГ, к примеру, денонсировала действие данной конвенции в 2002 году. В Германии согласно норме § 25 Закона о гражданстве (§ 25 Abs. 1 Satz 1 Staatsangehörigkeitsgesetz (StAG)) гражданин Германии утрачивает свое гражданство в следующих случаях: если он добровольно по своему заявлению или заявлению его законного представителя приобретает гражданство другого государства [7, с. 5]. Таким образом, в общем случае двойное гражданство в ФРГ не допускается. Логическим продолжением вышеописанной конвенции является Европейская конвенция о гражданстве 1997 года, которую ратифицировали 20 государств, 9 только лишь подписали. Следует отметить, что данную конвенцию не ратифицировали такие государства как Франция, ФРГ, Великобритания, Испания. Страны, которые ратифицировали данные конвенции, сделали это с таким количеством оговорок, специальных договоров и примечаний, что говорить о комплексном действии данных актов не приходится [8, с. 174].

Современное состояние бипатризма таково, что данное явление признается в большинстве стран Западной Европы, Северной и Латинской Америках, однако такое признание имеет либо абстрактный характер, либо устанавливается конкретными двухсторонними договорами [9, с. 33]. В международном праве нет единого мнения касательно бипатризма: международным принципам и нормам не противоречит как прямое запрещение двойного гражданства (за исключением случаев возникновения статуса апатрида), которое закреплено в Германии, Швеции, Японии, так и признание двойного гражданства в Канаде, Армении или Лихтенштейне, а также допущение, та самая абстрактная формулировка, закрепленная в законодательстве Великобритании, Италии, США и Франции [4, с. 93].

В России двойное гражданство урегулировано в статье 6 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 N 62-ФЗ, где закреплено, что гражданин РФ имеющее гражданство иностранного государства будет рассматриваться только как гражданин России и приобретение гражданства другого государства не является основанием для лишения гражданства Российской Федерации [10]. Проанализировав данные положения, мы можем прийти к выводу,

что в РФ заняли позицию «частичного урегулирования» двойного гражданства, так как предусмотрены ряд исключений из правил, в том числе и регулирование вопросов бипатризма на основе норм международных соглашений. Это позволяет иметь некое пространство для маневра в каждом конкретном случае.

Определяя статус бипатрида, нельзя не отметить тот факт, который существует в ряде государств. Так, например, существуют нормы в законодательстве государств по ограничению занятия должностей на государственной службе для бипатридов. В частности, такие нормы прямо закреплены в США и Израиле, а в других государствах косвенным путем. Наравне с этим высказывается верное мнение, что распространение бипатризма при кризисном положении государства и общества неизбежно приводит к дальнейшему их ослаблению и упадку [11, с. 47].

Важно отметить, что мировая практика, международное право признает множественность гражданства – бипатризм нежелательным явлением, что закреплено в преамбулах ряда вышеуказанных конвенций[1; 6]. В данных международных актах урегулированы вопросы прохождения военной службы, режима уплаты налогов, осуществление иных обязанностей бипатридов, также закреплены и разграничены положения обеспечения прав таких лиц, гражданами которых он являются. Казалось бы, вопрос исчерпан, также следует отметить понятие эффективного гражданства, которое рассматривается и применяется государствами при возникновении коллизий. Самый простой путь избежать конфликтов при регулировании правового статуса индивида – отрицать такое явление как бипатризм, запрещать его на уровне национального права, однако эта позиция является спорной. Кроме того, только лишь двухстороннее урегулирование вопроса также не решит проблему, а лишь будет затягивать процесс согласования и поиска компромисса.

По нашему мнению, наиболее эффективный подход к решению проблемы правового статуса бипатридов, вопросов множественности гражданства заключается в выработке единой международной правовой базы, которая будет ратифицирована мировым сообществом.

В условиях современной миграции особо актуальным является вопрос о проблемах двойного гражданства. На наш взгляд, необходимо продолжать то направление действий, которое было задано Резолюцией Генеральной Ассамблеей от 3 октября 2013 года[11]. Декларация по итогам диалога на высоком уровне по вопросу о международной миграции и развитии, которая принята данной

резолуцией, является важным документом в выработке общей позиции государств к вопросу гражданства вообще и двойного гражданства в частности.

Комплекс международных актов, которые уже приняты и могут быть приняты, будут действенной основой первичного урегулирования вопроса множественности гражданства. На этой основе возможно построение межнациональных, специфических договоренностей касающихся вопросов двойного гражданства и распределения функций государств по отношению к лицу с несколькими гражданствами. Однако необходимы и международные площадки для обсуждения, выработки единой позиции по вопросам двойного гражданства. В недавнем прошлом такой площадкой стала Международная конференция по миграции и безгражданству, проведенная в городе Ашхабад в 2014 г. Проведение таких мероприятий, на наш взгляд, являются важнейшим условием решения проблем, вызванных распространением двойного гражданства.

Бипатризм явление не новое, но, безусловно, актуальное, как и многие другие категории гражданства (апатризм, вопросы беженцев, переселенцев и др.), требует своевременного решения, достижение которого возможно только при комплексном, всеобъемлющем подходе со стороны всех участников международных процессов, как на межнациональном, так и на национальном уровнях.

Список литературы:

1. Европейская конвенция о гражданстве, принятая 6 ноября 1997 г. в Страсбурге
2. Белов А.В., Двойное гражданство и проблема лояльности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. N 2. С. 157-161
3. Решетнева Т.В., Некоторые дискуссионные вопросы определения понятия множественности гражданства // Проблемы экономики и юридической практики. 2007. N 4. С. 300-302
4. Шестакова Т.С., Двойное гражданство и проблема лояльности // Вестник юридического факультета Коломенского института (филиала) ФГБОУ ВПО "Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)". 2013. N 8. С. 90-97
5. Аксенов А.Б., Двойное гражданство и проблемы национальной безопасности: российское законодательство и зарубежная практика // Вестник экономики, права и социологии. 2014. N 4. С. 115-119
6. Конвенция о сокращении числа случаев множественного гражданства и о воинской обязанности в случаях множественного гражданства, принятая 6 мая 1963 г.
7. Адельсеитова А.Б., К вопросу о правовом институте гражданства в Федеративной Республике Германия // Учёные записки Крымского Федерального Университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2015. N2 С. 3-8
8. Решетнева Т.В., Проблемы осуществление суверенитета государства в ситуации двойного (множественного) государства: общая характеристика // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2014. N 2-3. С. 173-177

9. Безжон И.С., Конституционно-правовой статус лиц с множественным гражданством // Вестник Московского университета МВД России. 2012. N 9. С. 32-35
10. Федеральный закон от 31.05.2002 N 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ» 03.06.2002. N 22. ст. 2031
11. Шерер Р. Практика и опыт стран Западной Европы в решении вопросов двойного гражданства // Материалы семинара по вопросам гражданства, безгражданства и статуса иностранцев в государствах СНГ и Балтии – Хельсинки, 1994. – С. 45-49
11. UN Doc. A/RES/68/4; 21 January 2014 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация по итогам диалога на высоком уровне по вопросу о международной миграции и развитии»

УДК 340.13:340.5

Енилеева А.Э.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

СПОСОБЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПА ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТИ В КОНСТИТУЦИОННЫХ АКТАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Принцип пропорциональности – это стандартный инструмент юридической методологии, широко используемый в правоприменительной практике с целью обеспечения справедливого и добросовестного осуществления государством своих полномочий по ограничению прав и свобод человека и гражданина. Возможность и пределы ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина является серьезной теоретической и практической проблемой, изучаемой в рамках юридической науки теорией права, философией права, конституционным правом, сравнительным правоведением. Взаимосвязи принципа пропорциональности с теорией конституционных прав и свобод посвящено немало исследований, среди которых наибольшим авторитетом пользуются работы Р. Алекси [1] и А. Барака [2]. Признание и соблюдение принципа пропорциональности при ограничении конституционных прав личности является характерным признаком современного демократического общества, поэтому верное понимание принципа пропорциональности чрезвычайно актуально для развития национальной правовой системы Российской Федерации. Данная работа преследует цель – выявить формы закрепления принципа пропорциональности посредством сравнительно-правового исследования международно-правовых актов, конституций и судебных решений.

Под принципом пропорциональности принято понимать общий принцип права, требующий, чтобы вмешательство государства в режим осуществления прав человека оправдывалось законными целями и не шло дальше границ необходимости, определенной потребностями защиты публичных интересов или индивидуальных прав других лиц.

Обращение к тесту на пропорциональность (правоприменительной модели данного принципа, обычно состоящей из трех, четырех или всего одного суб-теста, а именно, пропорциональности *в строгом смысле*) в настоящее время является стандартной правоприменительной процедурой в практике ЕСПЧ, Суда ЕС, национальных конституционных судов большинства демократических правовых государств (Германия, Венгрия, Израиль, США и др.). Практика применения данного принципа является настолько распространенной, что чаще всего суды не обращаются к специально обоснованию теста на пропорциональность (доктринальному или нормативному), а применяют его непосредственно.

Основной нормой права, на которую опираются суды в процессе проверки конституционности ограничения субъективных прав, является норма конституции, устанавливающая общие условия ограничения субъективных прав, или «общая ограничительная оговорка», а также «специальные ограничительные оговорки» устанавливающие условия ограничения отдельных субъективных прав. Примером общей ограничительной оговорки является ст. 1 Канадской хартии прав и свобод: «Канадская хартия прав и свобод гарантирует, что провозглашенные в ней права и свободы подлежат только таким разумным ограничениям, установленным законом, которые очевидно могут быть оправданы в свободном и демократическом обществе» [3]; ст. 36 Конституции ЮАР: «Права Билля о правах могут быть ограничены только на основе закона общего применения в пределах, в которых такое ограничение является разумным и оправданным в открытом и демократическом обществе» [4]; ч. 2 ст. 29 Всеобщей Декларации прав человека: человек может подвергаться только таким ограничениям, «какие установлены законом» ради целей, «защищаемых демократическим обществом» [5]. Данные ограничительные оговорки истолковывались национальными конституционными судами как содержащие требования пропорциональности [2, с. 143].

Конституционный суд РФ применяет аналогичное толкование в отношении ч.3 ст. 55 Конституции РФ [6], согласно которой «права и свободы могут быть ограничены только в той *мере*, какая является *необходимой* для достижения *легитимных* целей»: «публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3)

Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей» [7].

Конституционные акты могут не иметь общей ограничительной оговорки, а лишь содержать специальные ограничительные оговорки к конкретным правам. Такой способ является характерным для большинства западно-европейских конституций, принятых после Второй мировой войны, а также используется в Европейской Конвенции об основных правах и свободах. Либо в конституционном акте могут содержаться общие и специальные оговорки одновременно, как например в Конституции РФ устанавливаются дополнительно 5 специальных оговорок к правам, предусмотренным ч. 2 ст. 23 (тайна переписки), ст. 25 (неприкосновенность жилища), ч. 3 ст. 35 (право частной собственности), ч. 2 ст. 36 (право собственности на землю).

Национальные конституционные суды Германии, Италии, Португалии, Испании, Польши, Чехии и других стран также толкуют специальные ограничительные оговорки, как такие, которые содержат в себе требование пропорциональности [2, с. 141]. Опираясь на принцип пропорциональности, суды обращают внимание законодателя на недопустимость расширительного толкования ограничительных оговорок. Оправданными могут быть только такие ограничения, которые проходят многоступенчатый тест на пропорциональность.

Существуют также конституции, закрепляющие принцип пропорциональности в ограничительных оговорках прямо. В частности, Конституция Республики Турция с изменениями от 2001 года в ст. 13 устанавливает, что «фундаментальные права и свободы могут быть ограничены только законом... Эти ограничения не должны противоречить букве и духу конституции... и принципу пропорциональности» [8]. Ч. 3 ст. 36 Федеральной конституции Швейцарии от 1999 г. закрепляет, что «любое ограничение фундаментальных прав должно быть пропорциональным» [9].

Таким образом, сравнительное исследование основных международных актов о правах человека и конституционных актов демократических правовых государств позволяет прийти к выводам, что в большинстве из них термин «пропорциональность» не используется. Своим широким распространением доктрина пропорциональности обязана, в большей степени, мировой практике конституционного правосудия, чем нормативному закреплению данного принципа в

национальном законодательстве. В связи с этим, среди форм закрепления принципа пропорциональности в конституционных актах можно выделить две основные формы: неявное закрепление, свойственное большинству конституций (Португалия, Испания, Германия, Италия, Хорватия, Венгрия, Россия, Израиль, Индия, США, ЮАР и др.), и явное закрепление, при котором термин «пропорциональность» употребляется непосредственно в тексте (Швейцария, Турция). Неявное закрепление принципа пропорциональности является наиболее распространенной формой, в то время как явное закрепление принципа пропорциональности в тексте конституции является скорее следствием признания пропорциональности в качестве общего принципа права, засвидетельствованным в демократических конституциях, принятых или обновленных сравнительно недавно.

Список литературы:

1. Robert Alexy. Theory of Constitutional Rights / Alexy Robert. – New York. – Oxford University Press. – 2010. – 462 p.
2. Barak Aharon. Proportionality: Constitutional Rights and Their Limitations. / Aharon Barak. – New York. – Cambridge University Press. – 2012. – 611 p.
3. The Canadian charter of Rights and Freedoms [Electronic resource]. – Electronic data. — Mode access: <http://publications.gc.ca/collections/Collection/CH37-4-3-2002E.pdf> Date of the application: 10.04.2017
4. Constitution of The South African Republic №. 108 of 1998 (English text signed by President) [Electronic resource]. – Electronic data. — Mode access: <http://www.gov.za/sites/www.gov.za/files/images/a108-96.pdf> Date of the application: 10.04.2017
5. Всеобщая декларация прав человека : принята и провозглашена Генер. Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. // Рос. газ. – 1998. – 10 дек. – С. 4.
6. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. – М. : Юрид. лит., 1993. – 61 с.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. N 15-П // СЗ РФ. 2003. N 44. Ст. 4358.
8. Constitution of the Republic of Turkey [Electronic resource]. – Electronic data. — Mode access: https://global.tbmm.gov.tr/docs/constitution_en.pdf Date of the application: 10.04.2017
9. Federal Constitution of the Swiss Confederation [Electronic resource]. – Electronic data. — Mode access: <https://www.admin.ch/opc/en/classified-compilation/19995395/201601010000/101.pdf> Date of the application: 10.04.2017

Паршичева И.Е., Оголь В. Л.

Крымский филиал ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

Анализируя любой предмет или явление, необходимо понимать причины его возникновения и историю развития. Первый законодательный орган в России был создан императором Николаем II в 1905 году [1,4]. Однако следует сказать, что созданию в 1905 году российского парламента предшествовала вековая деятельность иных органов народного представительства.

В той или иной форме институты народного представительства существовали в России начиная со времён Киевской Руси. В период XVI- XVII веков в России существовали такие органы народного представительства, как Земские Соборы и Боярские Думы. Но, вместе с тем, в условиях абсолютной монархии их функции ограничивались представительством интересов различных сословий и решением вопросов местного значения. В 1906 году свою работу начала Государственная дума Российской империи, которая будет насчитывать четыре созыва. В советский период высшим представительным и законодательным органом власти был Верховный Совет СССР, который также являлся высшим органом государственной власти. С принятием после распада СССР Конституции России 1993 года, полномочия и роль российского парламента изменились.

Современный российский парламент – Федеральное Собрание Российской Федерации, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, представляет собой представительный и законодательный орган власти Российской Федерации [3].

Федеральное Собрание Российской Федерации - двухпалатный орган, состоящий из Совета Федерации и Государственной Думы, которые различаются порядком их формирования. Так, депутаты Государственной Думы избираются на выборах [5], а члены Совета Федерации наделяются полномочиями законодательными и исполнительными органами власти субъектов Российской Федерации [6].

Сегодня российское законодательство определяет смешанную систему выборов депутатов Государственной Думы, в соответствии с которой, половина депутатов избирается гражданами непосредственно, в одномандатных мажоритарных округах [5]. По мнению автора, всё это может свидетельствовать о возрастающем значении российского парламента как представительного органа власти.

Полномочия палат Федерального Собрания Российской Федерации различаются. Конституция Российской Федерации определяет, что федеральные законы принимаются Государственной Думой и одобряются Советом Федерации [3]. Наряду с законодательными функциями, Федеральное Собрание Российской Федерации имеет и ряд других полномочий, с помощью которых палаты Федерального Собрания назначают или влияют на назначение ряда должностных лиц. Реализация этих полномочий позволяет Федеральному Собранию играть значительную роль в системе сдержек и противовесов.

Сегодня от политиков и государственных деятелей можно слышать различные предложения по функционированию российского парламента – от идей по усилению его роли в государственном управлении, вплоть до перехода России к парламентской форме правления, до сосредоточения работы российского парламента только лишь на законодательном процессе. Чтобы определить, какая модель будет наиболее лучшей для России, важно понимать не только форму государства современной России, но также историю российского права и государства, уровень правовой культуры и менталитет российского общества.

Анализируя высказывание русского философа, учёного XIX века Б. Н. Чичерин «Парламентское правление служит признаком политической зрелости народа», следует сказать, что идеи парламентаризма могут найти реальное практическое применение только в таком государстве, где есть достаточный для этого уровень политической зрелости нации.

Нужно признать, что сегодня уровень политической зрелости российского общества явно выше, чем ещё пару десятилетий назад. Однако она еще не достигла уровня, при котором парламентская модель функционировала бы эффективно.

Кроме этого, исторически в России сложилось так, что на главу государства возлагаются большие полномочия, и главное - большие ожидания со стороны общества.

В подтверждение вышесказанного, автор полагает возможным привести выдержку из доклада Председателя Государственной Думы Российской Федерации

IV созыва Б. Грызлова «Становление российского парламентаризма, его современный этап и перспектива развития». Он писал: «Что касается перспектив, их нельзя сводить лишь к вопросу: будет ли Россия ... парламентской республикой или останется президентской? ... Я считаю, что нашей стране необходима сильная и эффективная президентская власть. Ведь парламентская республика предполагает наличие зрелой партийной системы. При такой системе ведущие партии обладают ... развернутыми политическими программами и кадровым потенциалом, достаточным для формирования в любой момент дееспособного правительства. Скажем честно, до зрелой партийной системы еще достаточно далеко» [2].

Каковы же перспективные направления развития российского парламента? Следует признать, что сегодняшнее состояние российской правовой системы явно несовершенно. Очень часто встречаются случаи противоречия одного закона другому, несоответствия подзаконных нормативно-правовых актов самим законам, а порой и просто не понятно, с какой целью был принят тот или иной нормативно-правовой акт. Безусловно, всё это отрицательно влияет не только на саму правовую систему, но и на другие сферы общественной жизни. Автор полагает, что это и может являться основной задачей для законодательной власти Российской Федерации на ближайшие годы. Исходя из этого, следует сказать, что российским законодателям необходимо сосредоточить своё внимание на качестве законодательного процесса. Ведь сегодня очень часто законы принимаются без подробного обсуждения как их содержания, так и замечаний к ним. Да, за последние десять лет в России сложилась ситуация, когда одна партия имеет большинство в парламенте, что позволяет её проводить свою, не от кого не зависимую политику. Но при этом нужно осознавать следующее. Подобный формат законодательного процесса может и эффективен с точки зрения оперативности принятия решений, но не всегда будет положительно сказываться на их качестве. Поэтому крайне важно перейти к такому формату работы российского парламента, который гарантирует подробное обсуждение и анализ законопроектов как на стадии их создания, так и на стадии их рассмотрения. Это позволило бы сыграть значительную в создании более совершенной правовой и политической систем России.

Как уже было сказано нами ранее, в последнее время возросли представительные функции российского парламента. В связи с этим, автор считает возможным обсудить вопрос о предоставлении депутатам Государственной Думы, избранным в одномандатных округах, дополнительных полномочий по реализации права законодательной инициативы. Так, эти депутаты могли бы иметь право

законодательной инициативы не только в федеральном органе законодательной власти, но и в парламенте субъекта Российской Федерации, от которого избран депутат, а также право нормотворческой инициативы в любом органе местного самоуправления мажоритарного округа, от которого он избран. Всё это позволило бы усилить обратную связь депутатов, как народных представителей, со своими избирателями.

Подводя итог всему вышесказанному, следует акцентировать внимание на том, что российский парламентаризм всё еще находится на этапе своего становления, что определяет необходимость работы по его совершенствованию ради становления России как современного правового государства.

Список литературы:

1. Высочайший Манифест Об учреждении Государственной Думы. «Полное собрание законов Российской империи», собр. 3-е, т. XXV, отд. I, N 26 656
2. Доклад Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Б.В. Грызлова на тему: "Становление российского парламентаризма, его современный этап и перспектива развития"
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). Официальный текст с изменениями, внесенными Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5.02.2014 г. N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 96 с.
4. Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» // Красный архив. 1925. Т. 4-5 (11-12).
5. Федеральный закон "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" от 22.02.2014 N 20-ФЗ // Правовая система «Консультант плюс».
6. Федеральный закон "О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации" от 03.12.2012 N 229-ФЗ) // Правовая система «Консультант плюс».

УДК 342.72.73

Паршичева И.Е., Кравцова А.А.

Крымский филиал ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В современных условиях происходит постепенное признание государствами человека и его прав высшей социальной ценностью; одновременно происходят

процессы универсализации и регионализации прав человека. Для реализации прав необходимы специальные средства – гарантии. Конституционные гарантии занимают ключевое место в национальной системе гарантий. Тенденции развития прав человека, необходимость обеспечения их реализации субъектами общественных отношений, а также совершенствование данного механизма обуславливают актуальность данной работы.

Обеспечение прав и свобод человека составляет одну из важнейших задач государства, обуславливает необходимость в специальных средствах, предусмотренных нормами права – юридических гарантиях. Н.М. Альханов определяет юридические гарантии как «совокупность специальных правовых средств и способов, при помощи которых функционирует аппарат государства, действует государственная власть, реализуются, охраняются и защищаются права и свободы, пресекаются их нарушения, восстанавливаются нарушенные права» [8, с. 240]. Конституционные гарантии являются важнейшими юридическими гарантиями, остановимся на них. Конституция Российской Федерации гарантирует основные права и свободы человека и гражданина. Согласно ст. 2 Конституции РФ они являются высшей ценностью, государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Ст. 45 и 46 Конституции РФ предусматривают государственную и судебную защиту прав и свобод, иные не запрещенные законом способы защиты [3].

В юридической науке существует классическая система деления гарантий на общесоциальные и юридические гарантии. На основе отраслевого принципа в системе юридических гарантий имеет место деление на конституционные (общие) и отраслевые (уголовно-правовые, административные, гражданско-правовые и др.) гарантии. [9] Основным источником конституционных гарантий является Конституция. С.В. Калашников приводит классификацию, которая дифференцирует ее нормы следующим образом: нормы-принципы, нормы-гарантии и судебные (конституционно-процессуальные) гарантии [11].

Классификация конституционных гарантий А.А. Уварова охватывает более широкий круг дефиниций: гарантии-принципы, обеспечительные гарантии, стимулирующие, охранительные и гарантии защиты. По его мнению гарантии-принципы имеют некоторые особенности. Они неразрывно связаны с деятельностью Конституционного суда по толкованию, в особенности при аналогии закона, поскольку имеют абстрактный характер [16].

Обеспечительные конституционные гарантии заключаются в выполнении государством его социальных функций: обеспечении определенного минимума социальных благ, оказании помощи социально-незащищенным слоям населения, гарантии бесплатной медицинской помощи и бесплатного образования, установлении минимальной потребительской корзины и минимального размера оплаты труда. Кроме того, такие гарантии подразумевают осуществление деятельности по реализации личных и культурных прав людей, а именно свободы в творческой деятельности.

Стимулирующие конституционные гарантии выражаются в поощрительной деятельности государства, направленной на поддержание полезных действий граждан в сфере социального страхования, развития тех или иных секторов экономики (например, аграрного), деятельности в сфере науки и культуры и т.д. Свое отражение данные гарантии находят в установлении государством определенной материальной и организационной поддержке.

В юридической науке существуют разные подходы к пониманию терминов «охрана прав» и «защита прав». В рамках данной работы будем придерживаться позиции Н.И. Матузова, по мнению которого «охрана и защита субъективного права или охраняемого законом интереса – не одно и то же: охраняются они постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются. Защита есть момент охраны, одна из ее форм. Эти понятия не совпадают» [14, с. 30] и точки зрения И.Н. Павлова, который разграничивает эти понятия: «... охрана ограничена контрольно-надзорной функцией государства», защита «предполагает активное вмешательство органов государства, общественных организаций, самих граждан в процесс реализации прав и свобод» [15, с. 19 – 20].

С понятием «охрана прав» непосредственно связаны охранительные конституционные гарантии. Их особенностью является предупредительный характер действия: предотвращение и недопущение нарушения прав других лиц. В обществе, как неотъемлемой части мира все взаимосвязано, поэтому любые общественные отношения, в особой степени правоотношения оказывают большое воздействие как на самих участников данных отношений, так и на иных лиц. Данная взаимосвязь обуславливает следующее свойство некоторым охранительным конституционным гарантиям: им присуще наличие нескольких целей и нескольких субъектов, чьи права нуждаются в охране. Например, согласно ч.2 ст. 34 Конституции РФ существует запрет на деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию [3]. Данная правовая норма охраняет права не

только участников экономических отношений – лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, реализует интересы государства в развитии экономики, но и охраняет права иных лиц – потребителей, поскольку недобросовестная конкуренция и монополизация влекут за собой неоправданный рост цен при снижении качества материальных благ и услуг, что противоречит интересам потребителей. Однако, в случае нарушения права или угрозы его умаления недостаточно охранительных мер, необходимо восстановить нарушенное право, следовательно, требуются гарантии защиты. Например, в случае посягательства на право собственности важно вернуть имущество или его эквивалент.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что конституционные гарантии, являясь ядром юридических гарантий, выступают основополагающими началами для создания комплексной системы юридических средств направленных на предупреждение нарушений прав человека и восстановление нарушенных прав, которая находит отражение в отраслевом законодательстве и деятельности государства по обеспечению прав человека. Таким образом, конституционные гарантии выступают ключевым юридическим средством, важнейшим инструментом, делающим возможным реализацию лицом задекларированных в законодательстве прав и свобод. Среди норм Конституции, закрепляющих данные гарантии можно выделить нормы-принципы, нормы-гарантии и судебные (конституционно-процессуальные) гарантии. Сущность и назначение конституционных гарантий в обществе раскрывает их классификация на гарантии-принципы, обеспечительные гарантии, стимулирующие, охранительные и гарантии защиты.

В заключение можно с достаточной определенностью сказать, что российское законодательство предусматривает обширные возможности и специальные средства по обеспечению реализации, охраны и защиты прав человека, что способствует формированию и развитию правового государства и гражданского общества. Данное обстоятельство позволяет выделить перспективное направление исследований: изучение взаимного воздействия механизма конституционных гарантий и процесса становления правового государства и российского конституционализма.

Список литературы:

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). Официальный текст с изменениями, внесенными Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5.02.2014 г. N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 96 с.

8. Альханов Н.М. Анализ юридических гарантий социального государства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки – 2015. – Т. 1, № 11-1. – С. 240 – 241.
9. Брусницына С.В. Система юридических гарантий права человека и гражданина на благоприятную окружающую среду // Вестник Челябинского государственного университета – 2014. – №19. – С. 10 – 15.
10. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: Сб. докладов. – М., 1999. – С. 116.
11. Калашников С.В. Права и свободы человека и гражданина. Система конституционных гарантий обеспечения прав и свобод граждан в условиях формирования в России гражданского общества // Государство и право – 2002. – №10. – С. 17 – 25.
12. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. проф. В.Д. Зорькина – 3-е изд., пересмотр. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 1040 с.
13. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. / С. А. Авакьян. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2014.
14. Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов, 1987. – С. 293.
15. Павлов И.Н. Административно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006.
16. Уваров А.А. Научные сообщения. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина // Государство и право. – 2005. – №7. – С.82-84.

УДК 340.15:342.7«16/19»(470+571)

Мовсисян А. М.,

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

Юридический факультет

**СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК МЕРА НАКАЗАНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
НОРВЕГИИ И РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)**

Во второй половине XIX века во многих европейских государствах отмечается тенденция к сокращению числа преступлений, караемых смертной казнью, происходит гуманизация способов осуществления данного вида наказания, а в некоторых странах высшая мера наказания была и вовсе отменена (например, в Румынии, Португалии, Голландии, Италии). По мнению А.Ф. Кистяковского, процесс отмены смертной казни происходил постепенно. В XVIII веке смертная казнь была отменена за религиозные преступления, преступления против нравственности и за большую часть имущественных преступлений. В XIX столетии

она была отменена почти за все остальные виды преступных деяний против собственности, кроме тех, которые вместе с тем посягали на жизнь отдельных лиц и общественную безопасность. В конце XIX века высшая мера наказания применялась за государственные преступления и за преступления против жизни; однако, количество и этих преступных деяний с каждым годом все более и более уменьшалось [1, с. 96].

Смертная казнь как мера наказания во второй половине XIX столетия ни в Российской империи, ни в Норвегии отменена не была, однако, некоторые вышеупомянутые общеевропейские тенденции оказали существенное влияние на данный институт уголовного права как в Российской империи, так и в Норвегии.

В Российской империи систематизация уголовного законодательства была проведена в 1845 г., результатом которой стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Система наказаний представляла собой сложную иерархию наказаний уголовных и исправительных. В общую систему уголовных наказаний входили: смертная казнь, ссылка на каторгу и ссылка на поселение в Сибирь или на Кавказ. Лица, приговоренные к одному из вышеперечисленных наказаний, в обязательном порядке лишались всех прав состояния.

В Норвегии первая кодификация уголовного права – Норвежский уголовный кодекс 1842 г. – была произведена в период существования Шведско-норвежской унии. Даже не обладая независимостью, Норвегия стала первой скандинавской страной, осуществившей систематизацию уголовного законодательства, поскольку в Швеции первая кодификация уголовного права была произведена в 1864 г., а в Дании – только в 1866 г. В статье 1 Главы второй «О наказаниях» законодатель закрепил смертную казнь как меру уголовной ответственности наряду с такими видами наказаний как: бессрочные и пять категорий срочных каторжных работ, тюремное заключение и штраф [2, с. 3]. При назначении смертной казни лицо не подвергалось лишению всех прав состояния, как это было в России.

Обе вышеупомянутые кодификации уголовного права предусматривали применение смертной казни за совершение государственных преступлений. В Уложении о наказаниях 1845 г. к государственным преступлениям относились: посягательство на жизнь, здоровье, честь, свободу и верховную власть Императора (при этом лицо могло быть подвергнуто высшей мере наказания и за голый умысел на совершение этого преступления); посягательство на жизнь, здоровье, свободу, честь и права членов Императорского дома; бунт против власти верховной; государственная измена и т. д.

Схожие составы преступлений были предусмотрены и в Норвежском уголовном кодексе: посягательство на жизнь и здоровье Короля и членов Королевской семьи, незаконное изменение Конституции норвежского государства или существующей Ассоциации между Швецией и Норвегией; лишение жизни наследного принца либо устранение лиц, которые в порядке правил престолонаследия являлись или могли являться претендентами на престол; осуществление противоправных действий в отношении органов государственной власти – Стортинга, Тайного совета, Арбитражного или Верховного судов – с целью дестабилизации их нормального функционирования, сопряженное с убийством; бунт, государственная измена, шпионаж и т.д.

Вторую группу рассматриваемых преступных деяний, за совершение которых была предусмотрена высшая мера наказания, составляли карантинные преступления. Раздел 8 «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» Уложения о наказаниях предписывал смертную казнь за умышленный поджог карантинных заведений и оцепленных домов, сопротивление карантинным властям, сокрытие больных чумой, кражу из домов, находящихся в оцеплении и домов выморочных и т. д. Норвежский законодатель в §1 Главы 13 предусмотрел уголовную ответственность в виде пожизненной каторги или смертной казни за умышленное распространение чумы или иного инфекционного заболевания, если эти умышленные действия стали причиной смерти инфицированного лица [2, с. 49].

Что же касается преступлений против жизни и здоровья, то для Норвегии было характерно применение смертной казни за совершение умышленного убийства, умышленного отравления лица ядом или иным подобным веществом (независимо от того, причинило это смерть потерпевшему или только вред его здоровью), повторное совершение умышленного убийства матерью во время или в течение дня после родов своего внебрачного ребёнка.

Также высшая мера наказания в Норвегии применялась в отношении лица, совершившего разбойное нападение, повлекшее смерть потерпевшего. Кроме того, смертной казни подлежал осужденный на пожизненную каторгу, совершивший умышленное убийство или убийство по неосторожности, умышленное нанесение телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, в период отбывания наказания.

Уложение о наказаниях 1845 г. не предусматривало применение смертной казни за совершение лицом общегражданских преступлений, хотя первоначальный проект данного нормативно-правового акта предполагал назначение смертной казни

за отцеубийство. Данный вид наказания мог назначаться за подобные преступления в соответствие с воинскими уставами в особых случаях передачи дел из общих судов в военные для решения дел по законам военного времени. Так, согласно положениям военно-уголовного устава высшая мера наказания могла применяться в отношении лица, совершившего умышленное убийство, грабёж, разбой, умышленный поджог и потопление, нападение с оружием на незащищенных жителей, изнасилование [3].

Стоит отметить процесс гуманизации способов реализации смертной казни в XIX веке как в России, так и в Норвегии. Так, на протяжении всего XIX столетия единственным способом осуществления высшей меры наказания в Норвегии было обезглавливание топором. Последний раз смертную казнь в Норвегии подобным способом применили в 1876 г. в отношении 72-летнего Кристофера Нильсена Свачбаккена за совершение им убийства с целью наживы.

В Российской империи в XIX веке способы исполнения смертной казни не были законодательно закреплены. Статья 18 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных предусматривала следующее: «Виды смертной казни определяются судом в приговоре его» [3]. Как и для Норвегии, применение квалифицированных видов смертной казни для России во второй половине XIX века не было характерно. Как правило, общеуголовные суды приговаривали к смертной казни через повешенье, а военные суды приговаривали виновного к расстрелу. Еще одним показателем гуманизации смертной казни в Российской империи стала отмена в 1881 г. публичного исполнения высшей меры наказания [4].

В Норвегии высшая мера наказания могла применяться к виновному за совершении вышеперечисленных преступных деяний до 1902 г. В новом Общегражданском уголовном кодексе Норвегии 1902 г. законодатель не предусмотрел данный вид наказания за совершение общегражданских преступлений (Sivil dødsstraff).

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (в его новых редакциях 1857, 1866, 1885 гг.) действовало на территории России вплоть до конца XIX века. Однако, в связи с усилением крестьянских волнений, возникновением революционного и национально-освободительного движения, смертная казнь применялась в этот период времени на основе и других нормативно-правовых актов (например, Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г.). Согласно положениям этого правового акта, высшие административные чины могли передавать на рассмотрение военным судам

дела о вооруженном сопротивлении властям, умышленном поджоге и т. д. для осуждения по законам военного времени [5].

Следующая кодификация уголовного права России – Уголовное уложение 1903 года - сохранила такую меру наказания как смертная казнь, однако, существенно ограничила ее применение. Так, высшая мера наказания могла применяться только за государственные преступления, публично, через повешение. Кроме того, существовали ограничения на ее применение в зависимости от пола и возраста преступника.

Рассмотрев в историко-правовом аспекте вопрос о применении смертной казни в Норвегии и в России во второй половине XIX в., можно сделать вывод об определенной схожести применения высшей меры наказания в этих странах. И в Российской империи и в Норвегии законодатель в своих первых кодификациях в сфере уголовного права закрепил применение смертной казни за совершение государственных и карантинных преступлений, представлявших наибольшую степень общественной опасности в те времена. Гуманизация способов осуществления смертной казни (отмена квалифицированных видов смертной казни, отмена публичной реализации наказания) также присуща и России и Норвегии в данный период времени. Однако, следует отметить и отличительные черты в уголовном праве вышеупомянутых государств. Это в частности, закрепление в Норвежском уголовном кодексе высшей меры наказания за совершение преступлений против жизни и здоровья, а в России согласно предписаниям Уложения о наказаниях - применение смертной казни совместно с лишением всех прав состояния. Отличительной чертой также можно считать применение смертной казни в Российской империи во второй половине XIX века на основе положений чрезвычайного законодательства посредством осуждения виновных по законам военного времени, что было обусловлено возникновением и ростом крестьянского, повстанческого и революционного движения.

Список литературы:

1. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. - Тула, издательство "Автограф", 2000 г. Воспроизводится по изданию 1867 г., Киев. - 188 с.
2. Otto Mejlænder. Den Norske Straffelov: Lov Angaaende Forbrydelser AF 20de August 1842 (1889)/ Otto Mejlænder. – Whitefish, USA: Kessinger Publishing, LLC, 2010. – 136 p.
3. Воротилова Т. В. Институт смертной казни в России (историко-правовое исследование): автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юридич. наук. – Ставрополь, 2000.

4. Нигматуллин Р. В. Институт смертной казни в уголовном праве России XIX века: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юридич. наук. – Москва, 1996.
5. Бутенко Э.Ф. Смертная казнь в законодательстве России XIX века /Э. Ф. Бутенко //История государства и права. -2006. - № 8. - С. 28 – 30.

УДК 343.58: 340.5

Копилян В.А., доцент, **Копилян Т.В.**,

УВО «Феодосийская финансово-экономическая академия»

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Проступки, совершаемые в отношении животных относящиеся к административным правонарушениям за жестокое обращение с ними, в последнее время привлекают все больше внимания как зарубежных так и отечественных исследователей.

Объектом посягательств таких правонарушений выступают не просто объекты животного мира, а морально-нравственные стороны человека к представителям природы, его внутреннее отношение к «младшим братьям», «наносит ущерб морально-нравственному развитию жителей нашей Родины, а особенно молодёжи и детей», как отмечает д.ю.н., научный руководитель Юридического института РУДН, сенатор А.А. Клишас [1], а также выступает мерилем цивилизованности того или иного общества в мире.

Кроме того, как подтверждает судебная и правоохранительная практика, жестокость по отношению животным, особенно в форме садизма, издевательств с целью получения или ощущения каких-то форм наслаждений, однозначно связаны с психикой таких людей, которые в свою очередь потенциально склонны к совершению таких же противоправных и даже преступных умышленных действие по отношению к человеку, то есть к совершению ряда тяжких и особо тяжких преступлений в обществе, что повышает их общественную опасность, поэтому тема исследования развития и становления в Российской Федерации института административной ответственности за жестокое обращение с животными, как никак является актуальным.

Проведенные исследования показывают, что причины жестокого обращения, которые приводят к насильственным преступлениям, в научной литературе весьма разнообразны и не освещены должным образом, а вот пути решения требуют особого внимания.

Следует отметить, что в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях с учетом изменений и дополнений, предусмотрена ответственность за жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель или увечье, а равно истязание животных в виде ареста или наложение штрафа в размере от 10 до 30 базовых величин (ст.15.45 КоАП РБ).

Кроме того, представляет интерес административная статья в Республике Беларусь направленная на охрану здоровья и жизни животных – «Неоказание ветеринаром помощи больному животному в случае, если такая помощь является обязательной в соответствии с ветеринарным законодательством Республики Беларусь», за нарушение которой на ветеринара может быть наложен штраф в размере от 4 до 10 базовых величин с лишением права заниматься определенной деятельностью или без такового[2].

Хоть статья и носит бланкетный характер, но несомненно несет в себе положительный опыт для российского законодательства по защите питомцев от равнодушных, безразличных и непрофессиональных ветеринаров, если таковые мотивы у специального субъекта административного права могут возникнуть, налицо норма права охранительного характера, т.е. письменное задекларирование прав больных животных на доступ и получение профессиональной ветеринарной помощи.

Во многих странах, в том числе странах БРИКС, хоть поэтапно, но вносятся законодательные изменения, направленные на предотвращение и преодоление умышленного, особенно публичного насилия в отношении животных, но продолжают быть сложными, так как во многом состоят из преодоления обычаевого права или религиозных, племенных и иных традиций.

Несмотря на то, что каждая страна индивидуально подходит к урегулированию вопросов, связанных с преодолением жестокости, которое может проявляться в отношении животных, учитывая, прежде всего, ментальность своего народа и особенности законотворческой практики, можно выделить то, что их общие черты – милосердие, доброта, любовь и забота о животных давно стало объединяющим фактором для всех народов нашей планеты.

Актуальность проблематики интеграционных процессов на уровне законодательства субъектов Российской Федерации по защите животных от

жестокое обращение с ними в сфере административной ответственности обуславливается его несовершенством, трудностью в практической реализации субъектных нормативно-правовых актов по защите животных как со стороны мировых судей так и со стороны правоохранительных и муниципальных органов власти, а в некоторых субъектах Российской Федерации и зачастую их полным отсутствием [3].

На уровне субъектов Российской Федерации, анализ обобщения, подтверждает, что зачастую, для регулирования отношений в административной сфере защиты животных от жестокого обращения с ними, кроме уже существующих законодательных актов, поспешно принимаются любые другие «кальки-законопроекты», тем самым «распыляя» нормативно-правовую регламентацию указанной проблемы. Поскольку в таких случаях часто наблюдаются пробелы, дублирование, а иногда - противоречивость норм друг другу. Вместе с тем это не означает, что не следует совершенствовать действующее законодательство России с целью создания благоприятных условий для повышения защиты животных от жестокого обращения с ними.

Кроме того, более 25 лет деяния в области жестокого обращения с животными в России на уровне федерального Кодекса об административных правонарушениях никак не регулируется. Государственной Думой за основу предпринимались неоднократные попытки в этой сфере принимать законопроекты, в том числе и № 458458-5 «Об ответственном обращении с животными», принятый в первом чтении ещё в марте 2011 года, который не принят по сегодняшний день, поэтому вновь избранному Парламенту и комитету следует обратить на него внимание, так как наличие в интересах государства в глазах мирового сообщества, авторитет страны.

Существование гармонично согласованной правовой базы будет способствовать, прежде всего, изменению отношению и качества реагирования сотрудников правоохранительных органов при предотвращении проявления насилия и жестокости по отношению к животным. На общегосударственном уровне, приоритетом которого будут являться Указы Президента России, стоит озадачить Совет Федерации РФ, Государственную Думу РФ, Премьера Министров РФ, Верховный Суд РФ, как субъектов законодательной инициативы, продолжать искать пути по разработке специальной политики по борьбе с насилием против животных, имея в виду проведения в своих законопроектах не столько мер репрессивно-административного или уголовного характера, сколько оздоровительного и

коррекционного воздействия, как на жертв насилия, так и в отношении их обидчиков, неся при этом посыл, что Россия, как светское государство всегда будет защищать животных от жестокого обращения с ними, что говорит об актуальности рассматриваемого нами вопроса, который требует дальнейшего его и научного всестороннего интеграционного исследования и изучения.

Список литературы:

1. Клишас А.А. Глава Чукотки просит расследовать подрыв медведицы на острове Врангеля [Текст]. Режим доступа : <https://ria.ru/incidents/20151224/1348328316.html>
2. Об административных правонарушениях : кодекс Республики Беларусь [Текст]. Режим доступа: Национальный правовой Интернет портал Республики Беларусь <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/kodeksy-respubliki-belarus/>
3. Копилян В.А. Интеграционные процессы российского законодательства по защите животных от жестокого обращения с ними в сфере административной ответственности [Текст] / В.А. Копилян // Сб.матер.междунар.науч.-практ.конфер; под общ. ред. д.э.н., проф. А.В. Шарковой, к.ю.н., доц. О.Н. Васильевой г. Феодосия (Крым). – М.: ООО «Научный консультант», 2016. – 336 с.

УДК 347.634

Морозова А.Н.

к.ю.н.,

УВО «Феодосийская финансово-экономическая академия»

К ВОПРОСУ О ЮВЕНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Идеология по своей природе есть неотъемлемый элемент существования любого государства и общества. Поэтому справедливо замечание, сделанное академиком РАН В.В. Даниловым и специалистом в области глобальных геополитических и этно-культурных процессов И.В. Мочаловой: «Необходимость для любого государства общенациональной идеи и идеологии – это общеизвестная истина. Будучи лишённым её, любое государство, любое общество, любая нация рушится, деградирует и погибает» [1, С. 21].

«Общество не может существовать без целостного свода идей, ценностей и норм объединяющих всех граждан – отмечает А.Г. Лукашенко – государство без идеологии, как и человек без мысли, не может жить и развиваться, тем более,

противостоять внутренним и внешним угрозам и вызовам. Идеология для государства – то же самое, что иммунная система для живого организма.

Если иммунитет ослабевает, любая даже самая незначительная инфекция становится смертельной. Точно также с государством: когда разрушается идеологическая основа общества, его гибель становится только делом времени, как бы внешне государство не казалось сильным и грозным.

Без общенациональной, государственной идеологии наша страна подобна кораблю без руля и ветрил, что может привести в условиях грозных вызовов XXI века к ее гибели» [2].

В настоящее время, следуя ст. 13 ныне действующей Конституции РФ, никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной. В Российской Федерации признаётся идеологическое многообразие. Однако это не означает, что органы государственной власти действуют независимо от каких-либо идеологических взглядов [3, С. 126].

Разобщённость идеологических подходов, их неопределённость для государственного строительства приводит не к созиданию, а к разрушению государственности, общественного и культурного строя страны. Ведёт к расколу в обществе. Таким образом, так называемый идеологический плюрализм, приводит только к реализации принципа «разделяй и властвуй». Отсюда вытекает, что всевозможных идеологий на государственном уровне быть не может. Идеология для отдельно взятого государства должна быть только одна.

В настоящее время в России в условиях рыночной экономики всеми способами извне навязывается концепция капитализма, основной идеологии которого является либерализм, чуждый нашим национальным традициям. Ему присуща такая социальная, идейно-психологическая ориентация, в которой акцентируется внимание на самооценности индивидуума, его автономии и свободе, его правах и возможности самому выбирать свои жизненные цели и определять направления деятельности, личной ответственности за результаты деятельности, направленной, в конечном счете, на личное благополучие и социальное положение, развитие своих творческих способностей. Основой всей либеральной идеологии является индивидуализм. Таким образом, предлагаемая ныне идеология базируется на принципах «социального дарвинизма», т.е. «выживает сильнейший» [4, С. 41].

До настоящего времени вся эта идеологическая основа, направленная на уничтожение российского общества, продолжает негативно влиять на развитие государства и общества. Исконные принципы жизни на Руси, как то: соборность,

коллективизм, духовность, бескорыстие зачастую подменяются чёрствостью, жадностью, готовностью ради денег перешагнуть через нормы морали, хамством и цинизмом. Социологические исследования показывают, что более индивидуалистического общества, чем современная Россия, в Европе просто уже не существует [5, С. 10].

Идеология либерализма переросла к настоящему времени в «идеологию гламура», т.е. идеологию сверхпотребления, стремления к сверхприбылям. Произошло возведение денег в божество. Но «никто не может служить двум господам... Богу и мамоне» [6, С. 10]. Вывод один – нравственный капитализм создать невозможно [4, С. 48].

Таким образом, совершенно очевидно, что в целях сохранения суверенного государства необходима идеологизация подрастающего поколения в русле нравственной концепции развития. Поскольку нынешняя идеология и капиталистическая концепция служат разрушителями душ детей и молодёжи, а как следствие, средством уничтожения государства. В российской жизни никогда не было и нет места культу наживы, индивидуализма в его крайних проявлениях, потребительскому подходу к жизни.

Список литературы:

1. Мочалова И.В., Данилов В.В. Сварожий круг. М.: Изд-во «Аспект». 1998. 178 с.
2. Поликарпов В.С., Поликарпова В.А. Идеология современной России (эссе). Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 2002. 44 с.
3. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право: учеб. для средних профессиональных учебных заведений. М.: Норма. 2007. <https://www.livelib.ru/book/1000683990-konstitutsionnoe-pravo-e-i-kozlova-o-e-kutafin>.
4. Пушков А.К. Гроссмейстеры Зазеркалья. М.: Эксмо: Алгоритм. 2009. <https://www.litmir.co/bd/?b=196713>.
5. Бызов Л. Переосмыслить себя // Литературная газета. 2009. № 49. <http://cyberleninka.ru>.
6. Андрющенко Е.Г. «Закон финансового рычага» и кризис // Русский Дом. 2009. № 10. <http://cyberleninka.ru>.

Бугара Е. И.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Конституционное право, являясь частью единой системы права, так же выступает в роли сложной системы. Система выражается в ее внутреннем строении, связях, которые существуют между ее общепризнанными нормами и устанавливают основы дифференциации конкретных общепризнанных норм и их интеграцию в правовые образования (институты), системы и структуры. В системе конституционного права находят отражение главные части взаимодействия и связи конституционно-правовых общепризнанных норм.

Но отрасль права – не обычная совокупность общепризнанных норм, между ними имеются сложные системные связи, обнаружить которые невозможно без основательного понимания внутренней структуры, свойственной предоставленной отрасли права, ее системы. Первичное и самое общее деление правовых норм на институты устанавливает Конституция РФ.

Как отмечается в научных исследованиях, не всякие совокупности конституционно-правовых норм образуя институты, рассматриваются как независимая доля конституционного права, основной элемент его системы. Компонентами отрасли считаются более крупные правовые образования, которые имеют конкретное внутреннее единство, и, в тоже время, отличающиеся от иных совокупностей норм конституционного права.

Анализируя различные подходы к классификации конституционно-правовых институтов, в системе конституционного права мы можем выделить: генеральные институты, сложные и простые (одноэлементные).

Генеральные институты характеризуются высокой степенью обобщения, в большинстве своём широким охватом норм. Входящие в головной институт правовые нормы могут фиксироваться как в содержании самой Конституции, так и в других источниках конституционного права. Среди них выделяют:

- институт основ конституционного строя – нормы, которого закрепляют основы конституционного строя РФ во всех сферах жизни общества;
- институт основ правового статуса личности – его нормы включают принципы правового статуса личности. Например, вопросы, касающиеся гражданства (безгражданства), конституционные обязанности человека и гражданина;
- институт организации и функционирования органов государственной власти. В него входят нормы, которые закрепляют основные начала построения системы государственных органов и ряд базовых принципов [1].

Сложные конституционные институты могут входить в состав генеральных институтов, и, в свою очередь в составе сложных институтов объединяется ряд однородных по предмету регулирования институтов (простые). Например: институт личных прав и свобод, институт политических прав, институт федеральных органов государственной власти и др.

Простые (одноэлементные) институты включают в себя только конституционно-правовые нормы и не подразделяются на другие составляющие их институты. Например, институт Президента, институт Конституционного Суда и др.

Для каждой из сфер общественных отношений характерна специфика по объекту и субъекту отношений, по форме и мере подобающего правового влияния, и его особенностям.

Все эти особенности, регулируемые нормами общественных отношений, определяют систему конституционного права, но не считаются ее основой.

Эти факторы, конечно, выливаются из содержания самих регулируемых общественных отношений, предопределяющих особенности правового влияния на них, его механизма, размеров.

В следствие этого любой институт, являющийся составляющей системы конституционного права, характеризуется особенностями, которые отличают его от иных институтов конституционного права.

Можно выделить следующие особенности:

- 1) по правовому влиянию на соответствующую сферу общественных отношений. Это влияние реализуется в формах укрепления, становления, регулировки и др.;
- 2) по специфике аппарата воздействия конституционно-правовых норм, методикам их исполнения. Воздействие правовых норм имеет возможность не

инициировать возникновения определенных правоотношений, но реализоваться через определенные правоотношения;

3) по уровню определенного направления конституционно-правового регулирования. Нормы некоторых институтов ставят только основы правового влияния на общественные отношения, а другие нормы иных – непосредственно регулируют эти отношения;

4) по субъектному составу. Некоторые нормы адресованы к определенным субъектам, иные же – ко всем право применяющим субъектам. Благодаря этому различается и правовой статус тех субъектов, которые участвуют в правоотношениях. Их право обязанности приобретают более четкое разграничение;

5) по методам юридической защиты воздействия конституционно-правовых норм, а также особенностям ответственности, которую несут субъекты. Данная особенность относится к институтам, которые влияют на общее устройство охраны конституции и конституционного строя, а также на группу институтов, влияющих на субъект;

6) по особенностям воплощения и изъяснения правовых норм: некоторые несут конституционное выражение, в иных же преобладают нормы, которые воплощены в текущем законодательстве;

7) в зависимости от функций. Выделяют обще регулятивные и конкретно-регулирующие. К первым относят нормы-принципы, нормы-дефиниции (незыблемые определения понятий) и нормы-цели; вторые – это правила поведения, которые регулируют общественные отношения;

8) по территории действия различают общегосударственные, которые действуют на всей территории государства и локальные – нормы, которые действуют на определенной части территории;

9) по принципам, присущим каждому из институтов.

Что касается современного этапа, то вопросы, которые затрагивает конституционное право, приобретают особое значение и актуализируется главная задача - конституциализация права.

С точки зрения конституционного правопонимания все формы выражения прогрессивного позитивного права имеют шансы и обязаны получать важное качество конституционности, подлинно гарантируя равновесную защиту всей системы конституционно значимых основ. Концепция конституционализации права как процесса следующего высококачественного объективирования и оформления

государственной правовой материи во всех конституционно общепризнанных и разрешенных для нее формах была выработана в науке конституционного права [3].

Обобщая исследования ученых по данному вопросу, можно прийти к выводу. Вся система такой отрасли как конституционное право, «наводя своеобразный порядок в многоэтажном и многоквартирном здании конституционного права», одновременно считается фундаментом для всей правовой системы РФ [2]. Отрасль конституционного права, и в частности, конституционно-правовые институты, дают начало всем иным отраслям права, в которых помимо набора нормативных документов, базовым источником является Конституция РФ.

Система конституционного права разделяет все нормы по институтам к тому же, не разграничивая их барьерами, а устанавливает основы их взаимодействия между собой. Этим гарантируется единство конституционно-правового регулирования. Система конституционного права является основной в системе права РФ. Нормы Конституции соединяются и структурируются в правовые институты системы конституционного права. Конституция устанавливает первичное деление самих правовых норм на институты. Разделы и главы Конституции являются первоосновой существования системы конституционного права. При этом ни одна подотрасль государственного права не имеет возможность развиваться, в случае если она не находит опоры в принципах и нормах, которые заложены в Конституции.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
2. Моисенко М. И., Конституционное право Российской Федерации: учебно-методическое пособие. Директ-Медиа, М.-2015г, 48с.
3. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права.,М.-2008г, 258с.
4. Земцов Б. Н., Основы права: учебно-практическое пособие. Евразийский открытый институт., Екб.-2011г, 389-406с.

ПРАВОВЫЕ ГРАНИЦЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Мораль во все времена была одним из средств регулирования общественных и межличностных отношений. Многие, первоначально моральные нормы, с течением времени приобретают законодательное закрепление. Сущность толерантности состоит в том, что человек должен относиться терпимо или нейтрально к воззрениям, действиям других, в том числе допускать все то, что он сам не признает или полностью отрицает, считает ошибочным.

К сожалению, понятие толерантности, не нашло прямой фиксации в законодательстве Российской Федерации, поэтому чаще всего она воспринимается именно как моральная категория. Вместе с тем, государственное и общественное внимание к проблеме толерантности объясняется тем, что без толерантности невозможно построить ни правовое государство, ни гражданское общество, ни вообще представить мирное сосуществование и развитие личностей в обществе.

Если рассматривать мировой опыт утверждения толерантности, то уже во Всеобщей декларации прав человека нашли свое закрепление положения о том, что каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии, убеждений, что образование «должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами». Также можно отметить Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, Декларацию о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Особое внимание следует обратить на Декларацию принципов терпимости, которая как раз и закрепляет приемлемый объем этого явления: «терпимость не может служить оправданием посягательств на основные ценности.... каждый свободен придерживаться своих убеждений и признает такое же право за другими»[1].

В октябре 2012 года эксперты Европейского совета по толерантности и примирению представили проект Типового национального закона о развитии толерантности, который был разработан «с целью принятия законодательными

органами зарубежных государств». В указанном проекте подчеркивается, что толерантность предполагает непредвзятое отношение к незнакомым идеям и образу жизни. К положительным чертам проекта, можно отнести закрепление системы образовательных мер, направленных на воспитание толерантности в обществе, а так же мер и случаев ответственности за преступления в данной сфере[2].

Таким образом, международные нормы закрепляют положения, которые в своей совокупности провозглашают толерантность в мировом сообществе, поскольку свободы мысли, совести, убеждений являются одновременно и частным проявлением толерантности и способом закрепления, обеспечения неотъемлемых прав личности.

Правовые начала толерантности содержатся в Конституции Российской Федерации и включают в себя права на свободу, объединения, а так же свободы совести, вероисповедания, мысли и слова, собраний, митингов, демонстраций. При этом установлены определенные рамки правовой свободы, такие как запрет пропаганды или агитации, направленной на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной ненависти и вражды.

При определении границ толерантности действует принцип «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого», то есть толерантное отношение к словам, поступкам, убеждениям ограничивается в тех случаях, когда эти деяния вступают в конфликт по отношению к правам других людей, интересам государства.

Вот почему должны, по нашему мнению, существуют охранительные нормы, направленные на то, чтобы свобода убеждений и поведения не нарушала права других членов общества. Так федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», ст. 280 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) устанавливает запрет и соответствующие правовые санкции за деяния экстремистской направленности, к которым относятся и «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни», и «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека...», и «пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики», и др.[3]

Кроме того, ряд статей УК РФ также направлен на защиту толерантности: ст. 282 устанавливает запрет на возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства, ст. 128.1 – устанавливает ответственность за клевету, ст. 148 – за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий, ст. 149 - за

воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них.

Законодательные границы созданы постольку, поскольку толерантность не должна использоваться как оправдание или средство освобождения от ответственности за совершение террористических действий, клевету и иных деяний, нарушающих права. Не допустимы демонстрации, митинги, собрания в случаях, когда они перерастают в мятежи, восстания и угрожают правам других.

Поскольку Российская Федерация является многонациональным государством, граждане исповедуют различные религии, поэтому в первую очередь политика толерантности распространяется на межнациональные и межконфессиональные отношения. Но вместе с этим, существуют примеры, когда по политическим, социальным или иным причинам стремление законодательно ограничить проявление тех или иных свобод (проявление толерантности) вызывает конфликт в обществе. В правоприменении, в части положений о толерантности, сегодня нет единства. Например, противоречивую оценку в обществе вызывает и предложение о запрете мусульманкам носить в школах или других общественных местах хиджаб.

Так в 2014 и 2015 годах Верховный Суд Российской Федерации выносил решения о запрете на ношения хиджаба в школе[4]. Однако, уже в феврале 2017 года парламент Чеченской республики Российской Федерации принял законопроект, которым устанавливается право обучающихся на ношение в образовательных учреждениях одежды или символики согласно народным традициям и религиозным верованиям (в том числе и хиджаб)[5].

Примечательно, что в марте 2017 года Европейский суд вынес решение, в котором разрешил работодателям Европейского Союза на свое усмотрение устанавливать правила дресс-кода, которые могут запрещать сотрудникам ношение хиджаба[6].

На сегодняшний день, внимание общества привлечено к теме о рассмотрении иска Министерства юстиции РФ о признании "Управленческого центра свидетелей Иеговы в России" экстремистской организацией, ликвидации и запрете ее деятельности на территории России. Формально запрет деятельности религиозной организации может означать ограничение конституционной свободы вероисповедания и, следовательно, положений о толерантности[7].

Утверждение в обществе толерантности - важный этап для урегулирования межэтнических и межкультурных отношений, имеет первоначальное значение в

обеспечении успешного сосуществования различных групп в рамках единого общества. И выработка единого подхода в правоприменении к реализации норм в сфере толерантности способствовала бы гармонизации межличностных и межгрупповых взаимоотношений.

Список литературы:

1. Декларация принципов терпимости. [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml.
2. European Parliament (website). [Электронный ресурс] URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/libe/dv/11_revframework_statute_/11_revframework_statute_en.pdf
3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».
4. Российская газета. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2015/02/11/vs-site.html>.
5. Парламент Чеченской Республики (официальный сайт). [Электронный ресурс] URL: <http://www.parlamentchr.ru/press-centre/news/4708-parlament-chr-prinyal-zakonoproekt-dayushchij-pravo-obuchayushchimsya-odevatsya-v-sootvetstvii-s-verois povedaniem>.
6. Infox. Life news. [Электронный ресурс] URL: http://www.infox.ru/authority/foreign/2017/03/14/Sud_YES_priznal_zako_print.phtml/
7. Российская газета. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2017/04/06/vs-poka-ne-prinial-okonchatelnogo-resheniia-po-delu-svidetelej-iegovy.html>.

УДК 340.5

Вирозуб А.А., Мамутова Г.Р.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Одним из основных факторов развития уровня и качества законодательства в стране, является фактор становления и совершенствования законодательства, направленного на охрану окружающей среды. Регулирования вопросов в сфере охраны окружающей среды является одной из актуальных проблем современности, особенно в развивающихся и густонаселенных странах мира. В конституциях и иных законодательных актах зарубежных стран получают отражения экологические проблемы и основные способы регулирования отношений между человеком и

природой, предупреждение её деградации. Однако экологическое право в зарубежных странах формируется не изолировано. Наиболее успешный опыт природоохранительной деятельности заимствуется другими странами. Особенно важным остается влияние правового опыта охраны окружающей среды в каждом государстве на становление природоохранительной базы международного уровня.

Цель статьи: Установление специфики правовых основ охраны окружающей среды нашедших своё воплощение в международных документах.

Для достижение данной цели, были поставлены следующие задачи:

1. Выделение и систематизация правовых основ охраны окружающей среды в зарубежных странах.
2. Выявить степень влияние правового опыта охраны окружающей среды в каждом государстве на становление общей природоохранительной базы международного уровня.
3. Сравнительный анализ правовых основ охраны окружающей среды в зарубежных странах.

Для достижения данной цели были использованы общенаучные методы научного исследования, а именно: анализ, синтез, исторический метод.

Анализ экологических положений закрепленных в конституциях зарубежных стран позволяет утверждать, что правовые основы законодательства в сфере охраны окружающей среды формируются на базовых принципах, таких как: правовое обеспечение рационального природопользования, информационное сотрудничество, возмещение экологического вреда, а также предупреждение его причинения[8].

Особенностью правового регулирования охраны окружающей среды в европейских странах является наличие общих требований в области охраны окружающей среды, непосредственно действующие на территории стран Евросоюза в виде отдельных директив. Особое внимание хотелось бы уделить развитию законодательства в сфере экологических прав. Важным здесь является высокая степень влияния европейского права на развитие международного права окружающей среды. Например, Директив 90/313/ЕЭС о свободе доступа к информации об охране окружающей среде от 7 июля 1990 года, которая позднее была заменена на Директиву о доступе к экологической информации. Так данный документ являлся основой для принятия важнейших международных документов, а именно Орхусской конвенции о доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, 1998 года. [3]. В мировой практике часто используют правовой опыт

европейских стран, а также нормативно-правовые акты Евросоюза в целях дальнейшего совершенствования экологического законодательства. Таким образом ЕС оказал значительное влияние на формирование экологического права в зарубежных странах.

Важно отметить, что, несмотря на существование общей правовой базы для стран Европейского Союза, национальное законодательство каждой страны имеет свои особенности. Так, Французская Республика в своей национальной правовой системе принимает различные нормативные акты в целях совершенствования экологического законодательства. Основными нормативно-правовыми актами в области охраны окружающей среды является Кодекс об охране окружающей среды, Национальный план в сфере охраны окружающей среды. Особое внимание во Франции уделяется экологическому страхованию, так в настоящее время Франция является европейским лидером в области страхования экологических рисков. В основе экологической политики Франции главным принципом является предупреждение и максимальное сокращение потенциального ущерба окружающей среды в процессе хозяйственной деятельности.

Одним из уникальных государств в плане формирования экологического законодательства и проведением экологической политики является Федеративная Республика Германия. В Основном законе ФРГ одной из важнейших задач государства, отражена охрана природы, которая стала основой для формирования экологического законодательства. Важнейшими принципами, лежащими в основе экологической политики, является принцип минимального вторжения, а также принцип сохранения окружающей среды. Наряду с Федеральным ведомством по охране окружающей среды в Германии действует Федеральное министерство по охране окружающей среды. Также важно отметить, что особое внимание в Германии уделяется экологическому обучению производственного персонала, к которому предъявляются особые требования в целях поддержания их профессионализма.

Основные положения Конституции Королевства Испании нашли свои отражения в Конституциях многих стран, в том числе и Российской Федерации. Так, например, право на благоприятную окружающую среду впервые было провозглашено в Конституции Испании 1978 года и легло в основе законов других государств. Согласно положениям Конституции Испании, все имеют право на благоприятную окружающую среду, все обязаны её сохранять. Экологическая политика Испании основана на ряде принципов, таких как рациональное использование природных ресурсов, сохранности природных объектов и многих

других. Основным органом в сфере экологического управления в Испании является Министерство окружающей среды, сельского хозяйства и морских ресурсов Испании. Основной функцией которого является контроль за качеством сельскохозяйственной продукции. Важно отметить, что Испания является первой страной в Европейском Союзе, выращивающей генетически модифицированную кукурузу.

Развитие экологического законодательства в азиатских странах стало формироваться позднее и в некоторых странах необходимость комплексной защиты природы еще не до конца осознана. Это объясняется тем, что правовая база этих стран недостаточно разработана, а экологическая политика государств требует своей корректировки с учетом мирового опыта. Однако важно отметить, что разработки по совершенствованию экологического законодательства осуществляются посредством международного сотрудничества и тесного взаимодействия зарубежных стран. Результатом является распространение положительного опыта охраны окружающей среды европейских стран и США в странах азиатского региона. Одним из таких стран, является КНР. Основу правовой системы КНР составляет закон об охране окружающей среды от 26 декабря 1989 года. В нем провозглашен основной курс на охрану и улучшение окружающей среды и экологической обстановки, предотвращение и контроль загрязнения и других видов риска для людей, защиту здоровья и стимулирование развития социалистической модернизации.

На основании всего вышесказанного, мы сделали следующий вывод: рассмотренные правовые основы охраны окружающей среды, особенности построения экологической политики зарубежных стран служило критерием сравнительного анализа вышеназванных стран, что позволило выявить не только характерные черты каждого государства, но также влияние международных организаций, а также международного опыта в построении национального законодательства каждой отдельной страны. Экологическое законодательство зарубежных стран развивается неравномерно. Следует признать, что ведущая роль в формировании экологических принципов и их внедрении в зарубежные правовые системы остается за европейскими государствами. Так многие нормативно-правовые акты стран Евросоюза являются основой для важнейших международных конвенций, например: Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Орхусская конвенция], Конвенция Европейской Экономической Комиссии ООН «О доступе к информации, участии общественности

в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды».

. Анализ экологических положений конституций стран Европы позволяет утверждать, что правовые основы законодательства в сфере охраны окружающей среды формируются на таких базовых экологических принципах, как правовое обеспечение рационального природопользования, информационное сотрудничество в области охраны окружающей среды, предупреждение причинения и возмещение нанесенного экологического вреда.

Список литературы:

1. Основной закон Федеративной Республики Германии, 23 мая 1949 г.
2. Испанская Конституция ("Boletín Oficial del Estado", № 311, от 29 декабря 1978 года).
3. Калиниченко П. Л., Рациборинская Д. Н. Защита экологических прав в законодательстве Европейского сообщества // Экологическое право. 2003. № 2.
4. Униятова О. А., Пашенцев А. И. Особенности экологического страхования во Франции // Экономика и управление. 2011. № 2.
5. Вуколова Т. В. Конституционно-правовые основы охраны окружающей среды в России и Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 7.
6. Шмидт Кристиан. Рыночное хозяйство и экологическое законодательство в ФРГ // Экологическое право и рынок. М., 1994. С. 205; Miller Jeffrey G., Colosi Thomas R. Fundamentals of Negotiation. A Guide for Environmental Professionals. Washington, DC, 1989.
7. Правовой опыт охраны окружающей среды в зарубежных странах: вопросы взаимовлияния / А.Я. Рыженков // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. — 2012. — №4 (21). — С. 239-243.

УДК 342.731

Подгайская В.Г.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ КАК ОДНО ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ПРЕДПОСЫЛОК ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.

Общеизвестный факт, что Российская Федерация, согласно ст. 14 Конституции РФ является светским государством. Это означает, что никакую

религию государство не может установить в качестве общеобязательной, в свою очередь все возможные религиозные объединения считаются равными перед государством.

Также ст. 28 Конституции Российской Федерации гласит: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

Свободу совести в объективном смысле можно охарактеризовать как систему юридических норм, которые, по сути, составляют комплекс законодательства о свободе совести определенного исторического периода в конкретной стране.

Свобода совести является одной из основополагающих в системе всех прав свобод человека и гражданина. И это отнюдь не говорит о «привилегированности» одного права над другим. Достаточно понять, что отсутствие свободы данного рода неизбежно подвергает всю систему общечеловеческих прав и свобод сомнению и, в дальнейшем, угрозам.

Если свобода совести человека и гражданина будет рассматриваться как нечто не приносящее общественной пользы и будет нарушаться, впоследствии это может привести к переходу к безальтернативной политической системе, укоренению авторитарных политических режимов, росту как нравственной, так и религиозной нетерпимости, массовым насилиям в обществе, а также дискриминации по религиозному признаку.

Реализация права на свободу совести осуществляется посредством особого конституционного механизма. Данным механизмом является деятельность, осуществляемая государством и обществом, а именно меры материально-технического, социально-психологического, организационного характера, направленные на реализацию конституционных положений.

Компонентами механизма реализации конституционного права на свободу совести являются существующие правоотношения, юридические факты (действия и события), правоприменительные акты. Они представляют собой «конечные продукты» реализации свободы совести в российском обществе и государстве.

Также, важными компонентами механизма реализации свободы совести являются юридические гарантии, установленные государством. По сути, данные гарантии представляют собой комплекс политико-правовых средств по защите свободы совести.

В качестве примера таких гарантий можно привести равенство индивидов, равенство религиозных организаций, светский характер государства, отделение церкви от государства, а также тайну исповеди.

Существует ряд принципов обеспечения свободы совести в Российской Федерации. К таковым относятся:

- принципы, исходящие от верующих и религиозных организаций:
 - веротерпимости;
 - добросовестного прозелетизма;
- принципы деятельности государства, направленные на создание благоприятных условий обеспечения свободы совести:
 - невмешательства во внутреннюю деятельность религиозных организаций и объединений;
 - взаимодействия с религиозными организациями, объединениями во внешней деятельности;
- принципы обеспечения свободы совести в экономической деятельности;
- принципы обеспечения свободы совести в сфере государственной службы;
- принципы обеспечения свободы совести в сфере образования;
- принципы обеспечения свободы совести в трудовом праве.

На сегодняшний момент существует неопределенность понятий «право на свободу совести» и «свобода совести», которые нередко отождествляются. Касательно обеспечения данного конституционного права стоит отметить, что правом на свободу совести является непосредственное юридическое ее воплощение, а свобода совести – это достаточно сложное явление, широко изучаемое в обществе. Зачастую свободу совести и свободу вероисповедания отождествляют, что составляет трудность в толковании. Пространен вопрос отделения религиозных организаций от государства, равенства прав верующих и неверующих, что порой выражается в межконфессиональных прениях.

На данный момент можно отметить, что в российском законодательстве недоработана правовая, а в науке – теоретическая основы для выработки критериев, необходимых для оценки влияния деятельности религиозных организаций на государство и государственную политику, а также установления запретительных норм, которые не умаляли бы правовой статус человека и гражданина, реализацию его принципа свободы совести.

Данные пробелы требуют дальнейшего изучения. Необходимо анализировать нынешние религиозные ситуации, выявлять тенденции, перспективы для реализации данного конституционного механизма.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
2. Черемных Г.Г. Свобода совести в Российской Федерации. – М., 1996. С. 22.
3. Брянцева О.В. Реализация конституционного права на свободу совести в Российской Федерации: Дисс. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 54.

УДК 342.731

Маринко А. В

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ

Изучение понятий свободы совести и вероисповедания как одной из составляющих конституционных гарантий реализации основных и неотъемлемых прав и свобод человека и гражданина является одним из актуальных направлений юридических исследований, поскольку принцип свободы совести недостаточно изучен и регламентирован в российском законодательстве. Этот принцип стоит наряду с принципом свободы вероисповедания и они практически не разграничиваются. Хотя принцип свободы совести носит фактически закрепленный характер, на практике же он реализуется не в достаточной мере. Целью данной работы является исследование принципа свободы совести, закрепленного в 28 статье Конституции РФ.

Статья 28 Конституции Российской Федерации содержит положение о том, что каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания:

«Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [1, с. 10].

У ученых нет единого мнения по поводу разграничения понятий «свобода совести» и «свобода вероисповедания», многие настаивают на том, что «свобода совести» несколько шире и включает в себя не только религиозные, но и иные (моральные) убеждения людей.

Под свободой совести и вероисповедания понимается неотчуждаемое, гарантируемое Конституцией индивидуальное право каждого человека и гражданина придерживаться своих внутренних морально-нравственных убеждений по поводу своего личного отношения к религиозным и иным духовным ценностям, не нарушая при этом конституционных прав других индивидов [2].

Институт свободы совести и вероисповедания строится на определенных структурных элементах и гарантиях :

- 1) Гарантия на исповедание любой религии. Граждане, а так же лица, проживающие на территории Российской Федерации вправе вступать в различные религиозные объединения, духовные общества и организации, также они праве создавать на добровольной основе свои собственные религиозные объединения, с целью проведения духовных собраний, обрядов, встреч и т.д.
- 2) Равенство прав на реализацию свободы совести и вероисповедания. Граждане Российской Федерации, а также иностранные лица, постоянно или временно проживающие на ее территории имеют равные права на свободное вступление в конфессиональные объединения и свободное выражение своих религиозных убеждений.
- 3) Гарантия свободного осуществления культовых религиозных обрядов в порядке уведомления в любых учреждениях. Это право человека и гражданина на совершение религиозного обряда в молитвенном доме, в доме престарелых, в медицинском учреждении, в воинской части, в местах лишения свободы. Никто не может ограничивать граждан в беспрепятственной реализации их права на свободу совести и вероисповедания. Запрещается препятствовать осуществлению религиозных прав с применением насилия, пропагандой конфессионального превосходства, унижения и оскорбления чувств верующих. [3, с. 125]
- 4) Гарантия возможности изменять религию. Граждане РФ вправе, в соответствии со своими внутренними убеждениями изменять свою религиозную принадлежность к тем или иным конфессиям. Запрещается принуждение к выбору религии или ее изменению, а также принудительное

вовлечение малолетних детей в конфессиональные группы и общности. Запрещается принудительное навязывание детям принадлежности к той или иной религии, а также принудительное религиозное воспитание родителями, попечителями или опекунами.

5) Гарантировано право на не исповедание никакой религии. Это права, возможность людей относиться к религии нейтрально. Данный принцип свободы совести введен для того, чтобы обеспечить возможность реализации права на свободу совести не только у людей с определенной религиозной принадлежностью, но и у людей с атеистическими убеждениями.

6) Гарантия права на свободное распространение религиозных и атеистических воззрений и убеждений. Это право граждан на демонстрацию своих убеждений, на распространение сведений о своих религиозных верованиях, организациях и общностях. Однако данный принцип имеет некоторые ограничения:

- запрещается распространение информации, которая оскорбляет религиозные чувства верующих, а также проведение публичных, массовых собраний и иных мероприятий, направленных на распространение порочащих сведений о различных религиозных организациях и объединениях;

- право на свободное распространение религиозных и атеистических убеждений ограничивается запретом на разжигание религиозной розни, использование религии в качестве инструмента для разжигания конфессиональных конфликтов и войн, а равно создание религиозных организаций, преследующих данные цели.

[4]

- государственные служащие и должностные лица органов государственной власти и органов местного самоуправления не могут, в соответствии с российским законодательством, злоупотреблять своим должностным положением с целью формирования определенного отношения к религии.

6) Гарантия на право получения определенного религиозного образования, в соответствии со своими внутренними духовными убеждениями. Религиозное или атеистическое образование может получить каждый заинтересованный в этом гражданин. Данный вид образования осуществляется в специализированных учреждениях, созданных религиозными организациями.

Так как Российская Федерация- это светское государство, то в соответствии с этим принципом и образование имеет светский характер и поэтому религиозное

образование в России невозможно получить в государственных и муниципальных организациях. [5, с. 277]

При анализе международно-правовых актов и нормативно-правовых актов Российской Федерации, видно, что четкие рамки принципа свободы совести не установлены и носят довольно размытый характер. Зачастую в современное время сущность свободы совести определяется в зависимости от уже существующих государственно-религиозных отношений.

Основная проблема заключается в том, что принцип свободы совести постоянно упоминается в законодательстве лишь наряду с принципом свободы вероисповедания, тем самым носит лишь декларативный и фактический характер, находясь при этом вне поля правового регулирования.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. – М. : Юрид. лит., 1993. – 61 с.
2. Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях" от 26.09.1997 N 125-ФЗ (последняя редакция) (принят ГД ФС РФ 19.09.1997) // Первоначальный текст документа опубликован СЗ РФ, 29.09.1997, №39, ст. 4465.
3. Козлов Е. И. Кутафин О. Е. Конституционное право России. М. 2004. С. 321.
4. Вишнякова И. Н. Конституционно-правовое регулирование свободы вероисповедания : Дис. канд. юрид. наук : 12.00.02 : Москва, 2000 162 с. РГБ ОД, 61:01-12/134-2
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. Л. В. Лазарева, В. Д. Зорькина. - М.: Изд-во "Эксмо", 2009. - 1056 с.

УДК 340.131.5

Дзюбенко А.Д.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА СРЕДСТВАМИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Данные тезисы посвящены рассмотрению конституционного правосудия в Российской Федерации, которое осуществляется Конституционным Судом РФ и конституционными (уставными) судами субъектов РФ. В настоящее время конституционное правосудие не сводится только к проверке конституционности

нормативных актов и разрешению конституционно-правовых споров между органами публичной власти. Оно также призвано защищать основы конституционного строя, основные права и свободы человека и гражданина, призвано обеспечивать верховенство и прямое действие Конституции РФ на всей территории РФ. Защита прав и свобод человека средствами конституционного правосудия должно рассматриваться в качестве одной из существенных функций конституционного суда в демократическом правовом государстве. С развитием практики проверки на соответствие Конституции нормативно-правовых актов РФ официальное толкование получают основные права и свободы, практическое применение и доктринальное развитие получают общие принципы права. Материалом для данного исследования послужили законы Российской Федерации, решения Конституционного суда РФ, а также теоретические работы российских ученых.

В судебной системе России Конституционный Суд РФ занимает особое место и на сегодняшний день по праву заслуживает стать символом утверждения демократических институтов нового конституционного строя в соответствии с основополагающими ценностями современного конституционализма [1, с. 35]. Правовой основой его существования являются Конституция РФ (ст. 125) и Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Конституционный Суд РФ – судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства. В соответствии со статьей 27 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» :«В субъектах Российской Федерации для осуществления конституционного правосудия может создаваться конституционный (уставный) суд субъекта РФ для рассмотрения вопросов соответствия законов субъекта Российской Федерации ... конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, а также для толкования конституции (устава) субъекта Российской Федерации». Таким образом, на федеральном уровне установлены лишь предпосылки для формирования органов конституционного правосудия в РФ [2, с.109].

Конституционное правосудие – это деятельность судебных органов по рассмотрению дел, предметом которых являются государственно-правовые вопросы, связанные с обеспечением верховенства конституции и ее реализацией [3].

В структуре конституционного правосудия как органической части отрасли конституционного права выделяют два элемента – материальный и процессуальный, при этом оба названных элемента находятся в неразрывном единстве, а граница между ними весьма условна [4].

Первый из них связан с определением материально-правовой основы статуса органов конституционного контроля как особых субъектов судебной власти. Им охватываются такие вопросы, как юридическая природа органов конституционной юстиции, их место в системе органов государственной власти, нормативно-правовая основа организации и деятельности Конституционного Суда РФ, конституционных (уставных) судов субъектов РФ, их структура и компетенция, статус судей. Второй элемент раскрывает процессуальные аспекты правового положения указанных органов и посвящен юридической регламентации формы их деятельности конституционного судопроизводства, определению его общих положений и правил процедуры, стадий, особенностей рассмотрения отдельных категорий дел.

Проверка конституционности закона, применённого в конкретном деле по жалобам на нарушение индивидуальных конституционных прав и свобод является одной из функций конституционного правосудия, которая для существования демократии и гражданского общества является одной из важнейших. Основной формой осуществления конституционного правосудия является конституционный контроль, под которым обычно понимается урегулированная конституционно-правовыми нормами деятельность компетентных органов и должностных лиц, заключающаяся в проверке соответствия всех нормативных актов Конституции данного государства и соблюдение прав и свобод личности. С помощью конституционно-контрольной деятельности одновременно происходит актуализация нормативного содержания соответствующих правовых принципов, а также устанавливается их сбалансированное взаимодействие. Это особенно важно, если иметь в виду, что КС РФ нередко сталкивается с ситуациями, когда не только возникают противоречия между доктринальными представлениями о содержании различных конституционных принципов, но и сами принципы в их нормативном содержании могут быть внутренне противоречивы. Бондарь Н.С. отмечает в качестве таковых принципы правового и социального государства; свободы и ответственности; единства государственной власти и федерализма и т. д. [1, с. 37-38].

В качестве примера защиты конституционных прав и свобод средствами конституционного правосудия можно рассмотреть одно из Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации за 2016 год, а именно

Постановление от 17 ноября 2016 года №25-П по делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Одной из правовых категорий, рассматриваемых в данном Постановлении, является фундаментальное право человека на свободу и личную неприкосновенность. Предметом рассмотрения в приведённом Постановлении является часть 4 статьи 27.5 КоАП РФ постольку, поскольку на её основании разрешается вопрос о сроке административного задержания лица, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении, влекущем в качестве одной из мер административного наказания административный арест, в случае если это лицо в момент административного задержания находится в состоянии опьянения.

Заявитель указывает на то, что оспариваемое законоположение, устанавливающее исчисление срока административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, не с момента доставления его в отдел полиции, а со времени вытрезвления, позволяет подвергать такое лицо административному задержанию на срок более 48 часов без судебного решения (в отношении заявителя по настоящему делу срок со времени его доставления в соответствии со статьёй 27.2 КоАП РФ и до принятия решения суда о назначении ему административного ареста составил 59 часов), что прямо противоречит Конституции РФ, её статьям 19 (части 1 и 2), 22 (часть 2) и 55 (часть 2).

Конституционный Суд РФ признал оспариваемое законоположение не соответствующим Конституции РФ, её статьям 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2) и 22 (часть 2), в той мере, в какой оно допускает ограничение свободы человека до судебного решения на срок более 48 часов. Следовательно, внесудебное принудительное ограничение свободы лица, подвергнутого административному задержанию и находящегося в состоянии опьянения, на период до его вытрезвления не может рассматриваться как не подпадающее под действие статьи 22 Конституции РФ и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а потому его применение недопустимо в отрыве от конституционного запрета до судебного решения подвергать кого бы то ни было задержанию на срок более 48 часов. Иное приводило бы к игнорированию конституционных гарантий права на свободу и личную неприкосновенность и тем самым к умалению существа данного права. Из этого следует, что федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции РФ и с учётом правовых позиций Конституционного Суда РФ,

изложенных в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из настоящего Постановления.

Исходя из конституционных принципов юридического равенства и равноправия, а также из признания норм и принципов международного права, в системе российского права должно быть исключено антиконституционное отступление от гарантированных Конституцией РФ основных прав и свобод. Таким образом, в правовом государстве конституционный контроль должен рассматриваться в качестве одной из важнейших форм гарантии и обеспечения конституционных прав и свобод личности от нарушений или непропорциональных вмешательств со стороны государства, а также приведения нормативно-правовых актов в соответствие с основополагающими нормами конституции.

Список литературы:

1. Бондарь, Н. С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России / Н.С. Бондарь // Журнал российского права. – 2011. № 10.С. 35-38.
2. Куприна, В. К вопросу о конституционном (уставном) правосудии в субъектах РФ и его правовом регулировании / В. Куприна // Власть. – 2013. - № 1. - С. 109.
3. Андреева, Г.Н., Андреева, И.А.; отв. ред. проф. Страшун, Б. А. Конституционное (государственное право) зарубежных стран. В 4 т. / Г. Н. Андреева, И. А. Андреева, отв. ред. проф. Б. А. Страшун. Тома 1–2. - 3-е изд., обновл. и дораб. - М.: Издательство БЕК, 2000. - 784 с.
4. Андриченко, Л. В., Постников А. Е. Институты конституционного права / Л. В. Андриченко, А. Е. Постников. - М. : Юриспруденция, 2013. - 496 с.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2016 г. №25-П /по делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Сравнительное конституционное обозрение. - № 6(115). – 2016. – с.164-165.

УДК 340.134 (470+571)

Перфильева А.Э.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПРАВА В КОНСТИТУЦИИ РФ

Общие принципы права определяют общую направленность, высокое качество и эффективность правотворческой и правореализующей,

интерпретационной и правосистематизирующей практики в любом цивилизованном обществе. Поэтому такое большое значение имеет объективное и всестороннее изучение данного феномена. В данной работе исследуются общие принципы российского права как всеобщие, универсальные, нормативно-руководящие начала, имеющие глобальное воздействие на все сферы общественной жизни и правовой системы России.

Исследуя понятие «принцип права», стоит подчеркнуть, что оно тесно связано с общенаучным понятием принципа. Принцип в науке – это основополагающее теоретическое знание, не являющееся ни доказуемым, ни требующим доказательства, или нормативное общее высказывание, содержащее определенное требование к осуществлению познавательной, практической и духовной деятельности. Термин «принцип» произведен от латинского *principium*, что означает «начало», «происхождение», «то, что было в начале»[4].

Принципы права – это основные, исходные начала, положения, идеи, выражающие сущность права как специфического социального регулятора. Они воплощают закономерности права, его природу и социальное назначение, представляют собой наиболее общие правила поведения, которые либо прямо сформулированы в законе, либо выводятся из его смысла[2].

Принципы отражаются в нормах права, т.е. устанавливается неразрывная связь принципа права с писаным (позитивным) правом[4]. Общие принципы права являются составной частью правовой системы РФ, а так как Конституция РФ является Основным законом, то они находят своё выражение в ней.

К общим принципам права российские авторы относят такие принципы, как принцип законности; разделения властей, гуманизма; справедливости; неприкосновенности личности[3]; юридического равенства граждан перед законом и судом; недопустимости произвольного ограничения прав личности; демократизма; взаимной ответственности государства и граждан [5] и др.

Рассмотрим сущность и содержание основных принципов права в Конституции Российской Федерации (далее по тексту Конституции) от 12.12.1993 года [1].

1) Принцип законности (ч.1, ч.2 ст.15 Конституции) система требований общества и государства, состоящая в точной реализации норм права всеми и повсеместно [3]. Данный принцип закрепляет требование соблюдения Конституции РФ, законов РФ всеми субъектами права. Строгое и неукоснительное соблюдение установленных правовых норм гарантирует создание и поддержание порядка в

современном обществе, в связи с чем защита и реализация данного принципа имеет ключевое значение для развития правовой системы России в целом;

2) Принцип гуманизма, или уважения прав и свобод человека и гражданина (ч.1 и ч.2 ст. 15 Конституции), означающий, что Конституция и законы должны закреплять права и свободы человека и гражданина, запрещать различные деяния, посягающие на человеческое достоинство. Идея об уважении человеческого достоинства, охране прав и свобод личности, лежит в основе построения правового государства и гражданского общества.

3) Принцип справедливости в праве имеет, как минимум, два аспекта:

а) равенство прав и обязанностей субъектов права, под которым понимают равноправие граждан независимо ни от каких обстоятельств (ст.19 Конституции); равенство субъектов РФ (ст.5 Конституции); равенство гражданства независимо от оснований его приобретения (ст.6 Конституции); равенство всех форм собственности (ст.8 Конституции); равенство общественных и религиозных объединений перед законом (ст.13,ст.14 Конституции) и т.д.;

б) справедливость применения права, т. е. объективность и беспристрастность в применении права[3], основанную на идеях признания человека высшей ценностью. Данный принцип также выражает общесоциальную сущность права, обязанность поиска пропорционального компромисса между участниками правоотношений, между гражданином и государством.

4) Принцип неприкосновенности личности, согласно которому "каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность "(ч.1 ст.22 Конституции). А это значит, что всем, кто правомерно находится на территории Российской Федерации, гарантируется, что никто не будет совершать действия, произвольно ограничивающие свободу выбора образа жизни либо посягающие на его жизнь, здоровье, личную жизнь, иные предоставленные ему по закону ценности. Ограничение свободы возможно только в случаях и в порядке, установленных в уголовно-процессуальном законе.

5) Принцип юридического равенства граждан перед законом и судом, провозглашает равный правовой статус всех субъектов (ст.19 Конституции). Показывает объективность и беспристрастность характера в судебном процессе, а также право на защиту и отображение презумпции невиновности.

6) Принцип демократизма, предполагающий, что в правовых нормах должны быть закреплены институты представительного и непосредственного народовластия, с помощью которых граждане могут участвовать в управлении государственными и

общественными делами, защищать свои права и свободы (ч.1 и ч.2 ст.3 Конституции). Принципы демократизма являются главной составляющей для создания правового государства, а в последствии и гражданского общества.

7) Принцип взаимной ответственности государства и граждан, который означает, что государство и гражданин связаны взаимными правами и обязанностями, а их невыполнение каждой из сторон или злоупотребление правом влечет за собой юридическую ответственность (ст.53 Конституции).

8) Принцип разделения властей введён с целью недопущения монополизации полномочий органами любой ветви власти, включая президента (ст.10 Конституции).

9) Принцип доступности правовой помощи. Данный принцип лежит в основе закрепленного в ст.48 Конституции РФ права на получение квалифицированной юридической помощи, т.е. обеспечение, защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц, реализуемых специально созданными на то органами, имеющими своей целью достижение правовой защищенности личности в максимальной степени [5].

10) Принцип доступности правовой информации лежит в основе права человека и гражданина знать свои права, свободы и обязанности, посредством публикации нормативно-правовых актов (ч.3 ст. 15 Конституции).

11) Принцип презумпции правомерности поведения, означающий, что поступок кого угодно из граждан считается правомерным, пока не установлено в надлежащих процедурах несоответствие данного поведения закону, то есть пока не установлено событие правонарушения»[5]. Данный принцип получил выражение в презумпции невиновности (ст.49 Конституции).

12) Принцип федерализма, присущий только тем правовым системам, которые существуют в федеративных государствах. Он означает, что в данном обществе действуют две системы законодательства - общенациональная и региональная[3]. Это говорит о разделении предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами (ч.3 ст. 5 Конституции).

13) Принцип идеологического многообразия, многопартийности(ст.13 Конституции).

Многопартийность и политический плюрализм является основным элементом для построения правового государства.

14) Принцип недопустимости произвольного ограничения прав личности (ч.3 ст. 55 Конституции) содержит положения о законных ограничениях прав и свобод человека и гражданина в строго определенных случаях: в целях защиты основ

конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Ограничения прав и свобод могут устанавливаться только федеральным законом, и только в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционных ценностей, не посягая на сущность ограничиваемого в каких-либо публичных целях личного права человека.

В заключении можно сделать вывод, что общие принципы права являются результатом закономерности исторического развития общества и государства. Это устойчивые, фундаментальные основы, на которых строятся современные правовые системы государств. Главным образом общие принципы права воплощаются в Конституции и закрепляются ей, а это значит, что они признаются, гарантируются и защищаются государством. Защита проявляется в верховенстве Конституции и обладания ей высшей юридической силы, в издании последующих законов, которые должны соответствовать Конституции, нарушение чего порождает быстрое применение государством мер принуждения, тем самым обеспечивая правопорядок в обществе и целостность конституционного строя государства. Соответственно принципы являются основой для создания правовых норм, которые регулируют как внутригосударственные отношения, так и отношения на межгосударственном уровне. Содержание общих принципов права, используемых в правовой системе России, показывает её путь к созданию правового государства и построению гражданского общества, что является идеальной моделью государства в научной теории.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. №2-ФКЗ, от 21 марта 2014 г. №6-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. №11-ФКЗ). - Ростов н/Д: Феникс, 2015.- 63 с.
2. Григорьева, И. В. Теория государства и права: учебное пособие / И.В.Григорьева.- М.: Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун- та, 2009. – 304 с.
3. Матузов, Н. И. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько.- М.:Юрист, 2004. — 512 с.
4. Ларионова, М. А. Некоторые проблемы определения понятия «принцип права» в контексте международного и национального права: сборник статей / М.А. Ларионова.-М.:Москва-Берлин:Директ- Медиа,2014.-49с.
5. Милухова, Н.К. О некоторых особенностях принципах права / Н.К. Милухова, В.В. Сафронов // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. - 2015. -№11-4. - С. 18-21.

Мещеряков Д. В., Зитулаева Д. А.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Анализ юридической и исторической литературы показывает, что законодательное регулирование правового положения иностранцев в России во второй половине XVII - начале XX вв. исследовалось специалистами, как в области юриспруденции, так и отечественной истории [1, с. 20]. В дореволюционной России вопросы относительно правового статуса иностранцев рассматривались историками Комаровским Л.А., Уляницким В.А. и Мартенсом Ф.Ф [2, с. 48]. В наше время исследования, касающиеся этого вопроса, проводили такие ученые: Ю.Я. Баскин, Д. И. Фельдман, Р. М. Валеев, Л.Н. Галенской.

С конца XVII по начало XX века правовой статус иностранных граждан в России претерпел значительные изменения. Просматривая нормативные документы того периода, можно выделить 6 этапов преобразования статуса иностранцев:

- 1) время правления Алексея Михайловича – начало XVIII вв.: в данный период происходит зарождение основ правового регулирования положения иностранцев в России;
- 2) период правления Петра I – конец царствования Елизаветы: период характеризуется формированием основополагающих начал правового статуса иностранных граждан, закрепленных законодательно в это время;
- 3) вторая половина XVIII века – период особенно дружеских отношений между правительством и иностранными гражданами;
- 4) правление Павла I – середина XIX в.: начало процесса ограничения прав и свобод иностранцев в Российской Империи;
- 5) 1855-1914 гг.: период значимых правовых реформ, активное участие России на международной арене;
- 6) Россия в годы Первой Мировой войны.

Первый этап является периодом зарождения основ правового регулирования дел, связанных с пребыванием иностранных граждан в России. Правовое положение иностранцев было закреплено в Новоторговом уставе 1666 года. До момента издания данного документа иностранцы не могли свободно пребывать на территории России продолжительный промежуток времени. Российское

государство было закрытой страной для «иноземцев». Документ регулировал только въезд торговцев и размеры таможенных сборов. Но на данном этапе въезд иностранных граждан был еще ограничен.

Реформу Петра I о правовом положении иностранных граждан можно считать началом второго этапа. Основной задачей Государя было сделать Россию великой и могущественной, расширить территорию, укрепить и увеличить торговые связи с другими государствами. Для осуществления этих целей Петр I в 1702 году издает манифест «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания» [2, с. 48]. Документ гарантировал ряд прав и свобод иностранным гражданам, также возможность исповедовать родную религию. Но он не распространялся на все слои населения, въезжать могли только военные, торговцы, художники и различные ремесленники. С началом Северной войны возникли некоторые ограничения для иностранцев, что было вполне логично.

Екатерина II издала правовой акт, получивший название: «О позволении иностранцам, кроме евреев, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу». Данным правовым документом можно подвести «черту» под вторым этапом развития статуса иностранного гражданина в России. Теперь «иноземцам» можно было свободно въезжать в Российскую Империю.

Третий этап определяется наиболее благоприятным временем в правовом статусе иностранцев в России. Иностранным гражданам разрешалось вести хозяйство, иметь землю, купцам предоставлялись кредиты по низкой процентной ставке. Для развития России данные послабления имели отрицательный результат, происходит процесс отчуждения иностранцев от коренного населения, автономность проживания национальных меньшинств, что впоследствии скажется на разрушении Российской государственности.

Четвертый этап связан с правлением Павла I и Александра I. В Европе в конце XVIII в. происходили коренные изменения: французская революция, наполеоновские войны, изменения на политической арене были непредсказуемы. Павел I во главе своего правительства был обеспокоен, чтобы революционные потрясения не коснулись России. Он ввёл ряд ограничений, которые больше всего затронули иностранных граждан.

Александр I продолжил политику своего отца в этом вопросе. В 1806 г. Государь выпустил постановление «О высылке из России всех подданных Французских и разных немецких областей, которые не пожелают вступить в подданство; о непропуске оных в Россию без паспортов Министра иностранных дел; о прекращении действия торгового договора с Францией и об учреждении комиссии для разбора иностранцев». Всех граждан Франции выдворили из России, а другие иностранные граждане пользовались различными экономическими привилегиями.

Пятый этап самый обширный относительно вопроса о правовом статусе иностранных граждан. Александр II своим указом уравнивал в правах и свободах иностранных граждан и русских подданных. Но был и ряд ограничений относительно сфер деятельности иностранцев (военная служба на другое государство) и их национальности (евреи и корейцы). Была произведена систематизация законодательства. По данным 1897 года в России находилось около 605 тысяч иностранных граждан и подданных.

Шестой этап – это время Первой Мировой войны. Этот период нами выделен отдельно, так как за такой короткий промежуток времени правовой статус иностранцев претерпел значительные изменения. Он определялся указом «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года» [3] от 28 июня 1914 г. Российское правительство существенно ограничило права иностранцев, которые были подданными «враждебного» блока, была произведена национализация их частной собственности, предприятий, что не могло не нарушать нормы международного права.

В данной статье мы проанализировали развитие правового статуса иностранных граждан и подданных в Российской империи. Выделили 6 этапов развития, их основные характеристики и причины, которые повлияли на изменения отношения к иностранным гражданам правительства Российского государства.

Список литературы:

1. Тесленко А. М. Правовой статус иностранцев в России: Вторая половина XVII - начало XX века [Текст]: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юридич. наук (12.00.11) / Тесленко Анатолий Михайлович; Уральский государственный юридический университет. – Екатеринбург, 2000. – 20 с.
2. Смирнова Е. С. Проблемы правового статуса иностранцев в условиях глобализации [Текст]: автореф. дис. на соискание учен. степ. доктора юридич. наук (12.00.10) / Смирнова Елена Станиславовна; Российская академия наук в Институте государства и права РАН. – Москва, 2010. – 48 с.
3. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. / под ред. М. М. Сперанского. - Спб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
4. Иванов Н. Х. Законы об иностранных подданных воюющих с Россией держав / Н. Х. Иванов - Одесса: Маяк, 1914. - 106 с.

Усеинова Р.Х.

*Медицинская Академия им. С.И. Георгиевского ФГАОУ ВО
«Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»*

БИОЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Среди многочисленных естественных и неотчуждаемых прав человека право на жизнь является определяющим. Актуальность данного исследования обусловлена противоречивостью вопроса о распоряжении самим человеком своей жизнью, который вызывает множество противоречий в обществе, как со стороны медработников, так и со стороны правозащитников. Значимость данной темы трудно преувеличить, она связана с самым дорогим, что есть у человека - с его жизнью. Статья 20 Конституции РФ устанавливает: «каждый имеет право на жизнь»[1]. Проблема добровольного ухода из жизни неизлечимо больного человека - эвтаназии, в последние годы активно обсуждается медиками, юристами, философами. Сегодня многие медики и юристы полагают, что проблема эвтаназии должна рассматриваться на государственном уровне. Сложное, противоречивое и дискуссионное явление необходимо рассматривать с точки зрения морально обоснованных и социально приемлемых решений, а также на основе опыта зарубежных стран. Научно-технический прогресс в медицине открыл новые возможности для лечения и спасения тяжелых больных, но поставил перед обществом ряд сложных деонтологических проблем. И если врачи как эксперты обладают наиболее достоверными знаниями в области медицины, то вопрос моральной или правовой допустимости подобных действий находится вне их профессиональной компетенции. Проблема заключается в следующем: предоставить ли больного природе, обрекая его на тяжелую, долгую и болезненную смерть, или путем совершения или не совершения каких-то действий, помочь ему умереть без боли и мучений.

Цель исследования - рассмотрение биоэтического и правового аспектов эвтаназии в РФ и зарубежных государствах, анализ мнений будущих медиков и юристов в отношении проблемы эвтаназии; выявление проблем применения эвтаназии и возможности легализации в России, а также определение альтернативного способа разрешения данной проблемы.

Если говорить о самом явлении эвтаназии, то конечно нельзя не сказать что эвтаназия (Euthanazia) – слово греческого происхождения, совместившее в себе два понятия: «танатос – смерть и «эв» – хороший, благой, т.е. «хорошая, благая смерть». По определению юридического словаря, эвтаназия – умышленное ускорение смерти или умерщвление неизлечимо больного с целью прекращения его страданий [3]. Первой страной, которая легализовала активную и пассивную эвтаназию, являются Нидерланды. 10 апреля 2001 верхняя палата парламента Нидерландов утвердила закон, освобождающий от уголовной ответственности врачей, которые помогают больным избавиться от жизни. Принятие этого закона стало следствием того, что в этой стране с годами все больше обострялось противоречие между законами в этой сфере и реальной негласной практикой. По неофициальным данным, эвтаназия в Нидерландах осуществляется с 1984 года[2].

В российских источниках под эвтаназией понимают – акт преднамеренного лишения жизни пациента по его просьбе, или по просьбе его близких (ст. 14 Этического кодекса российского врача).

О.Э. Старовойтова дает определение эвтаназии как действия или бездействия врача, иного человека, самого больного, влекущие за собой наступление мгновенной или безболезненной смерти последнего [3, с. 149].

В зависимости от возможности пациента выразить свою волю, эвтаназия бывает добровольной и недобровольной. Добровольной называется эвтаназия, которая осуществляется по просьбе больного, недобровольная эвтаназия осуществляется без непосредственного согласия больного, поскольку он из-за болезни не может выразить свою волю. При этом те, кто принимает решение об эвтаназии, предполагают, что, если бы больной мог выразить свою волю, он бы пожелал этого [4, с. 144].

В России как активная, так и пассивная эвтаназия является преступлением и будет квалифицироваться как умышленное убийство в соответствии с Уголовным кодексом (частью 1-й статьи 105-й Уголовного Кодекса РФ)[3]. При назначении меры наказания лицу, виновному в эвтаназии (естественно, если не будут доказаны иные причины лишения жизни) будет учитываться смягчающее обстоятельство в соответствии с пунктом «д» части 1-й статьи 61-й Уголовного Кодекса РФ, а именно: совершение преступления по мотиву сострадания. В теории эвтаназию рассматривают с двух сторон: со стороны врача и со стороны пациента.

Следует отметить термин "эвтаназия" впервые употреблён английским философом Фрэнсисом Бэконом в XVII столетии для определения "легкой смерти".

В своем трактате "О достоинстве и приумножении наук" философ говорит, что обязанность врача состоит не только в восстановлении здоровья, но и в облегчении страданий, и уже сама эвтаназия является счастьем[2]. Идеологической основой появления эвтаназии в 20 веке стало издание в Германии книги «Разрешение лишить жизни»[7]. Этой чёрной полосой в истории стал 1939 год. В специальную анкету Министерства здравоохранения рейха вносились критерии для лиц, по отношению к которым должно было совершаться «убийство из милосердия». Именно с момента выхода книги “Разрешение лишить жизни” люди стали поднимать вопрос о легализации “лёгкой смерти”. В последующие годы стали появляться общества сторонников эвтаназии – в 1935 году такая организация появилась в Лондоне, которая затем была переименована в ЭКЗИТ – общество за право умереть с достоинством.

На сегодняшний день эвтаназия легализована в Голландии, Бельгии (где с 2014 г. разрешена детская эвтаназия), Албании, Люксембурге, Германии(где длительное время воздерживались от ее легализации), Франции, Израиле, США (в двух штатах – Индиана и Вашингтон) и косвенно в Японии, где принято 6 критериев, которым должен соответствовать врач для проведения законной процедуры эвтаназии.

В странах постсоветского пространства вплоть до 90-х годов 20 века проблема эвтаназии занимала узкий круг лиц и не обсуждалась так активно, как в странах Западной Европы.

В частности, в России вопрос о внедрении эвтаназии пока не обсуждается на законодательном уровне, но существуют большие разногласия в сфере медицины, этики и деонтологии относительно ее легализации.

Проанализировав основные аспекты становления и развития института эвтаназии в РФ и зарубежом, автор пришел к выводу, что однозначного восприятия этого явления нет. Из опыта некоторых зарубежных стран, где эвтаназия легализована, следует, что наше государство не готово к такому шагу, и вопрос о внедрении эвтаназии пока не обсуждается на законодательном уровне, так как существуют большие разногласия в сфере медицины, этики и деонтологии относительно ее легализации. В связи с этим, автором было проведено социологическое исследование, целью которого было выяснение отношения к проблеме эвтаназии будущих специалистов в области медицины и юриспруденции. В опросе принимали участие студенты Медицинской академии им. С.И. Георгиевского и юридического факультета Таврической Академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Выводы. Социологический опрос отражает неоднозначное мнение респондентов по поводу исследуемой проблемы. Большинство респондентов считает, что эвтаназия для нашего государства является недопустимым явлением. Однако имеется и ряд сторонников применения этого явления, мнение которых подробно анализируется. Обосновывать необходимость эвтаназии социально-экономическими причинами, значительными финансовыми расходами государства на поддержание жизни безнадежно больных людей является не только аморальным, но и антиконституционным. В Российской Федерации институт эвтаназии запрещен. Не легализуя эвтаназию, государство должно взять на себя ответственность за жизнь безнадежно больного человека, обеспечивая ее качество до конца. И предоставляя ему в виде альтернативы смерти (как способа прекращения физических и душевных страданий) — адекватную медико-социальную помощь, направленную на удовлетворение жизненных потребностей пациента.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть и выразить свою позицию. На современном этапе развития российского общества легализация эвтаназии как добровольной, так и с согласия близких родственников недопустима: во-первых, согласно ст.2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 2, 20 Конституции РФ, ст. 150 Гражданского кодекса, ст.14 Этического кодекса российского врача, ст.6, ст.42 Кодекса профессиональной этики врача, никто не может лишить жизни человека. Жизнь человека признается в РФ наивысшей социальной ценностью; во-вторых, решение об эвтаназии принимается лицом поспешно и не взвешенно, под воздействием психических и физических страданий; в-третьих, допускается возможность врачебной ошибки. Никто из людей не застрахован от ошибок, и медицинские работники не являются исключением из этого правила; в-четвертых, медицинская наука прогрессирует, и уже сегодня можно ожидать от нее исцеления серьезных болезней или уменьшения страданий больных, единственное препятствие – низкий уровень средств, поступающих в сферу медицинского обслуживания; в-пятых, легализация эвтаназии может повлиять на возможность злоупотреблений со стороны медицинского персонала и приведет не только к приостановлению развития медицины, поскольку врачи перестанут отыскивать новые средства и пути лечения, но и к ее криминализации, поскольку легализация эвтаназии в отдельных государствах обострит проблему «хорошо задокументированных загадочных смертей». Решить данную проблему в настоящее время государство не может. Наиболее ярко это проявляется в проблеме адекватного обезболивания пациентов с хроническим болевым синдромом, данная

проблема не может быть решена должным образом вследствие существующих ограничений на использование наркотических анальгетиков и нерегулярного снабжения ими пациентов в амбулаторных условиях. До сих пор в России не существует должного регулирования инфраструктуры паллиативной помощи, основным звеном которой является *хоспис*.

Практическая значимость. На сегодняшний день вопросы паллиативной помощи разрешаются на уровне Министерства здравоохранения РФ и ее субъектов в рамках принятых приказов, положений, писем, по нашему мнению этот вопрос необходимо урегулировать на законодательном уровне. Принятие закона «О паллиативной медицинской помощи населению» позволит избежать различных спекуляций по вопросу эвтаназии как явления. Необходимость законодательного закрепления статуса паллиативных медицинских учреждений позволит совершенствовать организацию деятельности по оказанию медицинских услуг для тяжелобольных.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации. Москва: Проспект, 2014 – 32 с.
2. История появления эвтаназии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://euthanasia.at.ua/> Дата обращения: 15.02.2017
3. Додонов В.Л. «Энциклопедия юриста», 2005 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru> Дата обращения: 18.02.2017
4. Старовойтова О.Э. Эвтаназия и закон //Актуальные проблемы правового регулирования медицинской деятельности. – 2002. - № 1. – С. 149-150.
5. Крылова Н.Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. – М., 2006. – 320 с
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ с изм. и доп.на 3.04.2017 г. [Электронный ресурс]: http://base.garant.ru/10108000/1/#block_1000#ixzz4dULWiRzU/ Дата обращения: 5.04. 2017
7. Рагинский М. Ю. Нюрнберг перед судом истории. – М., 1986. – 207 с.

Щербакова А.Ю.

*Крымский юридический институт
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИЗБИРАТЕЛЕЙ ЗА НЕЯВКУ НА ВЫБОРЫ

Актуальность данного исследования заключается в том, что доверие народа к государству – залог успешного развития и процветания экономики, повышения уровня жизни и общего благосостояния, ведь от населения зависит, какая власть будет определять основы государственной политики. Свобода выбора является важнейшим фактором интеллектуального совершенствования человека, нормального духовного и нравственного развития личности, но порой граждане не проявляют должной инициативы на выборах в органы государственной власти Российской Федерации. На выборах депутатов Государственной Думы 18 сентября 2016 года граждане РФ проявили крайне низкую активность: в среднем по России на избирательные участки явилось менее 50 % населения.

Явка избирателей, участников референдума (высокий или низкий ее уровень) на избирательных участках может продемонстрировать, среди прочего, степень доверия граждан к выборам и политическим силам, принимающим в них участие, в то время как итоги голосования и результаты выборов могут свидетельствовать о существенном (несущественном) увеличении (или даже понижении) уровня представительности фактически избранных депутатов, выборных должностных лиц [1].

Сложившаяся ситуация стала поводом для широкого обсуждения среди ученых вопроса о введении института ответственности избирателей за неявку на выборы, базирующемся на зарубежном опыте. В законодательстве ряда стран, таких как Австрия, Бельгия, Болгария, Бразилия, Греция, Египет, Люксембург, Турция, Пакистан и другие, предусмотрено наказание вплоть до тюремного срока.

В Турции за неявку на выборы предусмотрен штраф в размере около 14 долларов, а злостные нарушители подвергаются уголовному преследованию. Практика наложения штрафов в размере от 25 до 70 евро существует также в Австрии, Германии, Италии и на Кипре.

В Австралии с 1924 года введено обязательное участие в выборах. Штраф за неявку составляет около 13 долларов. При этом, чтобы избежать штрафа, достаточно официально уведомить избирком о своей неявке с указанием ее причин. Если непроголосовавший избиратель отказывается уплатить штраф, то дело направляется в Суд магистратов, где определением о признании виновности может быть наложен штраф в размере 50 австралийских долларов плюс оплата расходов. При неисполнении судебного определения об оплате штрафа лицо может быть наказано выполнением общественных работ, арестом имущества либо помещено в тюрьму на 1-2 дня.

В Люксембурге, штраф за первую неявку составляет 80 долларов, за вторую — 240. Более суровым наказанием является временное лишение избирательных прав по постановлению суда. Иногда "лишенец" не может быть принят на государственную и муниципальную службу, например учителем в школу, содержащуюся на средства местного бюджета. Таким образом, активное избирательное право гражданина превратилось в обязанность.

В научных кругах России данную инициативу поддерживает председатель ЦИК РФ Памфилова Э.А. Она указывает, что заставить граждан прийти на выборы необходимо для оправдания тех больших финансовых затрат, которые несет государство на организацию выборов.

При этом введение данного института может повлечь ряд негативных последствий. Ряд ученых, в частности *эксперт РАН Л. Грудцына говорит: «Может возникнуть ситуация, когда гражданин России не пошел на выборы и не был оштрафован. У него два пути: промолчать, понимая, что если штраф не наложен, то, скорее всего, его голосом кто-то воспользовался, или пойти разбираться, выясняя факт незаконного использования бюллетеня, но в таком случае он попадает на штраф, поскольку на избирательный участок не явился. Принуждение избирателя к голосованию неизбежно повлечет угасание качественного интереса избирателя к выборам, что поставит под сомнение искренность и обоснованность его волеизъявления. Иными словами, количество избирателей увеличится, а их качественный уровень (интеллектуальный, осознанный выбор) рухнет».*

Учитывая отрицательные последствия введения института ответственности избирателей за неявку на выборы, представляется целесообразным уделять больше внимания мотивации граждан к осуществлению своего гражданского долга. В связи с этим, по мнению оппонентов введения института ответственности за неявку на

выборы, важно усилить роль предвыборной агитации, так как она играет важную роль в проведении свободных выборов, но и здесь существуют свои особенности.

В современных условиях, предвыборной агитацией более не считается деятельность, побуждающая избирателей принять участие в голосовании. На наш взгляд, это весьма спорное решение. Дело в том, что при определенных обстоятельствах агитация за участие в выборах реально влияет на результаты выборов. Направленная на различные группы электората (молодежь, работников бюджетной сферы и т.п.), она может избирательно воздействовать на участие этих групп в выборах и тем самым влиять на вектор волеизъявления избирателей. Кроме того, агитация за участие граждан в выборах прямо влияет на признание их состоявшимися в случае, если законом установлен порог явки избирателей. В результате исключение рассматриваемой деятельности из состава предвыборной агитации позволяет государственным органам и органам местного самоуправления, избирательным комиссиям весьма активно воздействовать на явку избирателей на выборы. Это крайне нежелательный процесс. Результаты выборов должны зависеть только от свободного волеизъявления избирателей, не подверженных какому-либо воздействию со стороны органов власти.

Политика государства должна быть направлена на формирование активной гражданской позиции проживающего в нем населения. Отсутствие у гражданина желания воспользоваться своим избирательным правом – вина государства и введение санкций за неявку на выборы не должно рассматриваться, как решение данной проблемы. Для облегчения волеизъявления граждан следует вводить новые способы реализации избирательных прав, используя современные информационные технологии.

Список литературы:

1. Постановление Межпарламентской Ассамблеи СНГ от 4 декабря 2004 г. N 24-7 "О соблюдении прав человека и основных свобод в государствах - участниках СНГ" (извлечение)
2. Наказание за неучастие в выборах в зарубежных странах, 26 июня 2014 года: [сайт – РИА Новости]. URL: <https://ria.ru/spravka/20140626/1013682909.html> (дата обращения - 21.11.2016)
3. Принуждение к выбору, 22 сентября 2016 года: [сайт – Московский комсомолец]. URL: <http://www.mk.ru/politics/2016/09/22/prinuzhdenie-k-vyboru.html> (дата обращения - 21.11.2016)
4. Институты конституционного права (отв. ред. д.ю.н., проф. Л.В. Андриченко, д.ю.н., проф. А.Е. Постников). - М.: "Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ", 2013.

Шильнов Н.Н.

*Крымский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации*

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЛОГОВОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

Ключевым элементом каждого государства является его налоговая система. Формирование данного механизма является достаточно сложным, ведь при его формировании, на данный процесс оказывается влияние множества факторов. Немаловажное значение при построении налоговой системы уделяется анализу мирового опыта, что тем самым позволяет повышать эффективность и совершенствовать налоговую систему страны, в соответствии с современными потребностями и целями государства.

Для более глубокого изучения данного аспекта, необходимо провести сравнительный анализ построения налоговых систем Республики Беларусь и Российской Федерации.

Следует отметить, что Республика Беларусь и Российская Федерация имеют общие культурные ценности, историю, а совсем недавно они имели и общую экономико-правовую систему. На современном этапе развития общества, налоговые системы этих двух стран хоть и различны, но имеют немало схожих черт.

Прежде всего, следует провести сравнительно-правовой анализ законодательства о налогах и сборах в Республике Беларусь и Российской Федерации. Следует отметить, что законодательство о налогах и сборах данных государств состоит из достаточно объемного перечня нормативных правовых актов, что лишней раз указывает о сложности рассматриваемой темы.

Ключевым нормативным правовым актом в Российской Федерации, который устанавливает общие принципы взимания налогов и сборов, а также систему налоговых поступлений, перечисляемых в федеральный бюджет, является Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года N 146-ФЗ имеющий высшую юридическую силу в системе актов рассматриваемой сферы. Исходя из положений Налогового кодекса РФ, подзаконные акты о налогах и сборах не

должны противоречить Налоговому кодексу РФ и должны строго соответствовать его нормам.

Данный кодифицированный нормативно-правовой акт устанавливает трёхуровневую систему налогов и сборов, состоящую из федерального, регионального и местного уровня взимания налогов и сборов. Ключевым положением является то, что список налогов и сборов, установленный вышеуказанным законом является исчерпывающим.

Структура и содержание Налогового Кодекса Республики Беларусь достаточно схожа с положениями, закрепленными Налоговым Кодексом РФ. Однако нормы, содержащиеся в Налоговом Кодексе Республики Беларусь, являются более четкими и менее сложными для понимания.

По сравнению с Российской Федерацией система налогов и сборов в Республике Беларусь построена не по трехуровневой системе, а по двухуровневой, и включает в себя: общегосударственные и местные налоги, сборы и пошлины.

Следующим, важнейшим отличием Налогового кодекса Российской Федерации, является наличие исчерпывающего перечня налогов и сборов, которые подлежат уплате в федеральный, региональный и местные бюджеты РФ, напротив в Республике Беларусь приведенным выше перечнем, обязательные платежи в бюджет не исчерпываются.

Исходя из сравнительно-правового анализа эффективности налогового администрирования данных стран, необходимо отметить установленные Налоговым кодексом РБ полномочия местных Советов депутатов в сфере установления и изменения местных налогов и сборов.

Статьей 12 НК РБ регламентировано, что при установлении местных налогов и сборов местные Советы депутатов вправе определять и изменять плательщиков, налоговую базу, налоговые ставки, объекты налогообложения, налоговый период, порядок исчисления, сроки представления в налоговые органы налоговых деклараций (расчетов) по местным налогам и сборам, порядок и сроки уплаты местных налогов и сборов, а также налоговые льготы по местным налогам и сборам.

Налоговым кодексом РФ в соответствии со ст.12, в отличие от Республики Беларусь указано, что при установлении региональных и местных налогов, законодательные органы государственной власти субъектов РФ и представительные органы муниципальных образований соответственно вправе определять лишь некоторые элементы налогообложения. Данные органы имеют право устанавливать:

налоговые ставки, порядок и сроки уплаты налогов (если эти элементы налогообложения не установлены НК РФ), а также налоговые льготы, основания и порядок их применения.

Исходя из проведенного анализа, необходимо сделать вывод, что у местных органов управления РБ располагают более широкими полномочиями в сфере по установления налогов и сборов, чем у региональных и местных органов государственной в Российской Федерации.

Наделение полномочиями местных органов управления в сфере налогообложения позволяет учитывать уникальные особенности каждого региона, его потребности, особенности конъюнктуры в данном регионе, состояния хозяйствующих субъектов, что способствует повышению эффективности налогового управления.

Налоговые системы сравниваемых государств достаточно схожи между собой, однако присутствуют некоторые различия, в частности Налоговый Кодекс РБ устанавливает более низкую ставку по подоходному налогу по сравнению с Российской Федерацией, также отметим, что в Республике Беларусь более четкие процентные ставки для налога на недвижимость физических лиц и организаций.

Сходство налогового законодательства двух стран заключается в том, что налоговым законодательством обоих государств установлен одинаковый срок предоставления налоговых деклараций, налогоплательщики (налоговые агенты) в свою очередь обязаны представить в налоговые органы по месту своего учета соответствующую декларацию в срок не позднее 20-го числа месяца, следующего за истекшим налоговым периодом.

При этом, в отличие от Республики Беларусь в Российской Федерации предоставляется отдельная декларация по оборотам от реализации товаров (работ, услуг), облагаемых по нулевой ставке.

Следует отметить о достаточно сходных таможенных тарифах, о введении порядка начисления НДС в Республике Беларусь, аналогичному российскому.

Вместе с тем, существуют принципиальные различия в государственной политике по отношению к предоставлению льгот по уплате налогов и сборов в РФ и Республике Беларусь.

Полномочия по установлению налоговых льгот в Республике Беларусь принадлежат главе исполнительной власти, тогда как в РФ органы исполнительной власти принимают минимальное участие в принятии нормативных правовых актов налогового законодательства.

В отличие от Российской Федерации в Республике Беларусь существует возможность на получение льгот по уплате налогов на основании формы собственности (де-факто) или страны происхождения капитала (де-юре). Индивидуальные льготы по налогам и сборам юридическим и физическим лицам Республики Беларусь предоставляются Президентом Республики Беларусь.

Таким образом, из проведенного анализа можно сделать вывод, что национальное законодательство каждой из рассматриваемых стран имеет свои особенности, положительный опыт каждой из стран должен использоваться для совершенствования налоговой системы государства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. Налоговый Кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ.
3. Налоговый Кодекс Республики Беларусь (ОБЩАЯ ЧАСТЬ) от 19 декабря 2002 г. N 166-З

УДК 343.35:328.185

Бугаев В.А., к.ю.н., доцент

Самойлова Д.Д.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ОТДЕЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одной из наиболее актуальных проблем отечественного и зарубежного государства и права является коррупция. В условиях экономической нестабильности и противоречий на политической арене мира, именно проблема эффективной минимизации уровня коррупции является условием прогрессивного развития общества.

Из-за очевидной необходимости решения проблемы коррупции на международном уровне, различными международными организациями были приняты акты, декларирующие и регламентирующие меры и способы противодействия коррупции, составы преступных деяний, которые входят в понятие коррупции. Российская Федерация, как и ряд зарубежных стран, их ратифицировала

и имплементировала в национальное законодательство. Так, согласно Преамбуле Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, принятой резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года, государства - участники Конвенции, обеспокоены серьезностью порождаемых коррупцией проблем и угроз для стабильности и безопасности общества, что подрывает демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость и наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку, обеспокоены также связями между коррупцией и другими формами преступности, в частности организованной преступностью и экономической преступностью, включая отмывание денежных средств, случаями коррупции, связанными с большими объемами активов, которые могут составлять значительную долю ресурсов государств, и ставящими под угрозу политическую стабильность и устойчивое развитие этих государств. Коррупция уже не представляет собой локальную проблему, а превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику всех стран, что обуславливает исключительно важное значение международного сотрудничества в области предупреждения коррупции и борьбы с ней[1].

Необходимо заметить, что документ имеет существенный недочет, так как в нем не дана дефиниция коррупции, однако перечислен ряд деяний, которые рекомендуются криминализировать в национальном законодательстве.

Согласно статье 15 Конституции Российской Федерации (далее – К РФ) общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации (далее – РФ) являются составной частью ее правовой основы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

В свою очередь, статья 3 Уголовного Кодекса РФ (далее – УК РФ) определяет, что преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяется только кодексом. В связи с этим, хотя Конвенция полностью ратифицирована РФ, но статья 20 «Незаконное обогащение» не получила закрепления в УК РФ. И это целесообразно, так как согласно смыслу статьи 49 К РФ – бремя доказывания [2] и часть 4 статьи 235 Уголовно-процессуального кодекса [3] обязанность доказывания лежат не на обвиняемой стороне. К тому же, в соответствии с главой 30 УК РФ существует целый ряд составов преступления, которые гораздо лучше охватывают варианты преступного поведения коррупционной направленности, чем понятие «незаконное обогащение».

Считаем, что все проявления коррупции напрямую связаны с социальной несправедливостью и неравенством. Существует мнение, что восприятие социальной справедливости людьми зависит от их удовлетворенности работой правительства. Одним из аспектов удовлетворенности работой правительства является обеспокоенность проблемой коррупции, которая коррелирует с оценкой социальной справедливости в обществе. Таким образом, данные понятия в социуме тесно взаимосвязаны.

Особый интерес для социологов, политологов, юристов, правительств и мировой общественности, касательно проблемы коррупции, состоит в исследованиях международной организации Transparency international. Данная организация, созданная в 1995 году, работает для того, чтобы остановить злоупотребления полномочиями, подкупы и тайные сделки. Позиционирует себя как глобальное движение с одним видением проблемы коррупции и борьбы с ней. Каждый год публикует международный Индекс восприятия коррупции. По данным на конец 2016 года Россия занимает 131 место из 176 возможных, что ниже, чем в предыдущем году, когда Россия занимала 119 место[4]. Заметим, что в последние годы положение в рейтинге не слишком менялось.

Следует упомянуть об еще одном показателе - Индекс демократии стран мира, глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг стран мира по показателю уровня демократии[5]. Учитывая последние результаты исследования, согласно индексу, РФ находится на 122 месте (из 167 возможных) и признана государством с авторитарным режимом, а не с демократическим, как задекларировано в отечественных нормативных актах. Говоря об иных государствах, которые находятся в рейтинге, следует отметить, что о положение практически совпадает с результатами Индекса восприятия коррупции. Можно предположить, что существует некоторая взаимозависимость между коррумпированностью и видом политического режима.

Необходимыми условиями, для снижения уровня коррупции, видим дальнейшее международное сотрудничество, проведение антикоррупционных экспертиз и мониторингов национального законодательства с дальнейшим устранением недочетов и неточностей юридической техники, уменьшение дискреционных полномочий чиновников, посредственное увеличение уровня материального благосостояния населения и активное пропагандирование нетерпимого отношения к коррупции.

Список литературы:

1. Конвенция ООН против коррупции (принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml
2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/780291ec1777fd4e50e27106bea5925f70f298c7/
3. Уголовно - процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/920af0a7e79d075670ca3b3c4e7c50047e12ee85/
4. Официальный сайт Transparency international «Индекс восприятия коррупции 2016» [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016- (Дата обращения 05.04.2017)
5. Рейтинг стран мира по уровню демократии // Гуманитарные технологии [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://gtmarket.ru/ratings/democracy-index/info> - (Дата обращения 05.04.2017)

УДК 340.111.5.:316.723

Кузьменко К.Н.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» Юридический факультет

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Фундаментом стабильного общества являются четко определенные нормы поведения, общепринятые стандарты, зафиксированные как в социальных нормах, так и в нормативных актах государства. Социальная норма определяет сложившийся исторически предел, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности людей. Однако в некоторых случаях поведение выходит за рамки, которые являются общепринятыми. Такое явление получило название девиантное поведение. Впервые термин «девиантность» был введен в науку Э. Дюркгеймом, который создал основу для разработки особой теории – социологии девиантного поведения. Данным термином обозначают склонность личности «порождать внешне наблюдаемые отклонения от общепринятых норм»[1, с.14]. В. Д. Менделевич отмечает, что девиация – это граница между нормой и патологией, крайний вариант нормы.

Невозможно определить наличие отклонения без знания общепринятых норм. Сложнее всего определение «психологической нормы» как совокупность неких свойств, присущих большинству людей, определение эталона поведения. Это – нормы-идеалы. Нормы-идеалы носят глобальный характер и трудно применимы к конкретным социальным объектам[2, с.85] .

Девиантное поведение принято рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, действия отдельного человека, которые не соответствуют установленным стандартам и приводят к негативным социальным проявлениям (алкоголизм, проституция, наркомания). Либо как отклонение, которое хоть и выходит за рамки принятой нормы, но не влечет негативных последствий для общества [3, с.73-74].

Исследованием негативных явлений приводящих к девиации, а так же ее структурой и динамикой занимались такие ученые как Г. Тард и Э. Дюркгейм, А. Кетле и Г. Зиммель, П. Сорокин и Р. Мертон и другие. Всплеск интереса к тематике позитивных отклонений от нормы наблюдался в 1970-е гг., когда появилось большое количество трудов, посвященных проблемам социологии девиантного поведения (В.С. Афанасьев, А.А. Габияни, Я.И. Гишинский, В.Н. Кудрявцев, И.В. Маточкин, Р.С. Могилевский, А.М. Яковлев и др.)[4, с.21].

Следует признать, что в обществе непрерывно возникают позитивные и негативные отклонения от правовой модели. Такие отклонения отражают нарушения социальных норм, которые характеризуются массовостью, устойчивостью и распространенностью. Проблема девиантного поведения является фундаментальной для многих отраслей социальной науки и практики. В юриспруденции адекватное понимание и возможность выявления причин девиантного поведения позволит определить динамику проявления девиаций социума и наметить пути борьбы с такими проявлениями.

Социологи утверждают, что в развивающемся обществе при обычных условиях число девиаций составляет около 10—15% от общей численности населения. При этом, большая часть населения относится к категории законопослушных граждан, однако это не означает что процент девиаций является отражением реального уровня отклонений общества. Полную картину девиантного поведения в обществе составить трудно, так как статистика способна зарегистрировать только незначительную часть происшествий[5, с.56].

Обращает на себя внимание тот факт, что в связи с ухудшающимися качественными характеристиками жизни, проблемами роста социального неблагополучия группу повышенного социального риска составляют молодые люди

и дети более ранних возрастов. Выявлена закономерность между уровнем свободы в обществе и противоречиями в социальных и межличностных отношениях, которые усложняют процесс социализации. Стихийная социализация не сможет обеспечить необходимые параметры, которые нужны для самосохранения и выживания в обществе. Способом борьбы с проблемами девиаций является государственные программы социализации членов общества. Государственной молодежной политикой является деятельность государства, которая направлена на решение проблем молодежи и организацией эффективной социальной работы с молодежью, введение стихийного процесса социализации в управляемое русло.

Субъекты Российской Федерации приняли законодательные акты о государственной молодежной политике. В рамках государственной программы реализуются положения о социальном воспитании молодежи, ее привлечение в социальные проекты, следовательно, пресечение негативного воздействия на молодое поколение.

На сегодняшний день в Российской Федерации приняты «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», которые определяют систему принципов, задач и механизмов, обеспечивающих реализацию государственной молодежной политики. Однако, «Основы» не содержат пути преодоления негативных девиантных проявлений в обществе, что на наш взгляд является упущением в реализуемых государственных программах[6, с.30-31].

До настоящего времени общество и государство так и полностью не избавилось от проявлений девиантного поведения. Поэтому профилактика и преодоление индивидуально-психологических свойств личности, склонных к девиации становятся первостепенной задачей. Только тщательное исследование мотивов всех этих факторов может определить суть тех мер, которые нужно применять к каждому виду данного поведения, а значит и основные проблемы социума, будут находить свое решение. По нашему мнению, принятие и реализация федерального закона «О государственной молодёжной политике в Российской Федерации» будет способствовать преодолению высокого уровня деструктивных девиаций в социальной среде.

Список литературы:

1. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы: Учебное пособие./Е.В. Змановская, В.Ю. Рыбников //СПб.: Питер. – 2012. – с. 14-17.

2. Нанба С.Б. Позитивные отклонения в праве/С.Б. Нанба// «Журнал российского права». – № 5. – 2015 г. – с.85-87.
3. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»./Гишинский Я.И. // СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». – 2004. – 520 с.
4. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения./В.Д. Менделевич//Учебное пособие. — СПб.: Речь. – 2005. - 445 с.
5. Шамсутдинова Д.В. Девиантное поведение как социально-культурный феномен/Д.В. Шамсутдинова// Право: социальные науки. – 2013. – с. 56-59.
6. Степанов О.В., Пухалова М.О. Государственная молодежная политика как фактор снижения девиантного поведения молодежи/ О.В. Степанов, М.О. Пухалова// Теория и практика общественного развития. – г.Краснодар. – 2009 г. – с.30-33.

УДК 340.15:343.233 «10/19»(470+571)

Зитулаева Д. А., Мещеряков Д. В.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ИНСТИТУТ ОТЯГЧАЮЩИХ И СМЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Начала возникновения института отягчающих и смягчающих обстоятельств в уголовном праве России можно найти в многовековых правовых документах российского законодательства.

Древнейшим правовым памятником в России является Русская Правда. Наряду с определением состава преступления, «Русская Правда» закрепляет те обстоятельства, которые имеют определенное влияние на ответственность виновного.

В первой редакции Русской Правды к обстоятельствам, закрепленным законодателем как смягчающие при назначении наказания, относят состояние опьянение преступника. Стоит отметить, что подразделение на полное и частичное опьянение отсутствовало. Убийство, совершенное «в пиру явлено», предполагало менее строгую меру наказания [1, с. 371].

В качестве смягчающего обстоятельства могло признаваться состояние опьянения виновного как результат обязательной трапезы князя с дружиной, которая скрепляла дружбу правителя с воинами. Отказ от такой традиции сулил князю потерю доверия дружины, которая рассматривала бы это как пренебрежение [2, с. 226].

Но иногда деяния, совершенные «в пиру явлено», влекли за собой повышенную ответственность. Положения Краткой Правды закрепляли ответственность хозяина закупа за нанесение ему увечий «под пьяную руку». В таком случае хозяин терял закупа со всеми его долгами. Если купец пропивал доверенный ему товар, то привлекался не только к гражданской, но и уголовной ответственности.

Еще одним обстоятельством, смягчающим ответственность виновного по Русской Правде, являлась неоконченность преступления [3, с. 316–317].

К отягчающим вину обстоятельствам относили корыстный умысел преступника, кражу особо охраняемых вещей, кражу ночью, конокрадство, рецидив, а также социальное положение потерпевшего. Утверждалось, что чем выше было сословие потерпевшего, тем строже было наказание совершившего преступное деяние [4]. Статья 1 Краткой редакции устанавливала виру в размере 40 гривен за убийство любого свободного человека, в то время, как аналогичные действия по отношению к огнищанину – главному управляющему княжеским хозяйством - влекли уплату двойной виры.

К перечню отягчающих обстоятельств следует отнести и совершение преступных действий ночью. Ст. 38 Краткой редакции и статья 40 Пространной редакции закрепили право владельца убить вора на месте, если он проник во владение ночью. Законодатель разграничивает татьбу, совершенную днем, от татьбы в ночное время путем введения более строгих санкций в отношении последней [4].

Под рецидивом законодатель понимал множественность преступлений, которые влекли за собой уголовную ответственность в виде смертной казни.

Поскольку конокрадство приобретало характер профессионального промысла, то оно нашло законодательное закрепление как одно из отягчающих обстоятельств. Высшая мера наказания – поток и разграбление – применялась только к конокрадам по ремеслу, которые не только преследовались по закону, но и получали общественное порицание.

Постепенно обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность виновного лица за совершенное преступное деяние, претерпевают изменения. С укреплением позиций церкви начинается процесс перемещения пьянства из смягчающих в институт отягчающих вину обстоятельств, где находится и по сей день. Пьянство и обильные застолья признавались «последним приютом язычества», с наследием которого боролась христианская церковь [5].

Псковская судная грамота 1467 года выделяет внутри института отягчающих обстоятельств неоднократность совершения преступления, в частности, «татьбы», совершение которой в первый и во второй раз влекло уплату штрафа в пользу князя. Совершение кражи в третий раз каралось смертной казнью [6].

В период централизации власти для преодоления пробелов в праве принимается новый законодательный акт - Судебник 1497 года, который разграничил отягчающие и смягчающие обстоятельства. Среди последних следует выделить присвоение правителем титулов, классов и чинов, которые выступали смягчающими обстоятельствами при назначении ответственности. К отягчающим обстоятельствам относился особый статус объекта и предмета преступления: воровство какого-либо имущества в церкви каралось смертной казнью. При назначении наказания немаловажным фактором выступали размер кражи, применение пыток над жертвой, использование служебного положения или же предварительный сговор. Важно отметить, что законодатель различал скоп от заговора. К отягчающим обстоятельствам относили и преступление, совершенное во время природных катаклизмов.

Законодательство в период сословно – представительной монархии развивало прежние положения, касающиеся институтов уголовного права. По Соборному Уложению 1649 года разбой подразделялся на разбой с отягчающими вину обстоятельствами и без таковых. По Уложению наказание за рецидив увеличивалось. За первую кражу преступника лишали уха и назначали срок на два года, за третью кражу следовала смертная казнь. Алкогольное опьянение могло рассматриваться как отягчающее, так и смягчающее обстоятельство, в зависимости от ситуации и сословия, к которому принадлежал виновный или пострадавший. Среди смягчающих обстоятельств выделяли «кражу по нужде» и «простоту ума».

Впервые институт смягчающих и отягчающих обстоятельств подвергся систематизации в 1813 году. Это было произведено на основе учений Фейербаха, который предполагал то, что законодатель должен учесть, что в повседневной жизни могут случаться обстоятельства, влияющие на тяжесть преступления. В соответствии с теорией Фейербаха и Проект 1813 г., и Свод законов не только подробно перечисляли обстоятельства, изменяющие ответственность, но и точно устанавливали размер влияния этих обстоятельств [7].

Следующий шаг в формировании уголовного права был предпринят в 1833 году путем принятия свода законов Российской империи. Наряду с общими для всех преступлений обстоятельствами, смягчающими ответственность (малолетство, престарелый возраст, явка с повинной), он регламентировал особые основания для смягчения наказания, в том числе учинение «по крайней нужде и бедности».

К сожалению, Свод законов не устанавливал составы преступлений с четко определенными смягчающими обстоятельствами, что является обязательным признаком объективной стороны преступления, поэтому Свод законов нельзя определить в полной

мере как очередной этап становления института смягчающих и отягчающих обстоятельств. Но исторический опыт, сложившийся после принятия Свода, был учтен законодателем при дальнейшем развитии институтов уголовного права.

Уложение 1845 года «О наказаниях уголовных и исправительных», несмотря на казуистичный характер содержащихся норм, решило ряд важных вопросов, которые возникали с момента появления института отягчающих и смягчающих обстоятельств: была установлена взаимосвязь смягчающих обстоятельств с формой вины, а также побудительными причинами совершения противоправного деяния; разграничивались обстоятельства в зависимости от объекта смягчения.

Законодатель разграничивал «обстоятельства, уменьшающие вину» и «обстоятельства, уменьшающие наказание». К уменьшающим вину обстоятельствам относились побуждения, вызвавшие преступную деятельность (глупость, легкомыслие, слабоумие, невежество).

В процессе судебной реформы 1864 года система смягчающих обстоятельств претерпела значительные изменения. Этому способствовало как введение элементов французского законодательства в отечественный уголовный процесс, так и появление института присяжных заседателей, чье право на смягчение ответственности подсудимого было неразрывно связано с институтом смягчающих обстоятельств. «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1866 года разграничивало подобные обстоятельства.

Смягчающие обстоятельства первой группы выступали общими «для всех родов преступлений»: малолетство и несовершеннолетие.

Вторая группа обстоятельств - «обстоятельства, уменьшающие вину и наказание» включали явку с повинной или чистосердечное раскаяние, полное признание в совершении преступления, своевременное добровольное указание на остальных соучастников преступления, легкомыслие, слабоумие, глупость, крайнее невежество.

К третьей группе принадлежали обстоятельства «особо уменьшавшие степень виновности». Они составляли обязательные признаки элементов состава преступления и изменяли его свойство [8].

Последним правовым документом в Российской Империи, в котором был закреплён институт отягчающих и смягчающих вину обстоятельств, являлось Уложение 1903 года. В нем были закреплены обстоятельства, отягчающие вину: совокупность преступных деяний, определяемых как привычка к преступной деятельности или обращение ее в промысел, а также учинение служащим или участие в учинении общего преступного

деяния служащим, посредством злоупотребления своей обязанностью или полномочием, или посредством угрозы притеснением, или иным злоупотреблением властью [9].

В статье мы рассмотрели и проанализировали развитие института смягчающих и отягчающих вину обстоятельств. Было определено, что законодательство Российской империи четко регламентировало основания для назначения более строгого или менее строгого наказания. Изучив положения памятников уголовного права дореволюционной России, можно с уверенностью говорить об объективности и гуманизме закрепленных положений, которые учитывали права и свободы личности, реально существующие закономерности общественного развития, и выступали в качестве одной из гарантий назначения справедливого наказания.

Список литературы:

1. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / под ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984. – 432 с.
2. Гумилев Л. Н. От Руси до России / Л. Н. Гумилев. – М.: ДИ-ДИК, 1997. – 560 с.
3. Владимирский - Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский - Буданов. – СПб.: Автограф, 1905. – 699 с.
4. Лоба В. Е. Русская правда: обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказания [Текст] / В. Е. Лоба // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2015. - № 4. – С. 43 – 48.
5. Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь / Е. В. Аничков. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. – 428 с.
6. Авдеев В. А. Этапы регламентации обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, в уголовном праве России [Текст] / В. А. Авдеев // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2006. - № 2. – С. 89 – 92.
7. Исаев И. А. История государства и права России / И. А. Исаев. – М.: БЕК, 1993. – 157 с.
8. Буланов А. Е. Сравнительный историко-правовой анализ института смягчающих обстоятельств в уголовном праве [Текст] / А. Е. Буланов // Современное право. – 2004. - № 5. – С. 39 – 42.
9. Учебник уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева. – СПб.: Питер, 2004. – 299 с.

ПРАВО ГРАЖДАН РФ НА ЗАМЕНУ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ ПО ПРИЗЫВУ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБОЙ

Реальное воплощение норм права, закрепленных в законодательстве, в жизнь. Не это ли является основной проблематикой целой плеяды ученых-правоведов. А особенно осуществление тех закреплённых в Конституции Российской Федерации правовых норм, связанных с конституционно-правовым статусом личности, определяющие положение человека и гражданина в отношениях с государством. В аспекте этой темы именно гражданина, так как право на прохождение альтернативной гражданской службы взамен воинской обязанности по призыву установлено для граждан Российской Федерации. Много научных работ посвящено данной теме, и эта статья также не является исключением.

Важно отметить тот факт, что в ч.3 ст.59 Конституции Российской Федерации закреплено право на прохождение альтернативной гражданской службы взамен воинской службы по призыву[1]. Данная прерогатива тесно связана со свободой вероисповедания и правом на свободу мысли и слова, то есть проблематика этой темы является необходимой для гарантирования осуществления прав и свобод гражданина.

Россия является первым в мире государством, которое ввело институт альтернативной гражданской службы в XVIII веке. Однако это не означает, что данные нормы права являются чисто спецификой российского права. Альтернативная гражданская служба взамен воинской службы по призыву по личным убеждениям и соображениям совести установлена в таких международно-правовых актах, как Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, в документе Копенгагенского совещания по правам человека 1990 г., в Резолюции Комиссии по правам человека от 8 марта 1995 г. и иных международно-правовых актах[2].

Обобщая нормы права, содержащиеся в данных документах, можно выделить следующие характерные признаки альтернативной гражданской службы. Во-первых, данная служба должна быть нестроевой или гражданской, то есть обязательно

носить невоенный характер. Во-вторых, прохождение альтернативной службы подразумевает отсутствие контроля со стороны воинских формирований. В-третьих, это деятельность на благо общества и государства. В-четвёртых, она должна осуществляться за пределами военных образований, не оснащённых социальными подразделениями для осуществления в них альтернативной службы. Исходя из этого, можно вывести понятие альтернативной гражданской службы. Итак, это особый вид трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемой гражданами взамен военной службы и не связанный с контролем со стороны воинских учреждений.

Анализируя данные, опубликованные Рострудом по направлению граждан на прохождение альтернативной гражданской службы за последние 7 лет, можно утверждать о низкой популярности данного вида службы. В частности, доля альтернативных служащих от числа призывников за 2016 год равняется 0,2 % (из 150 145 призывников соответственно 295 альтернативно служащих) [3]. Непопулярность данного института неразрывно связана с вопросами обеспечения права на замену воинской обязанности по призыву альтернативной гражданской службой.

Обосновав понятие альтернативной гражданской службы, её основные характерные черты, можно перейти к определению проблематики данного вида деятельности. Сразу следует отметить, что сама концепция замены воинской обязанности по призыву на альтернативную гражданскую службу подразумевает под собой конфронтацию между государством и гражданином, использующим своё право. Суть данного противоречия заключается в ограничении возможности государства увеличивать свою обороноспособность, так как гражданин, реализующий своё право на альтернативное прохождение службы, соответственно, не проходит военную подготовку.

К тому же, четкого установления того, какие воззрения, убеждения являются условиями для приобретения права альтернативного прохождения службы, не существует. Само понятие «убеждение» имеет достаточно широкий смысл, что является основой для злоупотребления толкования этого термина в целях ущемления интересов государства военной сфере. Как было сказано выше, не должна существовать связь альтернативных служащих с военными формированиями. Однако немаловажным фактором при подтверждении возможности направления на альтернативную гражданскую службу в соответствии со ст. 3, 12 Федерального закона только по заявлению гражданина и при условии его удовлетворения[4]. В том числе велика роль военного комиссариата в принятии решений в отношении

желающих пройти альтернативную гражданскую службу не исчерпывается передачей заявления гражданина в призывную комиссию[5]. Как следствие, довольно часто при такой низкой популярности гражданской службы происходит конфронтация, а затем судебное разбирательство.

К первой категории данных нарушений относятся случаи, когда руководство военных комиссариатов не передает в призывные комиссии поступившие от граждан заявления. К следующей категории отказов в рассмотрении заявлений о замене военной службы на альтернативную гражданскую службу относятся отказы, под предлогом необходимости предварительного медицинского освидетельствования, рассматривать заявление до прохождения освидетельствования, что может повлечь нарушение установленного п.3 ст.12 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» месячного срока вынесения призывной комиссией заключения (решения) по поступившему заявлению. Медицинское освидетельствование при необходимости дополнительных обследований может потребовать больше времени. Практика нарушения требований закона достаточно обширна. При этом большинство нарушений очевидны и прямо противоречат правовым нормам[6].

Ещё одним минусом альтернативной гражданской является не привязанное к месту жительства прохождение альтернативной службы (п.2. ст.4 Федерального закона), то есть за пределами постоянного проживания этих граждан. Также сказывается продолжительность прохождения. Как установлено в п.1 ст.5 Федерального закона срок альтернативной гражданской службы в 1,75 раза превышает установленный Федеральным законом "О воинской обязанности и военной службе" срок военной службы.

Таким образом, проблематика использования гражданином Российской Федерации права на замену воинской службы по призыву альтернативной гражданской службой требует дальнейшего проведения реформирования данного правового института. Необходимо усовершенствовать законодательство в данной сфере, систематизировать нормы, связанные с прохождением военной службы, создать новые нормативно-правовые акты, позволяющие устранить вышеперечисленные проблемы.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // «Российская газета» от 25 декабря 1993 г.
2. Миронов В.И. Комментарий к законодательству об альтернативной гражданской службе [Текст]/ В.Н. Миронов// ССС «КонсультантПлюс» М.,2003.

3. Инфографика весеннего призыва 2016 года [Электронный ресурс] // ССС «Гарант», М., 2016 URL: <http://www.garant.ru/infografika/535043>
4. Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» от 25.07.2002 № 113-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»
5. Федеральный закон "О воинской обязанности и военной службе" от 28.03.1998 N 53-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»
6. Соколов Я.О. О нарушениях права граждан на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской службой [Текст] / Я.О. Соколов // ССС «КонсультантПлюс» М., 2014.

УДК 347.918

Борецкая Л.Р.

Крымский юридический институт (филиал)

Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СТОРОНАМИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Злоупотребление процессуальными правами сторонами в арбитражном процессе является актуальной проблемой судопроизводства, поскольку касается не только интересов участников определенного судебного процесса, но и государства и общества.

Часть 2 ст. 41 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее - АПК РФ) регламентирует, что лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, влечет за собой для этих лиц предусмотренные настоящим Кодексом неблагоприятные последствия. [1].

Ноянова А.А. отмечает, что часть 2 ст. 41 АПК РФ требует от лиц, участвующих в деле, добросовестности при осуществлении принадлежащих им процессуальных прав, однако неконкретный характер этой обязанности на практике зачастую приводит к ее несоблюдению [2, с.8].

Таким образом, АПК РФ не раскрывает и не содержит легального определения «злоупотребление процессуальным правом».

Как указывает Ноянова А.А., злоупотребление правом стороной арбитражного процесса может быть определено как правомерное, но противоречащее нравственным требованиям долга, совести, справедливости и ответственности и в

силу этого характеризующееся как социально неприемлемое поведение субъекта. [2, с.8].

Отличительной особенностью злоупотребления правом является отсутствие внешних формальных признаков правонарушения: законодательного запрещения, аномальной формы социального поведения и т.п. Латентный характер злоупотребления правом создает препятствия на пути глубокого и правильного решения юридических вопросов, связанных с осуществлением правосудия арбитражными судами.

Ветров В.В. указывает, что целью злоупотребления процессуальными правами, является – воспрепятствование вынесению решения, невыгодного для злоупотребляющей стороны, и вступлению его в законную силу. Как видим, такая цель не чужда любому лицу, участвующему в деле. То есть грань между защитой своих прав, предусмотренными законом способами, и злоупотреблением своими правами крайне и крайне тонка [3].

Цель злоупотребления процессуальными правами – воспрепятствовать вынесению решения и отсрочить на максимальный срок вступления его законную силу.

Как теоретики, так и практики сходятся в том, что грань между защитой своих прав предусмотренными законом способами и злоупотреблением своими правами крайне тонка.

В действующем арбитражном процессуальном законодательстве РФ отсутствует четкий перечень способов злоупотребления процессуальными правами.

Таким образом, злоупотребление процессуальным правом:

1. Недобросовестное использование предусмотренных законом процессуальных прав;

2. Формально злоупотребление процессуальным правом выглядит как правомерное действие;

3. Оценка этих внешне правомерных действий будет дана судом, и в случае, если суд посчитает нужным, он применит предусмотренные АПК РФ неблагоприятные последствия.

Способом злоупотребления правом, а не способом реализации своих прав, они становятся в случае признания их таковыми арбитражным судом. К распространенным способам злоупотребления процессуальными правами относят:

1. Заявление отвода (многочисленных отводов) арбитражному суду с целью затягивания судебного разбирательства.

2. «Дозированное», незаблаговременное предоставление суду и лицам, участвующим в деле, доказательств, отзывов и т.д.

3. Непредставление доказательств, указанных судом.

4. Несвоевременное заявление ходатайств.

5. Несвоевременное предъявление встречного иска с целью затягивания рассмотрения первоначального иска, подача встречного иска с недостатками оформления.

6. Ссылка на неполучение корреспонденции по имеющемуся в материалах дела адресу.

7. Подача надуманного иска к одному из ответчиков, с целью изменения подсудности (статья 36 АПК РФ позволяет предъявить иск по месту нахождения одного из ответчиков по выбору истца, если ответчики находятся или проживают в разных субъектах РФ).

8. Привлечение третьих лиц с целью затягивания рассмотрения дела.

9. Обжалование судебных актов арбитражного суда, которые не подлежат обжалованию.

10. Подача жалоб с недостатками, с целью затягивания разбирательства по ней, вступления решения арбитражного суда в законную силу (неоплата госпошлиной, не приложены документы о вручении копий жалобы другой стороне и т.п.).

11. Способы изменения территориальной подсудности спора.

12. Привлечение свидетелей и «мирные» переговоры.

13. Неявка на судебные заседания арбитражного суда.

Приведенный выше перечень не является исчерпывающим. Определить, где кончается право и начинается злоупотребление им – сложно. Злоупотребление связывается с понятием недобросовестности, а является ли каждое конкретное действие недобросовестным – оценит суд. Но четких критериев такой оценки в законодательстве, нет.

В настоящее время необходимо внесения в АПК РФ следующих дополнений и изменений: 1) Необходимо ввести понятие «злоупотребления процессуальными правами» в следующей формулировке: «Злоупотребление процессуальными правами - умышленные недобросовестные действия лица, участвующего в деле, запрещенные Арбитражным процессуальным кодексом РФ под угрозой наступления ответственности, а равно иные умышленные недобросовестные действия, совершаемые с видимостью реализации процессуальных прав, однако в целях ограничения или нарушения прав других лиц, участвующих в деле, а также в целях

воспрепятствования деятельности суда по правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданского дела, влекущие применение мер арбитражно-процессуального принуждения» 2) Также следует дать открытый перечень указанных нарушений.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/
2. Ноянова А.А. Морально-этические проблемы неисполнения обязанностей и злоупотребления правами участниками арбитражного судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс.- 2015.- № 8.- С. 8 - 13. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800
3. Ветров В.В. Злоупотребление процессуальными правами в арбитражном процессе [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ информационно-правовой портал. – 2014. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/ia/opinion/author/vetrov/544126/#ixzz3rIglzRuw> (дата обращения: 24.12.2015)

УДК 340.12

Гвардеев А.Г.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» Юридический факультет

ИЗМЕНЕНИЯ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945) ГГ.

Великая Отечественная война является периодом серьезных потрясений в истории нашего государства, в том числе в отношении государственного строительства и функционирования правовой системы, которые подверглись серьезному реформированию в соответствии с условиями военного времени.

Все преобразования, принятые в годы Великой Отечественной войны, оказали огромное влияние на современное государство и право.

22 июня 1941 г. Германия напала на СССР. Такой войны еще не знала Россия, речь шла о ликвидации СССР как цивилизации и как страны.

22 июня 1941 г. в первый же день войны Президиум Верховного Совета СССР принял Указ "О военном положении", «О мобилизации военнообязанных 1905-1918 гг.».

29 июня 1941, указывалась необходимость «О мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков» (Директива Совнаркома Союза СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей) указывалось необходимость «быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад» партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков правительством и ЦК ВКП(б)[1].

Сырых В.М. подчеркнул, что «в период войны сохранили свои полномочия высшие органы государственной власти и управления СССР: Верховный Совет и его Президиум, Совет Народных Комиссаров, отраслевые, а также республиканские органы власти и управления, местные советские органы» [2, с. 23].

Однако, война внесла свои коррективы в организацию и порядок работы государственного аппарата. Для решения особо важных проблем при ГКО создаются специальные комиссии, такие как Совет по Эвакуации (24.06.1941г.), центральный штаб партизанского движения (1942г.).

В реализации своих полномочий Государственному Комитету Обороны помогают ВС СССР и Президиум СНК.

Местные советы действовали в тылу, следили за проведением эвакуационных мероприятий, реализовывали постановления СНК, привлекали население к трудовой повинности, задерживали подозрительных лиц, устанавливали нормы отпусков.

Указом ВС СССР «О военном положении» от 22.06.1941г. власть передавалась военным властям – военным советам фронта.

В местах, объявленных на военном положении, все дела рассматривали военные трибуналы. Штаты военных трибуналов утверждались Народным Комиссариатом Юстиции. Военные штаты включали 3 постоянных членов и народных заседателей.

30 июня 1941, был образован ГКО СССР совместным постановлением Президиума ВС СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б). На время Великой отечественной войны чрезвычайный орган управления, обладающий всей полнотой военной, политической и хозяйственной властью СССР. Необходимость создания ГКО как высшего управления мотивировалось тяжелым положением на фронте .

ГКО руководил всеми военными и хозяйственными вопросами в период войны.

При ГКО образуется более 60 государственных комитетов. А в прокуратуре, расширяется компетенция военных прокуроров: надзор за исполнением постановлений ГКО, директив партии и Постановлений СНК.

В 1941г. орган контрразведки превращается в особый отдел при НКВД. В 1943г. образуется постановлением ГКО особый орган контрразведки – «СМЕРШ».

Согласно решению СНК и ЦК, создается Ставка главного командования (23.06.1941г.), которая осуществляла стратегическое руководство вооруженными силами.

В 14 октября 1942 г., в Заявлении Советского правительства указывалось, «необходимо незамедлительное предание суду каждого из фашистских главарей, оказавшегося в годы войны в руках государств, борющихся против гитлеровской Германии». При этом Президиум Верховного Совета СССР указом от 19 апреля 1943 г. установил, что дела о злодеяниях немецких захватчиков, совершенных на оккупированной территории СССР, рассматриваются советскими судами. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943г. вводились новые виды наказаний в советское уголовное право - смертная казнь через повешение и ссылка на каторжные работы.[3].

По мнению Ровного Б.И., «война потребовала внесения изменений и в уголовно-процессуальное законодательство. Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г., установило новый порядок рассмотрения дел этими трибуналами. Они могли рассматривать дела по истечении 24 часов после вручения копии обвинительного заключения обвиняемому» [4, с. 35].

В советском праве, также произошли изменения. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. право наследования предоставлялось трудоспособным родителям, братьям и сестрам. Каждый гражданин мог завещать имущество лицам из числа упомянутых в Указе, а также государственным органам или общественным организациям.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. "О военном положении" предоставил право военным властям привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения ряда работ, таких как восстановления транспорта, охраны военных объектов, борьбы со стихийными бедствиями и тд.

Подводя итог данной работы, необходимо отметить, что в рассматриваемый период в соответствии с новыми задачами произошли существенные изменения в государственном аппарате и структуре органов государственной власти СССР, совершенствовались методы их деятельности, принимались нормативно правовые акты призванные обеспечить правовое закрепление произошедших изменений. Данные изменения были направлены прежде всего на обеспечение эффективного государственного управления в условиях военного времени, повышение обороноспособности, обеспечение работы тыла, снабжение армии и тд. Указанные преобразования показали свою эффективность в условиях военного времени.

Список литературы:

- 1.Бёлль Г. Россия глазами европейца/ Г.Бёлль.-1995.
2. Белоусов В.Г., Глушаченко С.Б. История отечественного государства и права: Учебное наглядное пособие / В.Г.Белоусов, С.Б. Глушаченко. -М., 2004.-124с.
3. Сырых В.М. История государства и права России / В.М. Сырых. - М.,2008.
4. Ровный Б.И. Особенности разработки и реализации политики Советского государства в сфере образования в годы Великой Отечественной войны :1941-1945 гг. [Электронный ресурс]/ Б.И. Ровный. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/osobennosti-razrabotki-i-realizatsii-politiki-sovetskogo-gosudarstva-v-sfere-obrazovaniya-v->

УДК 342.56

Ворецкий Я. М.

Крымский юридический институт (филиал)

Академии генеральной прокуратуры Российской Федерации

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Судебная власть призвана на основе закона разрешать возникающие в обществе конфликты правового характера путем осуществления в особой процессуальной форме правосудия и принятия, обязательных для исполнения решений. Судебная власть может быть, в соответствии с законом, проявлена в самой начальной стадии конфликта, осуществляя при этом свойственную этой власти функцию судебного контроля.

В структуре государственной власти любой страны судебная власть занимает особое место. С принятием Конституции РФ роль судебной власти в

государственном механизме России значительно изменилась. В соответствии с принципом разделения властей в Российской Федерации судебная власть действует самостоятельно и независимо, она представлена совокупностью органов – судов, образующих судебную систему Российской Федерации.

В части 1 статьи 6 Конституции Республики Крым закреплено, что государственная власть в Республике Крым осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную» [3].

Вместе с тем, часть 2 ст. 6 перечисляет органы и институты, осуществляющие государственную власть в Республике Крым Глава Республики Крым, Государственный Совет Республики Крым, Совет министров Республики Крым [3].

Однако, в части 2 ст. 6 отсутствуют упоминания о судебной власти, что не соответствует ч. 1 ст. 6 Конституции Республики Крым.

Проведя сравнительно-правовой анализ, можно сделать вывод, что имеет место быть законодательный пробел, поскольку, например Конституция Республики Татарстан в ч. 2 ст. 9 фиксирует такой орган государственной власти как суд. Аналогично, в отдельной 7 главе Конституции Республики Крым, посвящённой судебной власти и прокуратуре, не даётся определение судебной власти как одного из вида государственной власти. Для сравнения, Конституция Республики Башкортостан фиксирует это в главе 7, а именно в ст. 104.

Таким образом, проанализировав положения действующей Конституции Республики Крым, мы приходим к выводу, что она не относит суды к органам, осуществляющим государственную власть в Республики Крым, что противоречит принципу разделения властей.

Так судебной власти в Конституции Республики Крым посвящена всего одна статья 86, в которой сказано, что в Республике Крым действуют федеральные суды и мировые судьи [3]. Однако ни в одной из статей нет указания на Конституционный суд Республики Крым. Сравнительный анализ показывает, что Конституция Республики Башкортостан в ст. 106, а Конституция Республики Татарстан в ст. 108-109 говорят о Конституционном суде указанных субъектов.

В связи с этим в процессе интеграции в правовое поле РФ и принятия множества правовых актов, на наш взгляд, представляется целесообразным создание органа конституционного правосудия и контроля в Республики Крым. Однако, ч. 1 ст. 27 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» предусматривает, что субъекты федерации могут

на своё усмотрение создавать конституционные (уставные) суды, поэтому на сегодняшний день из 85 субъектов Российской Федерации они созданы только в 17.

В соответствии с ч. 3 ст. 86, в Республике Крым могут создаваться судебные участки и должности мировых судей в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством Республики Крым. Государственным Советом Республики Крым 8 августа 2014 года принят Закон Республики Крым от 08.08.2014 № 61-ЗРК «О мировых судьях Республики Крым». Согласно, статьи 1 данного Закона, мировые судьи Республики Крым являются судьями общей юрисдикции Республики Крым и входят в единую судебную систему Российской Федерации [4]. В ч. 1 ст. 3 устанавливается исключительная компетенция мировых судей, в которую входят более восьми пунктов. В соответствии с законом «О мировых судьях в РФ», судебные участки создаются из расчёта численности населения. На одном участке — от 15 000 до 23 000 человек.

Так ст. 1 Закона Республики Крым «О создании судебных участков и должностей мировых судей в Республике Крым» от 22 октября 2015 года № 162-ЗРК/2015 установлено, создание в пределах судебных районов на территориях административно-территориальных единиц Республики Крым 100 судебных участков и соответствующее им число мировых судей.

Однако, на сегодняшний день, приступили к работе только 76 мировых судей. Кроме того, отметим, что Постановлением Президиума Верховного суда Республики Крым от 9 января 2017 года установлено, что процессуальная деятельность мировых судей Республики Крым должна начаться не позднее 9 января 2017 года. Однако по факту она началась с 01 февраля 2017 года.

Также отметим, что мировые судьи на первичном этапе ежегодно рассматривают 46 процентов всех уголовных дел, 70 процентов гражданских и 80 процентов дел об административных правонарушениях, но поскольку не все судебные участки укомплектованы кадрами этот пласт нагрузки ложиться на районные (городские) суды общей юрисдикции или на других мировых судей.

Кроме того, необходимо отметить, что с 1 января 2018 года в федеральных судах Республики Крым начнет работу еще один новый для Крыма институт - суд присяжных. Он позволит обвиняемым в совершении особо тяжких преступлений ходатайствовать о рассмотрении их дел с участием присяжных заседателей. В связи с тем, что это очень долгий процесс, данная ситуация затормаживает процесс интеграции Республики Крым в правовое поле России.

Таким образом, выявив в ходе анализа правовых норм, пробелы в Конституции Республики Крым, было бы целесообразно дополнить часть 2 статьи 6 Конституции Республики Крым словами «суды Республики Крым, образуемые в соответствии с законодательством Российской Федерации» и изложить ее в следующей редакции: «Государственную власть в Республике Крым осуществляют Глава Республики Крым, Государственный Совет Республики Крым – Парламент Республики Крым, Совет министров Республики Крым – Правительство Республики Крым, суды Республики Крым, образуемые в соответствии с законодательством Российской Федерации и настоящей Конституцией».

Список литературы:

1. Конституция Республики Татарстан от 6 ноября 1992 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 06.04.2017).
2. Конституция Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 г. N ВС-22/15 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 06.04.2017).
3. Конституция Республики Крым (принята Государственным Советом Республики Крым 11.04.2014) // [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 06.04.2017).
4. Закон Республики Крым от 1 сентября 2014 года №61-ЗРК «О мировых судьях Республики Крым» // [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 06.04.2017).

УДК 340.15:347(470+571)

Артамонов А.Р.

Крымский юридический институт (филиал)

Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации

АНАЛИТИЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПО ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЕ С СОВРЕМЕННЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИИ

Российское общество и правовая наука неуклонно развиваются с возрастающей скоростью. За последние десятилетия происходят наиболее значительные изменения, что связано с множеством факторов, как внутригосударственных, так и международных. Своё отражение они нашли в модернизации системы законодательства, права, приближении их к современным международным стандартам. В данном контексте становится крайне важным

изучение исторического опыта, выявление различных возможных ошибок, совершённых ранее, и недопущение их повторения сейчас. Кроме того, поскольку Российская Федерация является демократическим, правовым государством с республиканской формой правления, то получение дополнительного опыта по устройению именно республики будет полезно. Тем более что в прошлом на территории России они как раз и существовали, в частности - Псковская феодальная республика (XIV-XVI в.), и её история, а также Псковской Судной Грамоты, может послужить богатой почвой для различных изысканий по поводу организации общества, распределении полномочий, выборности государственных органов, и участия народа в отправлении власти.

Исследованием непосредственно Псковской Судной Грамоты занималось значительное количество учёных различных эпох: Ключевского В.О., Карамзин Н.М., Мурзакевич Н.Н., Рожков М.К., Черепнин Л.В., Кафенгауз Б.Б., Дьяконов М.А., Исаев М.М., Греков Б.Д., Юшков С.В., Гурьева О.Ю., Карпов С.И., Козлов Д.Г., Момотов В.В., Мартысевич И.Г., Новицкая Т.Е.

Псковская Судная Грамота – сборник законов Псковской феодальной республики, дошедший до нас лишь в списке первой половины XVII века. Ряд исследователей высказывают мнение, что она несколько раз пересоставлялась, на что косвенно может указывать её неоднородный состав [3, с.121]. Так, в документ состоит из преамбулы, 2 частей и 120 статей. Первая часть включает в себя три «отдела», регулирующие процессуальное законодательство, нас же интересует вторая, распадающаяся на 8 «отделов». Первый из которых посвящён, непосредственно уголовным преступлениям, пятый – братчине, а остальные шесть – гражданским отношениям. Поэтому для сравнения были выбраны нормы, регулирующие именно гражданские правоотношения, так как они занимают доминирующее отношение, подтверждением чего является тот факт, что им отводится 63 из 120 статей. Данная ситуация вполне закономерна, поскольку Псков вёл активную торговлю с многочисленными городами, в том числе и с иноземными, а посему – данная область взаимоотношений требовала наиболее детальной проработки [2, с.37].

Так, в статьях закреплено деление имущества на движимое («отчина») и недвижимое («живот»). К первому относятся серебро, платье, украшения, коня, скот, хлеб, деньги, ко второму - пахотная земля, вода, двор, кладовая (клесть) и пчельник (борть). При этом движимое имущество подразделяется, в свою очередь, на «животное» (скот) и «назрячее» (другое имущество).

В качестве основных способов приобретения собственности называются: по договору, по наследству, приплод (от скота) и по давности владения. Последнее является уникальным, поскольку данная норма, именно в таком воплощении, не встречается в иных, современных ПСГ, памятниках права. Так, подразумевалась ситуация, когда лицо, владевшее возделанным или застроенным участком земли на протяжении 4-5 лет и имеющее свидетелей об этом, имело право, в случае отсутствия претензий со стороны настоящего владельца, объявить его своей собственностью [1, с.445].

В ПСГ также упоминаются следующие виды договоров: купли-продажи, мены, дарения, займа (а также процентов по нему – «гостинца»), ссуды, поклажи, найма и изорничества. Последнему, уделено в грамоте большое внимание, как и иным зависимым людям - огородникам и кочетникам (рыболовам)[3, с.120]. Интересно, что договор дарения является очередным «новшеством» Грамоты, по сравнению, к примеру, с Русской Правдой. Так, он мог быть заключён по поводу передачи «своему родственнику движимости или же недвижимого имущества...и дарственных грамот в присутствии попа или сторонних людей (свидетелей)»[4, с.260]. Важным аспектом является тот факт, что договоры торговли или мены, которым посвящён восьмой отдел, признавались действительными лишь между людьми в трезвом состоянии.

Основных способов заключения договоров определялось два: устный, при свидетелях, и письменный. Последний разделялся на «запись», при которой документ передавался на хранение в архив городского собора, и «доску» - документ оставался у составителя. В качестве обязательств выступали залог движимого или недвижимого имущества, а также поручительство.

Наследованию отводился целый четвёртый раздел, и осуществлялось оно либо по закону («отморщина»), либо по завещанию («приказное»), составлявшемуся, как правило, в письменном виде. Интересно, что была возможной и устная форма завещания, но для подтверждения требовалось присутствие 4-5 свидетелей и священника[1, с.454]. Помимо того, по ПСГ среди возможных наследников отмечались все родственники по восходящей, нисходящей и боковой линиям. Анализируя статьи, возможно установить, что очередность была следующей: переживший супруг и дети, родители и после – братья и сёстры[3, с.57]. Пол и вовсе не имел никакой разницы, в отличие от той же Русской Правды, где у дочери смерда были ограничены в получении наследства. Лишался наследства «сын, отказавшийся прокормить отца или мать до их смерти и ушедший из родительского дома»[4,

с.241]. Кроме того, была значительно усложнена процедура раздела полученного наследства: оно допускалось лишь при необходимости продать полученное имущество с целью расчёта по долгам или же когда один из наследников присваивал себе часть неразделённого имущества [1, с.59]. Помимо этого существовал такой институт вещного права, как пользование чужой вещью («кормля»). Она устанавливалась в качестве права пользования имуществом умершего супруга для пережившего супруга, пожизненно, или же до вступления в новый брак.

Таким образом, можно наблюдать достаточно значительное сходство с нормами современного законодательства, поскольку оно включает в себя вышеописанные тезисы, в некоторых случаях расширяя их и несколько модернизируя под нынешние реалии. Так, Грамота делит всё имущество на движимое и недвижимое, устанавливает четыре способа приобретения собственности и основные виды договоров, такие как купли-продажи, мены, дарения, займа, ссуды, поклажи, найма и изорничества. Из всего вышеперечисленного в современный Гражданский Кодекс Российской Федерации не входит лишь изорничество. Наследственное право по ПСГ также отличается высокой степенью проработки и во многих отношениях не уступает современному, в частности по поводу очередности наследования, равноправия наследников с точки зрения гендерной принадлежности и прочего. Таким образом, можно установить, что гражданское ПСГ было в достаточной степени проработано и актуально для своего временного периода.

Список литературы:

1. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства.– М.: Институт русской цивилизации, 2011. - 896 с.
2. Мартысевич И. Г. Псковская судная грамота. – М., 1951.– 111 с.
3. Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца XVIII в.– М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. – 496 с.
4. Черепнин Л. В., Яковлев А. И. Псковская судная грамота // Исторические записки. Том 6. 1940. – 235-297 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Издательство Рипол Классик, 2016.

Таранец Д.В.

Крымский филиал ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО УПК РФ И УПК НЕКОТОРЫХ СТРАН СНГ

Судебное следствие - это этап судебного разбирательства в суде первой инстанции, основным содержанием которого является исследование доказательств, где принимают участие суд (судья), стороны процесса и другие участники уголовного судопроизводства в целях разрешения уголовного дела по существу.

В УПК Российской Федерации [1] (далее-УПК РФ) судебному следствию посвящена глава 37, включающая 19 статей, со ст. 273 по 291. Также детально указанный этап судебного разбирательства урегулирован и уголовно-процессуальным законодательством некоторых стран СНГ. УПК Украины [2] в параграфе 3 «Процедура судебного разбирательства» главы 28 «Судебное разбирательство» отводит судебному следствию 16 статей (ст.ст. 347-363), УПК Республики Беларусь [3] – главу 36, содержащую 22 статьи (ст.ст. 324-344), УПК Республики Казахстан [4] – главу 44 с 18 статьями (ст.ст. 364 – 381), УПК Республики Узбекистан [5] – главу 52 с 10 статьями (ст.ст.439-448), УПК Кыргызской Республики [6] – главу 35 с 19 статьями (ст.ст. 286-304). Следует отметить, что УПК Украины в параграфе 3 не называет судебное следствие, как отдельную часть судебного разбирательства. Обозначив ст.347, как «Начало судебного разбирательства», украинский законодатель одинаково назвал саму стадию и ее часть, как «судебное разбирательство», что недопустимо с точки зрения юридической техники.

Судебное следствие согласно ч. 1 ст. 273 УПК РФ начинается с изложения предъявленного подсудимому обвинения, которое осуществляется государственным обвинителем, а по уголовным делам частного обвинения - частный обвинитель излагает исковое заявление. Данный порядок оправдан, поскольку он обязует государственного обвинителя определить предмет и пределы предстоящего судебного следствия, а также способствует реализации принципа состязательности. Аналогичным способом регулирует начало судебного следствия УПК Беларуси в ч. 1 ст. 324.

В уголовно-процессуальном же законодательстве Украины в ч. 2 ст. 347 установлено, что судебное разбирательство начинается с оглашения прокурором краткого изложения обвинительного акта, если стороны не заявили ходатайство об оглашении обвинительного акта в полном объеме.

Согласно ч. 1 ст. 364 нового УПК Казахстана устанавливает, что судебное следствие начинается с изложения обвинителем сущности предъявленного подсудимому обвинения, а по делам частного обвинения – с изложения жалобы, лицом, ее подавшим. Представляется более удачным применение здесь словосочетаний «сущность предъявленного обвинения» и «краткое изложение обвинения», поскольку по УПК РФ на практике часто поднимаются вопросы каковы пределы, в которых прокурор должен оглашать обвинение.

В ч. 2 ст. 364 УПК Казахстана указано, что в случае отсутствия обвинителя изложить сущность предъявленного обвинения в судебном следствии вправе секретарь судебного заседания. Считаем, что данное положение противоречит основополагающему принципу уголовного процесса – принципу состязательности, который закреплен в ст. 23 УПК Казахстана.

По УПК Узбекистана (ст. 439 УПК) судебное следствие начинается с оглашения государственным обвинителем резолютивной части обвинительного заключения. И, наконец, по УПК Кыргызской Республики судебное следствие начинается с оглашения обвинителем обвинительного заключения, а по делам частного обвинения - с оглашения заявления лицом, его подавшим, или его представителем (ч.1 ст.286).

После изложения обвинения председательствующий опрашивает каждого подсудимого, понятно ли ему обвинение, ясна ли его фактическая сторона и юридическая квалификация, признает ли он себя виновным и желает ли он или его защитник выразить свое отношение к предъявленному обвинению (ч. 2 ст. 273 УПК РФ).

Отметим, что особенностью УПК Беларуси, Украины, Казахстана, Кыргызстана является регламентация в аналогичных нормах обязанности председательствующего при опросе подсудимого о его отношении к предъявленному обвинению разъяснять ему сущность обвинения. Считаем, что разъяснение сущности обвинения должно быть обязанностью того субъекта, который излагает обвинение, а не судьи.

В ст. 274 УПК РФ регулируется порядок и последовательность исследования доказательств в ходе судебного следствия. Первой представляет доказательства сторо-

на обвинения, затем сторона защиты. Суд не может изменить данный порядок. Аналогичное положение существует и в УПК Украины (ст. 349).

Однако, по УПК Беларуси, Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана устанавливается положение, что порядок исследования доказательств определяется судом по согласованию со сторонами. На наш взгляд, вариант регламентации российским и украинским законодательством более удачен, поскольку он способствует реализации таких принципов уголовного процесса, как состязательность и равноправие сторон, и независимость суда.

В ст. 276 УПК РФ регулируется допрос подсудимого, и при его согласии дать показания первыми он будет допрошен защитником и участниками судебного разбирательства, выступающими со стороны защиты, а затем только государственным обвинителем и участниками со стороны обвинения. Суд задает вопросы подсудимому после его допроса сторонами. По УПК Украины (ст. 351) первым допрашивает обвиняемого прокурор, а затем защитник. Считаем, это проявлением обвинительного уклона и нарушением принципа состязательности.

Другие уголовно-процессуальные кодексы в ином ракурсе, чем в РФ, рассматривают вопрос о возможности постановки судом уточняющих вопросов подсудимому в любой момент его допроса сторонами (ч. 2 ст. 327 УПК Беларуси, ч. 3 ст. 348 УПК Казахстана, ч. 8 ст. 442 УПК Узбекистана, ч. 2 ст. 288 УПК Кыргызстана).

Порядок допроса потерпевшего установлен ст. 277 УПК РФ и аналогичен порядку допроса свидетеля с той лишь разницей, что потерпевшему, как и подсудимому, предоставлено право с разрешения председательствующего давать показания в любой момент судебного следствия. Таким образом, законодатель уравнивает в правах указанных участников судебного следствия.

Аналогичный порядок установлен УПК Беларуси (ст. 329) и УПК Казахстана (ст. 350). Что касается УПК Кыргызской Республики, то он не предусматривает такого права у потерпевшего. По УПК Узбекистана допрос подсудимого, потерпевшего, свидетелей и экспертов регулируется одной нормой (ст. 442), которая устанавливает немного особенностей допроса этих участников.

Различия в отношении правил допроса свидетелей по УПК рассматриваемых государств в общем-то незначительны. Например, по УПК Беларуси, в отличие от УПК РФ, предусматривается право суда задавать уточняющие вопросы свидетелю в любой момент его допроса сторонами, по УПК Узбекистана, свидетель приносит клятву, по УПК Украины – дает присягу.

Вопрос окончания судебного следствия решается идентично российскому ва-

рианту УПК.

Существует еще ряд отличий в регламентации судебного следствия в исследуемом уголовно-процессуальном законодательстве, которые касаются производства экспертизы, допроса эксперта, возможности проведения судебно-следственных действий и ряда других вопросов, нуждающихся в отдельном научном исследовании.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 28.03.2017 г.) // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=214580&fld=134&dst=101948,0&rnd=0.9939872129464824#0>. Дата обращения: 09.04.2017 г.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. №295-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.04.2016 г.) // http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958. Дата обращения: 09.04.2017 г.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04 июля 2014 г. №231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.02.2017 г.) // http://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852. Дата обращения: 09.04.2017 г.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.12.2016 г.) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101#pos=00. Дата обращения: 09.04.2017 г.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30 июня 1999 г. №62 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.02.2017 г.) // http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30241915. Дата обращения: 09.04.2017 г.
6. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 г. № 4651- VI (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.01.2017 г.) // <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/4651-17>. Дата обращения: 09.04.2017 г.

УДК 341.213.4

Коропова А.А.

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

Юридический факультет

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ФЕДЕРАЛИЗМА В ГЕРМАНИИ

Проблема, связанная с теорией и практикой федерализма, занимает одно из ведущих мест в системе государственно-правовых наук. К конституционным

моделям федеративных государств прибегает достаточно большое число унитарных государств для поиска решений своих национально-территориальных проблем. Федерализм в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии рассматривается в качестве основы построения и развития государства. Федеративное устройство Российской Федерации закреплено в ст. 5 Конституции РФ. До революции 1917 г. Россия была унитарным государством, но после прихода к власти большевиков государство было преобразовано в федерацию. Однако, следует отметить, что уникальность формы территориального устройства РФ обусловлена не только историческими предпосылками, но и многонациональным составом населения, что также закреплено в ст. 5 Конституции РФ. Формами самоопределения народов в России являются субъекты РФ, построенные по национально-территориальному типу. Российская Федерация гарантирует всем народам право на сохранение родного языка, создание условий для его развития и изучения.

Целью исследования является изучение основных положений учения о федерализме, а также принципов становления и развития федеративного территориального устройства Германии, установленного конституцией 1949 года.

На сегодняшний день в науке не сложилось единой теории федерализма. Сложность данной категории наглядно демонстрируется огромным количеством определений. Например, по Дж. Смигу «федерализм можно рассматривать как идеологию: федеральная идея задумана как компромисс – между разнообразием и единством, автономией и суверенитетом, национальным и региональным». Дж. Локк же под федерализмом рассматривал некое сообщество людей, подданных государства, противопоставляя его остальной части человечества, не относящейся к данному государству. Он считал, что ущерб, причиненный одному подданному государства, считался ущербом для всего государства [2].

К основным принципам федерализма относятся: добровольность объединения государств и государственных образований, признание федеральной конституции и конституций субъектов федерации, общая территория и гражданство, разграничение полномочий между федеральной и региональной властями и т.д.

Федеративная Республика Германия была провозглашена 23 мая 1949 г. в западной оккупационной зоне. В тот же день в Бонне Парламентский совет провозгласил вступление в силу Основного закона страны, «в целях придания нового порядка государственной жизни на переходный период» [1]. В советской оккупационной зоне 7 октября 1949 г., в противовес ФРГ, была основана Германская

Демократическая Республика. Конституция 1949 г. была выработана только для государства трёх оккупационных зон, т.е. только для ФРГ. Однако, после интеграции ГДР в состав ФРГ, она стала Основным законом для объединенной Германии [3, с. 471]. Из Конституции исключалась статья 23 о возможности присоединения новых земель, т.к. считалось, что она выполнила свое предназначение и Германия более не претендует ни на какие другие земли.

На данный момент Федеративная Республика Германия включает в себя 16 земель, среди которых особо выделяются три земли, получившие статус «свободного государства» (Свободное государство Бавария, Свободное государство Саксония и Свободное государство Тюрингия). и два города, имеющих статус «свободного города» (Свободный ганзейский город Бремен и Свободный ганзейский город Гамбург), однако это не предоставляет им особых прав по сравнению с другими землями ФРГ. Все земли имеют одинаковый конституционно-правовой статус. Федерализм, закрепленный Конституцией ФРГ 1949 г., означает, что отдельные федеральные земли: пользуются ограниченным суверенитетом; имеют свои конституции, представительные органы; в некоторых случаях имеют право заключать договоры с другими государствами. К исключительной законодательной компетенции Федерации относятся: внешние сношения, гражданство Федерации, свобода передвижения, основы финансово-экономической системы, транспорт и связь, торговля и промышленность [1, ст.73]. Все остальное считается сферой конкурирующего законодательства [1, ст.74]. Земли также имеют свое законодательство, строго ограниченное «рамочными предписаниями», изданными Федерацией. Данная модель федерализма, основанная на субсидиарности, получила название «кооперативной» [4, с.89].

Основной закон установил в Германии парламентскую республику. Высшим законодательным органом Германии является парламент, состоящий из 2 палат – Бундестага и Бундесрата [5, с.932]. Бундестаг избирается народом, сроком на 4 года путем всеобщих, прямых, свободных, равных и тайных выборов [1, ст.38]. Бундесрат состоит из членов правительств земель, которые их назначают и отзывают [1, ст. 51]. Бундесрат участвует в законодательной и исполнительной деятельности, выражая интерес субъектов федерации на федеральном уровне. Каждая земля располагает определенным числом мест в бундесрате, что напрямую зависит от численности населения: до 2 млн. жителей – 3 места, от 2 до 6 млн. жителей – 4 места, свыше 6 млн. – по 5 мест [6, с.601].

Главой государства по Основному закону страны является президент, избираемый Федеральным собранием сроком на 5 лет [1, ст.54]. Президент может участвовать в заседаниях правительства, назначает и освобождает от должности федеральных судей, осуществляет помилование, представляет Германию в международно-правовых отношениях, а в некоторых случаях имеет право распустить бундестаг. Однако, реальная исполнительная власть сосредоточена в руках правительства, а именно председателя – Федерального канцлера. Ему принадлежат следующие важные полномочия: назначение и освобождение от должности министров, определение направлений внешней и внутренней политики государства и т.д. На региональном уровне право законодательства принадлежит ландтагам и бюргершафтам. В основном законе страны организации местной власти уделено достаточно небольшое число статей. Более подробно власть на местах регламентируется Конституциями и законодательством земель. При осуществлении исполнительной власти можно выделить такую компетенцию, как исполнение землями федеральных законов как своих собственных, исполнение землями федеральных законов по поручению Федерации, исполнение федеральных законов Федерацией и т.д.

В заключении можно сделать вывод, что современная Федеративная Республика Германия является симметричной федерацией, составные части которой обладают равноправием, имеют равный статус, а также являются однородными по природе. В Основном законе ФРГ нет специального раздела о федеративном устройстве государства. Однако, практически каждый раздел Конституции затрагивает взаимоотношения Федерации и земель, что в значительной мере свидетельствует о реализации на практике основных принципов федерализма.

Список литературы:

1. Основной закон Федеративной Республики Германии [электронный ресурс]. Пер. с нем. / под ред. Ю.П. Урьяса – Электронные текстовые данные. – М. : Прогресс, 1991. – Режим доступа : http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru
2. Локк Дж. Сочинения [электронный ресурс]. В 3 т. Т. 3. Два трактата о правлении / Дж. Локк. – Электронные текстовые данные. - М. : Мысль, 1988. – Режим доступа : <http://grachev62.narod.ru/lock/content.html>
3. История государства и права зарубежных стран [электронный ресурс] : учебник для бакалавров / [К.И. Батыр, И.А. Исаев, Г.С. Кнопов и др.]; отв. ред. И.А. Исаев, Т.П. Филиппова. – Электронные текстовые данные. - М. : Проспект, 2015. - 559 с. – Режим доступа : <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=252016>

4. Кашенов, А.Т. Конституционное право зарубежных стран [электронный ресурс] : курс лекций / А.Т. Кашенов. – Электронные текстовые данные. - Томск, 2011. - 118 с. – Режим доступа : <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=208707>
5. История государства и права зарубежных стран [электронный ресурс]. Ч. 2. Сборник студенческих работ. / под ред. Ю. Крохиной. – Электронные текстовые данные. - М. : Студенческая наука, 2012. - 1159 с. – Режим доступа : <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=209887>
6. Скоробогатов, А.В. История государства и права зарубежных стран [электронный ресурс] : учебник / А.В. Скоробогатов, Г.Ю. Носаненко, А.В. Краснов. – Электронные текстовые данные. - Казань : Познание, 2015. – 668 с. – Режим доступа : <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=364199>

УДК 346.9

Мокрушин В.И.

к.ю.н., доцент

Крымский филиал ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

НАДЕЛЕНИЕ ПРАВАМИ ИНОСТРАННЫХ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Аннотация: в статье анализируется возможность предоставления иностранным юридическим лицам, к которым относятся юридические лица Украины, прав, которые отсутствуют у них в соответствии со своим национальным законодательством, и противоречия в правовом статусе, возникающие при этом.

Ключевые слова: личный закон иностранного лица, юридический статус иностранного лица, правоспособность иностранного юридического лица.

Summary: To the question about the possibility of entitlement foreign business entities Victor I. Mokrushin, PhD of law, associated professor of the department of state-legal disciplines : the article examines the ability of foreign legal entities which include legal entities of Ukraine, rights that are absent from them in accordance with national legislation, and contradictions in the legal status encountered.

Key words: personal law of a foreign person, the legal status of a foreign person, the legal capacity of a foreign legal entity.

Российское законодательство действует в Крыму с 18 марта 2014 года. Благодаря экономическим связям Крыма с Украиной остались неурегулированными множество вопросов между юридическими лицами теперь уже разных государств. Начиная с 2014 года Хозяйственный суд Республики Крым, а с 2015 года

Арбитражный суд Республики Крым рассматривает дела с участием хозяйствующих субъектов, зарегистрированных на территории другого государства – Украины.

Статьей 254 Арбитражного процессуального кодекса РФ определено, что иностранные лица пользуются процессуальными правами и несут процессуальные обязанности наравне с российскими организациями и гражданами. При этом они должны представить в арбитражный суд доказательства, подтверждающие их юридический статус и право на осуществление предпринимательской и иной экономической деятельности.

Статьей 1202 Гражданского кодекса РФ определено, что личным законом юридического лица считается право страны, где учреждено юридическое лицо. На основе личного закона юридического лица определяются, в частности: содержание правоспособности юридического лица; порядок приобретения юридическим лицом гражданских прав и принятия на себя гражданских обязанностей; способность юридического лица отвечать по своим обязательствам.

С учетом перечисленных норм права при обращении в Арбитражный суд Республики Крым субъект хозяйствования Украины обязан предъявить суду доказательства своей правоспособности.

В 2014 году на Украине принят закон «О создании свободной экономической зоны «Крым» и об особенностях осуществления экономической деятельности на временно оккупированной территории Украины» (от 12.08.2014 г. № 1636-VII).

Пунктом б) статьи 12.11 Закона Украины «О создании свободной экономической зоны «Крым» и об особенностях осуществления экономической деятельности на временно оккупированной территории Украины» споры между субъектами хозяйственной деятельности с местонахождением (местом жительства) на территории СЭЗ «Крым» и субъектами хозяйственной деятельности с местонахождением (местом жительства) на другой территории Украины, не урегулированные путем переговоров, подсудны судам Украины или, по договоренности сторон, Международному коммерческому арбитражному суду при Торгово-промышленной палате Украины и Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Украины.

В настоящее время в Крыму отсутствуют суды Украины, поскольку на этой территории Российской Федерацией сформирована новая система судостроительства.

Как было указано выше, личное право субъектов хозяйствования – юридических лиц Украины прямо запрещает им обращаться с заявлениями или исками в Арбитражный суд Республики Крым, однако существующая судебная

практика свидетельствует об обратном: такие споры Арбитражным судом Республики Крым все это время рассматривались и продолжают рассматриваться.

Судебная практика в Крыму игнорирует требования о применении личного закона субъекта хозяйствования – юридического лица Украины, а описанный правовой механизм не работает почти три года.

За истекший период ни правоприменители, ни представители науки России или Украины не уделили этой проблеме достаточного внимания, высшие судебные инстанции также не высказали своего мнения описанной проблеме.

Особенно актуальна эта проблема при рассмотрении споров с участием украинских банков, что вызывает общественный резонанс и, как следствие, приводит к разным политическим заявлениям.

Список литературы:

1. Кодексы и законы РФ. Правовая справочно-консультационная система [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://kodeks.systems.ru/apk_rf/, свободный. – загл. с экрана.
2. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – М.: Компания «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160398/, свободный. – Загл. с экрана.
3. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – М.: Компания «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/, свободный. – Загл. с экрана.
4. Государственный совет Республики Крым [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://crimea.gov.ru/rule-making-activity/legislative-sitting-list/6211-0>, свободный. – Загл. с экрана.
5. Верховная Рада Украины [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1636-18/page>, свободный. – загл. с экрана.

СЕКЦИЯ 4

Организация государственной власти: сравнительно-правовой аспект

УДК 342:511

Пашнева В.А.

к.ю.н., доцент

Таврическая академия ФГАОУ ВО

*«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» Юридический
факультет*

ПОЛНОМОЧИЯ ГЛАВЫ СОДРУЖЕСТВА НАЦИЙ: СРАВНИТЕЛЬНО- ПРАВОВОЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЦИИ КАНАДА)

В современном мире существуют такие формы организации государственной власти, при которых одно и то же лицо может выступать монархичным главой нескольких государств одновременно. Подобное явление в юридической науке именуется личной унией, имеющей достаточно глубокие корни. Примером личной унии является факт одновременного главенствования Королевы Великобритании в нескольких государствах, которые были ранее британскими колониями и сохраняли статус доминиона. В прошлом доминионы представляли собой наиболее мягкую форму колониальной зависимости, а с 1931 г. доминионы - это суверенные государства, признающие главой государства британского монарха [1, с.268]. Данная статья посвящена анализу полномочий Королевы Великобритании, как главы государств, признавших Вестминстерский статут и вошедших в Содружество Наций.

И все же монархическая форма правления в государствах, которые входят в Содружество Наций (Австралия, Барбадос, Канада, Новая Зеландия, Ямайка и др.) имеет целый ряд специфических черт. Прежде всего, они пребывают в отношениях личной унии с Объединенным королевством Великобритании и Северной Ирландии. Эти государства не имеют собственных монархов, а Королева Англии является монархом каждого из этих государств. Из-за ее фактического отсутствия функции главы государства уполномочен осуществлять генерал- губернатор, который назначается английской королевой по совету правительства государства содружества из числа местных граждан [2, с.83].

Канада – одно из первых государств, вошедшее в Содружество. Анализ историко-юридических источников Канады показывает наличие нескольких документов, которые по содержательному значению можно приравнять к конституции. А именно: Королевская прокламация 1763 г. выступает, как первая конституция Канады; затем Акт о Квебеке 1774 г. восстановил французское гражданское право. Далее был принят Конституционный акт 1791 г. разделивший Верхнюю Канаду (Онтарио) и Нижнюю Канаду (Квебек) и согласно которому была установлена парламентская система. В последующем был принят Акт о Союзе 1840 г. вновь объединивший две провинции Центральной Канады в единое политическое образование.

Вплоть до начала 80-х годов XX столетия было принято еще около 30 актов, которые изменяли и дополняли содержание Акта о Британской Северной Америке 1867 г. - конституции Канады (известной с 1982 г. как Акт о конституции 1867 г.) [3, с. 119]. Таким образом, организация государственного механизма Канады, регламентируется Законом 1867 года и определенными конституционными соглашениями.

Как отмечалось ранее генерал-губернатор, формально назначаемый монархом Великобритании, как правило, выдвигается правящей партией или же избирается парламентом на определенный срок [4, с.590-597]. Объем и содержание его полномочий являются достаточно типичными для глав государств с условиями парламентарной формы правления. Главная польза от губернатора та, что «он снимает с плеч премьер-министра бремя множества утомительных забот общественного и церемониального характера».

Не смотря на то, что должность генерал-губернатора явно устарела, правящие круги продолжают сохранять ее не только как символ королевской власти, но и как «запасный» выход на случай каких-либо «непредвиденных» событий, когда генерал-губернатор, сместив премьер-министра, мог бы взять в свои руки всю власть в стране [5, с.37].

На протяжении всей истории Канады формальным главой государства является монарх (король или королева) Великобритании. Об этом свидетельствует ст.9 Акта о Британской Северной Америке 1867 г. (ныне Акт о Конституции 1867 г.), заложившего основы канадской государственности, гласит: «Настоящим объявляется, что исполнительная власть и верховенство в Канаде и над Канадой продолжают существовать в лице Королевы и принадлежат Королеве» [6, с.15]. С момента образования Доминиона Канада власть попеременно наследовали

британские монархи: королева Виктория, короли Эдуард VII, Георг V, Эдуард VII и Георг VI. На современном этапе конституция Канады 1982 (III п. 9) фиксирует, что Королева продолжает осуществлять исполнительную власть и управление Канады и над Канадой [6, с.252]. Одновременно является главой других государств и главой Содружества наций. Королевским указом от 28 мая 1953 г., одобренным парламентом Канады, официально установлено ее нынешний статус страны: «Елизавета II, милостью божьей Соединенного Королевства, Канады и других ее владений и территорий Королева, глава Содружества...».

Но эти полномочия являются обычной конституционной фикцией, которая характерна для государственно-правовой практики стран, использующих британскую конституционную модель. Непосредственное участие британской короны в делах страны в основном ограничивается визитами (относительно частыми, но нерегулярными) в Канаду для участия в различных торжествах и важных церемониях.

Самым ярким событием в истории Канады стало подписание Елизаветой II совместно с премьер-министром Канады в апреле 1982 г. Акта о Конституции. Этим документом Канада получает полный и абсолютный суверенитет в сфере конституционных полномочий. Если пребывание Королевы в Канаде совпадает по времени с этой церемонией, то она по обыкновению открывает прочтением тронной речи сессию федерального парламента. Но на самом деле генерал-губернатор представляет британскую корону на постоянной основе.

Еще в 1867 г. все права монарха Великобритании в отношении канадской федерации были делегированы «...действующему в настоящее время Генерал-губернатору Канады ... или Администратору, осуществляющему в данное время управление Канадой от лица и от имени Королевы, каков бы ни был его титул». А ст. 12 Акта о Конституции 1867 г. подтверждала, что «все полномочия, власть и функции...продолжают... принадлежать Генерал-губернатору, который осуществляет их по совету, или по совету и с согласия, или совместно с Тайным Советом Королевы для Канады» [6, с.15].

Но все же, монарх или генерал-губернатор, как его представитель оказывают влияние на государственные дела, т.к. они являются неотъемлемой частью всего государственно-политического механизма Канады.

В дальнейшем, в ходе обретения доминионом Канада полной государственной самостоятельности (от бывшей метрополии — Великобритании) постепенно сужались реальные полномочия главы государства. Это полностью

отвечало объективной тенденции к ограничению прерогатив монарха, и в настоящее время функции главы государства в Канаде свелись, образно выражаясь, к “церемониальной” деятельности.

В такой ситуации необходимо рассмотреть функции Короны. Королева (король) Великобритании, как и ранее, является главой государства, однако с 1977 г. канадцы не являются подданными британской короны. Правоведы Канады фиксируют тот факт, что статус короны по-прежнему является весьма запутанным. Монарх считается королем Канады, только лишь присутствуя физически на территории государства (но с другой стороны, он тогда не считается королем Великобритании) и теряет это свойство, покидая пределы государства [7]. В свою очередь, федеральное законодательство становится юридически значимым, только после подписания его монархом.

Но, за всю историю существования государства Канада, не было ни единого случая, чтобы Королева Великобритании отказалась подписать закон, принятый властью Канады. Да, и в самой Великобритании не фиксировалось подобных прецедентов с 1707 г. И объясняется все это достаточно просто – власть монарха в Канаде, фактически равна нулю. Даже такие, сугубо королевские прерогативы, как награждение орденами, жалование титулов, постепенно сошли на нет.

В целом, институт монарха, как бы непричастен к управлению современной Канадой, однако это вовсе не означает, что в политико-государственном механизме он является бесполезной надстройкой. Полномочия британской короны не аннулированы, они просто не применяются явно, такое положение в юриспруденции именуется, как «спящие прерогативы».

Относительно Канадского государства, функции монарха проявляются в следующем: открытие сессии федерального парламента (иногда, при совпадении визита монарха с началом сессии), регулярные визиты в Канаду и посещение ее важнейших регионов и др. Подобные полномочия имеют больше идейно-политическое значение, они способствуют развитию духовных связей Великобритании, как одной из крупнейших держав Европы, и канадского общества. Что, в свою очередь, очень гармонично вписывается в общую палитру идей единства западного мира [8].

Сохранение монархического государственного строя Канады можно рассматривать не только как пример политико-юридического анахронизма, черты которого присущи в первую очередь членам Содружества. Британская корона оказывает влияние не столько в сфере практического управления

государственными делами, сколько в идеологической сфере, в духовной жизни канадского общества. Этот уникальный феномен можно пронаблюдать в большинстве Европейских государств, имеющих монархическую форму правления. Кроме того, необходимо отметить, что стран-членов Содружества поддерживается благодаря авторитету Елизаветы II, а претендующий на пост главы Содружества принц Чарльз подобной харизмой не обладает. Но угасание или распад Содружества в ближайшее время, представляется маловероятным.

Список литературы:

1. Б.А. Страшун. Конституционное (государственное право) зарубежных стран: В 4 т. Тома 1–2. Часть общая: Учебник– 3-е изд., обновл. и дораб. – М.: Изд. БЕК. – 2000. - 784 с.
2. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. – 17-е изд. – М.: 2013. – 520 с.
3. Бодуэн Ж. Государственное устройство Канады // США – экономика, политика, идеология. – 1990. №8. – С. 119
4. Сравнительное конституционное право. - Изд. “Манускрипт”. – М.: -1996. – 725 с.
5. Лидин А. Государственный строй Канады. - М.: Госюриздат. – 1960. – 69 с.
6. Конституции государств Американского континента /Под ред. Г.С. Гурвича. – М.: - 1959. Т. II. – 525 с.
7. Berton P. Why we act like Canadians. Toronto, 1987. - P. 32-33
8. Wilden A. The imaginary Canadian. Vancouver, 1980. - P. 206-207.

УДК 340.116:340.5

Смирнова Е. В., к.ю.н., доцент, Небуева М. С.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» Юридический факультет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДОВ КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ

В странах, входящих в англо-американскую правовую семью, профессия судьи является одной из самых уважаемых и самых важных, поскольку судьи – это преимущественно юристы-практики с большим опытом работы в юридической сфере, они существенно влияют на состояние и развитие правовой реальности.

Высокий статус судей обеспечивается и тем, что они наряду с парламентом являются в определенном смысле, гарантом справедливого решения любого

юридического спора [1, с. 295-296]. Такие полномочия дают возможность судье восполнять пробелы в праве своими собственными решениями (прецедентами), что возлагает дополнительную ответственность на судей и выдвигает высокие к ним требования. Это связано с тем, что судебная власть англо-американской правовой семьи более независима от других ветвей государственной власти, поскольку лицо, которое занимает должность судьи в странах общего права, не подлежит проверкам со стороны ведомств, министерств, подразделений и тому подобное.

Судьи стран англо-американской правовой семьи подлежат только одному виду контроля над их деятельностью - судебной коллегией. Однако и ее полномочия весьма незначительны и заключаются, в основном, в истребовании отчетов за определенный период, как решенных, так и по незаконченным делам. К полномочиям вышеупомянутой коллегии относится и временный перевод (по соглашению с судьей, которого переводят) судьи с должности на должность, при необходимости ее замещения в случаях болезни, увольнения других судей с должности или при необходимости увеличить штат судей в связи с большим количеством судебных случаев.

В странах англо-американской правовой семьи становление судьи в определенной степени отличается от стран континентальной Европы. Первым отличием является то, что, кроме формального требования относительно юридического образования, в странах англо-американской семьи будущий судья проходит достаточно долгую адвокатскую практику, но существуют также случаи, когда лицо может занять должность судьи после преподавательской (научной) работы или после государственной службы на должностях, связанных с юридической деятельностью[2, с. 312]. Назначение на должность судьи осуществляется решением соответствующего органа (должностного лица) или путем выборов населением страны, округа, штата и тому подобное[2, с. 312]. На современном этапе более 40 штатов перешли на частично выборную систему избрания судей. Причем обязательным требованием является наличие судебной практики в судах первого уровня[3, с. 294].

Таковыми же вариативными являются процедуры увольнения с должностей судей. Первой процедурой является импичмент, который применяется в отношении судей федерального уровня. В Конституции США предусмотрено, что Палата представителей принимает решение относительно обвинения судьи в нарушении права большинством голосов палаты, а Сенат – относительно увольнения судьи с должности – 2/3 голосов. За все время существования института импичмента в США

было лишь несколько случаев отстранения судей от должностей путем импичмента и дальнейшего обвинения в уголовных преступлениях.

В Великобритании замещения судебных должностей несколько отличается от порядка, принятого в Соединенных Штатах Америки. Одним из важнейших отличий является то, что в Великобритании процедура назначения на должности судей доминирует над другими и находится под контролем Лорда-Канцлера, который одновременно занимает должность судьи высокого ранга [1, с. 297].

Определенные особенности в странах англо-американской правовой семьи имеет и деятельность судей первичного звена судебной системы – магистратов и рекордеров, к полномочиям которых относится рассмотрение преимущественно преступлений незначительной тяжести. Как правило, судьи-магистраты по своему образованию не обязательно должны иметь юридическое образование и опыт практической работы юристом, хотя существуют и должности магистратов, для которых наличие юридического образования обязательно. «Особую группу составляют платные магистраты: они определяются исключительно из юристов и рассматривают дела единолично»[4, с. 121].

Основная масса уголовных дел приходится на рассмотрение магистратами. Решение, вынесенное ими, не является окончательным и может быть обжаловано в апелляционном суде. При любом магистратском суде существуют должности судебных клерков, имеющих высшее юридическое образование и опыт работы в юридической сфере, чаще всего на такие должности назначаются представители адвокатской профессии солиситоров[1, с. 299].

В Великобритании, кроме магистратов (светских судей), судей первого звена и апелляционных судей, существуют и должности рекордеров, которые занимают юристы, выполняющие обязанности судьи в течение нескольких недель в году. Суды рекордеров представляют собой первое звено судебной системы[1, с. 298]. А так же позволяют разгрузить суды высшего уровня от несложных дел, а законность и справедливость их решений обеспечивается возможностью обращения в апелляционные суды.

Особое место в судебной системе Англии и Уэльса и в некоторых других странах семьи общего права занимает деятельность такого должностного лица как коронер, полномочия которого можно относить как к полицейской, так и к судебной системе. В должностные обязанности коронера входит установление причин смерти в случае, когда эта смерть наступила при непонятных и загадочных обстоятельствах,

или внезапно, или в случаях, когда известно, что гибель лица имела насильственный характер.

Одним из способов обеспечения беспристрастности судей является их материальное обеспечение, как на время работы, так и после выхода на пенсию. Должностные оклады судей различаются в зависимости от должности, которую они занимают, однако самая низкая должность оплачивается достойно. Например, в Англии в среднем оплата труда судьи за год составляет около 98000 фунтов стерлингов, а годовая заработная плата судей Апелляционного или Высокого суда возрастает уже до 150-170 тысяч фунтов стерлингов.

Материальное обеспечение судьи после выхода им на пенсию также достаточно велико как по сравнению с другими профессиями, так и с судьями других стран. Законодательное регулирование пенсионного обеспечения судей обеспечивается «JudicialPensionsAct» 1981 г. (Акт о пенсионном обеспечении судей 1981 г.), согласно которому судья получает право на пенсию, как правило, после достижения судьей 70-летнего возраста, стажа работы в должности судьи в течение 15 лет и более либо вследствие отстранения от исполнения обязанностей судьи по состоянию здоровья [5].

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что во всех странах англо-американской правовой семьи к судьям относятся с большим уважением в обществе, чем к их коллегам в романо-германской правовой семье. Это связано с тем, что судебная власть англо-американской правовой семьи более независимая от других ветвей власти и меньше контролируется с их стороны. Так, лицо, которое занимает пост судьи в странах общего права, не подлежит посторонним проверкам ведомств, министерств, подразделений и тому подобное. Никто не может переводить судью с одной должности на другую как территориально, так и в пределах одного судебного учреждения.

Список литературы:

1. Романов А. К. Правовая система Англии: [Учебное пособие] [2-е изд., испр.] / А. К. Романов. – М.: Дело, 2002. – 344 с.
2. Бернам У. Правовая система США. [3-й вып.] / У. Бернам; науч. ред. В. А. Власихин. – М.: Новая юстиция, 2006. – 1216 с.
3. Давид Р. Основные правовые системы / Р. Давид, К. Жоффре-Спиноза. – М.: Междунар. отношения, 1998. – 432 с.
4. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник /Отв. ред. – д.ю.н., проф. А. Я. Сухарев. – М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА-М), 2000. – 840 с.
5. JudicialPensionsAct / станом на 25 березня 2009 р. / [Електронний ресурс] режим доступу: <http://www.uk-legislation.hms.gov.uk>

УДК 340.5:349:325

Аблязова Ф.М.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ МИГРАЦИИ В РОССИИ И ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ

Мировые процессы глобализации исключают изоляцию стран, поэтому современные международные миграционные процессы играют важную роль в экономическом и политическом взаимодействии между ними. Решение проблем связанных с миграционными вопросами становятся одним из главных направлений государственной политики.

Данная статья посвящена анализу организационно-правового регулирования вопросов миграции в России и Западных странах.

Рассматривая вопросы миграционных процессов необходимо обратиться к терминам «миграционный процесс» и «миграционная политика». Под миграционным процессом понимается перемещение людей, связанное с изменением места пребывания и проживания сроком не менее чем на шесть месяцев [8]. Миграционная политика, как одно из направлений демографической политики государства, представляет собой совокупность способов и мер целенаправленного воздействия органов государственного управления на миграционное движение населения, с использованием социальных, экономических, экологических, политических и иных методов управления [9].

Вопросы миграции вызывают активный интерес в научном мире. Данной проблеме посвящены научные труды таких ученых как Бай Н.Г., Лапиной М.В., Ладан Е.А., Колева Г.В. и др. в их работах миграционная политика рассматривается на основе двухуровневой системы подходов. Первый подход осуществляется на национальном уровне, а второй на международном. На национальном уровне миграционная политика осуществляется путем принятия федеральных законов, законодательных актов, указов, постановлений, программ и т.д. Миграционная политика на международном уровне рассматривается в контексте развития

международных отношений государств [6]. Существует особая потребность в изучении вопросов миграции на международном уровне в связи с растущими темпами процессов глобализации, которые одновременно открывают мировые рынки труда, но при этом закрывают территориальные границы между странами.

Организационно-правовому регулированию вопросов миграции на национальном уровне в России уделяется большое значение, так как страна является крупным центром приема мигрантов со всего мира. Правовую основу миграционной политики в Российской Федерации составляют Конституция Российской Федерации [1], международные договоры, федеральные конституционные законы, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации. А именно: Федеральные законы «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [3], «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [2], «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» и ряд других нормативных актов. Данные нормативно-правовые акты позволяют проводить миграционную политику более целенаправленно, однако необходимость в корректировках не устранена [4].

Деятельность в сфере организационно-правового регулирования вопросов миграции возложена на Федеральную миграционную службу Российской Федерации. Основными функциями миграционной службы является сохранение принципов национальной безопасности Российской Федерации, а также удовлетворение потребностей в трудовых ресурсах. Успешность противодействия незаконной миграции зависит от выполнения своих профессиональных обязанностей сотрудниками миграционной службы [5].

Что касается осуществления государственной миграционной политики на мировом уровне, то она разрабатывается и реализуется в декларациях, конвенциях, других актах, принимаемых, прежде всего на уровне Организации Объединенных Наций, ее специализированными организациями: Международной Организацией Труда — МОТ, ЮНЕСКО, специализированными органами — Экономическим и Социальным Советом ООН — ЭКОСОС, Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев — УВКБ, Международной организацией по миграции — МОМ.

Принимаемые на Всемирных межправительственных конференциях ООН, решения имеют большое значение и образуют совместно с принятыми и ратифицированными конвенциями, пактами, протоколами общую международно-правовую базу для регулирования и управления миграционными процессами на межправительственном уровне.

Однако стоит отметить тот факт, что в организационно-правовом регулировании вопросов миграции международное законодательство является первостепенным в том случае, если оно не противоречит национальному законодательству. Изучив нормативно-правовую основу регулирования миграционных потоков в России необходимо провести сравнительный анализ в области правового регулирования вопросов миграции со странами Западной Европы, а именно Великобритании, Германии, Франции и Швеции.

Законодательная база Великобритании включает два иммиграционных закона и иммиграционные правила. На основе этих законов рассматриваются вопросы выезда, апелляции, положительного решения или выдворения за пределы государства. В отношении ищущих убежище лиц, прибывших из третьих стран, проводится предварительное расследование.

В Германии законодательная основа в области миграции вынесена на конституционный уровень и включает статью Конституции, законы о процедуре предоставления убежища, об иностранцах, выполнение которых возложено на Федеральное ведомство по признанию иностранных беженцев, Пограничную полицию и Ведомство по делам иностранцев.

Французское миграционное законодательство включает Указ, касающийся условий въезда и пребывания иностранцев, Закон о Французском Управлении по защите беженцев и лиц без гражданства (ФУЗБ). Основным государственным органом по проблемам миграции является ФУЗБ (подчинено Министерству внешних отношений), которому оказывается помощь Официальным Советом (Коллегией) — межведомственным органом, членом которого является представитель УВКБ ООН. Французская Конституция гарантирует право убежища всем гражданам третьих стран, которые опасаются преследований на родине. Статус беженца предоставляет специальная неправительственная организация.

Законодательная база Швеции по вопросам миграции включает Закон и Декрет об иностранцах. Выполнение этих правительственных актов возложено на департамент иммиграции Швеции и Апелляционный департамент. Законом об иностранцах предусматривается предоставление убежища противникам войны и

лицам, которые, не будучи беженцами, могут привести убедительные причины нежелания возвращаться в страны происхождения из-за сложившейся политической обстановки. Согласие на пребывание в Швеции на гуманитарной основе может быть выдано лицам, проведшим значительное время в этой стране [7].

Проведя сравнительный анализ нужно отметить, что при разработке Российской правовой базы в вопросах миграции был успешно использован опыт западноевропейских стран, что отразилось не только в схожем содержании, но и в том, что миграционное законодательство остается некодифицированным.

Таким образом, можно выделить несколько моделей регулирования миграционных процессов в зависимости от степени консолидации (кодификации) актов: неконсолидированное миграционное законодательство (государства, принадлежащие к семье англосаксонского, или общего, права (Великобритания)); консолидированное миграционное законодательство (государства романо-германской правовой семьи (Германия, Франция)); трансформационная модель миграционного законодательства (страны Восточной Европы).

Применение компаративного анализа организационно-правового регулирования миграционных процессов в России и Европе на основе междисциплинарного подхода обеспечивает объективность и научность современного исследования миграционной политики и права России и стран Европы.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Федер. закон: [принят Государственной Думой 30 июня 2006 г.: одобрен Советом Федерации 7 июля 2006 г.] // Собрание законодательства РФ. – 2006. – Ст. 3285.
3. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федер. закон: [принят Государственной Думой 21 июня 2002 г. одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г. с измен. и дополн. от 28.11.2015 г.] // Собрание законодательства РФ. – 2002. – Ст. 3032.
4. Бородушко И. В. Проблемы государственного регулирования миграционных процессов в РФ // Социология и право. – 2012. – № 1. – С. 82-89
5. Ладан Е.А. Особенности миграционных процессов в Современной России [электронный ресурс], - <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-migratsionnyh-protsessov-v-sovremennoy-rossii>
6. Бай Н.Г. Международно-правовое регулирование миграции в западной Европе [электронный ресурс], - <http://pravozashitnik.net/ru/2013/1/9>
7. Колев Г.В. Миграционная политика Европейских стран [электронный ресурс], - <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Kolev/>

8. Миграционные процессы [электронный ресурс], -
http://studbooks.net/970050/pravo/ponyatie_suschnost_migratsionnyh_protsesov
9. Миграционная политика [электронный ресурс], -
<http://topmigrant.ru/migraciya/obshhaya-informaciya/migracionnaya-politika.html>

УДК 347.963

Латышева Ю. Я.

Крымский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»

**НЕКОТОРЫЕ ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО
НАДЗОРА В СФЕРЕ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И
ГРАЖДАНИНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-
ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Идея правового государства и гражданского общества в настоящее время получила закрепление в Конституции России, для которой главной ценностью является личность. В свою очередь основным гарантом ее прав и свобод выступает государство. Достаточно интересным является вопрос в сфере сравнительного анализа прокурорского надзора в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина как в Российской Федерации, так и в ряде зарубежных стран.

Итак, переходя к предмету исследования, отметим, что постановка перед органами прокуратуры задач по защите прав и свобод предполагает определение приоритетных направлений надзорной деятельности, которые нашли отражение в приказе Генерального прокурора №195 от 07 декабря 2007 "Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина" [1]. Исходя из выше перечисленных положений, стоит акцентировать внимание на том, что, что прокуратура является наиболее действенным органом по защите прав и свобод человека, поскольку нарушения закона, независимо от сферы вмешательства, в конечном счете затрагивают права граждан, которые в последствии нуждаются в защите.

Среди актуальных тенденций в сфере прокурорского надзора за соблюдением прав граждан стоит выделить, что в особом внимании нуждается соблюдение прав и свобод военнослужащих срочной службы, а также

военнослужащих, участвующих в боевых операциях, поскольку в силу специфики службы и боевой деятельности реализация многих прав и свобод, принадлежащих им наравне с гражданами, приостанавливается, и, кроме того, данные лица не в состоянии в полную меру лично защищать свои интересы.[2, с.37]

Стоит отметить, что в поле постоянного внимания прокурора находится исполнение законодательства об обращениях граждан. От качества исполнения обязанностей и квалифицированности работников, прежде всего, во многом зависит состояние соблюдения предоставленных прав и свобод. В связи с этим при наличии оснований прокуроры проводят проверки законности рассмотрения и разрешения жалоб и заявлений. В свою очередь, работа по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина находит отражение в текущих и перспективных планах работы прокуратуры.

Обеспечение надлежащего функционирования системы органов прокуратуры Российской Федерации по осуществлению деятельности по защите прав и свобод человека и гражданина в современных условиях предполагает необходимость ознакомления с особенностями организации и деятельности прокуратуры в зарубежных странах. Особо важным является изучение подобной информации о странах, имеющих тесное взаимоотношение с Российской Федерацией в области общественно-политических отношений. Исходя из выше изложенной точки зрения, особый интерес в данной сфере вызывают вопросы правового регулирования деятельности по защите прав и свобод человека и гражданина на примере Республики Беларусь и Венгрии.

Стоит отметить, что в соответствии с действующим законодательством, деятельность прокуратуры Республики Беларусь направлена на обеспечение верховенства закона, укрепление законности в целях защиты прав и свобод граждан, законных интересов государства. Согласно статье 14 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь»[3], в органах прокуратуры в соответствии с их полномочиями рассматриваются обращения граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и организаций, содержащие сведения о нарушении законодательства. Так же, прокурор ведет личный прием граждан, осуществляет надзор за исполнением требований законодательства, регулирующего порядок рассмотрения должностными лицами обращений граждан и организаций. Прокурор принимает меры по восстановлению нарушенных прав и законных интересов граждан, привлечению нарушителей к ответственности. Актуальной проблемой на современном этапе в данном направлении можно выделить

повышения количественного уровня существенных нарушений прав и свобод в уголовном судопроизводстве. По мнению Р.Г. Зорина, существенные нарушения в уголовном судопроизводстве влияют на возникновение, изменение уголовно-процессуальных правоотношений, которые способны негативно влиять на ход и результаты уголовного процесса, отразится на реализации законных прав и интересов личности и государства.[4, с.44]

Характерной особенностью правового статуса прокуратуры Республики Венгрия является ярко выраженная направленность деятельности на охрану прав и свобод граждан. Согласно пункту 1 параграфа 51 раздела 11 Конституции Венгерской Республики [5], Генеральный прокурор страны и прокуратура обеспечивают охрану прав граждан, а также преследование за деяния, наносящие ущерб или создающие угрозу конституционному строю, безопасности и независимости государства. Конституция четко формулирует функции, возложенные на прокуратуру: в установленных законом случаях она проводит следствие, осуществляет надзор за законностью исполнения наказаний. Прокуратура содействует обеспечению соблюдения законов всеми общественными организациями, государственными органами и гражданами, что, несомненно является важным элементом правовой защиты как личности, так и общества в целом. В случае нарушения закона прокуратура в порядке, предусмотренном законом, выступает в защиту законности. Тем самым прокуратура ориентирована не только на обеспечение прав и свобод граждан, но и на соблюдение законов самими гражданами.

Выше перечисленные положения, свидетельствуют о том, что проблемы соблюдения прав и свобод человека и гражданина на современном этапе получает особое внимание как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах. Таким образом, деятельность по защите и соблюдению прав и свобод человека и гражданина государственными органами выступает в качестве одной из основных гарантий прав личности, которые реализуются путем усовершенствования приоритетных направлений данной отрасли надзора, что, в свою очередь, является юридическим выражением демократических устремлений национальной политики государства.

Список литературы:

1. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: приказ Генерального прокурора от 07.12.2007 №195// СПС «Консультант Плюс»
2. Черепанов М. М., Принципы организации и деятельности российской прокуратуры: монография. Екатеринбург: Изд. дом Автограф. 2009. С. 37
3. О прокуратуре: закон Республики Беларусь от 08.05.2007. №220-3 // Правовая библиотека legalns.com
4. Зорин Р.Г. Существенные нарушения в уголовном судопроизводстве// «Законность и правопорядок», 2012., №4., С. 44
5. Конституция Венгерской Республики от 18 августа 1949 г.// Правовая библиотека legalns.com

УДК 347.963

Макриди Д.А.

*Крымский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО
«Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»*

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ В 1917-1922 Г.

Одним из результатов октябрьской революции было упразднение органов прокуратуры. В Декрете о суде № 1 от 24 ноября 1917г.[1] было сказано: «Упразднить ранее существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно институты присяжной и частной адвокатуры». Таким образом созданная до революции прокуратура, ликвидировалась без создания новой, советской прокуратурой.

В условиях революционной борьбы, направленной на завоевание и удержание политической власти, заново созданный аппарат государства действовал преимущественно как орудие силы подавления. В России того времени образовался особый тип политико-правовой идеологии, в представлении которой было больше ясности в том, что надо менять, нежели в том, каково место закона и суда в становлении и регулировании новых отношений.

По мнению В.Д. Лозовского, причины отсутствия прокуратуры в указанный период связаны с различными государственными факторами. Главная из них — экономические проблемы политики военного коммунизма, централизация политической, хозяйственной и культурной деятельности, устранение гражданского оборота, грамотное централизованное распределение. В этих условиях, когда в руках

верховенствующей власти находились почти все вопросы законодательства и управления, создание такого органа как прокуратура было бы преждевременным, а обеспечение полного единства социалистической, а точнее революционной, законности и вовсе невозможным [2]. Также другие причины отсутствия прокуратуры в тот же период можно назвать желание советской власти создать деятельность в политической жизни всего населения и в первую очередь рабочего класса. К причинам субъективного свойства можно отнести имевшийся в это время юридический нигилизм, отсутствие верных новой власти кадров.

Такое положение не могло существовать долгое время, так как правовая система, основывающаяся на декретах и решениях государственных органов, не обеспечивала главного — единообразия государственного правления и должного обеспечения государственной власти. Поэтому она неизбежно должна быть заменена относительно стабильной системой законов, отвечающих определенному набору требований, изданных легитимными представительными органами государственной власти, в установленном законом порядке, действующих во времени неограниченно, в отношении неограниченного круга лиц, в соответствии с внутренней иерархией и т.д. Основа такой системы была заложена Конституцией РСФСР 1918 г. [1]. Через несколько лет было такое количество законов и соответствующих им нормативных-правовых актов (постановлений ВЦИК и СНК РСФСР), что возникла потребность в создании специализированного органа государственной власти, который мог бы осуществлять единый контроль за их исполнением, т.е. обеспечивать законность в стране.

Требовалось создать специальный, качественно новый орган, который действовал бы от имени центральной верховной власти независимо от местной, по своей структуре и полномочиям отвечал бы задаче внедрения единой законности во всех областях жизни государства, способствовал бы повышению уровня борьбы с правонарушениями соответственно новым условиям. Осуществление такой функции было решено возложить на прокуратуру. Таким органом должна была стать советская прокуратура. 26 мая 1922 г. III было принято Положение о прокурорском надзоре, а 28 мая оно было подписано Председателем ВЦИК М.И. Калининым. Положение о прокурорском надзоре стало законом, который вводился в действие с 1 августа 1922 г.[3]. В этот период была законодательно закреплена независимость прокуроров от местных органов власти (губернских исполкомов) и, следовательно, отвергнут принцип «двойного» подчинения, зато оппоненты настояли на отказе от права прокуроров обжаловать в суд незаконные решения исполкомов. Уступка

весьма существенная. Таким образом, нарождавшаяся советская бюрократия обеспечила себе на долгие годы, вплоть до недавнего времени, как увидим дальше, практическую неуязвимость от средств воздействия прокурорского надзора. Последствия этой принципиальной победы еще предстоит преодолеть.

В круг обязанностей прокуроров на местах входило: а) вносить представление в исполнительные комитеты об отмене или изменении изданных ими или подчиненными им органами незаконных распоряжений и постановлений; б) опротестовывать указанные выше распоряжения и постановления через Прокурора Республики в Совет Народных Комиссаров, Президиум Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета». Причем прокурор имел право присутствовать на всех заседаниях местных исполнительных комитетов с совещательным голосом.

11 ноября 1922 г. IV было принято Положение о судеустройстве РСФСР. Указанным Положением на прокуратуру возлагалось наблюдение за соответствием закону распоряжений и постановлений всех наркоматов, иных центральных учреждений и организаций, местных исполкомов и подчиненных им органов с опротестованием незаконных актов на предмет их отмены или изменения в исполкомы, СНК и в Президиум ВЦИК. 7 июля 1923 г. Положение было дополнено главой XII «О государственной прокуратуре», которая была очень похожа на Положение о прокурорском надзоре 1922 г.[3].

Огромное значение в достижениях общих начинаний в организационном становлении прокуратуры и задач ее деятельности имел общесоюзный законодательный акт — Основы судеустройства Союза ССР и союзных республик 1924 г.

Исходя из вышесказанного, можно заметить, что благодаря развитию прокуратуры в данный период, мы наблюдаем ее сейчас такой какой она является. Также мы понимаем насколько было важно развитие прокуратуры в данный период времени, так как после революции государственный строй находился не в самом лучшем положении, и ему просто необходим был контроль со стороны такого органа как прокуратура.

Список литературы:

1. Титов, Ю. П. История государства и права России. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – 544 с.
2. Лозовский В. Д. Прокуратура СССР/В. Д. Лозовский; под. ред. А. А. Римашевского. — Мн.: Беларусь, 2009. — С. 25. — 98 с.

3. Титов, Ю. П. История государства и права России. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – 544 с.
4. Чибиряев, С. А. История государства и права России. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. – 418 с.
5. Чибиряев, С. А. История развития государства и права России. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2009. – 466 с.

УДК 340.116:340.5

Мартынов Е. В.

Таврическая академия ФГАОУ ВО

«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» Юридический факультет

ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ И ПРОКУРАТУРЫ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬЕ

Деятельность прокуратуры и полиции является одной из гарантий реализации принципа законности и обеспечения правопорядка, поэтому изучение в сравнительно-правовом аспекте зарубежного опыта их деятельности является важным для правового развития России.

Юридические свойства деятельности прокуратуры. В странах Содружества систему органов прокуратуры, в основном, образуют генеральные атторнеи и Дирекция публичных преследований.

В большинстве стран общего права генеральный атторней возглавляет прокурорскую службу, а также руководит, координирует и контролирует юридическую деятельность по осуществлению функций прокуратуры подчиненных ему должностных лиц или служб.

Основным назначением института Дирекции публичного преследования в англо-американской правовой семье, является надзор за публичным преследованием и другими связанными с этим действиями. В своем подчинении директор имеет специально созданное подразделение – «офис директора публичного преследования».

В Великобритании нормативно-правовое регулирование деятельности директора и его офиса осуществляется «Актом директора публичного преследования», изданного в 1990 году. Он содержит перечень функций, возложенных на директора, в частности, дела, подлежащие рассмотрению в суде и

требующие публичного обвинения в апелляционных делах, осуществляет помощь коронерам, как в расследовании преступлений, так и в проведении отдельных следственных действий [1].

По своей структуре офис директора публичных преследований обычно состоит из директорского, адвокатского и других подразделений. В обязанности директорского подразделения входит проверка и контроль за предъявлением, поддержанием или изменением обвинения. Вторым подразделением является отдел солиситоров или адвокатские подразделения [1].

Королевская служба преследования Англии и Уэльса, которую возглавляет директор публичного преследования, подчинена и подотчетна генеральному атторнею страны. С 2006 года в Англии и Уэльсе было создано агентство по тяжким преступлениям.

Генеральный атторней Англии и Уэльса является высшим государственным юристом страны, он не входит в состав правительства, может выступать как совещательный орган. Он осуществляет консультативную деятельность, представляет монарха и правительство в судах.

В Австралии генеральный атторней выполняет задачи прокуратуры и выступает членом правительства – министром, ответственным за законность, национальную и общественную безопасность. Генеральный Атторней имеет формальную власть контролировать, устанавливать, изменять и представлять сторону обвинения в судебных процессах при рассмотрении дела общегосударственного значения.

В Австралии к основным функциям и полномочиям директора публичного преследования относятся: поддержание публичного преследования в районных, высших, апелляционных и других судебных учреждениях, а также предоставление советов и консультаций генеральному атторнею, внесение предложений по совершенствованию существующего законодательства, а также предоставление информации по апелляционным жалобам, которые целесообразно представлять генеральному атторнею [2, с. 7-8].

В отличие от Великобритании в Австралии директор публичного преследования и его офис не контролируют процесс подготовки обвинения.

Служба публичного преследования Канады является правительственной организацией и подотчетна парламенту, а не генеральному атторнею.

Учитывая указанное выше, можно сделать вывод, что деятельность органов прокуратуры стран англо-американской правовой семьи имеет общие функции и задачи, юридическую природу.

Юридические свойства деятельности полиции. Выяснение особенностей именно юридических свойств, в общей структуре оперативно-служебной деятельности полиции является актуальным, поскольку это связано с ее правовым регулированием, обеспечением, а также кадровыми, моральными и другими свойствами.

Для этого необходимо подробнее рассмотреть вопрос возникновения, становления и развития полицейской деятельности, в частности, в Англии. Зарождение первых полицейских действий и функций произошло еще до норманнского завоевания. На каждое лицо возлагалась обязанность при выявлении преступления привлечь внимание к данному событию и вместе осуществлять преследование и задержание преступника. Единственным лицом, уполномоченным осуществлять полицейскую деятельность был шериф.

После норманнского завоевания 1066 года, в частности, появляется официальная должность констебля. Однако преследование преступников так же осуществлялось по горячим следам населением или потерпевшим лицом. Констебли назначались на должности различными судебными органами и подчинялись шерифам.

Определенное значение для развития и официального утверждения функций и полномочий полицейской деятельности имел Винчестерский статут (Statute of Winchester), изданный в 1285 году. В дальнейшем функции по обеспечению правопорядка в стране выполняли местное правосудие, констебли, стражи и тому подобное [3, с. 120-121].

Оплачиваемая полицейская деятельность в Англии начала развиваться лишь с XVI столетия. Оплата осуществлялась за каждого задержанного правонарушителя. Со временем установились определенные стандарты оплаты. Дальнейшее реформирование полицейской системы Англии связано с увеличением населения городов и страны.

Полиция на территории других стран англо-американской правовой семьи возникла значительно позже, в основном под влиянием Великобритании как одной из крупнейших колониальных держав мира [3, с. 135].

В США, не смотря на количество штатов, можно выделить определенные стандарты для них всех. Так, желающий стать полицейским должен быть

гражданином США, не моложе 20 лет, иметь диплом об окончании общего среднего образования, а в некоторых случаях – диплом об окончании колледжа, или он должен отслужить в армии США без взысканий, которые касались бы чести и достоинства. Каждый кандидат должен иметь надлежащую физическую форму, водительское удостоверение, не иметь криминального прошлого, психических заболеваний и тому подобное.

В Канаде есть некоторые дополнительные условия к кандидатам. Одна из важнейших – готовность работать в полицейском подразделении на любой территории Канады. От полицейского в Канаде требуется также знание французского или английского языка, но не обязательно обоих. Кто успешно сдал вступительные экзамены в Королевской канадской полиции должны пройти бесплатные полицейские курсы в течение 24 недель.

К кандидатам на замещение должностей в английском Департаменте уголовных расследований, кроме стандартных требований, обязательным является условие работы в полиции в должности, как детектива, так и полицейских «в форме» в течение как минимум двух лет[2, с. 230].

Изучение состояния организации и функционирования прокуратуры и полиции стран англо-американской правовой семьи позволяет сделать вывод, что основное назначение прокуратуры связано с совершением юридических действий во время судебных разбирательств дел, тогда как полицейская деятельность не имеет юридического профессионального характера, за исключением отдельных процессуальных действий, связанных с публичным преследованием правонарушителей.

Список литературы:

1. Грицаенко Л. Р. Прокуратура в странах Европы: учеб. пособие [для студ. высш. уч. Заведений] / Л. Р. Грицаенко – М., 2010. – 400 с.
2. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник/Отв. ред. – д.ю.н., проф. А. Я. Сухарев. – М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА–М), 2000. – 840 с.
3. Аннерс Э. История европейского права: Пер. с швед. / Э. Аннерс; отв. ред. В. Н. Шенаев. – М.: Наука, 1994. – 394 с.
4. Бернам У. Правовая система США. [3-й вып.] / У. Бернам; науч. ред. В. А. Власихин. – М.: Новая юстиция, 2006. – 1216 с.
5. Baker J. M. An introduction to English Legal History / J. M. Baker. – L., 1990. – 650 p.

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

Израиль—государство с необычной правовой системой. Среди компаративистов нет единого мнения относительно принадлежности правовой системы Израиля к той или иной правовой семье. Одни ученые-юристы, называя Израиль государством теократическим, считают его право религиозным, другие полагают, что преобладающим является влияние права Османской империи. Третья же группа ученых - компаративистов относит правовую систему Израиля к семье общего права [4, с. 346]. Учитывая обоснованность доводов каждой из групп ученых, следует согласиться с выводом тех авторов, которые считают, что «правовая система Израиля носит смешанный характер»[2, 238].

Смешанный характер израильской правовой системы проявляется в регулировании всех сфер общественной и государственной жизни. Ярким примером является организация судебной системы Израиля, которая основывается на базе законов и постановлений, действовавших еще до провозглашения государственного суверенитета(если они не противоречат Декларации независимости и законам, принятым Кнессетом), норм права Османской империи (действовавшего до конца 1917 г.), законах британской подмандатной территории Палестины и элементами английского общего права, еврейских религиозных установлений и других правовых систем[3, с. 18].

На формирование судебной системы Израиля оказали влияние факторы исторического, религиозного, национального характера, а также системы судоустройства некоторых западных государств. Повышенный интерес к изучению судебной системы Израиля объясняется и тем, что «даже в то время, когда еврейский народ утратил государственность, еврейская община во многом сохранила свою идентичность благодаря еврейскому судопроизводству»[2, с.242].

В настоящее время судебная система Израиля регулируется принятыми в 1984 году Законом о судах [комбинированная версия] и Основным законом о судопроизводстве. Судебная система Израиля - система органов государственной власти (судов), осуществляющих правосудие на территории Государства Израиль.

Согласно Основному закону «О судебной власти», судебной властью наделены: Верховный суд; Окружной суд; Мировой суд; иной суд, признанный законом в качестве такового; а также Религиозный суд; иной особый суд; иной орган власти. Закон о судах (комбинированная версия) 1984 года определяет юрисдикцию каждой инстанции суда. Окружному суду подсудны гражданские иски на значительные суммы и обвинения в серьёзных преступлениях. Мировой суд рассматривает иски на меньшие суммы и менее тяжёлые преступления[1]. Каждая инстанция также рассматривает апелляции по решениям нижестоящего суда. Верховный суд Израиля, кроме разбора апелляций, может также заседать как Высший суд Справедливости.

Юрисдикция религиозных судов распространяется на вопросы, связанные с личным статусом граждан, управлением культовым имуществом и пожертвованиями. В Израиле нет конституционного суда, но «отдельные функции конституционно-контрольного характера выполняет Верховный суд»[5, с.387, 389].

Порядок судопроизводства в Израиле основан на принципе состязательности сторон, в ходе которого судья принимает решения на основании доказательств, представленных сторонами процесса.

Для смешанной правовой системы Израиля характерно отсутствие суда присяжных. Вместо характерных для состязательной системы вердиктов, выносимых судом присяжных, в израильском суде решения выносят профессиональные судьи, входящие в состав суда, что не характерно для других правовых систем.

Важной чертой судебной системы Израиля является независимость судей при исполнении судебных полномочий. В Основном законе о порядке судопроизводства закреплено: «лицо, наделённое судебной властью, в отправлении своих судебных полномочий не подчинено никому и ничему, кроме закона» [1].

Судебная практика, которая создается судами Израиля, является источником израильского права наряду с кодифицированными актами. Принцип прецедента также получил законодательное закрепление. Так, ст. 20 закона о судебной власти 1984 г. гласит:«(а)Все прецеденты, созданные Верховным Судом, обязательны для всех нижестоящих судов. (b) Доктрина, установленная Верховным Судом, обязательна для всех судов, за исключением самого Верховного Суда». Судебная практика сохранила черты английского общего права, что свойственно смешанной правовой системе. В Израиле отсутствует дуализм судебной системы, что характерно для стран общего права. Однако при толковании законов используются

такие способы и методы, которые характерны для романо–германской правовой системы [4, с.350-351].

Таким образом, Государство Израиль, развивая традиции судопроизводства, зародившиеся в глубокой древности, используя опыт иных правовых систем, создало судебную систему, достойную изучения, действующую на принципах свободы, справедливости и мира, независимости судей, состязательности сторон и публичности судопроизводства.

Список литературы:

1. Основной закон о порядке судопроизводства 1984 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Кнессета. URL: <http://www.knesset.gov.il>.
2. БехрузХашматулла. Сравнительное правоведение. /ХашматуллаБехруз. Учебник для вузов. – Одесса: «Феникс», М.: «ТрансЛит», 2008. – 504 с.
3. Изаксон Р.А. Верховный суд в системе высших органов власти Государства Израиль / Р.А. Изаксон. Сибирский юридический вестник № 1 (56). 2012. – С.18-23.
4. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / Под ред. В.А. Туманова. – М.: Юристъ, 2003. - 448 с.
5. Скакун О.Ф. Общее сравнительное правоведение: Основные типы (семьи) правовых систем мира: / О.Ф. Скакун. Учебник для студ. вузов.- К., 2008. – 464 с.

УДК 343.82

Чурадзе В.А.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ОСОБЕННОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ КОРОЛЕВСТВ НОРВЕГИИ И ДАНИИ

На современном этапе развития государственности и права выборы являютсяважнейшей частью современной политики. Представляя собой способ формирования органов государственной власти на основе выражения политической воли граждан, именно порядок и правильность проведения выборов позволяют сделать вывод о развитии демократических начал в государстве: закрепленных формально и реализуемых на практике. Именно на проверку соответствия национальных парламентских и президентских выборовмеждународным стандартам, их честность, открытость и правильность был направлен «Проект электоральной

честности» (Electoral Integrity Project (EIP)), проводимый экспертами из Гарвардского и Сиднейского университетов, в период с июля 2012 года по декабрь 2015 года, в 139 странах мира [1]. В пятерку стран с наиболее честными выборами вошли Дания (1 место) и Норвегия (3 место). Анализ избирательного процесса этих государств позволит сделать вывод об особенностях избирательного права, достаточности нормативно-правового регулирования процесса и наличии определенных пробелов в электоральном законодательстве, преимуществах и недостатках данных избирательных систем.

Организация и проведение выборов в Норвегии регулируется Главой 3 «О правах граждан и законодательной власти» Конституции, а также Законами о выборах, о политических партиях, о государственном управлении и другими [2]. Законодательство Дании в этом плане менее обширно, что вызывает проблему, связанную с тем, что нормы Конституции не находят развитие в иных законах государства, что приводит на практике к их расширительному толкованию. Например, в Разделе 30 Конституции Дании указано, что «Любое лицо, имеющее право участвовать в выборах Фолькетинга, может быть избрано в Фолькетинг, если только оно не осуждено за деяние, которое общественность считает несовместимым с избранием в состав Фолькетинга» [3]. Отсутствует какая-либо конкретика в определении сущности данного деяния, что может привести к злоупотреблениям с целью выведения из предвыборной борьбы негодных кандидатов.

Согласно Конституции Норвегии, избирательным правом обладают граждане, вне зависимости от пола, которые на момент выборов достигли возраста 18 лет. Законодательно установлен перечень ограничений для избирателей. Лишаются права голоса: осужденные за совершение уголовного преступления, без получения согласия на родине поступившие на службу в иностранном государстве, а также лица, допустившие с корыстной целью умышленные противоправные нарушения избирательного процесса (покупка/продажа голосов). В тоже время имеют право голосовать граждане, которые при соответствии всем вышеуказанным требованиям не находятся в день выборов на территории Норвегии.

В Конституции Дании условиями для реализации активного избирательного права является достижение возрастного ценза (аналогичен норвежскому – 18 лет, но может быть изменен принятием соответствующего закона, которому предшествует одобрение его на референдуме) и постоянное место жительства в Королевстве. Исключения составляют граждане, объявленные недееспособными. Избиратели

заносятся в специальный электронный регистр, который прекращает обновление за 18 дней до выборов.

В Ст.29 указано, что «Закон устанавливает, в каких случаях уголовные наказания и социальное вспомоществование по бедности могут служить законным основанием для лишения избирательных прав»[3]. Отсутствие данного закона является очередным серьезным пробелом в законодательстве государства, и если первое основание является довольно распространенным, то второе носит яркий антидемократический характер.

Правом быть избранным в Норвегии обладает любой гражданин, проживающий не менее 10 лет в государстве и пользующийся избирательным правом, но данное правило не распространяется на государственных должностных лиц, состоящих на службе в департаментах Государственного совета, и лиц, несущих службу при дворе и получающих пенсию от двора [4]. Также не имеют право избираться служащие дипломатических и консульских учреждений. На избранного депутата возлагается обязанность принять свое избрание, за исключением случаев исчерпывающий перечень которых содержится в Ст. 63 Конституции Норвегии.

В Дании депутаты парламента (Фолькетинга) избираются на основе всеобщих и прямых выборов. Любое лицо, обладающее активным избирательным правом, обладает и пассивным, если только оно не осуждено за деяние, которое общественность считает несовместимым с избранием в состав Фолькетинга. Неоднозначным также является положение, что «Если депутат Фолькетинга не отвечает установленным требованиям, его место становится вакантным...Фолькетинг самостоятельно устанавливает факт избрания каждого из депутатов и решает вопрос о соответствии депутатов установленным требованиям» [3] ввиду отсутствия где-либо зафиксированных данных требований.

Таким образом к достоинствам избирательной системы Дании можно отнести возможность голосования для лиц, испытывающих трудность с приходом на избирательный участок. Например, для проживающих за границей («предварительное голосование» в посольстве или консульском учреждении), для служащих на кораблях либо его пассажирах – на самом судне. Лица, которые по состоянию здоровья не способны явиться на избирательный участок, могут проголосовать на дому (уведомив об этом заранее уполномоченные органы). К недостаткам - наличие пробелов в законодательстве, определенные сложности, связанные с регистром избирателей и внесением в него изменений, а также сроком действия.

Избирательный процесс в Норвегии представляется более демократичным, урегулированным и прозрачным. Однако зафиксированное в Конституции число мест в парламенте, закрепленное за каждым избирательным округом не учитывает миграционные процессы, происходящие в государстве, тем самым нарушается принцип равного избирательного права. Длительный ценз оседлости для пассивного избирательного права, так и определенный круг лиц, которые не могут участвовать в выборах также свидетельствует о несовершенстве данной системы.

Список литературы:

1. В Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции — самые честные выборы в мире [Электронный ресурс] // ScandiNews [Официальный сайт]. URL: <https://scandinews.fi/society/1781-v-danii-finlyandii-norvegii-i-shveczii-samyie-chestnyie-vyiboryi-v-mire> (дата обращения: 12.03.2017)
2. Особенности избирательного законодательства Королевства Норвегия [Электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия РФ [Официальный сайт]. URL: <http://cikrf.ru/international/docs/nrveg.html> (дата обращения: 12.03.2017)
3. Конституция Дании [Электронный ресурс] // Всемирная организация интеллектуальной собственности [Официальный сайт]. URL: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=5487> (дата обращения: 12.03.2017)
4. Конституция Норвегии [Электронный ресурс] // Всемирная организация интеллектуальной собственности [Официальный сайт]. URL: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=9724> (дата обращения: 12.03.2017)

УДК 342.7 (470+571:73)

Умерова В.Э.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ОМБУДСМЕНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ. ПОНЯТИЕ, РАЗНОВИДНОСТИ

Демократические преобразования, происходящие в мире, формирование гражданского общества и построение правового, демократического, социального государства настоятельно требуют политических, социальных, экономических, культурных модернизаций современного общества и совершенствования механизма государственной власти. И одна из самых сложных задач этой реформы заключается

в изменении взаимоотношений власти и человека, налаживании действенного обратной связи между гражданами и представителями властных структур.

Очевидна отчужденность аппарата государственной власти от граждан, высокий уровень коррупции, низкая исполнительская дисциплина, правовой нигилизм, отсутствие традиций уважения к правам человека обуславливают необходимость развития новых, демократических институтов, деятельность которых основывалась бы не на традиционной защите государственных интересов, а была направлена на надлежащее обеспечение прав человека. Во многих странах мира таким институтом является омбудсмен. Он зарекомендовал себя как таковой, во-первых, так как способствует обеспечению прав человека, во-вторых, повышает эффективность деятельности органов государственной власти, их должностных лиц. Омбудсмен представляет собой один из ключевых факторов создания гарантий демократического развития общества и реализации принципа признания человека, его прав и свобод высшей ценностью. В 1946 году Организация Объединенных наций стала прилагать усилия для создания учреждений по правам человека. Омбудсмен сегодня это должностное лицо уполномоченное Конституцией или законом контролировать деятельность правительственных учреждений и не только. Развитие общества привело к созданию специальных омбудсменов – по правам человека, по правам ребенка, по делам национальных меньшинств, по вопросам здравоохранения и т.д. Специализация омбудсмента имеет цель повышать эффективность деятельности государственных структур. На протяжении долгого времени сложился целый институт омбудсмента – институт уполномоченного по правам человека.

Кулаковский Ю.А. в своих исследованиях отмечает, что эффективность судебной защиты прав и свобод не удовлетворяет потребностям отдельной личности и государства в целом [1]. Всё это происходит в связи с нехваткой квалифицированных кадров. Главной задачей данного института является контролировать законность действия органов государственной администрации. Омбудсмен, как и раньше, выступает посредником между правительством и человеком. Уполномоченный по правам принимает не только жалобы, но и предложения. Доступ к омбудсмену зависит от страны и поданные данные носят конфиденциальный характер, а личность подателя не разглашается без его согласия [2].

Омбудсмены в разных странах наделены многими гарантиями и полномочиями. Рассмотрим институт омбудсмана в Российской Федерации (далее РФ) и Соединенных Штатах Америки (далее США).

Впервые идея института Уполномоченного по правам человека получила правовую основу стране в ст. 40 Декларации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г. Декларация не только закрепила новое для российской правовой системы орган, но и заложила основные принципы его формирования, функции и порядок их осуществления. В ней отмечалось, что Парламентский уполномоченный по правам человека должен назначаться Верховной Радой сроком на 5 лет, ему подотчетен и обладает той же неприкосновенностью, что и народный депутат РСФСР. Целью деятельности Парламентского уполномоченного признавалось осуществление парламентского контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации. Постановление о вводе Декларации в действие возлагала на соответствующие комитеты Верховного Совета РСФСР подготовку проекта закона об Парламентского уполномоченного. И хотя в то время в силу различных объективных причин закон не был принят, это дало импульс для модернизации существующей системы органов власти РФ в аспекте защиты прав человека, изучения мирового опыта в этом плане. В общественном сознании все больше закреплялась мысль, что этот институт необходим, поскольку он сможет эффективно обеспечивать права и свободы человека, надежно их охранять и защищать. Идея введения института омбудсмана находила свое проявление во время подготовки проекта новой Конституции Российской Федерации. Хотя сама Конституция России 1993 года косвенно определила статус Уполномоченного по правам человека: в ст. 103 Конституции предусмотрено, что к компетенции Государственной Думы относится назначение на должность и освобождение от должности Уполномоченного по правам человека. Воплощение конституционной идеи требовало дальнейшего законодательного урегулирования положения российского омбудсмана. За период с 1993 по 1996 годы предлагалось несколько вариантов будущего закона, однако ни один из них так и не был принят. 4 марта 1997 года закон об Уполномоченном официально опубликован и вступил в силу. На должность Уполномоченного может претендовать гражданин, являющийся гражданином Российской Федерации, в возрасте от 35 лет, имеющий знания в области прав и свобод человека и гражданина, а также опыт их защиты. При вступлении в должность Уполномоченный приносит присягу следующего содержания: «Клянусь защищать права и свободы человека и гражданина, добросовестно исполнять свои обязанности, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законодательством Российской Федерации, справедливостью и

голосом совести». Срок работы Уполномоченного пять лет и на весь срок обладает неприкосновенностью, считая с момента принесения присяги. Его полномочия прекращаются с момента принесения присяги вновь назначенным Уполномоченным. Полномочия омбудсмена закреплены в главе 3 ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»[3].

Таким образом, институт омбудсмена в РФ действует в интересах граждан государства, борется за их права и свободы, оказывает помощь в урегулировании финансовых, правовых, коммерческих вопросов. Способствует защите прав на всех уровнях государственной власти и для всех категорий населения от детей до достигших совершеннолетия лиц. Каждое государство, где действует омбудсмен, имеет свои национальные, исторические и юридические особенности и традиции, которые влияют на законодательное урегулирование его правового статуса, и любая из моделей этого правозащитного института представляет для нас научный интерес, учитывая то, что институт омбудсмена в этих странах уже прошел этап своего становления, доказал свою контрольно-надзорную и правозащитную эффективность. В то же время, такой сравнительный анализ позволяет спрогнозировать развитие близких по содержанию процессов формирования национального института омбудсмена и сделать обобщающие выводы по совершенствованию законодательной базы его статуса. Особенно актуальным в этом плане изучение опыта становления института омбудсмена в странах, где этот институт функционирует длительное время, например в США. Институт омбудсмена в США начал строиться в 1969 году. В отличие от многих других государств, где институт омбудсмена внедрялся с трудом, преодолевая определенные политические, социальные, правовые барьеры, его становление в США получило активную общественную поддержку, в том числе и со стороны юридического сообщества. Уже в 1971 году была принята резолюция о принятии закона регламентирующей работу омбудсмена на федеральном уровне и на уровне штатов. В 1977 году организовывается Американская ассоциация омбудсменов. В резолюции, рекомендовалось, чтобы законы или постановления муниципальных органов, регулирующие статус омбудсмена, содержали обязательные положения в который отражалась функциональная направленность деятельности института омбудсмена.

В процессе своего существования омбудсмена в США стал трансформировался и утратил свою популярность, его престиж стал падать. Практика показала, что стремление к «гуманизации административной системы» посредством омбудсмена не принесло в этой стране ожидаемых результатов. Это справедливо по отношению

к классическому омбудсмену. Но кроме него стали появляться службы, которые в теории получили название квазиомбудсменов.

Американская модель корпоративного омбудсмента является своего рода уникальным институтом. С одной стороны, он именуется тем же термином, что и классический институт, существенным образом отличаясь от него. Так, организационные омбудсмены могут существовать как в частных организациях, так и в государственных учреждениях. Их установление не требует конституционного или законодательного подтверждения. Они вводятся на основании внутреннего административного акта. Независимость организационного омбудсмента презюмируется, но она не может быть абсолютной в связи с тем, что назначение на эту должность и освобождение от нее осуществляются руководителем администрации. Деятельность организационного омбудсмента в отличие от классического не имеет публичного или формального характера.

С другой стороны, организационный омбудсмен рассматривается как одно из средств альтернативного урегулирования споров, обладающее существенной спецификой.

Таким образом, омбудсмен - гражданское или должностное лицо, которое осуществляет функции контроля соблюдения справедливости и интересов определённых гражданских групп в деятельности органов исполнительной власти и должностных лиц. гражданское или в некоторых государствах должностное лицо, на которое возлагаются функции контроля соблюдения справедливости и интересов определённых гражданских групп в деятельности органов исполнительной власти и должностных лиц.

Как мы видим из сравнительной характеристики, институт омбудсмента в США начал строиться раньше чем в РФ, но по сути своей он имеет значительные различия своей направленности. Институт омбудсмента РФ, оказывает помощь в восстановлении прав и свобод граждан, оказывает помощь в урегулировании вопросов между государственными органами и людьми, может обращаться с ходатайством в органы местного самоуправления, суда, выступить с докладом в Государственной Думе о нарушениях прав граждан нашей Страны. Роль омбудсмента в РФ значима, и отвечает изначальному своему положению.

Институт Омбудсмента в США создан для урегулирования вопросов связанных с защитой прав граждан своей страны, но направленность у него больше «менеджерская» он может самостоятельно не принимать участие в составлении заявлений, помощи лицам, пострадавшим от той или иной сложившейся ситуации, а

просто или перенаправляет заявления, предоставляет информацию высшим органам, может участвовать в самостоятельном расследовании дела, но это бывает крайне редко. Сегодня омбудсмен в США зависит от многих политических факторов и лишь относительно соответствует начальному понятию омбудсмен.

Список литературы:

1. Ковряква Е.В. Парламентский контроль: зарубежный опыт и российская практика. М., 2005. - С. 43 Электронный ресурс/ <http://www.consultant.ru> Дата обращения: 5.04.2017
2. Палагина А.Н. Особенности института уполномоченного по защите прав предпринимателей в России и за рубежом // Креативная экономика. - 2013. - № 7 (79). - с. 102-108.
3. Федеральный конституционный закон "Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации" от 26.02.1997 N 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016)
4. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: становление нового института: Интервью О.О. Миронова // Журнал российского права. – 1999. – № 1. – С. 5-12.

УДК 342.7 (470)

Бессмертная А.И.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ПРОБЛЕМЫ УЧРЕЖДЕНИЯ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Должность Уполномоченного по правам человека, в соответствии с ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» и наряду с Конституцией (уставом), может учреждаться в субъекте РФ. Введение данного института в субъектах РФ является их исключительной компетенцией.

По мнению В. В. Бойцовой: «учитывая федеративный характер устройства Российского государства ст. 5 ФКЗ «Об Уполномоченном» предусматривает возможность децентрализации службы Уполномоченного путем учреждения подобных органов в субъектах Российской Федерации, т.е. создание нескольких уровней института Уполномоченного на территории страны». [5, С. 7-8].

Повсеместно появляются проблемы по поводу соблюдением прав человека. Какие-то из них можно, а значит и нужно разрешать на уровне субъекта.

Как известно, юридически Уполномоченный не относится ни к одной из ветвей. Согласно ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» [3, ст. 2], и другому действующему законодательству он является «иным» государственным органом, созданным на основании Конституции (устава) и соответствующего закона субъекта Федерации об Уполномоченном по правам человека.

Институт Уполномоченного по правам человека в субъектах РФ является одним из элементов контроля органов законодательной (представительной) власти субъектов Федерации за деятельностью государственных органов, органов местного самоуправления субъектов РФ, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих в сфере обеспечения и соблюдения ими прав и свобод человека. Именно Уполномоченный является арбитром между властью и обществом. Он выступает в качестве своеобразного посредника между ними, осуществляет мониторинг и анализ действий государственных органов. [8, С. 199].

Уполномоченный по правам человека в субъектах РФ служит эффективным звеном в отношениях между населением и региональной властью. Он доводит до сведения органов власти субъекта реакцию граждан на государственные реформы, их мнение по вопросам эффективности этих реформы, а также недочеты в механизмах управления, реализация которых приводят к нарушению прав и свобод человека. Для представителей власти такая информация является весьма актуальной [6, с. 117].

На сегодняшний день, институт Уполномоченного реализован далеко не во всех субъектах России. Там, где должность регионального Уполномоченного не введена, обращения граждан по поводу нарушения их прав направляются федеральному Уполномоченному, что тормозит процесс решения проблем, или, что еще хуже, вообще никуда не направляются. Несмотря на то, что Республика Крым не так давно присоединилась к России, институт Уполномоченного на данной территории функционирует с 2014 года.

В большей степени, в субъектах РФ получил распространение институт Уполномоченного по правам ребенка. Данный институт существует независимо от Уполномоченного по правам человека в одних субъектах, или входит в аппарат Уполномоченного по правам человека в других субъектах.

В Республике Крым должность Уполномоченного по правам человека была учреждена в соответствии с Законом Республики Крым от 2 июля 2014 г. №25-ЗРК

«Об Уполномоченном по правам человека в Республике Крым». Согласно данному закону, Уполномоченный по правам человека обеспечивает и гарантирует государственную защиту прав человека органами государственной власти Республики Крым и органами местного самоуправления; содействует совершенствованию законодательства в данной сфере [4]. Но несмотря на принятие этого закона, статус Уполномоченного по правам человека находится в самом начале своего становления и развития.

Анализируя законодательство субъектов РФ, а также основываясь на мнении ряда ученых-конституционалистов, можно выделить ряд проблем, связанных с функционированием данного института. Во-первых, высшее должностное лицо субъекта наделено правом предлагать кандидатов на должность Уполномоченного по правам человека, что делает Уполномоченного зависимым от органов исполнительной власти, чью деятельность он должен контролировать.

Во-вторых, гарантии финансового обеспечения аппарата Уполномоченного из бюджета субъекта законодательно не установлены. Обычно дублируется содержание ст. ст. 37—41 главы IV ФКЗ «Об Уполномоченном». Данный факт может привести к сокращению аппарата Уполномоченного, что практически исключает его нормальное функционирование. [7, с. 154-156].

Так же, на наш взгляд, не менее важная проблема существует на федеральном уровне. Например, огромное количество жалоб на нарушения прав и свобод человека и гражданина поступает из изоляторов временного содержания, от лиц, находящихся под административным арестом, а также из медицинских учреждения психиатрической помощи. И на данный момент нет законодательного закрепления полномочий региональных Уполномоченных по правам человека по беспрепятственному посещению данных лиц.

Мы считаем, что данные проблемы можно решить путем совершенствования законодательства об Уполномоченных по правам человека, и приведения его в соответствие с международными стандартами. А именно наделить правом негосударственные институты предлагать кандидатов на должность Уполномоченного, что позволит реализовать принцип независимости в рамках этой должности. Так же необходимо более точно прописать в законодательстве финансовое обеспечение деятельности Уполномоченных. На федеральном уровне стоит расширить права Уполномоченных, а именно позволить им посещать без специального разрешения в рамках их компетенции государственные учреждения. А на региональном уровне требуется расширить полномочия данной должности в

сфере проверки деятельности органов государственной власти по соблюдению ими прав человека и гражданина.

Так же целесообразно в процессуальном законодательстве дать возможность Уполномоченным участвовать в судебных разбирательствах, для восстановления прав граждан, которые самостоятельно не могут защитить свои права. Предоставить Уполномоченному право обращаться с заявлением в суд за защитой прав и законных интересов граждан.

Необходимо создать единую базу данных, в которой будут регистрироваться жалобы, поступающие в аппараты Уполномоченных по правам человека в РФ и результаты рассмотрения данных жалоб. Это позволит анализировать и усовершенствовать деятельность Уполномоченных.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что необходимо ввести специализированный закон об основах деятельности Уполномоченного по правам человека в субъектах РФ, который определит полномочия, права и обязанности, порядок назначения и освобождения от должности, условия деятельности и организационные формы. Это позволит повысить эффективность деятельности данного института.

Список литературы:

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 N 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) "Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" от 06.10.1999 N 184-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.
4. Закон Республики Крым от 2 июля 2014 г. №25-ЗРК «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Крым» [Электронный ресурс] // URL: http://ombudsman.rk.gov.ru/file/zakon_respubliki_krim_ob_upolnomochennom_po_pravam_cheloveka.pdf
5. Бойцова В. В. Служба защиты прав человека и гражданина. Мировой опыт. - М.: БЕК, 1999. – 408 с.
6. Бойцова В. В. Нужен ли Уполномоченный парламента по правам человека в России? (Размышления над ст. 40 Декларации прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации) // Государство и право. - 1993. - № 10. – С. 112-120.
7. Вершинина И.Ф. Институт Уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юр. наук. – М., 2010. – 185 с.
8. Еременко А. С. Проблема учреждения института уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации // Известия Российского

УДК 342.565 (73)

Логинов Н.Н.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМА США

Роль, которую занимает судебная ветвь власти в любом государстве, в том числе в США, достаточно велика, отправление правосудия – сложный и ответственный процесс, требующий взаимодействия целого ряда специальных органов – судов. Суды объединяются в судебную систему, где каждый орган занимает своё место в соответствии с его компетенцией. Рассмотрение судебной системы США является целью работы.

На протяжении XIX в. и до первой половины XX столетия, на территории Соединенных Штатов Америки создавались специальные суды: территориальные, таможенные и налоговые, решавшие соответствующие споры. Самым неординарным органом стал Претензионный суд, возникший в 1855г. Суд изначально был создан для сбора претензий частных лиц к государственной казне Соединённый Штатов, также в нём рассматривались долговые и подрядовые обязательства [4].

В настоящее время на территории США правосудие осуществляют суды, объединённые в две системы: федеральную и систему штатов. Это закреплено в Конституции США 1789 г. и в Законе о судоустройстве (24 сентября 1789 г.), которые и заложили принципы федеральной судебной системы. Сложилась система из трёх уровней [1]:

1) районные суды, под юрисдикцию которых подпадали гражданские дела, а также конкретные процессы, связанные с мореходством, банкротством, авторскими правами. В данном суде имел место институт присяжных;

2) окружные суды, в 1869 году были реорганизованы в особую категорию судов с самостоятельным штатом сотрудников и определённой подсудностью. По сути, они представляли суды апелляционной инстанции, расположенные в каждом

округе. В одном округе действовала коллегия судей численностью от трёх до пятнадцати, на данный момент она составляет от четырёх до двадцати трёх судей.

3) верховный суд – высшая ступень в системе правосудия США. В судебных тяжбах могли участвовать только штаты, представители иностранных держав, что предопределяло исключительную компетенцию верховного суда. В апелляционном порядке в него вносились споры о конституционности тех или иных актов или договоров, либо затрагивались федеральные вопросы.

Как упоминалось выше, в США параллельно функционирует единая федеральная система судов и самостоятельные судебные системы штатов, рассмотрим их более детально.

Федеральные суды отправляют правосудие: в уголовных процессах, о преступлениях, предусмотренных федеральным законодательством; в гражданских, по искам к федеральным властям по применению законов или между гражданами, проживающих в разных странах. На практике часто возникают разногласия о компетенции судов двух уровней, в связи с тем, что существует возможность обращаться как в суд конкретного штата, так и в федеральный суд. Однако необходимо помнить, о том, что федеральный суд будет рассматривать дело о применении норм федерального законодательства и только с таким делом необходимо в него обращаться.

Сама система судов состоит из Верховного суда, апелляционного и специальных судов. Первый состоит из девяти судей, назначаемых президентом и утверждаемых Сенатом. Основная его функция – рассмотрение жалоб на решения нижестоящих судов, в том числе судов штатов, рассмотрение обращений по отмене постановлений любого суда, признанных неконституционными, осуществление толкования юридических вопросов.

Апелляционные суды начали существовать в 1891г., они были промежуточной инстанцией между Верховным судом и окружными судами. В настоящее время работают около тринадцати судов данного типа, а сама система судов выглядит следующим образом: один в Колумбии, два – в каждом из апелляционных округов и один суд федеральной юрисдикции. Последний рассматривает жалобы по таможенным и патентным делам, и жалобы на решения Претензионного суда [2].

Административное судопроизводство в США осуществляют специальные квазисудебные органы, получившие название административных трибуналов. К таким трибуналам относятся: Претензионный и Налоговые суды. Дела

рассматриваются публично, состязательно, само судебное заседание представляет собой слушание, которым руководит административный судья. Целью разбирательства является восстановление нарушенных административных прав.

Основу федеральной системы судов представляют специальные или окружные суды. Каждый штат может содержать от одного до четырёх округов. Структурной особенностью этих судов является наличие федеральных магистратов. Их функции включают в себя: подготовку дел к слушанию и исполнение судебных решений. Согласно законодательству Соединённых Штатов, магистраты обладают компетенцией по рассмотрению малозначительных уголовных деяний (сроком до одного года).

Судебная система штатов выглядит следующим образом, на ее формирование в каждом конкретном случае повлияли исторические условия существования штата. Наиболее часто встречается система, состоящая из двух и трёхступенчатых общих судов и, отдельно действующих судов специальной юрисдикции.

Так же, как и в федеральной системе судов, в штатах есть верховный суд, которому отводится роль главного судебного органа [3]. Роль данных судов сводится к рассмотрению жалоб, в порядке апелляции, на решения судов нижестоящих инстанций, касающихся вопросов права или факта. Кроме вышеизложенного, в качестве суда первой инстанции верховный суд штата имеет полномочия по изданию судебных приказов, например, «Хабеас корпус акт» (жалоба на незаконное содержание под стражей). Принимают на рассмотрение дела особой сложности и осуществляют толкование конституций, и законодательства самого штата связанных с судебными процессами или жалобами на решения администраций [5].

Основу системы правосудия в штатах представляют суды общей юрисдикции, однако в США их называют окружными судами. В рассмотрении дел принимают участие либо единоличные судьи или к ним присоединяются присяжные заседатели.

Еще одной подсистемой судов штатов являются суды ограниченной юрисдикции. В их компетенцию входит разрешение дел о малозначительных преступлениях, или гражданских процессов с суммой иска до одной тысячи долларов.

На данный момент в системе американских учреждений судебной системы, как на уровне федерации так и штатов, отсутствуют специальные органы конституционного контроля – эти функции выполняются судами общей юрисдикции [6]. Так в 1803 году Верховный Суд США ввел для себя и для иных федеральных судов, полномочие толковать положения Конституции США и объявлять

недействительными законы, изданные законодательными органами: Конгрессом и законодательными органами штатов. Конституционный контроль не имеет законодательной основы, но тем не менее, признается важнейшим принципом конституционной системы. Верховный Суд США вправе проверять соответствие законов конституции только при решении конкретного дела. Проверка проводится в случае ущемления конституционных прав и свобод личности.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что судебная система США представляет собой неоднородную систему, имеющую свои особенности. Например, решение суда одного из штатов не является обязательным для его исполнения аналогичными судами. Это приводит к многочисленным коллизиям в судебной практике, к расхождению в решениях федеральных судов и судов штатов. Для решения этой проблемы публикуется огромное количество томов практики, однако поиск конкретных прецедентов по-прежнему занимает большое время. Высшие органы судебной власти обладают свободой и большим спектром действий для приспособления права к переменам в жизни общества и государства, поскольку не связаны со своими прецедентами. Это служит основанием для возникновения правомочий у судов, проводить конституционный контроль законов. Данный факт подчёркивает особую роль судебной ветви власти в системе управления Соединённых Штатов, как одной из самых демократичных стран мира.

Список литературы

1. Конституция Соединённых Штатов Америки принята 17.09.1787г.
2. М.В. Баглай, Конституционное право зарубежных стран / М.В.Баглай. - Издательство НОРМА Москва, 2004. – 386-387с.
3. Судостроительство: учеб. пособие для вузов. / Т.П. Афонченко., И.Н. Цыкунова. – Гомель, 2008. – 53с.
4. А.А. Мишин, Конституционное (государственное) право зарубежных стран / А.А.Мишин.- А.А_Учебник_2009 – 334-335 с.
5. Конституционное право зарубежных стран: учебник / Комкова Г. Н., Колесников Е. В., Афанасьева О. В. - Юрайт - Москва, 2013. – 143-144с.
6. Конституционное право зарубежных стран : учеб. пособие / Б.Б Глазунов, А.М. Кальяк ; РАНХиГС, Сиб. ин-т упр. – 2-е изд., перераб. И доп. – Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015 – 176-178 с.

УДК 342.61 (470+571:73)

Адельсеитова А.Б., к.ю.н., доцент

Сильванович Ю.Н.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ОСОБЕННОСТИ ИМПИЧМЕНТА КАК ФОРМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГЛАВ ГОСУДАРСТВ В США И РФ

Институт президентства является весьма распространенным явлением в современном мире. На сегодняшний день существует огромное количество государств, в которых сформировались различные формы правления ввиду активного политического развития или же устоявшихся исторических традиций. И во главе государства, в зависимости от того, какой путь в становлении той или иной страны стал доминирующим, может находиться монарх или президент. Следует отметить, что президент является главой государства в большинстве стран мира.

В Российской Федерации институт президентства функционирует чуть более 20 лет, в то время как в США 230 лет. Безусловно, накоплен разный опыт деятельности президентов в зарубежных странах. Но, несмотря на относительную "молодость", институт Президента в Российской Федерации занял видное место в государственном механизме страны. Слово «президент» происходит от латинского *praesidens* – глава, председатель, и в буквальном смысле означает «сидящий впереди». Впервые титула «президент» удостоился Джордж Вашингтон, изначально смысл этого слова был весьма далек от современного понимания. Вашингтон был именован президентом во время войны за независимость американских колоний и по факту являлся президентом Континентального конгресса (съезда представителей штатов, восставших против британской короны). Лишь спустя несколько лет, когда в 1787 году разрабатывался проект первой писаной Конституции США, должность «президента» была отделена от вышеуказанного представительного органа и отнесена к государственному правлению в целом. Возникновение столь важного института потребовало его регламентации на законодательном уровне. Безусловно, основным источником стала Конституция США 1787 г., которая закрепила в себе порядок назначения, исполнения и прекращения полномочий президента. Здесь же впервые прозвучало такое понятие, как институт импичмента президента.

Импичмент - это процедура отстранения от власти первого лица в государстве путём вынесения ему «вотума недоверия» парламентом или другим органом власти. Английское

слово *impeachment* означает «сомнение, недоверие». Родиной понятия является Великобритания XIV века, когда Палата общин присвоила себе право отдавать королевских министров под суд Палаты лордов (до этого такое право мог осуществлять только король). Данное явление получило название импичмента. Несмотря на достаточно долгий промежуток времени, институт отрешения от должности главы государства не только не исчез, но надежно закрепился в конституциях многих государств мира как один из основных способов обеспечения реализации широко известного механизма «сдержек и противовесов». «В странах англосаксонской правовой системы особая процедура привлечения к судебной ответственности главы государства (или иных высших должностных лиц) получила наименование "импичмент", и по аналогии этот термин применяется в практике других стран» [1, с. 225]. Российская Федерация, хотя и не использует термин «импичмент» в своем законодательстве, однако закрепляет возможность отрешения от должности главы государства в Конституции и подзаконных актах РФ. Следует отметить, что сам по себе институт президентства в России является совершенно новым. Его появление в 1991 году связано с процессом суверенизации республик, входивших в состав Советского Союза. Институт конституционно-правовой ответственности главы государства в РФ, или в частности, институт импичмента возник не сразу. Его появление было ознаменовано вступлением в силу 12 декабря 1993 года Конституции РФ. Под данный институт даже была отведена отдельная статья – 93, достаточно детально регламентирующая особенности и процесс проведения импичмента: «Президент Российской Федерации может быть отрешен от должности Советом Федерации только на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, подтвержденного заключением Верховного Суда Российской Федерации о наличии в действиях Президента Российской Федерации признаков преступления и заключением Конституционного Суда Российской Федерации о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения» [ст. 93, п.1]. Следует отметить, что в Основном законе Российской Федерации на законодательном уровне не используется термин «импичмент», а данное понятие представлено определением «отрешение от должности».

Так, основанием для отрешения Президента от должности может являться исключительно предусмотренный современным Уголовным Кодексом РФ состав преступления. Процедура отрешения от должности Президента РФ начинается с предложения о выдвижении обвинения по инициативе Государственной Думы в составе 1/3 от общего числа депутатов с обязательной аргументацией своих мотивов. Создается специальная комиссия, рассматривающая каждый пункт обвинения (если таковых

несколько). Государственная Дума принимает решение 2/3 голосов, которое впоследствии передается на рассмотрение в Совет Федерации. Совет Федерации решает вопрос с учетом решения Государственной Думы и заключения Верховного Суда РФ. «По Регламенту ... на заседание Совета Федерации приглашается Президент, ему или его представителю может быть предоставлено слово по их желанию» [2, с. 387]. В соответствии со ст. 93 ч.3 решение Совета Федерации должно быть принято двумя третями голосов от общего числа в каждой из палат Парламента.

В истории современной России попытки применения импичмента принимались три раза в отношении одного человека – Б.Н. Ельцина, но, ни одна из них не была доведена до конца.

Одной из наиболее схожих процедур отрешения Президента от должности мы можем наблюдать в США. Близость мер объясняется, прежде всего, федеративным устройством сравниваемых государств. «Так, в США согласно разделу 4 ст. II Конституции США отрешение от должности президента, вице-президента и всех федеральных гражданских должностных лиц производится в случае совершения ими государственной измены, взяточничества и других тяжких и менее тяжких преступлений и осуждения в порядке импичмента» [3, с. 24]. Таким образом, перечень оснований, позволяющих привлечь Президента США к ответственности немного шире, чем список оснований, закрепленных в Конституции РФ.

Эффективное функционирование власти при ее распределении на законодательную, исполнительную и судебную возможно только при наличии четко отлаженного механизма сдержек и противовесов; то есть, когда одна ветвь власти контролируется другой и, наоборот. Одним из таких механизмов контроля законодательной власти над исполнительной и судебной - процедура импичмента. В США импичмент - особая, построенная по судебному образцу процедура привлечения к ответственности Конгрессом США высших государственных должностных лиц, совершивших правонарушения или проступки. Вторым специфическим признаком импичмента является основание его применения. В статье II раздела 4 Конституция США среди таких оснований, как уже было отмечено, называет государственную измену, взяточничество, "важные преступления и мисдиминоры". Из этого перечня деяний Конституции определяются признаки только государственной измены. В американской Конституции сужен перечень деяний, которые образуют данное преступление, исключена возможность привлечения за намерение (как средство расправы с политическими противниками). Конгресс не может в законодательном порядке расширить или сузить перечень деяний, которые рассматриваются как государственная измена. Другим основанием импичмента является взяточничество, понятие

которого достаточно однозначно, признаки его состава содержатся в нормах как уставного, так и общего права. Сложнее с интерпретацией применяемого в Конституции понятия "другие важные преступления и мисдиминоры". К ним можно отнести и аморальность главы государства. Третьей специфической чертой импичмента является сама процедура, особенность которой заключается в том, что роль обвинителя выполняет Палата представителей, а суд - Сенат. Участие судебной власти проявляется только в том, что на заседании Сената председательствует Председатель Верховного Суда. Четвертым специфическим признаком импичмента в США являются последствия процедуры. В том случае, когда процедура импичмента будет доведена до конца и должностное лицо будет признано виновным, то в отношении него применяется единая мера наказания - отстранение от должности, которую лицо занимает, и лишение права занимать какую-либо почетную, официальную или приносящую прибыль, должность на службе Соединенным Штатам. Это означает практически любую должность в федеральном государственном аппарате. Порядок реализации импичмента также регламентирован статьями Конституции США. Согласно статье 1 раздела 3 Конституции : «Только Сенат имеет исключительное право рассматривать все дела в порядке импичмента». Обвинение инициируется Палатой представителей Конгресса США. После обсуждения Сенат выносит итоговое решение по результатам абсолютного числа голосов - 2/3 от общего числа сенаторов. За всю свою историю попытки реализации процедуры импичмента в США реализовывались четыре раза. Первая попытка была предпринята в адрес Эндрю Джонсона в 1868. Причиной послужило дело о незаконной отставке военного министра. Вторая попытка - была предпринята в отношении президента Ричарда Никсона в 1974 году, однако он успел уйти в отставку до вынесения решения Сенатом. Третья попытка – в отношении Р.Рейгана, и четвертая попытка в отношении Билла Клинтона в 1998—1999 по причине лжесвидетельства при отправлении правосудия. Оба случая были оправданы Сенатом, не набравшим 2/3 голосов.

После ознакомления со структурой и особенностями отрешения Президента РФ от должности и импичмента в отношении Президента США хотелось бы отметить основные различия между двумя вышеуказанными процедурами и определить положительные и отрицательные особенности обеих систем реализации конституционного контроля над властью главы государства. Прежде всего, следует обратить внимание на перечень оснований, позволяющих привлечь президента к ответственности. Конституция РФ 1993 года в этом плане достаточно лаконична и говорит о том, что в данный перечень входит ограниченный круг правонарушений – а именно, лишь тяжкие преступления, где особый акцент делается на государственную измену. Конституция США по данному вопросу закрепила более широкий перечень оснований, не устанавливая жестких границ и говоря о

некоторых «тяжких и менее тяжких преступлениях», позволяющих применить процедуру импичмента. Вторым отличием является законодательный подход к закреплению нормы о реализации института импичмента. В этом вопросе, на наш взгляд, Конституция РФ сделала шаг вперед, отведя для регламентации столь важного вопроса отдельную статью в Конституции РФ, которая полноценно закрепляет перечень оснований и особенности отрешения Президента от должности. В свою очередь, Конституция США специальной статьи не выделяла, ограничившись отдельными оговорками и положениями, разбросанными на несколько частей Основного Закона.

Заключительной, но не менее важной особенностью является применение данного института на практике. Ознакомившись с процедурой, можно сделать вывод, что порядок реализации импичмента в США несколько более рационален, чем в РФ. Это объясняется тем, что в Соединенных Штатах процедура импичмента реализуется в два основных этапа (в свою очередь, в РФ таких этапов пять), что уменьшает громоздкость и трудоемкость процесса и в некоторой степени приближает процедуру импичмента к реальной возможности ее осуществления на практике. Подводя итог, хотелось бы отметить, что в каждом способе реализации контроля над властью президента (будь то США или РФ) можно выделить как положительные, так и отрицательные черты. Но, несмотря на это, невозможно однозначно сказать, какой, все-таки механизм более совершенен. Ведь не стоит забывать, что ни в РФ, ни в США по результатам на сегодняшний день не было осуществлено ни одной «удачной», законченной процедуры импичмента. И, к сожалению, как это может показаться на первый взгляд, дело вовсе не в безукоризненном исполнении президентами своих полномочий в рамках буквы закона. Подобная практика говорит о том, что в вопросе конституционно-правовой ответственности главы государства существует еще множество пробелов, которые необходимо разрешить законодательным путем. На пути совершенствования института импичмента в РФ, хотелось бы выдвинуть предложения, которые, на наш взгляд, обеспечат эффективность законодательной процедуры данного института. Как уже отмечалось, процедура отрешения президента от должности в РФ достаточно громоздка и предусматривает порядка пяти стадий, что на практике практически не позволяет довести начатое до конца. Поэтому было бы целесообразно обратить внимание на опыт Соединенных Штатов и сократить этот процесс до двух стадий: выдвижение Государственной Думой обвинения в отношении Президента для рассмотрения Советом Федераций; вынесение итогового решения Советом Федераций (2/3 голосов).

Таким образом, институт импичмента Президента Российской Федерации и Президента США имеет много общего, это проявляется в установленном порядке проведения устранения президента с поста в порядке импичмента, недостаточном

урегулировании этого института, особенно в РФ, в США не достижения результатов возбужденной процедуры импичмента. Различия названного института в данных странах обнаруживаются в самой процедуре импичмента, поскольку в РФ более усложненная процедура отстранения от власти Президента.

Список литературы:

1. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ.ред. чл.-корр. РАН, проф. М. В. Баглая, д. ю. н., проф. Ю. И. Лейбо и д. ю. н., проф. Л. М. Энтина. — М.: Норма, 2004. — 832 с.
2. Авакьян С. А.. Конституционное право России. Учебный курс : учеб.пособие : в 2 т. Т.2. / С. А. Авакьян. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма: ИНФРА-М, 2014. 912с.
3. А. Алебастрова, А. Ш. Будагова. Конституционное (государственное) право зарубежных стран, 2013. – 295 с.
4. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (с изм., внесенными Указами Президента РФ от 09.01.1996 №20, от 10.02.1996 №173, от 09.06.2001 №679, от 25.07.2003 №841, Федеральным конституционным законом от 25.03.2004 №1-ФКЗ).
5. Конституция США : Интернет – ресурс – Режим доступа: http://cccp.name/konstitutsiya_ssha_1787.htm/ Дата обращения: 15.02.2017

УДК 342.534.2

Говоркова Д. А.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПАРЛАМЕНТАРИЯ В РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Конституционно-правовая ответственность, как известно, является важнейшим институтом конституционного и муниципального права. Любая юридическая ответственность проявляется в неблагоприятных последствиях, применяемых к субъекту. Актуальность исследования обусловлена тем, что конституционно-правовая ответственность впервые появилась не в правовых актах, а в научных исследованиях, причём по сравнению с другими видами юридической ответственности относительно недавно.

В литературе, посвящённой конституционно-правовой ответственности, нашло отражение многообразие существующих позиций по поводу юридической

ответственности. Однако можно констатировать, что в отечественной правовой литературе — при всех разногласиях — мнения сходятся в том, что невозможно отрицать как саму необходимость такой ответственности, так и существование целого комплекса мер конституционно-правовой ответственности в российском законодательстве.

Субъектами конституционной ответственности парламентариев выступают должностные лица: в Российской Федерации это депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации Федерального Собрания РФ, а также депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и депутаты представительных органов местного самоуправления.

В акте толкования закона Конституционного Суда Российской Федерации содержится указание на то, что особый порядок привлечения парламентариев к различным видам ответственности не является личными привилегиями, а направлен на обеспечение независимости парламентариев как избранных народа, работающих на постоянной профессиональной основе[1]. Несмотря на это, следует выяснить, не является ли особая процедура привлечения к ответственности и повышенные гарантии парламентариев нарушением конституционного принципа равенства всех перед законом и судом.

Парламентарий не несёт ответственности за действия и высказывания, непосредственно связанные с его парламентской деятельностью как в период осуществления депутатских полномочий, так и после истечения их срока. Предполагается, что депутат высказывается на пленарных заседаниях, в органах парламента и вне его стен, но в связи с депутатской деятельностью в соответствии со своим свободным волеизъявлением, что он голосует, руководствуясь своим внутренним убеждением, и за это он не должен нести ни уголовной, ни какой-либо иной ответственности.

Так, например, в Бразилии с момента выдачи удостоверения члены Национального конгресса не могут быть арестованы, за исключением случаев задержания на месте преступления, за совершение которого невозможно освобождение под поручительство, не могут быть преследуемыми в уголовном порядке без предварительного разрешения Палаты, членами которых они являются. В этом случае в течение 24 часов дело будет передано в соответствующую палату, чтобы она большинством своих членов решила вопрос об аресте[2].

В Казахстане депутат парламента (наименование депутат применяется к членам обеих палат парламента) в течение срока своих полномочий не может быть

арестован, подвергнут приводу, мерам административного наказания, налагаемым в судебном порядке, привлечён к уголовной ответственности без согласия соответствующей палаты, кроме случаев задержания на месте преступления или совершения тяжких преступлений[3].

Что же касается правовых основ ответственности парламентариев в Российской Федерации, то они установлены Конституцией РФ, Федеральным Законом от 8 мая 1994 г. «О статусе члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ», в других законах и подзаконных актах, в регламентах палат. Парламентарии в течение всего срока полномочий обладают иммунитетом. Это означает, что они не могут быть: привлечены к уголовной или к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке; задержаны, арестованы, подвергнуты обыску (кроме случаев задержания на месте преступления) или допросу; подвергнуты личному досмотру. Неприкосновенность парламентария распространяется на занимаемые им жилые и служебные помещения, используемые им личные и служебные транспортные средства, средства связи, принадлежащие ему документы и багаж, на их переписку[4]. Наличие проблемы определения ответственности парламентария обуславливается отсутствием, как научной концепции парламентской ответственности парламентария, так и ее законодательного регулирования[9].

Парламентарий вправе отказаться от дачи свидетельских показаний по гражданскому или уголовному делу об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с осуществлением своих полномочий. Вопрос о лишении неприкосновенности решается соответствующей палатой по представлению Генерального прокурора РФ[5].

Конституционный Суд РФ в постановлении от 20 февраля 1996 года №5-П признал, что неприкосновенность (парламентский иммунитет), закреплённая в ст. 98 Конституции РФ, является одним из основных элементов статуса парламентария, важнейшей правовой гарантией его деятельности. Она не является личной привилегией, а имеет публично-правовой характер, призвана служить публичным интересам, обеспечивая повышенную охрану законом личности парламентария в силу осуществляемых им государственных функций, ограждая его от необоснованных преследований, способствуя беспрепятственной деятельности парламентария и тем самым – парламента, их самостоятельности и независимости[6].

После окончания дознания, предварительного следствия или производства по делу об административном правонарушении, предусматривающем административную ответственность, налагаемую в судебном порядке, дело не может быть передано в суд без согласия Государственной Думы Российской Федерации[4].

ФЗ предусматривает особую парламентскую ответственность за несоблюдение этических норм членом Совета Федерации, депутатом Государственной Думы, которые налагаются соответствующей палатой. В числе санкций по этическим нормам к депутату Государственной Думы применяется лишения выступления на срок до одного месяца[8].

На наш взгляд, статус депутата предполагает соблюдение ряда обязанностей. В силу правовой природы депутат является представителем народа и, как справедливо отмечается, деятельность парламентария обусловлена наличием социальной необходимости инициативного выполнения долга, всей суммы лежащих на нём обязанностей: политических, моральных, правовых[7]. При этом гарантии депутатской неприкосновенности можно было бы уменьшить, оставив только те из них, которые действительно способствуют усилению независимости парламентария и не могут привести к злоупотреблению правом с его стороны.

Список литературы:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.2012 N 34-П "По делу о проверке конституционности положений пункта "в" части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона "О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы"[Электронный ресурс] - <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=139990&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.38460113911034255#0>
2. Конституция Федеративной Республики Бразилия[Электронный ресурс] - <http://www.russobras.com/constitution.php>
3. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] - <http://www.constitution.kz/>
4. Федеральный закон от 08. 05. 1994 №3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ»
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. N 5-П "По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года "О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации"

- [Электронный ресурс] -
<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1205552/#ixzz4bfDmkt00>
7. Малько А. В., Маркунин Р. С. Ответственность и наказание депутатов в современной России // Современное право. – 2013. - №2. – С. 41 - 44
 8. Фомичева, О. А. К вопросу об институте парламентской ответственности / О. А. Фомичева // Вестник Омского университета. Серия Право. – 2014. - №4(41) . с. 94 – 99
 9. Адельсеітова А.Б. Порівняльно-правовий аналіз деяких питань відповідальності парламентаріїв України та республіки Білорусь / Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки, 25 (64) (2012), 2, С.15

УДК 340.131.5 (470+571):340.5

Феттаева С.Ф.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» Юридический факультет

МОДЕЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И В РФ

В современном демократическом государстве важную роль играет орган конституционного контроля, так как именно в его компетенции проверка соответствия конституции, нормативных актов, а также действий государственных органов, должностных лиц и иных субъектов конституционных правоотношений. Наличие развитой системы конституционной юстиции один из признаков передового демократического государства. Защита основополагающих устоев государства, которые закреплены в его Конституции является одной из самых важных и актуальных задач на сегодняшний день.

Рассматривая вопрос об органе конституционного контроля, прежде всего, необходимо отметить, что его природа в полной мере зависит от той или иной модели. Так, на сегодняшний день существуют две основные модели: американская и европейская. Ряд ученых – юристов выделяют также исламскую, социалистическую и смешанную. Тем не менее, дихотомическое деление является наиболее приемлемым и признанным в мире.

Американская модель конституционного контроля существует в более 40 странах мира. Для данной модели характерно осуществление правосудия судами общей юрисдикции, как например, в США или исключительно Верховным судом,

такая практика применяется в Австралии, Индии[4,с.165]. Американской модели свойственны следующие основные черты: во-первых – это всеобъемлющий характер контроля, так как включает помимо нормативно-правовых актов также действия субъектов конституционно-правовых отношений. Во-вторых, характеризуется децентрализацией, то есть осуществление контроля любым судом, именно поэтому американскую модель очень часто называют децентрализованной. Хотя на наш взгляд, это не совсем правильно, так как в странах с американской моделью, но осуществляющим конституционный контроль исключительно Верховным судом или высшими органами государственной власти (Япония, Бразилия, Индия) такое название не приемлемо. В этих странах, напротив централизованная система. В-третьих, свойственно ограничение круга субъектов, на которых распространяются решения органов контроля, так как они являются обязательными только для участников процесса. Причем особенностью конституционного контроля в странах с федеративной системой является то, что в каждом штате существует своя система судов, которые вправе осуществлять такой контроль.

Кроме вышеперечисленных особенностей американской модели можно отметить, что для данной системы характерно осуществление последующего и конкретного контроля[4, с. 166]. То есть при рассмотрении конкретного дела любая из сторон может заявить о не соответствии Конституции закона. В таком случае процесс рассмотрения дела прерывается, на период пока будет решаться вопрос о конституционности закона. При этом закон в период его проверки, формально является действующим до его полной отмены.

В литературе часто можно встретить другое название американской модели – диффузной. Большинство ученых убеждены, что название «диффузная» модель в большей степени раскрывает ее сущность. Доказывая свою точку зрения, приводят следующие аргументы: во-первых, что данная модель получила свое широкое распространение не только в странах с англосаксонской правовой системой, но и в ряде других стран, например, Португалия; во-вторых, что рассмотрение конкретного дела осуществляется судами общей юрисдикции, а не единым органом как в европейской модели.

Европейская модель осуществления конституционного контроля или как ее еще называют – концентрированная модель получила широкое распространение лишь в первой половине прошлого столетия. Теоретически европейская модель была обоснована позитивистами, которые отождествляли право и закон. Развернутое обоснование, в рамках позитивистского правопонимания, дал немецкий ученый

Кельзен. В своем учение о праве, он исходил из того, что право является нормативным порядком, системой норм, которые регулируют определенные общественные отношения. При этом нормы имеют определенную иерархическую структуру: выше- и нижестоящие. Для того чтоб обеспечить данный порядок, а главное добиться подчинения нижестоящих норм вышестоящим, необходим специальный институт контроля, в компетенцию которого будет входить – признание норм соответствующими основному закону, нормы которого имеют высшую юридическую силу.

Сущность данной модели сводится к тому, что конституционный контроль осуществляет специальный орган, например в РФ это Конституционный суд, в Испании – Конституционный трибунал, во Франции это квазисудебный орган – Конституционный совет. Главная особенность этой модели в том, что специализированный орган конституционного контроля является независимым и самостоятельным элементом судебной власти, то есть не входит в общую систему судебных органов. Решения данного органа являются, окончательны, а значит, не подлежат обжалованию.

По нашему мнению, еще одной особенностью является то, что данной модели характерны формы предварительного, абстрактного и обязательного контроля. Благодаря чему конституционный контроль приобретает комплексный, целостный и главное последовательный характер.

Что касается вопроса конституционной модели в нашей стране, то для Российской Федерации характерна европейская модель. Проводя сравнительно-правовой анализ существования этой модели в РФ и других странах Европы, можно отметить, ее отличительный характер, прежде всего, от французской модели. Во Франции используется иной подход, здесь конституционный контроль осуществляется внесудебным органом. В частности, правовые акты на предмет соответствия Конституции проверяются различными органами. Законы – Конституционным судом, а акты органов исполнительной власти – Государственным советом. При этом данные структуры именуется не судами, а квазисудебными органами[4, с.208]. Прежде всего, это связано с тем, что решения принимаются на закрытом собрании в письменной форме. Не смотря на различия во французской и российской моделях, в рамках общей европейской, выделяются и некоторые общие черты. Например, для обеих моделей характерно осуществление преимущественно предварительного контроля.

Большинство теоретиков, склонны к мнению, что российская модель имеет много общего с немецкой и австрийской моделью. Так, к примеру, по мнению Н.А.Вересова в ФРГ конституционный контроль осуществляет Федеральный конституционный суд[2]. В компетенцию которого, также как и в РФ – Конституционному суду принадлежит право участия в процедуре отрешения высшего должностного лица от должности, участие в решении международно-правовых споров. Что же касается различий, то к ним можно отнести следующее: в ФРГ – рассмотрение конституционной жалобы на нарушение прав и свобод, может носить как конкретный, так и абстрактный характер, то есть вне конкретного дела. Также сам предмет конституционной жалобы не ограничивается лишь законами, а охватывает иные акты, принятые органами государственной власти, судебные решения и административные акты. Следовательно, в Германии меньшее количество ограничений, связанных с подачей конституционной жалобы по сравнению с РФ.

Кроме вышеперечисленного, можно отметить, что статья 93 Основного закона Германии закрепляет полномочия Федерального конституционного суда, которые отсутствуют у Конституционного суда России[5]. Так, Федеральный конституционный суд вправе признать партии и общественные объединения антиконституционными, принимать решения по обвинениям против судей федеральных судов и судов земель, принимать решения о действительности и утраты членства депутатов Бундестага[5].

В Российской Федерации Конституционный суд, во-первых, обращается к Федеральному собранию с посланиями о состоянии конституционной законности, во-вторых, имеет право законодательной инициативы по вопросам своего ведения, в-третьих, право по запросу Президента проверять до назначения референдума РФ соответствие Конституции РФ инициативы проведения референдума[3]. В большинстве своем, компетенция, порядок формирования и деятельность специализированного органа в этих странах совпадает, что обусловлено, тем фактом, что Россия при разработке механизма конституционного контроля учитывала во многом европейский опыт, и переняла многие особенности, прежде всего, немецкой конституционной юстиции[1, с.82]

Для более детального изучения особенностей конституционного контроля в РФ и в зарубежных странах, представлена таблица.

Российская модель	Континентальная модель	Американская модель
--------------------------	-------------------------------	----------------------------

1. Осуществляется Конституционным судом	1. Осуществляется специальными органами	1. Осуществляется всеми судами
2. Решения КС РФ не подлежат обжалованию	2. Решения не подлежат обжалованию	2. Решения, принятые судами общей юрисдикции могут быть обжалованы Верховным судом
3. Характерная централизация	3. Характерная централизация	3. Характерная децентрализация
4. Характерны формы предварительного, абстрактного и обязательного контроля	4. Характерны формы предварительного, абстрактного и обязательного контроля.	4. Осуществление последующего и конкретного контроля
5. Конституционный суд РФ является автономным и независимым и не входит в систему общих судов.	5. Специализированный орган не входящий в общую систему судебных органов.	5. Суды, осуществляющие конституционный контроль входят в общую систему судов общей юрисдикции

Подводя итог, можно отметить, что институт конституционного контроля играет важнейшую основополагающую роль в обеспечении верховенства Конституции. Проведение сравнительно-правового анализа механизма осуществления конституционного контроля в рамках существующих моделей: американской и европейской, имеет первостепенное значение для совершенствования конституционного правосудия. Значительный интерес представляет анализ и изучение европейской модели, так как выявление особенностей, схожих и отличительных черт позволяет определить перспективы развития конституционной юстиции в России. Вместе с тем, развитие конституционной юстиции играет не малую роль в становлении гражданского общества, так как конституционные органы признаны, непосредственно защищать права и свободы человека и гражданина. Кроме этого, стабильное

функционирование органов конституционной юстиции является одним из основных признаков современного высокоразвитого правового государства.

Список литературы:

- 1.Блохин П. Д. Защита основных прав средствами конституционного правосудия в Германии // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. №3. С. 81–105
2. Вересова Н.А. Нормотворческая функция Федерального Конституционного суда ФРГ и Конституционного суда РФ(сравнительно-правовой анализ).URL: <http://lawtheses.com/normotvorcheskaya-funktsiya-federalnogo-konstitutsionnogo-suda-federativnoy-respubliki-germanii-i-konstitutsionnogo-suda-#ixzz4Z2wI9Rj3> . Дата обращения:18.02.2017
- 3.Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // "Российская газета" от 25 декабря 1993 г. № 237
- 4.Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. член-корр. РАН, проф. М.В. Баглая, д. ю. н., проф. Ю.И. Лейбо, д. ю. н., проф. Л.М. Энтина. — М.: Изд-во «Норма», 2000.
5. Основной закон Федеративной Республики Германии // Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты. Пер. с нем. / Под ред. Ю.П. Урьяса. — М.: Прогресс, 1991. — Приводится по: Конституции государств Европейского Союза / Под общей редакцией Л.А. Окунькова. —М.: Издательская группа ИНФРА-М—НОРМА, 1997. — С. 181—234.
6. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) "О Конституционном Суде Российской Федерации"

УДК 342.53:34.01

Щуковский А.В.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ЗНАЧЕНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ В СТАНОВЛЕНИИ СИЛЬНОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

На современном этапе развития отечественного государства создание эффективных механизмов парламентского контроля – одна из важнейших задач, без решения которой построение правового государства просто невыполнимо. Парламентский контроль в организации государственной деятельности обеспечивает последовательность в реализации законов, защиту прав и свобод человека и гражданина, укрепление законности и правопорядка в публичных сферах, эффективность государственного управления.

По мнению Е. В. Ковряковой «парламентский контроль – это система норм, регулирующая установленный порядок проведения, наблюдения и проверки в основном деятельности органов исполнительной власти, который осуществляется как парламентским большинством и оппозицией, так и вспомогательными органами высшего законодательного органа и направлен на оценку этой деятельности с возможным применением санкций (вотума недоверия, резолюции порицания, импичмента и т.п.)»[1].

Объектом парламентского контроля является деятельность органов исполнительной власти и ее должностных лиц. Цель парламентского контроля – выявление неправомерности или неэффективности деятельности правительства.

Е. В. Коврякова отмечает: «парламентский контроль присущ как государствам, чей высокий уровень обеспечения прав человека, эффективности государственного управления и экономического развития признан мировым сообществом, так и государствам, находящимся на пути реформ и развития политической системы. Объектом парламентского контроля чаще всего выступает исполнительная власть, но контроль этот может в отдельных случаях распространяться на главу государства, судебную власть, местное самоуправление, вооруженные силы»[1].

Институт парламентского контроля является динамично развивающимся элементом государственно- правовой системы Российской Федерации . Недавно принятым Федеральным законом от 07.05.2013 №77-ФЗ «О парламентском контроле » впервые комплексно определены основы парламентского контроля в Российской Федерации, устанавливаются отдельные формы парламентского контроля, а также регулируются вопросы планирования и осуществления мероприятий парламентского контроля.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 07.05.2013 №77-ФЗ «О парламентском контроле» основными целями парламентского контроля являются: обеспечение соблюдения Конституции Российской Федерации, исполнение федеральных конституционных законов, федеральных законов; защита гарантированных прав и свобод человека и гражданина; укрепления законности и правопорядка; выявление ключевых проблем в деятельности государственных органов РФ [2].

Исходя из основных задач современного парламента, можно сделать вывод, что формы парламентского контроля, как способы его существования и выражения,

носят информативный (консультативный), санкционирующий (резолютивный или решающий) и бюджетно-финансовый характеры.

Санкционирующий и решающий контроль, состоящий в выработке парламентом определенной позиции по тому или иному вопросу или принятии на основе полученной информации решения вопросов войны и мира, ратификации международных договоров, принятия резолюции по предложениям, исходящим от институтов Европейского Союза. Однако, утверждение парламентом бюджета и контроль за его исполнением не является частью информативного или санкционирующего контроля, а представляют собой отдельную форму парламентского контроля – бюджетно-финансовый контроль.

По процедуре осуществления различают гласный (на открытых заседаниях парламентских комиссий) и негласный (когда расследование проходит в закрытом режиме) контроль. Существует также юридический и политический контроль. Основанием для проведения юридического контроля может служить правонарушение, совершенное должностным лицом, а для проведения политического контроля – политика, проводимая исполнительной властью.

К важнейшим задачам любого государства относится контроль над исполнением бюджета и государственными финансами. Такой контроль в нашей стране осуществляет Счетная Палата, деятельность которой является одной из форм парламентского контроля. Счетная Палата создается Государственной Думой, состав и порядок работы палаты определяет ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» от 11 января 1995 года [3].

А. С. Автономов утверждает, «осуществление контрольных прав парламента субъекта РФ, касающихся деятельности государственных органов и должностных лиц (за исключением права отправить в отставку должностное лицо), может лишь обратить общественное внимание на недостатки в их работе, но осуществление этих прав не обеспечит юридическую возможность парламента заставить эти государственные органы и должностные лица действовать законосообразно и проводить ту политику, которую представительный орган считает целесообразной»[4].

Решение задачи эффективности парламентского контроля на региональном уровне должно предопределить место законодательной власти субъекта РФ в системе государственных органов и дать толчок в развитии парламентаризма, являющегося обязательным противовесом авторитаризму в условиях становления демократических институтов российского общества.

Парламентский контроль играет очень важную роль в повышении эффективности работы исполнительной власти. Он – не оружие в руках законодательной власти, а шаг на пути повышения качества работы исполнительной власти, достижение ее ответственности перед населением государства.

Как говорит О. В. Яценко, «хочется верить, что усовершенствованию системы осуществления парламентского контроля будет уделено должное внимание и со стороны законодателя, а в ближайшем будущем в России появятся механизмы и институты эффективного парламентского контроля, главным показателем которого станет успешная работа исполнительной власти» [5].

Список литературы:

1. Коврякова Е.В. Парламентский контроль: зарубежный опыт и российская практика / Е.В. Коврякова. – М., 2015
2. Федеральный закон "О парламентском контроле" от 07.05.2013 N 77-ФЗ (последняя редакция)
3. Федеральный закон "О Счетной палате Российской Федерации" от 05.04.2013 N 41-ФЗ (последняя редакция)
4. Автономов А.С. Парламентский контроль / А.С. Автономов. – М., 2013
5. Яценко О.В. Парламентский контроль в России как фактор формирования правового государства и гражданского общества [Электронный ресурс] \ О.В. Яценко. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/parlamentskiy-kontrol-v-rossii-kak-faktor-formirovaniya-pravovogo-gosudarstva-i-grazhdanskogo-obschestva>

СЕКЦИЯ 5

Актуальные проблемы территориального развития: правовое регулирование деятельности органов местного самоуправления и управления в России и за рубежом

УДК 342.55(470+571):340.5

Киян М.Ш.

к.ю.н., доцент

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» Юридический факультет

ГАРАНТИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕПУТАТОВ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОРГАНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ: СРАВНИТЕЛЬНО – ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

С момента вхождения Крыма в состав Российской Федерации в условиях стремительной модернизации законодательства и правоприменительной практики возник ряд вопросов государственно – правового развития, среди которых актуален вопрос гарантий деятельности депутатов муниципального органа. В виду особой социально-политической важности задач, решаемых обществом посредством народных представительств, комплексный анализ правовых средств гарантий депутатской деятельности является одним из основных направлений теории и практики государственного строительства. В юридическо - правовой литературе на сегодняшний день имеются интересные исследования И.А. Алексеева[1], Л.А. Нудненко [2], И.П. Окулича [3] и других, посвященные данной теме. Но, к сожалению, комплексного анализа проблемы гарантий деятельности депутатов муниципального органа Российской Федерации в них нет. Законодательство Республики Крым не содержит целостной системы актов, регулирующих гарантии деятельности депутатов муниципального органа. Поэтому зарубежный опыт гарантии деятельности депутатов муниципального органа может быть достаточно полезным.

Европейская концепция местного самоуправления возникла во второй половине XIX в. Конституция Бельгии 1849 г. наряду с общинным управлением, с законодательной, исполнительной и судебной властями устанавливает власть

муниципальную. Термин «местное самоуправление» применяется не во всех странах мира. Например, в Великобритании, США используется термин «муниципальное» или «местное управление», во Франции - «территориальная децентрализация», в Италии, Испании - «местное управление». Важнейшим документом, устанавливающим принципы функционирования органов местного самоуправления, является Европейская хартия местного самоуправления ETS № 122, принятая в Страсбурге 15 октября 1985 г., определяющая под местным самоуправлением «право и способность органов по регламентации и управлению значительной части публичных дел... в интересах местного населения» [4].

Гарантии деятельности депутатов муниципального органа детально разработаны в англосаксонской и романо-германской правовой системах. Депутату муниципального образования в Англии гарантировано право нанимать до трех помощников, финансируемых за счет государства; ему оплачиваются почтовые, канцелярские, транспортные расходы. В США конгрессмену гарантируется два помощника: один в избирательном округе, другой в столице; 18 помощников, если он возглавляет комитет. Основными привилегиями депутатов являются иммунитет и индемнитет (парламентская неприкосновенность и неответственность за высказанное мнение и поведение в процессе осуществления обязанностей). Показательным моментом законодательств ряда стран и Российской Федерации представляется ограниченный характер иммунитета и индемнитета. Так, Великобритании иммунитет действует только 40 дней до, на время сессии, 40 дней после сессии; в США – по пути на работу в парламент и из него, на период работы сессии. Конституция США запрещает привлекать к допросу депутатов за выступления и участие в дебатах [5, с.362]. В Великобритании Правила парламентской процедуры содержат нормы, предусматривающие наказание за некорректное прерывание выступлений политических оппонентов, оскорбительные выступления: удаление депутата из зала до конца дня, объявление предупреждения или порицания, приостановление действия депутатского мандата, штраф, тюремное заключение.

В Российской Федерации депутат муниципального органа - выборное должностное лицо, совершающее при выполнении своих профессиональных обязанностей определенные действия, которые не всегда позитивны в глазах электората и не всегда имеют положительные последствия. Депутатам необходимо законодательное гарантирование условий, которые минимизировали бы негативные последствия их профессиональной деятельности, то есть нужен Закон,

устанавливающий гарантии осуществления полномочий депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления. Практика большинства зарубежных стран свидетельствует о вероятности случаев неправомерного преследования депутата за его выступления против незаконных действий должностных лиц, проявления коррупции. Для защиты депутата от таких неправомерных действий со стороны государственных органов целесообразно не ограничиваться расширением круга депутатских гарантий неприкосновенности, но разработать и внедрить механизм неизбежного привлечения к ответственности лиц, организовавших незаконное преследование депутата. Для дальнейшей оптимизации деятельности депутатов муниципального органа важно не только совершенствование системы гарантий, но и создание механизма их реализации.

Список литературы:

- 1.Алексеев И.А. Муниципально-правовая ответственность депутатов представительных органов местного самоуправления (на примере субъектов Российской Федерации, входящих в состав Южного федерального округа) / И. А. Алексеев // Государственная власть и местное самоуправление. – Пятигорск: Вестник ПГЛУ, 2005. – №1.
2. Нудненко Л.А. Конституционно-правовой статус депутата законодательного органа государственной власти в Российской Федерации. Монография/Л.А. Нудненко. – СПб: Юридический центр-Пресс, 2004. – 610 с.
- 3.Окулич И.П. Актуальные проблемы юридической регламентации этических норм депутатской деятельности / И.П. Окулич // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 3.
4. Европейская хартия местного самоуправления ETS N 122 (Страсбург, 15 октября 1985 г.). [Электронный ресурс]. Система ГАРАНТ:<http://base.garant.ru/2540485/>
5. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран:учеб.пособие/сост. В.Н.Садиков. – 2-е изд., перераб. И доп. – М.:ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 768 с.

Мокрушин В.И. к.ю.н., доцент

Костылев В.В. к.полит.н., доцент,

Савчук А.

Крымский филиал ФГБОУВО

Российский государственный университет правосудия

ФОРМИРОВАНИЕ АППАРАТА МИРОВОГО СУДЬИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

После вхождения Крыма в состав России в 2014 году на полуострове началось формирование судебной системы в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации (далее – РФ). Были созданы Верховный Суд Республики Крым (далее – РК), Арбитражный суд РК, Крымский гарнизонный военный суд, районные и городские суды [1], уточнены, в частности, особенности порядка отбора кандидатов и наделения их полномочиями судей федеральных судов в первоначальные составы федеральных судов, создаваемых в РК [2], определены число мировых судей [3], их должности и соответствующие судебные участки [4].

Согласно, федеральному закону [5] работу мировых судей обеспечивает аппарат, структура и штатное расписание которого устанавливаются законом субъекта РФ. Таким нормативным актом РК [6] определено, что предельная численность аппаратов мировых судей утверждается Советом министров РК, структура и штатное расписание аппаратов утверждаются специально уполномоченным органом исполнительной власти РК, (Министерство юстиции РК), обеспечивающим деятельность мировых судей, по согласованию с Управлением Судебного департамента в РК. Деятельность аппарата детализирована и конкретизирована в нормах Положения об аппарате мирового судьи, утверждённого приказом Министерства юстиции РК от 25.04.2016 г. № 26 и согласованного с Управлением Судебного департамента в РК [7].

Общее руководство деятельностью аппарата осуществляет Министр юстиции РК, а непосредственное руководство деятельностью аппарата осуществляет мировой судья [7, п. п. 5.1, 5.2], то есть работники аппарата по вопросам, связанным с обеспечением работы мирового судьи по осуществлению им правосудия, подчиняются непосредственно мировому судье, а по вопросам государственной гражданской службы и административно-хозяйственным вопросам – Министру

юстиции Крыма. Необходимо отметить, что назначение на должность работников аппарата мирового судьи и освобождение их от такой должности, осуществляется Министром юстиции РК и оформляется соответствующим приказом [7, п. 4.2].

Мировой судья лишь оценивает результативность работы аппарата и вносит на рассмотрение Министру юстиции предложения о поощрении или привлечении к дисциплинарной ответственности работников. При этом, Положением не предусмотрено ни предварительное рассмотрение мировым судьей кандидатур на замещение вакантных должностей работников аппарата, ни согласование таких кандидатов.

Таким образом, судья отстранен от процедуры назначения работников своего аппарата, что может свидетельствовать либо о централизации власти в субъекте федерации, либо о недоверии институту мировых судов, либо о создании ситуации взаимозависимости судебной и исполнительной власти, причем, в данном случае, в пользу последней. Во всяком случае, такой подход никак не свидетельствует о стремлении предоставить судебной власти самостоятельность, что в итоге, на наш взгляд, приведет к неэффективному управлению системой мировой юстиции.

Следует обратить внимание, что в субъектах Российской Федерации сложилась разная практика назначения и освобождения от должности работников аппарата мирового судьи. В одних субъектах такими полномочиями наделили мирового судью, в других – органы исполнительной власти субъекта федерации без какого-либо участия мировых судей.

Так, ст. 12 Закона г. Севастополя от 25.07.2014 № 50-ЗС «О мировых судьях города Севастополя» гласит, что структура аппарата мирового судьи определяется Губернатором города Севастополя и формируется Правительством Севастополя» [8]. Аналогичный подход сложится в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» [9, ст.10], где работники аппарата суда назначаются и освобождаются от должности руководителем уполномоченного органа исполнительной власти Ханты-Мансийского АО – Югры – его губернатором.

В Республике Коми законодательный орган использовал иной метод. Там работники аппарата мирового судьи назначаются на должность и освобождаются от должности органом исполнительной власти Республики Коми, уполномоченным Правительством Республики Коми, по представлению мирового судьи [10, ст.13.]. Таким органом является Управление Республики Коми по организационному обеспечению деятельности мировых судей [11].

Наиболее правильным представляется подход законодателя Ивановской области. В Законе «О порядке установления структуры и штатного расписания аппарата мирового судьи, финансирования и материально-технического обеспечения деятельности мировых судей Ивановской области», ныне утратившим законную силу, определено, что работники аппарата мирового судьи принимаются на работу и увольняются приказами мирового судьи с соблюдением требований действующего федерального и областного законодательства о государственной службе [12, ст. 2].

Этот пример заслуживает пристального изучения, поскольку качественное отправление правосудия зависит не только от уровня квалификации мирового судьи, но и от слаженной работы работников аппарата, что основывается, прежде всего, на доверии и взаимопонимании. При этом в коллективах иногда возникают и конфликтные ситуации, что, зачастую, сказывается и на результатах работы учреждения.

Разрешение таких конфликтных ситуаций будет более сложным в том случае, если мировой судья никак не задействован в процедуре назначения и освобождения от должности работников своего аппарата.

Бесспорно, можно опираться на опыт наших зарубежных соседей. Например, п. 3 ст.157 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей» [13] предусмотрено право судьи самостоятельно осуществлять себе выбор помощника. Это право было закреплено и прежними редакциями закона. Соответствующая практика сложилась у крымских судей, которые работали до воссоединения Крыма с Россией в 2014 г.

Таким образом, при отсутствии единообразного подхода к формированию аппарата мирового судьи на территории России, в отдельных ее субъектах именно судья наделен правом выбора своих помощника и секретаря.

Учитывая это, представляется важным использовать этот опыт в Крыму и законодательно закрепить участие непосредственно мирового судьи в разрешении вопроса о назначении и освобождении от должности работников своего аппарата.

Список литературы:

1. Федеральный закон "О создании судов Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (от 23.06.2014 N 154-ФЗ) // [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=164498&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.6189033032525983#0>.
2. Федеральный закон "О порядке отбора кандидатов в первоначальные составы федеральных судов, создаваемых на территориях Республики Крым и города

- федерального значения Севастополя" (от 23.06.2014 N 156-ФЗ) [Электронный ресурс]. – М.: Компания «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=164494&fld=>
3. Федеральный закон "О внесении изменения в статью 1 Федерального закона "Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации" (от 08.06.2015 N 149-ФЗ) // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – М.: Компания «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=180742&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.10278347251192055#0>.
4. Закон Республики Крым "О создании судебных участков и должностей мировых судей в Республике Крым" (от 30.10.2015 N 162-ЗРК/2015) (принят Государственным Советом Республики Крым 22.10.2015) // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – М.: Компания «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW509&n=11950&dst=100001#0>.
5. Федеральный закон "О мировых судьях в Российской Федерации" (от 17.12.1998 N 188-ФЗ (ред. от 05.04.2016)) // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – М.: Компания «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=196319&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.32609171582613117#0>.
6. Закон Республики Крым "О мировых судьях Республики Крым" (от 01.09.2014 N 61-ЗРК (ред. от 18.02.2016)) (принят Государственным Советом Республики Крым 08.08.2014) [Электронный ресурс]. – М.: Компания «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW509&n=15326&rnd=245023.2432023224&dst=100028&fld=134#0>.
7. Положение об аппарате мирового судьи утверждено приказом Министерства юстиции РК от 25.04.2016 г. № 26 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://must.rk.gov.ru/file/mirsud_RK.pdf
8. Закон города Севастополя "О мировых судьях города Севастополя" (от 25.07.2014 N 50-ЗС) (принят Законодательным Собранием г. Севастополя 22.07.2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW509;n=1031#0>.
9. Закон ХМАО – Югры "О порядке назначения и деятельности мировых судей в Ханты-Мансийском автономном округе - Югре" (от 04.03.2009 N 11-оз) (принят Думой Ханты-Мансийского автономного округа - Югры 20.02.2009) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW926&n=49565#0>.
10. Закон Республики Коми "О мировых судьях в Республике Коми" (от 08.06.2000 N 34-РЗ) (принят ГС РК 24.05.2000) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW096;n=7213#0>.
11. Постановление Правительства Республики Коми «Об управлении Республики Коми по организационному обеспечению деятельности мировых судей» от 06.10.2004 г. № 171 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon.scli.ru/ru/legal_texts/act_municipal_education/printable.php?d_id4=f9c4467e-1e11-4660-82c6-b4aea19087e8&do4=document&id4=ae824d8c-c776-48ff-9a22-6e5454fa2e4a
12. Закон Ивановской области «О порядке установления структуры и штатного расписания аппарата мирового судьи, финансирования и материально-технического обеспечения деятельности мировых судей Ивановской области» – утратил законную

силу // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iwn.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=7#content – утратил законную силу

13. Закон Украины «О судоустройстве и статусе судей» от 02.06.2016 г. № 1402-VIII // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1402-19/page>

УДК 349.3

Гулевич И.В.

Крымский филиал ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАН В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Согласно Конституции Российская Федерация является социальным государством[1]. Социальное государство призвано помогать слабым, стремиться влиять на распределение экономических благ в духе справедливости в целях обеспечения каждому достойного существования. Социальное государство в этой связи должно создавать условия для достойной жизни своих граждан, которые предусматривают их материальную обеспеченность на уровне современных стандартов развитого общества. Одним из способов создания условий для нормального жизнеобеспечения является социальная поддержка отдельных категорий граждан.

Федеральным законом от 22.08.2004 № 122-ФЗ льготы отдельным категориям граждан были заменены мерами социальной поддержки[2]. Финансовые обязательства по предоставлению льгот и мер социальной поддержки были разделены между Российской Федерацией и ее субъектами.

В ведении субъектов РФ, таким образом, в настоящее время находится регламентация мер социальной поддержки отдельных категорий граждан, определенных нормативно правовыми актами и региональными программами субъектов РФ, в частности ветеранов труда, ветеранов Великой Отечественной войны, лиц, пострадавших от политических репрессий.

В Республике Крым меры социальной поддержки регулируются Федеральным законом РФ № 421-ФЗ от 22 декабря 2014 года «Об особенностях

правового регулирования отношений, связанных с предоставлением мер социальной защиты (поддержки), а также выплат по обязательному социальному страхованию отдельным категориям граждан, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (Далее - Закон № 421-ФЗ)[3]. Этот закон устанавливает правовые основы мер социальной поддержки, которые являются расходными обязательствами Российской Федерации в соответствии с законодательством РФ, в частности для Героев Советского Союза и России, инвалидов и участников Великой Отечественной войны, ветеранов боевых действий и др.

В том случае, если для вышеуказанной категории лиц такие меры отсутствовали на день принятия в Российскую Федерацию Республики Крым в законодательстве РФ, или их величина превышала установленный в Российской Федерации уровень мер социальной поддержки, то они определяются Законом Республики Крым от 10 декабря 2014 года № 36-ЗРК/2014 «Об особенностях установления мер социальной защиты (поддержки) отдельным категориям граждан, проживающих на территории Республики Крым»[5]. Данный закон предусматривает дополнительные меры социальной поддержки категориям граждан, чьи социальные права интегрированы в систему социальной защиты Российской Федерации.

Кроме того, 17 декабря 2014 года Государственным Советом Республики Крым принят Закон Республики Крым № 35-ЗРК/2014 «О мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан и лиц, проживающих на территории Республики Крым» (Далее - Закон № 35-ЗРК/2014)[5]. Этот закон предусматривает меры социальной поддержки достаточно широкому кругу граждан, которым предоставлялись меры социальной поддержки, установленные законодательством, действовавшим в Республике Крым по состоянию на 21 февраля 2014 года, но социальные права которых не могут быть интегрированы в систему социальной защиты Российской Федерации, на которых, следовательно, не распространяются меры социальной поддержки, предусмотренные Законом № 421-ФЗ. Закон № 35-ЗРК/2014 устанавливает правовые основы мер социальной поддержки для ветеранов труда, ветеранов Великой Отечественной войны, лиц, пострадавших от политических репрессий, которые являются расходными обязательствами Республики Крым в соответствии с законодательством РФ. Помимо этого, согласно ст.2 Закона № 35-ЗРК/2014 к категориям граждан, получателей мер социальной поддержки относятся: «дети войны», граждане из числа лиц, которые во время

обороны города Севастополя с 30 октября 1941 года по 04 июля 1942 года проживали на его территории; лица, родившимся до 31 декабря 1932 года включительно и по уважительным причинам, не имевшим возможности подать документы, подтверждающие период работы во время войны, которым статус участника войны установлен по решению соответствующих комиссий на основании показаний свидетелей либо на основании документов и других доказательств, неопровержимо подтверждающих факт работы в период войны; работающим и проживающим в сельской местности и поселках городского типа медицинским, педагогическим работникам, работникам учреждений культуры, государственной ветеринарной службы. Это обусловлено тем, что данные категории граждан пользовались мерами социальной поддержки, установленными законодательством, действовавшим в Республике Крым по состоянию на 21 февраля 2014 года[4].

Предусмотренные законодательством Республики Крым меры социальной поддержки разнообразны и применяются в натуральной и в денежной форме. Как правило, речь идет о предоставлении различного рода скидок, например, на оплату жилищно-коммунальных услуг, проезда различными видами транспорта в пределах Республики Крым один-два раза в год; льгот на проезд городским сообщением в пределах Республики Крым; денежных выплат; первоочередного и внеочередного обслуживания различными учреждениями, предприятиями, учреждениями и организациями службы быта, жилищно-коммунального хозяйства и т.д.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что законодательство Республики Крым, регулирующее отношения по поводу предоставления мер социальной поддержки отдельным категориям граждан, в общем, сформировалось. Республика Крым, путем закрепления в законах социально важных особенностей развития, с учетом соблюдения требований и критериев построения системы российского права по обеспечению сохранение мер социальной поддержки в размере (объеме) предусмотренном ранее, как субъект РФ, проводит социально ориентированную политику, основанную на приоритете задач улучшения материального положения людей, нуждающихся в социальной поддержке, обеспечению высокого качества, доступности и своевременности помощи, оказываемой государством.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).

2. Федеральный закон от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменения в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2004. — № 35— Ст. 3607
3. Федеральный закон от 22.12.2014 года № 421-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений, связанных с предоставлением мер социальной защиты (поддержки), а также выплат по обязательному социальному страхованию отдельным категориям граждан, проживающих на территории Республики Крым и города Федерального значения Севастополя», // СЗ РФ. — 2014. — № 52 — Ст. 7532
4. Закон Республики Крым от 17 декабря 2014 года № 35-ЗРК/2014 «О мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан и лиц, проживающих на территории Республики Крым» // Ведомости Государственного Совета Республики Крым №6 ч1, 2014, ст.600;
5. Закон Республики Крым от 17 декабря 2014 года от № 36-ЗРК/2014 «Об особенностях установления мер социальной защиты (поддержки) отдельным категориям граждан, проживающих на территории Республики Крым» // Ведомости Государственного Совета Республики Крым №6 ч1, 2014, ст. 601

УДК 342.55

Козодубов А.А.

Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО

«Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе

ИЗМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ К ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Конституция Российской Федерации (далее – Россия, РФ) определила источником власти в нашей стране многонациональный народ, который может осуществлять свою власть как непосредственно, так и через органы государственной власти и *органы местного самоуправления* (статья 3) [1] (здесь и далее курсив мой – А.К.). В этом основополагающем документе нашего государства декларируется признание и защита всех видов собственности (статья 8). Такой подход позволяет утверждать, что государство гарантирует экономическую самостоятельность органам публичной власти. В Конституции России особым образом подчёркивается самостоятельность местного самоуправления (далее – МСУ) и обособленность его от органов государственной власти (статья 12). Местному самоуправлению посвящена глава 8, состоящая из четырёх статей. В формате настоящего исследования

наибольший интерес представляет статья 131, посвящённая *территориальным основам* местного самоуправления [1].

Видится целесообразным фрагментарно обратиться к истории формирования законодательства о МСУ в России после принятия Конституции РФ. В 1995 году был принят Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2]. Дальнейшее реформирование муниципальных отношений было ознаменовано принятием в 2003 году Закона, с аналогичным названием (далее – 131-ФЗ) [3]. Есть основания полагать, что принятие этого Закона связано с ратификацией Россией Европейской хартии местного самоуправления [4].

Важно отметить, что 131-ФЗ принципиально изменил организацию местного самоуправления в России, вводя двухуровневую систему МСУ, дифференциацию муниципальных образований (придания им разного статуса) и прочие существенные новеллы. Такое реформирование предусматривало поэтапное вступление в силу вышеупомянутого Закона, а переходный период должен был закончиться 1 января 2006 года. По мере реализации требований 131-ФЗ пришло понимание, что завершить преобразования к указанному сроку невозможно, тем более что к началу 2006 года в этот Закон было внесено *более десяти* изменений. Таким образом, срок окончания переходного периода был перенесен на три года (на 1 января 2009 года) [5]. Заметим, что к настоящему моменту (апрель 2017 г.) в 131-ФЗ внесено *более ста* изменений.

В настоящее время МСУ может осуществляться в муниципальных образованиях *семи* различных статусов (изначально их было *пять*). Дефиниции большинства статусов муниципальных образований содержат отсылки к административно-территориальным единицам (далее – АТЕ). Так, сельское поселение *состоит* из территории посёлков, сёл, деревень и прочих АТЕ. Федеральным законом 1999 года определено, что «законом субъекта Российской Федерации <...> устанавливается административно-территориальное устройство субъекта Российской Федерации и порядок его изменения» (часть 2 статьи 5) [6].

Изменения 131-ФЗ, касающиеся территориальной организации МСУ, происходили неоднократно: декабрь 2004 г., октябрь 2007 г., декабрь 2011 г., май 2014 г. и проч.

Очередные изменения в 131-ФЗ были внесены в начале апреля 2017 года [7] и касаются, прежде всего, организации территориального устройства муниципальных образований *второго* уровня – городских округов и муниципальных районов.

Ранее нами обращалось внимание на некорректность термина *городской округ* в 131-ФЗ, так как он определялся *как вид* городского поселения [8]. В связи с анализируемыми нами последними изменениями, территориальное устройство городского округа определяется через административно-территориальные единицы (или их объединений) – «один или несколько объединённых общей территорией населённых пунктов, не являющимися муниципальными образованиями...» [7], что, по нашему мнению, представляется более удачным.

Следующее изменение 131-ФЗ касается порядка определения административного центра *городского округа* (дефиниция «административный центр городского округа» ранее отсутствовала). На наш взгляд, данное изменение не является принципиальным, т.к. в ряде Законов субъектов РФ этот термин использовался, хотя и без основания [9]. Появление анализируемого определения необходимо рассматривать через призму территориального устройства городского округа, который, как правило, создаётся вокруг развитой АТЕ (города или крупного посёлка), а значит он (этот город или посёлок) и является *административным центром* городского округа. Подтверждением данной позиции является отсутствие в 131-ФЗ термина «административный центр городского поселения», а территориальное устройство городского округа и городского поселения практически не отличается.

Изменения в части 1 и части 6.1 статьи 11 «Границы муниципальных образований» заключаются, прежде всего, в том, что теперь территория субъекта РФ разграничивается между поселениями и *городскими округами* (ранее – только между поселениями). Эти изменения нам представляются техническими, так как ранее *городской округ*, с позиции формальной логики, был *видом* городского поселения.

Следующие правки Закона касаются участия населения муниципального образования при изменении границ городского округа, при котором населённые пункты, входящие в его состав, территориально войдут в сельские (городские) поселения (добавлен пункт 2.2 в статью 12). Новый порядок в этом случае не предусматривает прямого волеизъявления населения и предусматривает лишь его опосредованное согласие, которое выражается представительными органами всех муниципальных образований, территории которых изменяют свои границы (состав). С этим сложно согласиться, по нашему мнению Конституцией РФ это не предусмотрено - «изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, допускается с учётом мнения населения соответствующих территорий» (часть 2 статьи 131) [1]. Новеллой Закона также является

потенциальная возможность объединения всех поселений, входящих в муниципальный район, с городским округом (в этом случае поселения и муниципальный район утрачивают статус муниципальных образований). Прямого волеизъявления населения также не требуется (изменения части 3.1 статьи 13).

Остальные изменения, по нашему мнению, можно считать техническими, т.к. они корректируют статьи 131-ФЗ в связи с указанными правками.

Оценивая последние изменения в 131-ФЗ, считаем новую формулировку дефиниции *городской округ* вполне удачной. Совершенствование процесса изменения границ и преобразования муниципальных образований также представляется верным. Однако ограничение участия населения в этом процессе, когда его мнение «выражается представительным органом соответствующего муниципального образования» по нашему мнению противоречит Конституции нашего государства и требует корректуры.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (утратил силу).
3. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
4. ETS № 122, принята в г.Страсбурге 15.10.1985. Федеральный закон от 11.04.1998 № 55-ФЗ «О ратификации Европейской хартии местного самоуправления».
5. Федеральный закон от 12.10.2005 № 129-ФЗ «О внесении изменений в статьи 83 и 85 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" ...».
6. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».
7. Федеральный закон от 03.04.2017 № 62-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"».
8. Козодубов А.А. «О необходимости совершенствовании понятийного аппарата законодательства о местном самоуправлении» // Вестник Архангельского государственного технического университета. Серия «Право». – Архангельск: Арханг. гос. техн. ун-т, 2009.
9. Областной закон Архангельской области от 23.09.2004 № 258-внеоч.-ОЗ «О статусе и границах территории муниципальных образований в Архангельской области».

Буркина А.А.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РФ И ГЕРМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Главной задачей демократического общественного устройства является создание наиболее благоприятных условий для реализации прав и свобод граждан. Однако невозможно решить данную задачу без самоуправления. Над вопросами местного самоуправления многие годы трудились ученые разных стран. В своих работах они анализировали правовые основы организации местной власти в зарубежных странах, а также возможности осуществления местного самоуправления в российских условиях.

Можно смело сказать, что и в наше время интерес к проблемам организации местного самоуправления не ослабевает. Местное самоуправление на сегодняшний день представляет собой один из важнейших институтов. Его развитие играет огромную роль в становлении российской государственности.

Целью данной работы является анализ правовых основ деятельности органов местного самоуправления в РФ и Германии. Задачи: 1) Изучение теоретических и нормативных подходов к определению сущности компетенции местного самоуправления. 2) Раскрытие понятия и содержания полномочий органов местного самоуправления.

Если взглянуть на ФРГ и РФ в рамках конституционных основ организации и деятельности органов местного самоуправления, то сначала кажется, что различия отсутствуют. Эти страны достаточно близки по правовым системам, их связывает история и федеративные формы государственного устройства, и многое другое. Возникает вопрос: в чем тогда разница в подходе к организации местного самоуправления этих стран?

Проведём анализ сходств и различий в законодательстве, порядке правового оформления, в анализе содержания местного самоуправления России и Германии.

Законодательная основа самоуправления в России и Германии. В России на федеральном уровне закрепляются вопросы местного значения, в Германии законодатель исходит из принципа общей компетенции. В России немецкое деление

вопросов на обязательные и добровольные не получило никакой интерпретации, но существует законодательная основа: какие - то вопросы в ведении муниципальных образований, другие принимаются к рассмотрению органами государственной власти[1]. Основным законом Германии устанавливается невмешательство Федерации в федеральные земли[1]. «Муниципалитетам должно быть предоставлено гарантированное право разрешать в рамках закона все их местные дела под свою ответственность». «Федеральное правительство гарантирует соответствие конституционного устройства земель основным правам и положениям, изложенным в §§1,2» [1].

«В России признается и гарантируется местное самоуправление»[2], «Местное самоуправление в Российской Федерации гарантируется правом на судебную защиту...»[2]. То есть в России так же на федеральном уровне установлены основные гарантии местного самоуправления.

В законодательствах анализируемых стран можно наблюдать разные подходы к статусу субъектов местного самоуправления: если в Германии гражданин участвует в местном самоуправлении путём участия в территориальном сообществе, которое основывается на членстве граждан - корпорации (и только через нее), то есть не напрямую изъявляет свою волю, а обязательно должен быть прикреплен к корпорации, то в нашей стране право на участие в местном самоуправлении непосредственно гражданина – это конституционно закреплённое право. Это обосновывается определением «территориально организованное население» (муниципальное образование, сходное с общинами ФРГ).

Но наряду с муниципальными образованиями правосубъектностью в местном самоуправлении обладают органы местного самоуправления, которые наделены правами юридического лица. В Конституции РФ решение вопросов на местном уровне закрепляется за органами местного самоуправления: органы местного самоуправления решают вопросы местного значения, наделяются некоторыми государственными полномочиями[2].

Структура органов местного самоуправления. В Германии различают следующие единицы:

Район единица административно-территориального деления, которая, в свою очередь, делится на общины, где орган законодательной власти - местное собрание, называемое «Крайстаг», занимающийся контролем межмуниципального взаимодействия. В районе существует должность представителя земельного

правительства - «Ландрата», осуществляющий государственное управление, контроль над местными органами.

Община - ступень, носящая роль коммунального самоуправления, подвластная району; как правило, это - город, сельское поселение. Такие образования самостоятельны в вопросах, решаемых по собственной инициативе на собственные средства. Общинные органы самоуправления формируются путём выборов. В небольших общинах роль представительного органа играет собрание всех жителей.

В структуру органов местного самоуправления России входят: представительный орган муниципального образования; глава муниципального образования; местная администрация; контрольный орган муниципального образования; иные органы местного самоуправления. Формируется это так: представительный орган избирается населением (в муниципальном районе формируется из глав и делегатов представительных органов поселений, а в сельских же поселениях глава муниципального образования может независимо от способа его избрания возглавлять и местную администрацию, и представительный орган), глава муниципального образования избирается населением и возглавляет представительный орган (местную администрацию), глава местной администрации назначается по контракту;

Следует отметить, что классификацию организационных моделей местного самоуправления в России можно провести в зависимости от типа муниципального образования, правового положения, порядка формирования и характера взаимоотношений трех основных органов местного самоуправления. Закон 2003 г. позволяет нам создать шесть организационных моделей местного самоуправления. Некоторые из этих моделей могут создаваться только в определенных муниципальных образованиях (поселениях с численностью менее 100 человек, небольших сельских муниципальных образованиях, муниципальных районах).

Таким образом, в обоих случаях наблюдаются определенные сходства. Например, деление по территориальному принципу и зависимость способа формирования органов местного самоуправления от численности населения.

Полномочия органов местного самоуправления и методы муниципальной деятельности.

Различие в моделях федеративного устройства России и Германии порождает разные подходы к разграничению предметов ведения между Федерацией и субъектами. В Германии вопросы коммунального самоуправления, обеспечения

институциональной гарантии самоуправления, относятся к компетенции земель. В нашей же стране «определение общих принципов организации местного самоуправления» - совместное ведение Федерации и субъектов. То есть здесь Федерация обладает широким кругом законодательных полномочий. Органы местного самоуправления нередко наделяются какими – либо федеральными полномочиями[3].

Общины в ФРГ наделены огромным спектром деятельности в рамках полномочий, которые принимаются местными органами. Кстати, такая особенность базируется на самофинансировании. Но для ФРГ характерна большая гармонизация деятельности трех ступеней управления.

Общины - органы опосредованного государственного управления, обязанные соблюдать федеральные и земельные законы.

Надзор за деятельностью органов местного самоуправления.

И в той, и в другой стране разграничивают правовой и отраслевой надзор, но есть различия в организации государственной надзорной деятельности, ее формах и методах. В России слабо прижилась такая форма отраслевого контроля, как «дача указаний», давно распространенная в Германии, где выработаны многообразные формы правового надзора[4]. При этом речь идет не только об уставах (как в России), но и о положениях. Наряду с «доведением до сведения» органа правового надзора весьма распространены «представление», «утверждение» акта местного самоуправления.

В ходе выполненной работы, был проведен анализ сходств и различий в законодательстве, порядке правового оформления, а также в анализе содержания местного самоуправления России и Германии.

Итак, проанализировав данные страны, можно выделить общее и разное в конституциях местного самоуправления России и Германии:

В обоих государствах местное самоуправление закреплено на уровне Основного Закона. Страны признают сочетание демократического и управленческого принципов. И в России и в Германии ведётся осуществление населением вопросов местного значения самостоятельно. Сходство и в обязательном наличии общин, районов, муниципальных образований, сформированных на основе выборов[5]. Также устанавливаются и изменяются границы муниципальных образований с учетом мнения местного населения[9]. Как сходство, следует подчеркнуть дуалистический подход к разграничению полномочий местного самоуправления. Закрепляется в ФРГ, как и в России, принцип финансового и

материального возмещения государством необходимых для реализации затрат[7]. И в России, и в ФРГ имеет место различие пределов и средств надзора за местным самоуправлением со стороны государства в зависимости от характера выполняемых задач.

Список литературы:

1. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland GG // <http://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz/> [1, с.2,3].
2. Конституции РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм. от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
3. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N 131-ФЗ (с изм. от 07.07.2011 N 15-П).
4. Бутов В.И. Местное самоуправление: Российская практика и зарубежный опыт. СПб, 2009.
5. Кудилинский М.Н. Конституционное право зарубежных стран. СПбГУ, 2010.
6. Маклаков В.В. Конституционный контроль в странах-членах Европейского союза. М.: ИНИОН РАН, 2009.
7. Прудников А.С. Местное самоуправление в зарубежных странах. М., 2009.

УДК 342.55 (470+571)

Новицкая А.Р.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РФ

Представительная демократия в течение долгого времени является одним из инструментов выражения основных ценностей гражданского общества. Институт представительной демократии обеспечивает законные права и интересы различных социальных слоев населения. В связи с этим актуальность исследования особенностей представительной демократии в России имеет особую важность.

Целью данной работы является выявление основных свойств и форм проявления представительной демократии в органах местного самоуправления

стран России и Германии путем сравнительного анализа, а также обзор полномочий представительных органов .

Слово «демократия» в переводе с греческого языка - власть народа. Ключевым принципом демократии является защита основных прав и свобод человек. К ним относят: свободу слова и вероисповедания, право на равную защиту со стороны закона, на полноценное участие в политической, экономической и культурной жизни общества.

Конституция РФ устанавливает, что Российская Федерация - демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. В ст. 3 Конституции закреплено, что "носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ" [1, с.1].

К числу ключевых основ, определяющих демократическое развитие современного государства, относят местное самоуправление. Муниципальная демократия, по образному выражению А. Токвиля, имеет то же значение для утверждения свободы и демократии в обществе, что начальная школа – для науки [2, с.65].

В России, как и в Германии, признается и гарантируется местное самоуправление.

Как форму народовластия, его роль в развитии демократических начал осуществления власти в государстве характеризует представительство и защита интересов населения при осуществлении местного самоуправления [3, с.47,49].

Представителями народа на местном уровне являются депутаты , члены коллегиальных представительных органов. Во многих государствах это положение закреплено в Основных законах. В РФ это регламентирует Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 2003 г. (п. 1 ч. 4 ст. 35)

Говоря об основных признаках, характеризующих особенности представительной демократии в органах местного самоуправления РФ, необходимо выделить следующие:

1. Выборные представительные органы, воплощающие представительную демократию наделены собственными полномочиями и играют особую роль в осуществлении народовластия, поскольку выполняют все общественно важные функции на территории муниципального образования. В их исключительном ведении находятся:

- принятие правил по предметам ведения муниципального образования, в соответствии с уставом муниципального образования;
- утверждение местного бюджета ;
- принятие планов и программ развития муниципального образования;
- установление местных налогов и сборов;
- установление порядка управления и распоряжения муниципальной собственностью;
- надзор за деятельностью органов и должностных лиц местного самоуправления.

2. Наличие представительного органа местного самоуправления в каждом муниципальном образовании является обязательным. И только в отдельных поселениях, с численностью жителей обладающих избирательным правом, менее 100 человек, полномочия представительных органов осуществляются собраниями (сходами) граждан.

3. Им подотчетна и подконтрольна деятельность всех других органов и должностных лиц местного самоуправления, включая и глав муниципальных образований.

4. Органы и выборные должностные лица местного самоуправления обладают правом представлять интересы населения и принимать от его имени общеобязательные решения, действующие на территории муниципального образования.

Для более точного выявления существенных особенностей представительной демократии в органах местного самоуправления РФ, был проведен сравнительный анализ с организацией местных органов в ФРГ. Как известно модель местного самоуправления в Германии является одной из самых эффективных в Европе.

Рассматривая организацию местного самоуправления в этих странах, необходимо сказать, что оба государства строят местное самоуправление на основе универсальных демократических принципов, изложенных в Европейской хартии местного самоуправления [4, с. 167].

Основной закон Федеративной Республики Германия гарантирует существование местного самоуправления и закрепляет основные права органов местной власти. Общины являются ключевой единицей местного самоуправления и присутствуют во всех немецких землях. Это может быть город, сельское поселение или совокупность нескольких поселений. Необходимым условием существования общины, является раздельное существование представительного и исполнительного

органа власти. Для формирования общинных органов власти проходят выборы, которые для представительного органа являются прямыми, равными и всеобщими.

Общинам полагается право самостоятельного решения всех проблем, но исключительно в рамках закона. На своей территории они являются носителями всех полномочий местного публичного управления, под свою ответственность, кроме случаев, когда решение таких полномочий возложено на другие ведомства специальным предписанием закона. Общины регулируют основную часть общественных вопросов, а именно: безопасность, вопросы гражданства, прописки, запись актов гражданского состояния, строительство, дорожное движение, регистрация транспорта, проведение выборов, социальная сфера, работа с молодежью, статистика, лесное и рыбное хозяйство, земледелие [5].

Из изложенного можно сделать вывод, что данные государства имеют немало общего в системах местного самоуправления, но существуют также и определенные отличия. Основное расхождение заключается в том, что: В Германии местные структуры являются частью политической жизни государства и занимаются основными, общественными вопросами местного значения по самым различным направлениям. В то время, как в России органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, а признаются в качестве самостоятельного уровня публичной власти. Различие в моделях федеративного устройства России и Германии предопределяет различные подходы к разграничению предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами. Если в Германии вопросы правовой регламентации коммунального самоуправления, как и обеспечения институциональной гарантии самоуправления, относятся к компетенции земель которые являются субъектом, то в России "определение общих принципов организации местного самоуправления" - предмет совместного ведения Федерации и субъектов.(ст.72 Конституции РФ).

Таким образом, представительные органы являются не просто составной частью структуры местного самоуправления, а занимают в ней ведущее место, поскольку обладают правом представлять интересы населения и принимать от его имени решения, действующие на территории муниципального образования, тем самым обеспечивая и гарантируя связь населения с государством. Их организация определяется содержанием предметов их ведения, характером и масштабом интересов, которые они призваны публично-властным образом обеспечивать.

Список литературы:

1. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст. – М.: Маркетинг, 2001. – с 1;
2. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992. С. 65.
3. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации. Учебник. М., Юристъ., 2004. 559 с
4. Гриценко Е.В. Местное самоуправление в системе публичного управления федеративного государства: Значение опыта ФРГ для России. Иркутск: ИГЭА, 2001. с 167.
5. Курс лекций "Государственное и муниципальное управление в зарубежных странах" Старцев Я.Ю. Германская система местного управления.

УДК 342.55

Сибилева А.Ю., к.ю.н.,

Лахтина А. И.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского» Юридический факультет*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ШВЕЙЦАРСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ

Представительный орган местного самоуправления занимает особое место в системе органов муниципальной власти. Законодательство Российской Федерации и международная практика однозначно демонстрируют необходимость и обязательность формирования данного органа. Это обусловлено как их сущностью, так и функциональным предназначением, так как решение вопросов местного значения представительным органом является максимально отражающим интересы местного населения. Европейская Хартия местного самоуправления предусматривает их обязательное наличие, что отражено в российском законодательстве, которое, восприняв нормы международного права, закрепляет аналогичные положения. Безусловно, положения Европейской Хартии реализованы во внутреннем законодательстве не только Российской Федерации, но и Швейцарской Конфедерации. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим правовой статус представительных органов муниципальной власти в этих государствах.

Особое место и значимость представительного органа подтверждается тем, что решение важнейших вопросов местного значения (например, утверждение

местного бюджета, установление местных налогов и т.д.) федеральным законодательством РФ отнесены к его исключительной компетенции. Именно представительный орган местного самоуправления в наиболее полной мере отражает волю населения муниципального образования. В определенном разделении власти, которое имеет место на местном уровне, он является органом представительной и нормотворческой власти[4; с. 140].

Целью настоящей статьи является проведение анализа и сравнение такого неотъемлемого элемента правового статуса как полномочия представительных органов местного самоуправления Российской Федерации и Швейцарской Конфедерации.

Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 06.10.2003 г. не закрепляет понятие представительного органа местного самоуправления, но в статье 2 федерального закона №154-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" от 12.08.1995г. понятие было сформулировано следующим образом: *представительный орган местного самоуправления*—выборный орган местного самоуправления, состоящий из депутатов, который обладает правом представлять интересы населения и принимать от его имени решения, действующие на территории муниципального образования. [2;с.14]

Представительные органы муниципального образования в Швейцарской Конфедерации формируются путем избрания коммунального парламента на кантональных выборах и референдуме. Муниципальные образования рассматриваются в Швейцарии именно как сообщества проживающих совместно граждан[6; с. 92].В ШК Коммуны управляются либо образуемыми в небольших коммунах первичными собраниями всех жителей, обладающими активным избирательным правом, то есть *Коммунальными Ассамблеями* (собраниями граждан коммуны), либо, если коммуна слишком велика для таких Ассамблей, избираемыми Советами, то есть в ней создается *коммунальный парламента*, избираемый гражданами, имеющими постоянное место жительства в коммуне и обладающими активным избирательным правом (Фрибург, Обвальден). Хотя в некоторых кантонах (Юра, Тессин) предусмотрена возможность замены Коммунальной Ассамблеи коммунальным парламентом (Генеральным, Коммунальным, Муниципальным Советами и т. п.)[7; с. 446].

Согласно пункту 2 статьи 35 Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 06.10.2003 г.

представительный орган поселения, городского округа, внутригородского района, внутригородского муниципального образования города федерального значения состоит из депутатов, избираемых на муниципальных выборах. В муниципальных районах представительный орган формируется их глав всех поселений, входящих в состав муниципального района, и депутатов представительных органов указанных поселений, избираемых представительными органами поселений из своего состава, в соответствии с нормой представительства. Формирование представительного органа городского округа с внутригородским делением происходит путем избрания из состава представительных органов внутригородских районов в соответствии с равной нормой представительства, установленной законом субъекта Российской Федерации. Срок полномочий депутатов определяется уставом муниципального образования и не может быть менее 2 или более 5 лет. Если численность жителей поселения, обладающих избирательным правом, составляет не более 100 человек, то представительный орган поселения не формируется. В этом случае полномочия представительного органа осуществляется сходом граждан [5; с. 138].

В Швейцарии продолжительность полномочий представительного органа коммуны такая же, как у кантонального парламента, и чаще всего составляет 4 года (Обвальден, Вале, Ааргау, Тургау, Невшатель, Женева, и др.). Хотя в кантоне Во члены Коммунального Совета избираются избирательным корпусом на срок 5 лет. Депутаты Муниципального Совета могут быть незамедлительно переизбраны (Женева) [7; с. 448].

Далее мы рассмотрим полномочия представительного органа на примере кантона Во. В полномочия представительного органа власти кантона Во входит:

- 1) издание постановлений в целом;
- 2) издание постановлений по налогообложению и бюджету, выдача разрешений на чрезвычайные расходы и займы;
- 3) принятие решений о межкоммунальном сотрудничестве;
- 4) принятие решений о приобретении и отчуждении зданий;
- 5) контроль за текущими годовыми расходами;
- 6) утверждение отчетов и т. д. [7; с. 448].

На ежегодном собрании граждан коммуны или Советом, где отсутствует Коммунальная Ассамблея, принимается бюджет, отчет о его исполнении, устанавливаются размеры налогов и пошлин, принимаются наиболее важные постановления, решаются вопросы о пожаловании гражданства коммуны (Швиц, Ури, Обвальден, Нидвальден). Собрание жителей коммуны также имеет право

осуществлять контроль за деятельностью администрации, утверждать ежегодные сметы, санкционировать введение новых налогов и т. д. В кантоне Нидвальден собрание коммуны в том числе рассматривает вынесенные на него изданные или модифицированные Административным Советом постановления и другие нормативно-правовые акты. Также к полномочиям собрания жителей коммуны относится избрание органов власти коммуны (Нидвальден). В кантоне Ури собранием жителей коммуны избираются Муниципалитет, церковный, а также школьный, социальный Совет и Совет буржуа (мещан), а в кантоне Швиц — бургомистр и остальные члены Муниципалитета; казначей, если на это не уполномочен Муниципалитет; посредник и его заместитель, а также ревизионная комиссия; в кантоне Обвальден — формируется Муниципалитет, устанавливается его численность (от 5 до 13 членов), избираются члены Кантонального Совета от коммуны, мировой судья и его заместитель, члены ревизионной комиссии[7; с. 446-447].

В пункте 10 статьи 25 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» 2003 г. установлен перечень полномочий, относящийся к исключительной компетенции представительного органа муниципального образования, который схож с полномочиями представительного органа кантонов Швейцарской Конфедерации в части издания правовых актов, утверждения бюджета, принятия решений об установлении и отмене местных налогов и сборов. Также пункт 11 данной статьи предусматривает, что иные полномочия представительного органа муниципального образования устанавливаются федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований.

Таким образом, можем констатировать, что в РФ на федеральном уровне закреплён перечень исключительных полномочий представительного органа местного самоуправления, который может быть дополнен на региональном и муниципальном уровне. В Швейцарии отсутствуют исключительные полномочия представительных органов или исполняющих их полномочия собраний не закреплены, в каждой коммуне представительный орган имеет собственные полномочия. Несмотря на такое отличие, полномочия представительных органов достаточно схожи, например, утверждение бюджета и отчета о его исполнении; установление размера налогов и пошлин. В Швейцарии чаще всего полномочия представительного органа осуществляются собраниями граждан коммуны

(Коммунальными Ассамблеями), либо коммунальным парламентом, избираемым гражданами. В РФ полномочия представительного органа могут осуществляться сходом граждан в определенных случаях, если в поселении численность жителей, наделенных избирательным правом составляет не более ста человек. При этом в Швейцарской Конфедерации в большей степени полномочия представительного органа осуществляет сход граждан.

Список литературы:

1. Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" от 06.10.2003 N 131-ФЗ [Электронный ресурс] / — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/
2. Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" от 28.08.1995 N 154-ФЗ [Электронный ресурс] / — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7642/
3. Красильщиков Г.Г., Сабиров А.А. «Основные тренды в организации моделей местного самоуправления в России, Австрии, Федеративной Республике Германия и Швейцарии: сравнительный анализ» [Электронный ресурс] / — Режим доступа: http://www.ars-administrandi.com/article/Krasilschikov_Sabirov_2012_2.pdf
4. Местное самоуправление и муниципальное управление: учебник второе издание / А. С. Прудников. — М.: Изд-во Юнити-дана, 2012. — 535 с.;
5. Муниципальное право. Учебник для бакалавров/Е. Н. Дорошенко, Е. М. Заболотских, В. В. Комаров, В. И. Фадеев — М.: проспект 2015. — 336 с.;
6. Неф Р. Да здравствует нецентрализм! / пер. с нем. М.: Фонд Фридриха Наумана, 2002. 93 с.
7. Основы конституционного права Швейцарии: учеб.-метод. Пособие / Н. Королева-Борсоди. — К.: «Юстиниан», 2009. -536 с.

УДК 342.55

Подгайская В. Г.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» Юридический факультет*

РОЛЬ И МЕСТО УСТАВА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ

Исторический опыт показывает, что местное самоуправление всегда стремилось к гармонизации отношений между людьми, урегулированию социальных противоречий, реализации интересов населения и решения общезначимых вопросов.

На сегодняшний день под местным самоуправлением понимаем «целостную систему общественных отношений, связанных с территориальной организацией населения, самостоятельно решающего вопросы местного значения, вопросы устройства и функционирования муниципальной власти».

В своей деятельности органы местного самоуправления для реализации возложенных на них полномочий издают различного рода акты. Среди общих нормативно-правовых актов, определяющих организацию, порядок осуществления деятельности, полномочия органов местного самоуправления можно особо выделить устав муниципального образования.

Устав муниципального образования, в соответствии со ст. 43 Федерального закона №131 «Об общих принципах и организации местного самоуправления в Российской Федерации» представляет собой правовой акт, принимаемый на сходах граждан, и являющийся актом высшей юридической силы в системе муниципально-правовых актов, имеющий прямое действие и применяющийся на всей территории муниципального образования.

Анализируя статью 44 ФЗ №-131 представляется возможным выделить основные признаки устава муниципального образования как основного в системе нпа, регулирующих их деятельность:

1. Особый субъектный состав, предполагающий возможность принятия устава муниципального образования, как представительными органами, так и населением муниципального образования, непосредственно;
2. Основополагающий характер, поскольку уставом муниципального образования определяются основы деятельности органов местного самоуправления, а также отражаются фактически установившиеся общественные отношения;
3. Всеобъемлющий характер, так как в уставе закрепляются весь перечень вопросов местного значения, касающихся всех сфер жизнедеятельности.
4. Высшая юридическая сила, выражающаяся в том, что все иные акты местного значения (решения представительных органов муниципальных образований, постановления глав муниципальных образований, глав муниципальных администраций, приказы структурных подразделений местных администраций) должны приниматься в соответствии с уставом муниципального образования и во исполнение его положений.

5. Содержание устава муниципального образования должно соответствовать федеральному законодательству и законодательству субъектов Российской Федерации.

Несмотря на возможность принятия устава муниципального образования представительными органами, Федеральный закон четко определяет, что необходимость участия населения в обсуждении проекта устава.

Так, в ст. 28 ФЗ №131 учтена необходимость проведения публичных слушаний в отношении проектов муниципальных образований, а также проектов о внесении изменений в уже существующие уставы, кроме случаев, установленных Законом.

В Уставах, как правило, закрепляется исчерпывающий перечень вопросов местного значения, среди которых:

- формирование и исполнение местного бюджета;
- установление, изменение, отмена местных сборов, налогов и пошлин;
- создание условий для получения образовательных, спортивных, досуговых услуг;
- строительство автомобильных дорог муниципалитетов;
- транспортное обслуживание населения;
- охрана общественного порядка;
- охрана окружающей среды;
- развитие сельского хозяйства;
- организация здравоохранения в рамках муниципальных образований;
- иные.

Как правило, данный перечень вопросов является идентичным для большинства муниципальных образований.

Можно утверждать о шаблонности закрепления в Уставах различных муниципальных образований положений, например, «О взаимоотношении органов местного самоуправления с органами государственной власти. Так, в Уставе городского округа Симферополь в ст. 14 и ст. 10 устава Бахчисарайского района приводятся единообразные положения. Зачастую уставы муниципальных образований, особенно одного статуса, однотипны, неиндивидуализированы, а причина тому – отсутствие опыта в нормотворческой деятельности на местном уровне.

Несмотря на вышеперечисленные недостатки в уставах муниципальных образований, с учетом их статуса включаются отдельные уникальные положения, к примеру, в уставе Бахчисарайского района включены сведения о возможных

инициаторах конференции граждан, в то время как в уставе городского округа Симферополь данная информация отсутствует.

Главная особенность уставов - самодостаточность. Предполагается наличие в уставах всех необходимых для решения вопросов местного значения норм, в том числе и тех, которые конкретизируют конституционные, федеральные положения или прямо их цитируют. Другой отличительной особенностью является стабильность, что в свою очередь способствует стабильной деятельности других субъектов муниципального права.

Имеется возможным подытожить, что устав муниципального образования – это основной нормативно-правовой акт, своеобразная «малая конституция», свод правил муниципалитета, освещающий все сферы человеческой жизни, при этом подробно не регламентирующий общественные отношения. Устав задает курс, направление деятельности органам местного самоуправления для того, которые впоследствии, путем принятия уточняющих нормативно-правовых актов, смогут законно оперативно и эффективно решать вопросы местного значения.

Список литературы:

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
5. Черемных Г.Г. Свобода совести в Российской Федерации. – М., 1996. С. 22.
6. Брянцева О.В. Реализация конституционного права на свободу совести в Российской Федерации: Дисс. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 54.

УДК 342.55

Степанова В.В., Лось Л.В.

Крымский филиал ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Российская Федерация находится на пути формирования правового государства, о чём свидетельствует содержание её Основного закона – Конституции, но чтобы достичь этого, необходимо сформировать эффективно функционирующее законодательство, которое гарантирует осуществление прав и свобод, как человека и

гражданина, так и прав местного самоуправления. Гарантии их реализации и защиты должны быть наиболее важными элементами любого правового явления, но которые, по существу, только лишь декларируемые, а главное – неспособные быть реализованными в действительности. Стоит отметить, что они определяются и обеспечиваются в лице как федеральных, так и региональных органов исполнительной власти, поскольку это является конституционной обязанностью государства.

Конституция Российской Федерации 1993 года и функционирующий наряду с ней такой акт международного права как Европейская Хартия о местном самоуправлении 1985 года закрепляют первостепенной гарантией местного самоуправления – право на судебную защиту для обеспечения свободного осуществления ими своих полномочий[1]. Впоследствии данная гарантия нашла своё отражение и юридическое закрепление в ряде федеральных законов, к примеру, в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» №131-ФЗ от 6 октября 2003 года[2], принятие которого отменило действие существовавшего до него Федерального закона №154-ФЗ от 28 августа 1995 года. Гарантии защиты прав местного самоуправления содержатся и в Федеральном законе от 17 января 1992 года №2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»[3], более же конкретно особенности судебной защиты раскрыты в процессуальном законодательстве, а также во многих судебных решениях, касающихся прав местного самоуправления и служащими ныне базисом для формирования судебной практики.

Однако проблема правового регулирования гарантий местного самоуправления в целом и судебной защиты, как основополагающего элемента этой системы, остаётся крайне актуальной на сегодняшний день. Так как создание качественной и действенной системы законодательства о местном самоуправлении, которое будет давать видимый результат на практике - архисложное дело, даже принятые на современном этапе федеральные законы и законы субъектов Федерации не отвечают тем критериям и требованиям, которые должны быть, а это порождает ряд проблем, главные из которых – это создание трудностей при осуществлении правосудия и неспособность существующего механизма правового регулирования определить факторы, которые влияющие на эффективность судебной защиты прав местного самоуправления.

Реализация права местного самоуправления на судебную защиту может быть осуществлена в следующих формах: обращение с соответствующим иском (исковой

спор) и подача жалобы на противоправные действия или нормативно-правовые акты, которые ограничивают права местного самоуправления. Иски подаются в случаях нарушения материальных прав, жалобы же направляются в случаях оспаривания нормативно-правовых актов или совершенных неправомерных действий, при этом они могут быть как коллективными, к примеру, от представительного органа, так и индивидуальными – от одного гражданина.

Существующая судебная практика показывает, что органы местного самоуправления не в полной мере используют существующие способы защиты прав муниципальных образований. Ведь вне зависимости от того, что в Российской Федерации согласно преобладающим мнениям экспертов и юристов, судебный прецедент не является одним из признанных источников российского права, тем не менее, судебная практика по вопросам местного самоуправления играет весомую роль в качестве источника формирования правовой основы местного самоуправления, позволяющего выявить существующие противоречия и недочеты в действующих правовых нормах. Чем всеобъемлющей будет судебная практика, чем больше будет существовать её обобщений и обзоров, сделанных высшими органами судебной власти, в частности Конституционным Судом, тем более многогранно и эффективно будет правовое регулирование деятельности местного самоуправления, тем легче и оперативнее вносить изменения и дополнения в действующее законодательство, и принимать новые нормативно-правовые акты как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

Ведь значимость судебной защиты обусловлена тем, что существующие в российском законодательстве дефекты чаще всего ликвидируются не законодательной властью, а судебной, путём толкования правовых норм. Высшие органы судебной власти посредством вынесения заключений по конкретным вопросам определяют особенности и пути разрешения спорных ситуаций, обязательные для претворения в жизнь на территории Российской Федерации всеми нижестоящими судебными звеньями и другими субъектами права.

Из вышесказанного следует, что действующее законодательство в сфере защиты прав местного самоуправления носит в основном расплывчатый характер, оно принималось и разрабатывалось на этапе когда отсутствовал опыт взаимодействия основных институтов власти в федеративном государстве. И по сей день в нормативно-правовые акты вносятся изменения, но даже они не исчерпывают объективной потребности в дальнейшем их совершенствовании, при создании же новых актов складывается ситуация противоречий между правовыми нормами и

наглядно демонстрируется проблема отсутствия систематизации и последовательности законодательного регулирования вопросов, касающихся защиты прав местного самоуправления.

Указанные недостатки в организации судебной защиты местного самоуправления были выявлены ещё в ходе проведенных 25 апреля 2006 г. Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации парламентских слушаний на тему «Проблемы законодательного регулирования судебной защиты прав местного самоуправления в Российской Федерации». Участники этих слушаний предлагали разработать перечень возможных нарушений прав и законных интересов местного самоуправления, которые могли бы стать императивным основанием для применения мер судебного реагирования. Для повышения продуктивности судебной защиты местного самоуправления на парламентских слушаниях было признано целесообразным принять специальный Федеральный закон «Об обеспечении конституционных гарантий судебной защиты прав местного самоуправления». Однако это предложение не было реализовано и по сей день.

Так, эффективность реализации права на судебную защиту местного самоуправления, прежде всего, будет достигаться в случае обращения в компетентный судебный орган. Только при таком положении дел может быть достигнута прямая цель судебной защиты, а именно восстановления нарушенных прав местного самоуправления, беспрепятственное их осуществление и возмещение ущерба, причиненного неправомерными действиями.

Список литературы:

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // "Собрание законодательства РФ", 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (ред. от 09.01.2017) // "Собрание законодательства РФ", 06.10.2003, N 40, ст. 3822.
3. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 "О прокуратуре Российской Федерации" (ред. от 07.03.2017) // "Собрание законодательства РФ", 20.11.1995, N 47, ст. 4472.

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ СЛУШАНИЙ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

Важным вопросом местного самоуправления является участие инициативных граждан в решении вопросов местного значения, то есть осуществления непосредственной демократии. Одним из её видов являются публичные слушания.

По своей сути публичные слушания относятся к формам делиберативной демократии на муниципальном уровне. Их целью является обсуждение проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения. Актуальность проблем публичных слушаний заключается в их осуществлении и ограничении участия граждан в рассмотрении важнейших вопросов, касающихся жизни муниципального образования. А также, проблемы связанные с процедурой назначения публичных слушаний, формированием оргкомитета.

В российском законодательстве закреплена норма, предусматривающая проведение публичных слушаний. Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 N 184-ФЗ устанавливает необходимость, при обсуждении проекта бюджета определенного субъекта Российской Федерации и проекта годового отчета о его исполнении, проводить публичные слушания [1].

В Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N 131-ФЗ устанавливаются положения об организации и проведении публичных слушаний. Закрепляется круг лиц, по чьей инициативе могут проводиться публичные слушания, и какие вопросы должны и могут рассматриваться на них [2].

Часть 3 ст. 28 указанного Федерального закона устанавливает обязательность вынесения важнейших вопросов местного значения на публичных слушаниях. В частности, на публичные слушания для обсуждения должны выноситься:

«- проект устава муниципального образования, а также проект муниципального правового акта о внесении изменений и дополнений в данный устав, кроме случаев,

когда изменения в устав вносятся исключительно в целях приведения закрепляемых в уставе вопросов местного значения и полномочий по их решению в соответствие с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами;

- проект местного бюджета и отчет о его исполнении;

- проекты планов и программ развития муниципального образования, проекты правил землепользования и застройки, проекты планировки территорий и проекты межевания территорий, за исключением случаев, предусмотренных действующим законодательством Российской Федерации [3], вопросы изменения одного вида разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства на другой вид такого использования при отсутствии утвержденных правил землепользования и застройки;

- вопросы о преобразовании муниципального образования (если для преобразования муниципального образования требуется получение согласия населения муниципального образования, выраженного путем голосования либо на сходах граждан) и т.д.» [2].

Благодаря императивности проведения публичных слушаний, для инициативных жителей муниципальных образований создаются благоприятные условия непосредственного участия в осуществлении местного самоуправления, что безусловно является прямой реализацией принципа народовластия, как одной из основ конституционного строя. Нами был проведен сравнительный анализ проблем осуществления публичных слушаний нескольких муниципальных образований с целью выявления наиболее встречаемых и поиска их решений.

Так как первичной целью публичных слушаний является выявление и учет мнения жителей муниципальных образований, именно это послужило главным критерием для выявления наиболее острых проблем. В ходе исследования были выявлены такие недостатки:

1. Процедура осуществления;
2. Субъектный состав назначающих;
3. Формирование и структура оргкомитета;
4. Время и место проведения;
5. Определение перечня лиц приглашаемых на публичные слушания;
6. Недостаточные полномочия крупных общественных организаций;
7. Отсутствие методов фиксации проведения публичных слушаний.

В рамках данной работы, нашей целью является осветить две самые значимые на наш взгляд проблемы: субъектный состав назначающих публичные слушания и

недостаточные полномочия крупных общественных организаций.

Главным недостатком субъектного состава является то, что само население и должностные лица не являются равноправными. В 131-ФЗ от 06.10.2003 указано, что: «публичные слушания проводятся по инициативе населения, представительного органа муниципального образования или главы муниципального образования» [2]. Однако реализация прав на проведение публичных слушаний обеспечивается не в равных условиях. Если инициаторами собрания будут выступать граждане, то вполне вероятно, что их требование не будет осуществлено. Возможны разные толкования, формулировки, ссылки на проблемы не позволяющие осуществить задуманное группой инициативных людей. Данная ситуация вредит не только авторитету главы муниципального образования, но и самому муниципальному образованию. Ведь чаще всего проблемы выдвигаемые населением являются действительно значимыми и заслуживающими обсуждения.

Для решения данной проблемы имеет смысл закрепление в положениях о публичных слушаниях четких и взвешенных причин для отказа гражданам в организации публичного слушания. К примеру:

1. Недостаточное количество граждан заинтересованных в выдвигаемом вопросе.
2. Несущественность, недостаточная аргументированность вопроса выдвигаемого на публичные слушания.
3. Противоречие выдвигаемого вопроса положению муниципального образования о публичных слушаниях.

Второй проблемой, которой мы уделили внимание, является недостаточные полномочия крупных общественных организаций. В муниципальных образованиях существуют разнообразные общественные организации: территориальные, социальные, профессиональные и т.д. При участии в публичных слушаниях они представляют интересы большого количества людей, а значит вопрос, выдвигаемый ими на обсуждение, является важным. К тому же общественные организации, в силу изучаемого объекта, охватывают проблемы всех сфер общественной жизни.

Для более эффективного решения проблем муниципального образования стоит увеличить ряд полномочий общественных организаций выступающих на публичных слушаниях. К примеру, дать им право на экстренную организацию публичных слушаний [4].

Это лишь некоторые проблемы осуществления публичных слушаний. Исходя из проведенного сравнительно-правового анализа, можно сделать вывод, что

уровень правового регулирования данного института на муниципальном образовании низок. Он требует серьёзного регулирования и внесения множества императивных норм. Это поможет гражданам муниципальных образований в полной мере осуществлять свои права на осуществление непосредственной демократии.

Список литературы:

1. Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" от 06.10.1999 N 184-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]// Режим доступа: КонсультантПлюс. Законодательство. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/
2. Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" от 06.10.2003 N 131-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]// Режим доступа: КонсультантПлюс. Законодательство. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/
3. «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 07.03.2017) [Электронный ресурс]// Режим доступа: КонсультантПлюс. Законодательство. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/
4. Муниципальное право России: учебник для бакалавров (отв. ред. С.А. Авакьян). - Проспект, 2009 г.- 544 с.

УДК 342.571

Аблаева Д.С

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского» Юридический факультет

МОДЕЛИ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Местное самоуправление является одним из ключевых демократических принципов организации и осуществления власти так как предоставляет гражданам различных административно-территориальных единиц реальное право управления значительной частью общественных дел. Определение понятия «местное самоуправление» закреплено в Европейской хартии о местном самоуправлении, принятой 15 октября 1985 г. В ст. 3 говорится следующее: «Под местным самоуправлением понимается право и реальная способность органов самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах

местного населения». [4,с.2]. Таким образом, можно говорить о том, что наличие органов местного самоуправления являются противовесом абсолютной власти центра.

В зарубежных странах существуют различные модели местного самоуправления, которые отличаются по порядку формирования, по предметам ведения, а также по характеру и особенностям взаимоотношения с органами государственной власти. Немаловажным является и то, что модель местного самоуправления определяется спецификой самого государства и зависит от степени развитости гражданского общества, от признания прав и свобод, а также от формы правления и государственного устройства, исторических особенностей государства. Существует несколько точек зрения по поводу количества данных моделей. Так, например, Чиркин В.Е. [7,с.27]. выделяет три основные модели: англосаксонскую, континентальную и иберийскую. Емельянов Н. А. выделяет англосаксонскую, континентальную, смешанную и иберийскую.[5,с.17]. По мнению Лимонова А. М. более уместно выделять англосаксонскую, континентальную, иберийскую и систему советов. Несмотря на такое количество взглядов, более оптимальным подходом принято считать последний. Для того чтобы определить различия между данными моделями, необходимо проанализировать и выделить особенности каждой из них.

Англосаксонская модель. Данную модель ещё называют классической и децентрализованной. Она сложилась в Великобритании и в научной литературе её называют первой муниципальной системой. В современное время данная модель получила распространение в Великобритании, США, Канаде, Новой Зеландии и ряде других стран. Отличительной особенностью этой модели является то, что местные органы власти выступают автономно в пределах своих полномочий и прямо не подчинены вышестоящим органам. На местах отсутствуют уполномоченные центрального правительства, и органы местного самоуправления непосредственно избираются местным населением. В этой связи все муниципалитеты функционируют автономно, отсутствует соподчиненность местных органов самоуправления, не формируется единая исполнительная вертикаль в системе муниципальной власти. При англосаксонской системе взаимоотношения местных органов власти с государственными строятся по принципу позитивного правового регулирования: «То, что не разрешено, запрещено». Таким образом, они могут совершать те действия, которые прямо закреплены законом, нарушение данного принципа признается превышением полномочий и является противозаконным. Что касается контроля, то в данной модели он является косвенным и осуществляется путём

финансирования, инспекционных проверок, а также в форме судебного контроля[2,с.78].

Следующая модель в научной практике получила название континентальная или нередко её называют романо-германской моделью. Данная модель получила распространение не только в государствах континентальной Европы, но и во многих странах Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока. Самый классический вариант такой системы представлен во Франции, поэтому её нередко называют французской моделью. Она представляет собой чёткую иерархичную структуру, напоминающую пирамиду, в которой сверху передаются различные указания, а снизу поступает информация о местной специфике. Континентальная система отличается тем, что сочетает в себе прямое государственное управление на местах и самоуправление. Данная модель характеризуется подчиненностью нижестоящих органов вышестоящим. Ещё одной отличительной чертой является сочетание выборности и назначаемости, а также наличие специального представителя центральной власти на местах, который помогает осуществлять контроль за деятельностью местных органов. Таким образом, данная модель, в отличие от предыдущей отличается высокой степенью централизованности [1, с.55].

Принципиальное отличие от вышерассмотренных моделей имеет следующая модель, получившая название: система советов или советская модель. Она была утверждена в СССР после Октябрьской революции 1917 г. В дальнейшем, она была применена в других социалистических странах: Китай, Куба, Вьетнам, КНДР. В основе данной модели положен принцип полномочия представительных органов (Советов) на соответствующей им территории. Основными признаками, характеризующими данную систему, являются: жесткая централизация представительных и исполнительных органов, иерархическая соподчиненность всех её звеньев, единовластие представительных органов. Исполнительными органами советов являются исполнительные комитеты, которые подчинены вышестоящим органам и соответствующему совету. Такая модель в принципе отрицает самоуправление и возлагает управление делами на местах органам государственной власти. Население ограничивается лишь правом выбирать депутатов, а реальной властью обладает партийная элита[3,с.165].

Следующей моделью местного самоуправления является ибирийская модель, которая существует в Испании, Португалии, в испаноязычных государствах Латинской Америки. В соответствии с данной моделью местные советы избираются на всех уровнях административно-территориального деления, а также главы местной

администрации – алькальды или регидоры. Главы администрации избираются местным населением либо советом. Главной отличительной особенностью данной модели является то, что назначаемых представителей государственной власти нет, однако избираемый глава должен быть утвержден центральной властью, в качестве её представителя на данной территории и действует в двух направлениях: с одной стороны, он является избранным главой исполнительного органа совета, а с другой стороны, выступает в качестве представителя центральной власти, который осуществляет контроль за деятельностью местного самоуправления. Достоинством такой системы является единство представительной и исполнительной власти, а недостатком то, что присутствует авторитарность. Алькальд обладает основными рычагами местного руководства и большой властью. [6,с.102].

Таким образом, можно отметить, что зарубежный опыт организации муниципальных учреждений свидетельствует о том, что там сочетается местное самоуправление и государственное управление на местах, учитываются исторические, демографические, географические особенности той или иной страны, формы правления государственного устройства, политический режим, правовая система и другие факторы. Каждая из моделей имеет свои особенности присущие тому или иному государству. Анализируя основные особенности каждой модели, можно сказать, что главное их отличие во взаимоотношениях с центральной властью. Для более наглядного выделения характерных признаков можно привести таблицу.

Модель	Страны-представители	Отличительные особенности
Англосаксонская	Великобритания, США, Канада, Новая Зеландия и др.	1) Децентрализация системы управления. 2) Автономия органов. 3) Чёткое распределение компетенции органов каждого уровня. 4) Выборность представителей. 5) Контроль осуществляют суды. 6) Позитивный принцип регулирования: "разрешено то, что прямо предписано».
Континентальная	Франция, Италия,	1) Высокая

	Польша, Болгария, Турция и др.	централизованность. 2) Подчинение нижестоящих звеньев вышестоящим. 3) Сочетание выборности и назначаемости. 4) Прямой контроль. 5) Негативный принцип «разрешено то, что не запрещено».
Система советов	Бывший СССР, КНДР, Китай, Куба.	1) Наличие жесткой иерархии. 2) Высшие органы – советы, являющиеся органами государства, избираемые населением. 3) Исполнительная власть - в исполкомах.
Иберийская	Бразилия, Аргентина, Мексика, Португалия, Колумбия и др.	1) Избрание населением местного совета, представителя (алькальда) 2) Утверждение представителя центральной властью. 3) Осуществление им двойных полномочий.

Проведя анализ зарубежных моделей местного самоуправления, следует вывод, модель местного самоуправления в России достаточно сложно привязать к одной из вышеназванных моделей в силу своеобразного исторического опыта, который отличается от западного. В истории российского современного государства постоянно шла борьба централизации и децентрализации и, в основном, происходило доминирование централизованного государства. Однако, проведённые после распада СССР реформы в области местного самоуправления привели к внедрению европейского опыта. Несмотря на то, что часто модель местного самоуправления России относят к континентальной, согласиться с этим нельзя т.к. по мнению исследователей в данной области, в частности, по мнению С. А. Левина, Россия больше относится к смешанной модели местного самоуправления, которая совмещает в себе признаки как англо-саксонской, так и континентальной, с наличием специфических признаков свойственных тому или иному региону. Эта модель также называется германской, которая предполагает некие специфические

черты осуществления местного самоуправления в различных регионах Германии, что схоже с опытом России. Таким образом, можно говорить и о том, что в различных субъектах РФ наблюдаются отличные специфические черты местного самоуправления в силу исторических и национальных традиций. Это также объясняется тем, что Российская Федерация является многонациональной страной, в которой проживает множество наций, имеющих свои культурные и традиционные ценности, которые учитываются при осуществлении местного самоуправления и тот же богатый исторический опыт, совмещающий в себе различные попытки реформирования местного самоуправления в тот или иной период также является следствием того, что на современном этапе сложно выбрать ту единую модель, отвечающую всем требованиям.

Но всё же, на наш взгляд, для России более приемлема смешанная модель. От англосаксонской ее отличает законодательная регламентация деятельности местных органов и большая связь с государством, а от континентальной — большая демократизация местной жизнедеятельности. Жители наряду с избирательным правом широко практикуют такие формы участия, как посещение открытых заседаний совета, собрания и слушания, местные референдумы, а также учитываются специфические особенности каждого отдельного региона.

Список литературы:

1. Акмалова А.А. Модели местного самоуправления. М., 2001. С. 37.
2. Батычко В.Т. Муниципальное право. Конспект лекций. - Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2010 г.
3. Баглай Н. В. “Конституционное право зарубежных стран”, Норма - Инфра М, Москва, 2000
4. Европейская хартия местного самоуправления: ETS № 122 от 15.10.1985 г., Страсбург //СЗ РФ. – 1998. - № 36.
5. Емельянов Н.А. Местное самоуправление: международный опыт. М., 1997. С. 6.
6. Ковешников Е. М “Муниципальное право”, Норма - Инфра М, Москва, 2000
7. Чиркин В.Е. Организационные формы местного самоуправления: Россия и зарубежный опыт // Журнал российского права. 1997. № 8. С. 98.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ЗАРУБЕЖНЫХ ФЕДЕРАЦИЙ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Проблема конституционно-правового статуса субъектов зарубежных федераций в науке конституционного права на сегодняшний день является весьма актуальной. Именно поэтому представляются важными вопросы о том, какое значение для федеративного устройства государства имеет определение конституционно-правового статуса его субъекта, особенностей правового положения субъектов той или иной федерации. Термин «статус» относительно субъектов зачастую не упоминается в конституциях зарубежных государств, следовательно его содержание не может быть раскрыто с помощью основного закона.

Некоторые ученые, например А.Т. Карасев [1, с. 45], М.С. Саликов [2, с. 37-38], Н.М. Добрынин [3, с. 249] в характеристиках правового статуса субъекта федерации на примере России выделяют следующие элементы: наличие собственной территории; самостоятельное установление своего наименования, наличие системы органов государственной власти; обладание собственной правовой системой; своя официальная символика; возможность быть участниками международных и внешнеэкономических связей, а также равноправие субъектов и отсутствие сецессии. В принципе данные элементы характерны и для субъектов других современных федераций.

Нормы, регулирующие особенности правового положения субъектов любой федерации, как правило, содержатся в конституции государства и они обусловлены сложившимися традициями и культурой конкретной страны, ее историческим развитием, географическими и экономическими, этнографическими и демографическими, иными факторами. Иначе говоря, каждая федерация обладает своими специфическими особенностями регулирования статуса субъектов, которые далее будут рассмотрены на примере таких государств как ФРГ, США и Индия.

Д. Д. Басу[4], при определении того, имеет государство федеративное или унитарное устройство, убежден, что среди специалистов обычно принято

осуществлять сравнение со старейшей федерацией - Соединенными Штатами Америки. Однако, необходимо отметить, что если принимать США за некий эталон, то больше ни одна страна (кроме Швейцарии) не может быть признана федерацией. Ныне, естественно, понятие федеративного устройства стало намного шире в сравнении со временем создания США, а соответственно все существующие федерации имеют как много общего, так и много отличного. Проанализировав на основе текстов конституций вышеуказанных стран положения закрепляющие правовой статус субъектов федераций, были получены следующие результаты.

При анализе федеративного устройства государства многие ученые прибегают к понятию симметричности. Под симметричной федерацией принято понимать государство, правовое положение субъектов которого равнозначно. Ассиметричная федерация характеризуется, напротив, разностатусностью субъектов. С точки зрения равноправия субъектов Индия является ассиметричной федерацией, а США и ФРГ – симметричны. Это значит, что правовой статус субъектов последних является одинаковым, а в Индии существуют три вида штатов, права которых регулируются законодательством по-разному. Асимметрия Индии выражается и в том, что представительство штатов верхней палате неодинаково (от 1 до 34 представителей) и зависит прежде всего от численности населения, хотя и не пропорционально ему. (это же характерно и для представительства земель в Бундесрате в ФРГ)

Стоит сказать и о том, что все три конституции не закрепляют право выхода субъектов из состава федерации. В законодательной сфере штаты США и земли ФРГ имеют право на создание собственных конституций и иных законов, регулирующих отношения, входящие в предмет их исключительного и совместного с федерацией ведения. В Индии же штаты также обладают правом собственного законодательства, но не имеют своих конституций (исключение составляют штаты Джамму и Кашмир). Все три конституции закрепляют преобладание федеральных законов и конституции над законодательством субъектов, а так же то, что последние не должны противоречить им.

Штаты Индии не имеют и собственного гражданства, в то время как штаты США имеют, а в Основном законе Германии данное положение вообще не урегулировано.

Важным для рассмотрения является вопрос разграничения компетенции между субъектами и федерацией, а также степень урегулированности взаимоотношений между ними. США имеют децентрализованный характер

государственного устройства (в каждом штате помимо своей конституции имеется своя легислатура, исполнительная власть и судебная система), а организация местного самоуправления основана на англосаксонской модели. Здесь не практикуется назначение государственных чиновников для контроля за избираемыми населением на срок до 4-х лет советами или правлениями графств, областей, округов, тауншипов.

Кроме коллегиальных органов население США избирает должностных лиц: мэров, управляющих, шерифов. Указанные органы власти в штатах и занимаются разрешением вопросами, входящими в предмет их ведения, которые прямо не закреплены в конституции, но согласно 10 поправке от 1791 г. «полномочия, не делегированные Конституцией Соединенным Штатам и не запрещенные ею Штатам, остаются соответственно за Штатами или за народом», [5] т.е. это те полномочия, которые не входят в предмет исключительного ведения федерации, иначе говоря, остаточные.

Исходя из этого США часто называют «дуалистическим» федеративным государством с развитием тенденции к усилению власти штатов.

Германия также является децентрализованным государством с ярко выраженными чертами так называемого «кооперационного федерализма». Подтверждением чего, например, является ст. 35 Основного закона ФРГ, где закрепляется обязанность учреждений федерации и земель оказывать друг другу взаимную правовую и административную помощь [5]. Также стоит отметить, что в Основном законе 1949 г. очень четко разграничены предметы ведения федерации и земель. Касательно системы организации местного самоуправления, то в ряде земель (Северный Рейн-Вестфалия и Нижняя Саксония) присутствуют черты англосаксонской модели, а в других – континентальной (Рейнланд-Пфальц, Саар, сельские общины Шлезвиг-Гольштейна).

Рядом отличительных особенностей обладает Индия, и отличается тем, что является наоборот централизованным государством. Размежевание предметов ведения между федерацией Индии и штатами урегулировано специальным (седьмым) приложением к Конституции, однако на деле оно носит условный характер, т.к. конституция Индии закрепляет возможность принятия федеральных законов по предметам исключительного ведения штатов. Для этого Совет штатов 2/3 голосов должен передать такое право федеральному парламенту, "если это соответствует общенациональным интересам" [5]. В области совместной компетенции закон штата действует только в том случае, если по данному вопросу

нет федерального закона. Можно сказать, что индийской федерации присущи очень сильные черты унитаризма. Как справедливо писал Д.Д. Басу Индия представляет собой "особый случай" среди мировых федераций, при этом за время прошедшее со дня принятия индийской конституции тенденция сползания к унитарному государству все увеличивается. Во многом это связано с тем, что, в отличие от многих федераций, в состав индийской федерации вошли субъекты, которые никогда до этого не были суверенными[4]. В области местного самоуправления, организуемого по континентальной модели, население муниципалитета избирает генеральный совет, а последний из своего состава избирает мэра и его заместителя. Исполнительным органом совета является назначаемое лицо – губернатор. Административные органы, а также судебные органы федерации и штатов образуют единую систему. Правительство федерации может давать правительствам штатов обязательные указания, касающиеся исполнения федеральных законов.

Таким образом, в ходе исследования были рассмотрены основные отличительные особенности правового положения субъектов США, Индии и ФРГ. Особый интерес, на наш взгляд, представляет Индийская федерация ввиду централизованного характера государственного устройства (что приводит к уменьшению власти штатов), отсутствие таких важных признаков федерации как: наличие двойного гражданства (федерации и субъектов), наличие собственной судебной системы субъектов. Многие вопросы, отнесенные Конституцией к компетенции штатов, на деле урегулированы федеральными законами. В штатах может быть введено также так называемое президентское правление, если в штате возникла ситуация, при которой управление им не может осуществляться в соответствии с Конституцией, установленными ею средствами. Вопросы оправданности такой жесткой централизации власти в условиях федерализма и возможности дальнейшего превращения Индии в унитарное государство уже долгое время волнуют умы как самих индийских ученых, так и мировых специалистов. Однако на современном этапе данная форма правового положения субъектов Индии как федеративного государства обладает рядом уникальных особенностей, которые «ломают» представление о федерализме.

Список литературы:

1. Карасев А.Т. Представительные (законодательные) органы власти субъектов Российской Федерации (Общая характеристика). Екатеринбург, 2004. 178 с.
2. Конституционное право России / отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин (автор главы – проф. М.С. Саликов). Екатеринбург, 2001. 544 с.

3. Добрынин Н.М. Конституционно-правовые основы отношений края или области с входящими в их состав автономными округами. Тюмень, 2003. 534 с.
4. Басу Д. Д. Основы конституционного права Индии. М., 1986.
5. Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. проф. В.В. Маклаков — 2-е изд., исправ. и доп.— М.: Издательство БЕК. — 584 с.
6. Конституции зарубежных государств: Учебное пособие/Сост. проф. В.В.Маклаков. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: ВолтерсКлувер, 2003")

УДК 342.25

Заинчковская К.Д.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И.Вернадского» Юридический факультет*

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В первую очередь, обращаясь к вопросу о нормативно-правовой основе местного самоуправления в Российской Федерации, необходимо отталкиваться от ее легального описания, закрепленного в ч. 1 ст. 4 Закона о местном самоуправлении: «Правовую основу местного самоуправления составляют общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы, издаваемые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты Российской Федерации (указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, иные нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти), конституции (уставы), законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, уставы муниципальных образований, решения, принятые на местных референдумах и сходах граждан, и иные муниципальные правовые акты».

Несмотря на довольно всестороннее описание в тексте рассматриваемого Федерального закона правовой основы местного самоуправления в России, она все же требует некоторого доктринального уточнения и дополнения.

Неопределенно главную значимость из числа международно-правовых источников представляет Европейская хартия местного самоуправления, ратифицированная Федеральным законом от 11 апреля 1998 г. и вступившая в силу

для России с 1 сентября 1998 г., которая по своему значению и содержанию является правовым ориентиром для российского законодателя, органов государственной власти и местного самоуправления [1].

Вторую группу источников, образующих нормативно-правовые основы местного самоуправления в России, составляют внутригосударственные источники, которые составляет:

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г [2].

2. Федеральные законы и постановления палат Федерального Собрания Российской Федерации.

В настоящее время в Российской Федерации действует Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3], весьма всесторонне регулирующий основные вопросы осуществления местного самоуправления и в силу этого имеющий системообразующее, кодифицирующее значение для всего комплекса федеральных нормативных актов, которые так или иначе касаются сферы местного самоуправления. Закон устанавливает перечни вопросов местного значения муниципальных образований разного вида, допуская их изменение только путем внесения изменений и дополнений в данный Закон или принятия в установленном им порядке законов субъектов РФ, муниципальных нормативных актов (ч. 1 ст. 18) [5, с. 422].

3. Нормативные правовые акты Президента РФ, Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти. К наиболее значимым, в частности, относятся: Указ Президента от 15 октября 1999 г. № 1370 «Об утверждении Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации»; Указ Президента от 2 ноября 2007 г. № 1451 «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления»; Указ Президента от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов».

Постановления Правительства Российской Федерации предполагают собою нормативные акты, которые принимаются в развитие законодательных установлений, указов Президента России и характеризуют ключевые направления правительственной политики в области местного самоуправления. Примерами могут являться: Постановление Правительства от 27 июня 1996 г. № 755 «О некоторых

мерах по организации взаимодействия федеральных органов исполнительной власти с органами местного самоуправления»; Постановление Правительства от 18 апреля 2012 г. № 344 «О ведении государственного реестра муниципальных образований Российской Федерации».

Федеральные органы исполнительной власти (министерства и иные ведомства) в пределах своих полномочий также принимают нормативные акты, образующие нормативно-правовые основы местного самоуправления в России. Например, Приказом Минюста России от 1 апреля 2014 г. № 57232 утверждена Форма журнала для ведения государственного реестра муниципальных образований Российской Федерации.

4. Большое значение с точки зрения укрепления и повышения качества нормативно-правовых основ местного самоуправления в России имеют постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации. За время своего существования Конституционный Суд России принял несколько десятков постановлений и определений, затрагивающих вопросы организации местного самоуправления.

5. Нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации. К региональным нормативно-правовым актам, регулирующим местное самоуправление, относятся: конституция (устав) субъекта Российской Федерации, законы субъектов Федерации, нормативно-правовые акты региональных органов исполнительной власти.

Немаловажным для правовой регламентации местного самоуправления считаются и законы субъектов Российской Федерации. В каждом субъекте Федерации сегодня, как правило, имеется специальный закон, комплексно определяющий организацию местного самоуправления, а также законы, подробно регулирующие отдельные стороны деятельности по решению вопросов местного значения [4, с.698].

6. Решения судебных органов конституционного (уставного) нормоконтроля субъектов Российской Федерации. Конституционное правосудие в России, как известно, получило применение не только на федеральном уровне. Конституционные (уставные) суды и палаты созданы и фактически действуют в 17 субъектах Российской Федерации, еще в 37 сохраняется зафиксированная конституцией (уставом) потенциальная возможность начала их деятельности.

7. Муниципальные нормативно-правовые акты и муниципально-правовые договоры — нормативные источники, действующие в масштабах территории

муниципального образования. При этом в силу прямого указания, содержащегося в ч. 4 ст. 7 Закона о местном самоуправлении, муниципальные правовые акты носят подзаконный характер деятельности по решению вопросов местного значения.

Особая роль в системе источников, образующих нормативно-правовые основы местного самоуправления в Российской Федерации, принадлежит уставам муниципальных образований. Они, по сути, являются принимаемыми на местном уровне актами учредительного характера и потому регулируют важнейшие стороны и особенности организации местного самоуправления в конкретных местных сообществах (муниципалитетах).

Действующий Закон о местном самоуправлении весьма подробно регламентирует требования, к уставам муниципальных образований исходя из их особой роли в системе муниципальных правовых актов: определению признаков, сущности, юридических свойств и порядку принятия, пересмотра и дополнения муниципальных уставов в Законе посвящена отдельная статья (ст. 44).

Таким образом, закрепленная Конституцией Российской Федерации современная модель местного самоуправления в нашей стране позволяет рассматривать данный общественно-политический феномен, прежде всего, как одну из важнейших основ конституционного строя России, форму народовластия и элемент публичной власти, а также системную целенаправленную деятельность местных сообществ по самостоятельному ведению местных дел (решению вопросов местного значения).

Анализ системы нормативных источников, образующих в совокупности нормативно-правовые основы местного самоуправления в нашей стране, свидетельствует о развитом характере системы юридической регламентации различных аспектов муниципальной деятельности

При этом особую роль в закреплении нормативно-правовых основ местного самоуправления в конкретных муниципальных образованиях играют их уставы, являющиеся, по сути, мини-конституциями соответствующих местных сообществ.

Список литературы:

1. Европейская хартия местного самоуправления от 15 октября 1985 года // Бюллетень международных договоров. - 1998. - №11.
2. Конституция Российской Федерации, принятая на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года // Российская газета. - №237. - 1993; Российская газета. - №163. - 2014.
3. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 N 131-ФЗ (последняя редакция).

4. Добрынин Н.М. Конституционное (государственное) право Российской Федерации: современная версия новейшей истории государства. Учебник: в 2-х томах. – Том 2. – Новосибирск: Издательство «Наука», 2016. – 955 с.
5. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (постатейный) / И.В. Бабичев, В.В. Волков, А.В. Мадьярова и др.; под ред. И.В. Бабичева, Е.С. Шугриной. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, Инфра-М, 2015. – 672 с.

УДК 352 (470+571)

Письменная М.Д.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И.Вернадского» Юридический факультет*

ПРОБЛЕМЫ КОМПЕТЕНЦИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Ряд определённых правовых проблем обладают особым свойством постоянства актуальности. То есть их научная разработанность не может быть завершена ни в одной теории, так как между определённой проблемой и предлагаемым решением всегда будет множество промежуточных факторов, которые, в свою очередь, в значительной степени определяют набор средств и способов решения данной проблемы [1; с.104]. К таким проблемам с полной уверенностью можно отнести и проблемы компетенции в системе органов местного самоуправления. Выбор данной темы был обусловлен значительной ролью исследуемых нами проблем в теории и практике местного самоуправления, тем, что решение данных проблем, может способствовать оптимизации и упорядочению отношений органов местного самоуправления между собой, а также с органами государственной власти. Также одним из факторов обусловивших выбор темы данного исследования является ФЗ «об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года, а также его последующие изменения и дополнения, что уже само по себе свидетельствует о несовершенстве данного закона.

Цель работы заключается в комплексном исследовании правового регулирования компетенции органов местного самоуправления и разработке рекомендаций, направленных на совершенствование законодательства. Для разрешения данной цели были поставлены следующие задачи: исследование и

анализ действующего законодательства, регулирующего вопросы организации и деятельности органов местного самоуправления, а также подготовка предположений, направленных на разрешение данной проблемы.

Теоретическую основу исследования сформировали работы следующих специалистов в области права: О.А. Стукалова, Т.М. Бялкина, Ю.А. Тихомиров и др.

Итак, к исследуемой нами группе проблем следует отнести:

- отсутствие чёткого правового разграничения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления;
- недостаточную разработку понятийного аппарата.

Что касается первой проблемы: мы считаем, что она является одной из наиболее острых проблем становления местного самоуправления. В Российской Федерации не построено эффективного взаимодействия между разными уровнями власти. Это может быть обусловлено так называемыми «проблемами роста» местного самоуправления, или же причина кроется в недостаточной разработанности теории местного самоуправления.

Эту проблему может решить закрепление в ФЗ « об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года отдельного раздела о компетенции, содержащего подробный перечень полномочий органов местного самоуправления. Однако, как справедливо отмечает Т.М. Бялкина в своей работе «Компетенция местного самоуправления: проблемы теории и правового регулирования» данный шаг приведёт к тому, что содержание данного закона выйдет за рамки его названия, ведь подробный перечень полномочий органов местного самоуправления нельзя отнести к числу принципиальных положений законодательства. Кроме того постоянные изменения и дополнения, а они неизбежны, если дело касается компетенции, недопустимы для закона регулирующего общие положения.

В связи с этим целесообразным мы считаем принятие специального федерального закона, регулирующего все аспекты компетенции, и предоставившего субъектам РФ возможность уточнения полномочий органов местного самоуправления применительно к отдельным видам муниципальных образований, с учётом всех особенностей, вытекающих из специфики местных условий.

Разграничение полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления - это результат довольно длительного исторического развития [1; с.271]. Большинство стран пришли к этому на основе

делегирования полномочий на тот уровень, на котором решение той или иной задачи будет наиболее эффективным.

Что касается разработки понятийного аппарата. Бялкина в своей работе справедливо отметила, что, несмотря на то, что наблюдается значительное продвижение в решении данного вопроса, всё же сохраняются проблемы в трактовке даже наиболее основополагающих положений, таких как:

- компетенция собственная и переданная;
- соотношение собственных и переданных полномочий в компетенции органов местного самоуправления;
- договорное регулирование разграничения полномочий.

Мы считаем, что при дальнейшей разработке понятийного аппарата необходимо уточнить содержание таких понятий как «наделение полномочиями» и «делегирование полномочий». О.А. Стукалова в своей работе «Понятие и сущность наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями» говорит о том, что в законодательстве и правоприменительной практике данные понятия часто понимаются как идентичные. Однако это не совсем верно. Например, Б.М. Лазарева предлагает отличать делегирование от наделения полномочиями. При делегировании сторона, принявшая полномочия, будет действовать от своего имени, а при наделении полномочиями от имени органа передавшего ей полномочия. Такого же мнения придерживался Ю.А. Тихомиров, который в своей теории компетенции разграничивает установление и перераспределение компетенции [2; с.54]. В соответствии с данной теорией наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями является способом перераспределения полномочий между государственными органами и органами местного самоуправления. Компетенция государственных органов при этом временно сокращается на объём переданных полномочий. Стукалова же говорит о том, что эти полномочия, оставаясь государственными, не исключаются из компетенции государственных органов [3; с.56]. В своём высказывании она опирается на то, что финансовое обеспечение переданных полномочий осуществляется за счёт субвенций со стороны государства. А также основание для такого высказывания могло послужить и то, что государство осуществляет контроль законности их исполнения, даёт письменные предписания, которые являются обязательными для органов местного самоуправления.

В связи с этим мы можем говорить о том, что теория компетенция в этой части требует дальнейшего изучения. А также необходимо соответствующее законодательное закрепление соответствующих правовых понятий.

В заключение следует отметить, что в РФ, как уже было сказано, нет чёткого разграничения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления. Большинство исследователей для решения данной проблемы в качестве доминирующего предлагают выбрать механизм делегирования полномочий, что, по мнению отдельных специалистов, позволит уйти от примитивных бинарных и троичных схем в законодательстве [3; с.198]. Мы считаем такой подход наиболее оптимальным и верным. А также для решения данной проблемы необходимым мы считаем учёт зарубежного опыта разграничения полномочий. В таких странах как Испания, Франция, ФРГ и других делегирование полномочий в пользу муниципальных органов получило широкое распространение, и это позволило решить ряд проблем актуальных не только для муниципального образования, но и для государства в целом. Такой шаг позволит повысить эффективность реагирования на различные вопросы местных сообществ и отдельных граждан, иными словами создать рычаги более плодотворного реагирования на запросы общества.

Список литературы:

- 1.Бялкина,Т.М. Компетенцияместногосамоуправления: проблемы теории и правового регулирования.- Воронеж.: Воронеж.- 2006.- 591 с.
- 2.Стукалова, О.А. Понятие и сущность наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями // Юридические науки. - М.: Компания Спутник+.- № 4- 2006.- С. 48-60
- 3.Акмалова, А.А. Методология исследования местного самоуправления в Российской Федерации. Монография. - М.: Прометей.- 2003.- 240 с.
- 4.Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 28.12.2016) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ.- 2003.- № 40.
- 5.Балдин, А.К. Актуальные проблемы муниципального права России.- Новгород.- 2016.- 274 с.

Хан К.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И.Вернадского» Юридический факультет*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РФ И КОММУНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ФРГ

Местное самоуправление является основным связующим звеном между государством и населением, которое непосредственно или через образуемых им органов и соответствующим образом избираемых или назначаемых должностных лиц осуществляет власть на местах [1, с. 237]. По уровню наделяемых полномочий и выполняемых функций органов МСУ можно судить о степени демократизации всего общества.

Объект нашего исследования – конституционные правоотношения в области формирования и функционирования органов местного самоуправления. Предмет исследования – явление МСУ, особенности правовой основы его построения на территории Российской Федерации и Федеративной Республики Германии. Нами была поставлена цель – выявить общие правовые начала в построении системы органов МСУ в РФ и ФРГ, определить особенности законодательств двух стран, которые регулируют МСУ, а также провести сравнение между такими правовыми основами в РФ и ФРГ.

Нормативной и доктринальной базой исследования стала Европейская хартия местного самоуправления от 15 октября 1985 года, Конституция Российской Федерации, ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 6 октября 2003 года. Для проведения правового сравнения основ МСУ в РФ и ФРГ использовались Основной закон ФРГ и законы земель, которые регулируют построение системы органов МСУ.

Становление местного самоуправления в РФ имеет богатую историю и на данный момент находится на стадии совершенствования, а потому рассмотрение зарубежного опыта является необходимым условием для его дальнейшего развития.

Идеальной в этом плане выступает Федеративная Республика Германия, которая является близкой Российской Федерации по своему государственному устройству. Ко всему прочему, оба государства в построении местного самоуправления опираются на универсальные демократические принципы

Европейской хартии местного самоуправления от 15 октября 1985 года, что выявляет общую правовую основу для дальнейшего построения системы МСУ [2, с. 167].

Основным источником, регулирующим организацию местного самоуправления в ФРГ, является Основной закон, который в ст. 28 закрепляет, что «в землях, районах и общинах народ должен иметь представительство, созданное путём всеобщих, прямых, свободных, равных и тайных выборов». Также, данная статья закрепляет «право регулировать в рамках закона под свою ответственность все дела местного сообщества», имея ввиду вертикальное разграничение ведения дел как на федеральном, земельном так и на общинном уровне, что видится, вполне, удобным и эффективным способом обеспечения интересов местного населения, но с той оговоркой, что прослеживается некоторое влияние на деятельность коммун со стороны государственных органов [3, с. 97].

Следующими основными источниками, регулирующими систему местного самоуправления, являются конституции земель ФРГ, которые определяют полномочия органов местного самоуправления. Можно сразу сказать, что в государстве отсутствуют федеральные законы, которые, так или иначе, затрагивали бы данный вопрос. Земельные законы об общинах (районах) закрепляют организационную модель МСУ, ограничивают организационное верховенство коммун правом определения внутренних административных структур. Таким образом, федерация практически ограничивает своё вмешательство в регулирование данного вопроса [4, с. 28].

Конституция Российской Федерации является основным источником, определяющим статус МСУ: признаёт и гарантирует местное самоуправление, определяет основные положения статуса органов МСУ, выводя их из системы органов государственной власти. Также, закрепляя основные принципы построения органов местного самоуправления, она относит её регулирование к совместной деятельности федерации и её субъектов, тем самым оставляя себе широкий круг законодательных полномочий в данном вопросе.

Ещё одним источником является ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 6 октября 2003 года, в котором говорится о вопросах «местного значения» и вопросах не входящих в систему органов государственной власти, тем самым приводя в действие остаточный принцип и оставляя органам МСУ возможность следить за выполнением вопросов, которые находятся в ведении органов государственной власти. Также данный закон

регулирует способы организации местного самоуправления, что в свою очередь значительно ограничивает варианты построения региональных моделей МСУ (в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» 1995 года таких ограничений не было). Данные изменения явились результатом того, что федерация и субъекты совместно определяют организацию МСУ [5, с. 57].

Сравнивая правовые основы построения МСУ России с такой страной, как ФРГ, мы можем выделить общие характеристики: учёт в национальном законодательстве основных принципов построения местного самоуправления, взятых из Европейской хартии о местном самоуправлении, делегирование полномочий центром своим субъектам в решении вопросов организации МСУ. Наравне с этим мы можем выделить и различия: в Российской Федерации местное самоуправление регулируется на федеральном, региональном и местном уровнях. Федеральный закон предоставляет возможность муниципальным образованиям самостоятельно выбирать организационную модель местного самоуправления. В ФРГ отсутствуют федеральные законы о местном самоуправлении, а общины не имеют права принимать свои уставы, закрепляющие систему местного самоуправления в конкретном муниципальном образовании. Все они регулируются единой муниципальной конституцией, которая действует на всей территории земли [6, с. 183].

Подводя итог, можно сказать, что сравнение двух государств показало, что, не смотря на сходства и различия, оба они стараются модернизировать и корректировать систему местного самоуправления. Опыт ФРГ, близкой Российской Федерации по государственному устройству, может помочь нашей стране в проведении дальнейших реформ в данной отрасли с целью оптимизации системы местного самоуправления для её эффективного функционирования.

Список литературы:

1. Никитин, А.М. Муниципальное право: Учебник для вузов // М: ЮНИТИ-ДАНА. – 2000. – 439 с.
2. Гриценко, Е.В. Местное самоуправление в системе публичного управления федеративного государства: значение опыта ФРГ для России / Е.В. Гриценко, Иркутск : ИГЭА, 2001. С. 167
3. Авдонин, В.С. Развитие местного самоуправления в Германии и России: история, проблемы, перспективы // Политическая наука/ № 3, 2008, С. 93-98
4. Локшина, К.Н. Особенности организации местного самоуправления в России и ФРГ: компаративный анализ // Вестник Удмуртского университета / № 3, 2013, С. 26 - 32

5. Гриценко, Е.В. Местное самоуправление и государство: сравнительный анализ теоретических и правовых основ в Германии и России // Муниципальное право. – 2000. – №2. – С. 57.
6. Михалёва, Н.В. Местное самоуправление в Германии // Ленинградский юридический журнал /№ 4, 2013 С. 177 - 184

УДК 342.55

Медведева. А.М.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского» Юридический факультет

Сравнительная характеристика статуса городского головы по «Городовому положению» 1870 года и главы муниципального образования в современный период.

Порядок избрания и объем полномочий органов местного самоуправления, в том числе высшего должностного лица характеризуют степень участия населения в осуществлении местного самоуправления. В работе проведена сравнительная характеристика статуса городского головы по «Городовому положению» 1870 года и главы муниципального образования в современный период. В России в середине XIX века начались масштабные реформы. Они затрагивали все сферы общественной жизни, в частности была проведена реформа городского самоуправления во всех городах России. Недостатки городского управления были сильно ощутимы на местах, поэтому Министерство внутренних дел в 1862 году приступило к подготовке городской реформы. Принципы организации городского самоуправления были основаны на опыте земского самоуправления[4]. «Городовое положение» 16 июня 1870 закрепило всеобщность управления на местах, основанное на принципе имущественного ценза. В соответствии со ст. 17(Городовое положение) «всякий городской обыватель, к какому бы состоянию он не принадлежал, имеет право голоса в избрании гласных при следующих условиях:

- 1) если он русский поданный;
- 2) если ему не менее 25 лет от рождения;
- 3) если он, при этих двух условиях, владеет в городских пределах, на праве собственности, недвижимым имуществом, подлежащим сбору в пользу города, или содержит торговое или промышленное заведение по свидетельству купеческому;
- 4) если на нем не числится недоимок по городским сборам.

Кроме граждан, в городских выборах могли участвовать разные учреждения, ведомства, компании, общества, товарищества, а также церкви и монастыри, если они владели в городах недвижимым имуществом.

«Городовое Положение» 1870 года создавало систему городского самоуправления, включающего следующие институты: городское избирательное собрание (для избрания гласных каждые четыре года), Городская дума (представительный орган) и Городская управа (исполнительный орган).[4]

Городской голова возглавлял городскую управу, исполнял полномочия председателя городской думы, а также председательствовал в избирательных собраниях. В качестве председателя городской управы руководил хозяйством города, имел право единолично принимать важные решения. Он избирался на 4 года утверждался в должности императором в городах Санкт-Петербург и Москва, в губернских городах – Министром внутренних дел, в остальных городах – губернаторами. [6]

Должности Городского Головы, членов Городской Управы и Городского Секретаря (Секретаря Думы) замещались по выбору Городской Думы. Если Городской Голова не мог временно исполнять свою должность по болезни или по другим причинам, то обязанности его исполняли члены Городской Управы, назначаемым Городскою Думой.

Деятельность городского головы ограничивалась пределами города и отведенных ему земель. В его задачи входили:

а) дела по устройству городского общественного управления и по городскому хозяйству;

б) благоустройство города, строительство мостов, тротуаров, площадей;

в) благосостояние городского населения: обеспечению продовольствием, устройство рынков и базаров, здравоохранение, принятие мер предосторожности против пожаров и других бедствий.

г) устройство благотворительных больниц и заведений, а также библиотек, театров, музеев и других подобного рода учреждения.

Таким образом, «Городовое положение» 1870 года четко не разграничивало полномочия органов городского самоуправления.

С началом царствования Александра III начались широкомасштабные контрреформы, которые затронули городское самоуправление. В 1892 году в соответствии с Городовым Положением от 11 июня 1892 года была проведена реформа. Компетенция органов городского самоуправления и предметы его ведения

по Городовому положению 1892 года существенно не изменились относительно Положения 1870 года, но усилилась их подконтрольность губернатору. Голова, члены управы и городской секретарь (секретарь думы) становились государственными служащими. Реформа городского самоуправления 1892 года превратила городскую управу в коллегию выборных чиновников, а думу - в простой совет при управе. Городское самоуправление 1892 было поставлено под административный контроль, что существенно ограничивало самостоятельность. Можно сделать вывод, что по Городовому положению 1892 года была усилена централизация власти.

В современном понимании глава муниципального образования — высшее должностное лицо муниципального образования, наличие которого в структуре органов местного самоуправления обязательно. Глава муниципального образования в соответствии с ФЗ № 131 от 6 октября 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»:

- представляет муниципальное образование в отношениях с органами местного самоуправления других муниципальных образований, органами государственной власти, гражданами и организациями, действует от имени муниципального образования;
- подписывает и обнародует в порядке, установленном уставом муниципального образования, нормативные правовые акты, принятые представительным органом муниципального образования;
- издает в пределах своих полномочий правовые акты;
- обеспечивает осуществление органами местного самоуправления полномочий по решению вопросов местного значения и отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъекта Российской Федерации. [2]

Глава муниципального образования избирается гражданами, проживающими на территории муниципального образования, на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании либо представительным органом местного самоуправления из своего состава. Глава муниципального образования, наделяется собственной компетенцией по решению вопросов местного значения в соответствии с уставом муниципального образования. Наименование главы муниципального образования и сроки полномочий, определяются уставом муниципального образования в соответствии с законами субъектов Российской Федерации. Глава муниципального образования, в соответствии с уставом

муниципального образования, подотчетен населению непосредственно и представительному органу местного самоуправления.

На основании вышеизложенного можно выделить следующее:

1) Городской голова по «Городовому положению» 1870 года был ограничен лишь компетенцией по решению вопросов в сфере хозяйственного управления. А в современный период глава муниципального образования обладает собственными полномочиями по решению вопросов местного значения и переданными государственными полномочиями.

2) Городской голова по «Городовому положению» 1870 года был подконтролен вышестоящим органам. В современный период органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, глава муниципального образования подконтролен населению и представительному органу муниципального образования.

3) В 1870 году исполнительные и распорядительные полномочия сосредоточены в одном органе - городской управе. Сегодня глава муниципального образования реализуются представительские, нормотворческие, контрольные полномочия.

4) В современный период возрастные требования, предъявляемые к кандидатам на должность главы муниципального образования значительно ниже, и составляют 21 год. В соответствии с Положением 1870 года должность городского головы могло занимать лицо, достигшее 30-летнего возраста.

Вывод: Цели и задачи деятельности глав городов остались в целом схожи, и заключаются в решении вопросов местного значения, при этом в современный период глава муниципального образования наделен большим объемом полномочий для их решения. При этом значительно усилен контроль со стороны населения за деятельностью главы муниципального образования.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993)

2. Федеральный закон от 6.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 15.02.2016) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

3. Федеральный закон от 28.08.1995 N 154-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7642/

4. Городовое положение от 16 июня 1870 г. // ПСЗ – 2. Т. 15. №48498.

- 5.Муниципальное право России [] : курс лекций / А. С. Прудников, В. В. Еремян, А. М. Лимонов. - М. : Книжный мир, 2005. - 243 с.
6. Муниципальное право России: учеб./ Под ред. Кокотов А.Н. Соломаткин А.С. , М., 2005
- 7.История государства и права России: Учеб./ Под ред. Ю.П. Титова. М., 1999.

УДК 342.55

Кочмарев Н.В.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И.Вернадского» Юридический факультет*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГЛАВЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РФ: О НЕОБХОДИМОСТИ УПРОЩЕННОГО ПОРЯДКА ОТЗЫВА

В соответствии с п.1 статьи 36 Федерального закона от 06.10.2003 N-131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», глава муниципального образования является высшим должностным лицом муниципального образования и наделяется уставом муниципального образования собственными полномочиями по решению вопросов местного значения. [1] Целью данной работы является поиск наиболее целесообразных и приемлемых с точки зрения закона способов и средств демократизации взаимоотношений муниципальной власти с населением. Для достижения данной цели перед нами стоит следующая задача – отыскать механизмы, позволяющие осуществить по воле населения процедуру отзыва главы МО в более упрощенном порядке. Тогда можно будет с уверенностью сказать, что сделан еще один важный шаг в практическом воплощении тезиса – «Местное самоуправление как основа народовластия».

Указанное положение Федерального закона устанавливает общие рамки правового статуса главы муниципального образования (далее – МО) в РФ. [3] Однако интерес нашего исследования привлек вопрос об ответственности данного должностного лица и прекращении им осуществления своих полномочий в порядке отзыва населением соответствующего МО. Стоит отметить, что данный вопрос на сегодняшний день нормативно не урегулирован; нет правовой нормы, которая устанавливала бы исчерпывающую процедуру отзыва главы МО избирателями, ибо данный вопрос относится к ведению уставов МО, которые, впрочем, в большинстве случаев просто копируют федеральное законодательство.[4] Разветвленность стадий

может привести к тому, что институт отзыва будет носить чисто формальный характер и соответственно его нельзя будет применить в практической деятельности. Так, инициаторы отзыва главы г. Челябинска не смогли осуществить данный шаг, так как в уставе была прописана возможность отзыва главы, однако не была регламентирована сама процедура отрешения от должности. [2] В силу этого вопрос о применении населением института отзыва главы МО стоит довольно остро. К основаниям отзыва главы МО в РФ можно отнести следующие:

- если в результате его незаконных действий, неисполнения (ненадлежащего исполнения) им своих полномочий, установленных федеральными, региональными законами и уставом соответствующего муниципального образования был нанесен серьезный материальный ущерб МО и (или) его населению, подтвержденный в судебном порядке;
- если им не был отменен изданный им правовой акт или отдельные его положения, которые были признаны судом противоречащими закону, уставу муниципального образования и при этом повлекли нарушение (умаление) прав и свобод человека и гражданина или наступление иного вреда;
- и некоторые другие.

Порядок отзыва главы МО предполагает следующие действия:

- судебное разбирательство. Но уже на первом этапе возникает проблема, заключающаяся в отсутствии нормативного положения о порядке обращения в судебные инстанции для последующего доказывания неправомерных действий главы МО.
- создание инициативной группы, которая координирует шаги по отрешению главы с его должности. Уставы МО устанавливают различный количественный порог лиц, достаточный для их регистрации в качестве инициативной группы. К примеру, устав г. Самары указывает, что для отзыва депутата достаточно 10 человек, а для отзыва главы города – 50. Инициативная группа после их регистрации должна предоставить вступившее в законную силу судебное решение. Регистрацией занимается избирательная комиссия.
- сбор подписей. Опять же, установленное количество подписей устанавливается уставами. Заметим, что финансовая база обеспечивается не из бюджета соответствующего МО, а инициативной группой самостоятельно. Кроме того, это может служить серьезным препятствием в случае, если инициаторов сравнительно небольшое количество.

- организация голосования. Окончательное решение о назначении голосования принимает комиссия по отзыву. На этой стадии имеется вероятность, что комиссия по отзыву может отказать в голосовании, если инициативная группа изменила основания для отзыва.

- уведомление главы. Должностное лицо должно быть поставлено в известность о том, что стоит вопрос об его отзыве.

- непосредственно голосование.

- опубликование результатов голосования. Законодательство требует, чтобы за отзыв проголосовало не менее половины избирателей, зарегистрированных в соответствующем МО. Данный порог представляет угрозу для совершения отзыва.

По нашему мнению, вышеупомянутую процедуру отзыва главы МО можно унифицировать путем непосредственного отрешения от должности последнего сразу после вынесения судом решения о наличии противоправного деяния, то есть после первого этапа. Последующие же этапы вносят определенную смуту и отпечаток бюрократизма, что в известной степени может свести вероятность осуществления населением института непосредственной демократии к нулю.

Для того чтобы убедиться в этом, на наш взгляд, следует обратиться к иностранной практике местного самоуправления. В частности, Закон Японии о местной автономии от 1947 года, также предусматривающий возможность отзыва главы МО населением, содержит относительно упрощенный порядок совершения данной процедуры. Основной стадией процедуры отзыва там является определенное число подписей, которое должно быть собрано для рассмотрения вопроса об отзыве главы МО по существу. В случае если подписи будут собраны, то Комитет по контролю за выборами, оценив в совокупности ситуацию и признав необходимость и целесообразность этого вопроса, назначает голосование. Сложение полномочий главы МО происходит, если вопрос об его отзыве поддержан большинством избирателей соответствующего МО. Стоит отметить, что данный Закон не регламентирует в абсолютном порядке процедуру отзыва, ограничиваясь общими положениями: обеспечение процессуальными гарантиями должностного лица, в отношении которого стоит вопрос об отзыве и т.д. Однако отрицать, что японский законодатель подошел к вопросу об отзыве главы МО с современных позиций, не представляется приемлемым.

Таким образом, учитывая проведенную аналогию, на наш взгляд, было бы довольно целесообразно с правовой точки зрения поставить вопрос о четкой нормативной регламентации процедуры отзыва главы МО, что позволило бы

привлекать к ответственности данное должностное лицо в случае совершения противоправных деяний с минимальным количеством бюрократических препон. Закрепление на нормативном уровне упрощенной схемы отзыва высшего должностного лица МО, по нашему мнению, позволит минимизировать вероятность осуществления деятельности последнего вне рамок правового поля.

Список литературы:

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Текст]: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства. - 2003.
2. Митрохина Я.А. Муниципальная ответственность в России и зарубежных странах [Электронный текст] / Я.А. Митрохина // Южно-Уральский государственный университет.- 2014.
3. Правовой статус главы муниципального образования. Порядок выборов, компетенция и акты [Электронный ресурс]. – Электрон. дан.
4. Кашо, В.С. Ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления как предмет муниципального правотворчества / В.С.КАШО // Журнал российского права. – 2011. - № 6. – С. 35 – 40.

УДК 341.231(72)

Шевченко В.И.

к.ф.н., доцент

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского» Юридический факультет*

КОНСТИТУЦИОННО ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В МЕКСИКЕ

Федеративные государства, независимо от места нахождения региона, всегда представляли и представляют неподдельный научный интерес, связанный с распределением полномочий между федеральными органами власти, субъектами федерации и органами местного самоуправления. История создания и развития федеративного устройства Мексики интересна тем, что на этот сложный процесс повлияли не только страны, превратившие Мексику в свою колонию, но и более высокоразвитые страны-соседи.

Почти три века, начиная с конца XV в., Мексика являлась колонией феодально-католической Испании, а затем находилась под влиянием событий

Французской буржуазной революции 1789-1794 гг. и оккупации Испании наполеоновскими войсками.

В 1821 году произошло отделение Мексики от Испании. Оставаясь испаноязычной страной Латинской Америки, Мексика отказалась от иберийской системы местного самоуправления, и по сегодняшний день в ней действует континентальная система местного самоуправления. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что Мексика, завоевав в 1821 году независимость, избрала для себя в качестве основной правовой модели законодательство не бывшей метрополии – Испании, а буржуазной Франции.

В 1824 году под давлением масс принимается первая республиканская Конституция Мексики, которая во многом походила на Конституцию США. Мексика объявлялась федеральной республикой и была разделена на 19 штатов и 4 территории. Президент и вице-президент избирались законодательными собраниями штатов. Современная Мексика насчитывает 31 штат. [1 с. 30-33]

Ныне действующая Конституция Мексики была принята в 1917 г. и считается старейшей в Латинской Америке, она не отличается стабильностью: с момента принятия в нее было внесено несколько сот поправок, затронувших более половины статей. [1 с. 58]

Следует отметить, что закрепленная в Конституции 1917 г. коллизионная норма предусматривает, что противоречие между законом штата и законом федерации влечет применение нормы федерального законодательства. В последние десятилетия все более значительную роль среди источников мексиканского права, как на уровне Федерации, так и штатов играют различные подзаконные акты.

Наряду с федеральными органами в Мексике существует система органов власти и управления штатов, а также органы местного самоуправления в муниципалитетах. Конгрессы или законодательные собрания штатов избираются в разное время путем прямых выборов на 2 или 4 года в количестве от 7 до 32 депутатов. Так же, как и члены федерального Конгресса, депутаты местных собраний не могут избираться два раза подряд. У них также имеются заместители.

По своему партийному составу собрания штатов мало чем отличаются от федерального Конгресса. Во всех штатах, как правило, надежное большинство находится в руках правящей партии. Правда, бывали случаи, когда оппозиционные партии добивались успеха, но такие выборы часто признаются «незаконными», а повторные выборы дают нужный результат правящим кругам.

Порядок принятия законов на собрании штата аналогичен федеральному. Правом законодательной инициативы пользуются губернатор, депутаты, Верховный суд штата по судебным вопросам и муниципальные советы в пределах своих прав.

Легислатура штата (Конгресс) имеет право утверждать ежегодно бюджет штата, «принимая во внимание проекты, рекомендованные правительством», и бюджеты муниципалитетов. [2]

Конгресс штата подводит итоги избирательным кампаниям в штате и пользуется правом внесения законопроектов в федеральный Конгресс, выбирает судей Верховного суда штата, принимает отставку высших должностных лиц и т. п. Собрание штата может предоставлять в пределах прав, которые не относятся к общенациональной компетенции, чрезвычайные полномочия исполнительной власти на определенное время двумя третями голосов присутствующих депутатов.

Законодательное собрание штата может объявлять об организации войск общественной безопасности штата, но постоянно таких войск не существует. По Конституции, оно может разбирать споры между исполнительными властями и судебными органами штата, но, не затрагивая прав федерального Сената. Подобные оговорки сопровождают почти каждую статью Конституций штатов.

Подобно Постоянной комиссии федерации, в штатах избирается на период каникул законодательного собрания «постоянная депутация» в количестве 6 членов, трое из которых выполняют обязанности членов, а трое их замещают в случае необходимости. Права депутации совпадают (в масштабах штата) с правами Постоянной комиссии Конгресса. В числе ее полномочий - контроль конституционности Актов, изданных губернатором и правительством штата. [3]

Губернатор - глава правительства штата, всех его исполнительных органов, избирается прямым голосованием на срок не свыше 6 лет. Он формально наделен в масштабах штата всеми правами федерального президента.

Губернатор мексиканского штата - глава местной политической машины и руководитель правительства. Он контролирует администрацию, командует войсками общественной безопасности штата и полицейскими отрядами муниципалитетов.

Губернатор может временно отстранить от исполнения своих обязанностей членов муниципальных советов. Ему принадлежит право выработки проекта бюджета и налоговых поступлений. Он назначает и отстраняет генерального секретаря и членов своего кабинета, прокурора штата, казначея, контролера штата и многих других служащих. Даже согласно конституции штатов выборные кампании проходят под неослабным контролем губернатора и его чиновников.

Прежде губернатор назначался непосредственно президентом, но избрание его теперь населением штата не меняет положения. Губернаторы большинства штатов Мексики - представители верхушки правящей партии.

Кандидатов на пост губернатора намечают зарегистрированные политические партии из числа лиц, являющихся мексиканскими гражданами по рождению. Они должны быть гражданами штата по рождению или проживать в нем не меньше 5 лет перед моментом выборов.

Возрастной ценз - 30 лет. Практика дополняет эти цензы многими другими, среди которых - требование, чтобы кандидат имел прочную связь с правящей партией, пользовался расположением местных партийно-финансовых кругов и местных военных властей.[2]

На страже интересов центрального правительства стоит весь федеральный аппарат Мексики. Он в конечном итоге решает вопрос об избрании того или иного кандидата губернатором и усмиряет непокорные законодательные собрания в их спорах с губернаторами, а также снимает последних с занимаемых постов.

Губернатор штата поддерживает тесную связь с федеральным правительством. Президент Мексики часто вызывает губернаторов для личного отчета перед ним.

Следует подчеркнуть, что Федеральный Конгресс пресекает всякие попытки расширительного толкования конституций штатов, но не прочь, так сказать, смотреть сквозь пальцы на выгодный центру явный захват прав законодательных собраний губернаторами штатов.

Например, в сентябре 1949 года в столице штата Сонора происходило довольно типичное для Мексики явление. В здании Конгресса штата принимал присягу кандидат в губернаторы Игнасио Сото, избранный при помощи федеральных войск и полиции.[4]

В городском парке присягал в присутствии 10 тысяч человек Хосинто Лопес, кандидат оппозиционных партий. Кто же из них займет пост губернатора, оставалось неясным. Вся демократическая печать Мексики писала о больших подлогах, совершенных финансовыми магнатами штата при поддержке федеральных войск. Последовал запрос к федеральному правительству и Конгрессу. Последний ответил, что избран тот, кто находится в здании Конгресса штата.

В мае 1952 года обстановка в штате еще больше осложнилась. В конце месяца перед государственным секретарем Уручурту предстало 6 депутатов законодательного собрания штата во главе с его председателем. Представляя две

трети депутатов собрания, они выдвинули ряд обвинений против губернатора Игнасио Сото и потребовали на основании ст. 64 конституции штата проверки казны штата с целью выяснения причин исчезновения 1 миллиона песо[5]

Депутаты обвиняли губернатора в том, что он с помощью полиции не допустил их во время присяги в здание собрания и, вызвав их заместителей, предложил последним занять освободившиеся таким путем места.

Депутаты обвиняли чиновников губернатора в расхищении денег, собранных по займу, и доказывали, что вся политическая жизнь штата оказалась в руках продажной клики казнокрадов, которые ежемесячно субсидировали подачки правительственным профсоюзным лидерам в штате и их приверженцам в крестьянских организациях.

Федеральное правительство и президент не нашли в деятельности губернатора ничего предосудительного, а Сенат даже не откликнулся на петиции граждан штата Сонора, считая, что никаких «злонамеренных» искажений конституции и законов в штате не наблюдается. В данном случае, федеральный Конгресс не обнаружил расширения полномочий властей штата в ущерб федеральной конституции.

Необходимо отметить, что усиление народного движения в некоторых штатах заставляет иногда отступать федеральные власти. Так, в середине 1952 года был вынужден удалиться в «отпуск» по рекомендации правительства Мексики губернатор штата Оахака Мануэль Майораль Эредия, который, по мнению мексиканской печати, был навязан штату президентом. Его крайняя непопулярность заставила федеральные власти подыскать ему преемника.[5]

Правой рукой губернатора является генеральный секретарь штата. Он руководит правительством штата, готовящим все решения и предложения губернатора. Под руководством секретаря работают чиновники, ведающие своеобразными отделами - министерствами при губернаторе.

В своей деятельности губернатор опирается также на генерального прокурора штата, которого он назначает и освобождает от должности своей властью. В каждом муниципалитете генеральный прокурор имеет своих агентов, которые следят за соблюдением законов и возбуждают уголовные дела.

Один раз в четыре, месяца генеральный прокурор представляет доклад губернатору штата о своей деятельности и замечаниях по текущему законодательству.

Прокуратура - очень значительная карательная сила в руках губернатора, если учесть, что большинство дел в штатах Мексики, особенно по аграрным вопросам, решается исками полиции и агентов прокуратуры.

Наличие губернаторского вето на все решения легислатуры (законодательного собрания), которое можно отклонить лишь двумя третями голосов ее членов, система партийных кассиков во всех местечках штата и агентов правительства и прокурора — все это делает губернатора полновластным хозяином штата, ответственным лишь перед президентом и правящими кругами страны в целом.

Рост бюрократической централизации в Мексике выражается также в расширении контроля, как штатов, так и непосредственно федеральных властей над муниципальными органами. Штаты определяют форму муниципального самоуправления и осуществляют основной контроль при помощи денежных субсидий. Они копируют, в этом отношении, методы контроля федерации над самими штатами.

В программеминимум оппозиционных партий, выработанной во время выборов 1952 года Народной партией при активной поддержке других парламентских партий, указывалось в качестве одного из основных требований необходимость создания «свободного муниципалитета как базы для политической и административной организации страны путем учреждения независимого самоуправления» Мексики.

Формально, согласно Конституции 1917 года, в пределах штатов установлено муниципальное самоуправление. Местные органы выбираются путем прямых выборов каждые 2 года, и их члены не могут быть переизбраны на следующий срок. В состав муниципального совета входят председатель и советники. Количество советников устанавливается в зависимости от особенностей муниципалитета, но не должно быть меньше двух.

Муниципалитеты сами судят о правильности выборов своих членов без последующей проверки. Избираются и заместители советников. Советники принимают присягу в верности конституции перед прежним составом совета.

Членами муниципального совета, согласно, например, Конституции штата Керетаро, могут быть мексиканцы, пользующиеся всеми политическими и гражданскими правами, достигшие 21 года. Они не должны находиться на государственной или военной службе за 90 дней до выборов и не могут быть служителями религиозного культа.[4]

При всем этом член муниципалитета должен быть жителем муниципии, умеющим читать, писать и ведущим «достойный образ жизни».

В населенные пункты, входящие в состав муниципалитета, назначаются делегаты или субделегаты, которые представляют муниципальный совет. Перед судом интересы аюнтамиентос (муниципальных советов) отстаиваются одним или двумя его членами, называемыми муниципальными прокурорами.

Муниципальный совет издает распоряжения по местным вопросам (круг которых умалчивают конституции штатов), контролирует акты председателя совета. Последний руководит всей администрацией муниципии и смещает глав отделов муниципалитета. [6]

Конституции штатов предусматривают и небольшие местные бюджеты, но в самых ограниченных размерах.

Так, например, если бюджет федерации в целом в 1952 году превышал сумму в 4 миллиарда песо в год, то все муниципии (их насчитывается 2325) вместе взятые имеют бюджетные ассигнования в размере 160 миллионов песо.[7]

Муниципальные власти, не имея достаточных экономических и финансовых средств, делают лишь то, что угодно властям штатов.

Кроме этих обстоятельств, следует иметь в виду, что местные реакционные группировки под маской защиты муниципальных свобод пытаются закрепить свое монопольное положение в крупнейших муниципалитетах страны, где действует в роли муниципальных органов их агентура.

Над муниципальным самоуправлением в Мексике давит постоянный контроль губернатора и федеральных органов. Ряд конституций штатов прямо уполномочивает губернатора приостанавливать и даже отменять решения муниципальных органов, отстранять неугодных муниципальных советников. В штатах Пуэбла и Сан Луис Потоси в каждой муниципии находится уполномоченный губернатора, следящий за действиями муниципальных органов. В половине штатов муниципальные советы могут быть распущены губернатором целиком и заменены «временным управлением».

Иногда чрезмерное хозяйничанье губернаторов вызывает недовольство федеральных властей, считающих, что этим подрывается их авторитет.

Так, 3 сентября 1935 г. Государственным секретариатом Мексики было дано указание федеральным войскам содействовать муниципальным органам в охране их конституционных прав.

14 июня 1938 г. Верховный суд выступил в защиту муниципальных прав, наложив вето на решение губернатора штата Оахака о роспуске муниципального совета в связи с провалом его кандидатуры на пост председателя совета. Верховный суд заявил, что подобная мотивировка противоречит конституции.[8]

Последующие же события показали, что судебные прецеденты в Мексике не столь уж святы. Во время муниципальных выборов 1945—1946 гг. в штатах Тамаулипас, Коауила, г. Монтерре (крупнейшем промышленном центре страны) правительственными кругами были открыто навязаны, без всяких выборов, мэры и муниципальные советники. Верховный суд не принял никаких мер. Тогда население городов Манте и Льера (штат Тамаулипас) силой сместило навязанных ему мэров и муниципальных советников и водворило своих избранников. Лишь после этого появились федеральные войска.

В Мексике продолжается неослабевающая борьба за демократизацию местного самоуправления в целях защиты конституционных прав и интересов мексиканских трудящихся.

Примером тому могут служить организация и активная деятельность ряда сельских общин - так называемых «эхидос». Такого рода общины оказывают влияние на местные органы самоуправления, заставляют их активнее выступать в защиту своих конституционных прав, а в целом, способствуют росту политической сознательности трудящихся Мексики.[9]

Таким образом, можно еще раз убедиться в том, что создание федераций в зарубежных странах проходило и проходит по-разному. Тем не менее, в мире существует значительное число федераций, которое не только не уменьшается, но, напротив, постепенно возрастает. И наряду с существующими уже ни одно столетие, так сказать «классическими» федерациями, появляются новые, как в европейских странах, так и в странах Азии, и Африки. В связи с этим, задача юристов, политиков и обществоведов заключается в изучении и обобщении новых принципов образования федеративных государств в условиях глобальных проблем современности.

Список литературы:

1. Еремян В.В. Местное самоуправление и муниципальное управление в Латинской Америке. Исторический опыт генезиса: Монография. М.: Грамота, 1999
2. Конституция Мексиканских Соединенных Штатов, принятая в 1917 году.
3. Еремян В.В. Мексиканский опыт муниципализма //Латинская Америка. М., 2000.№3

4. Еремян В.В. Современный мексиканский муниципализм: Учеб. Пособие. М.: РУДН, 1996
5. Еремян В.В. Местное управление и самоуправление в Латинской Америке. М.: РУДН, 2001.
6. Gamás Torruco J. Federalismo y municipalismo. P. 196 — 197; Reformas Constitucionales de la Renovación Nacional. México: Ed. Porrúa, 1987. P. 677-688.
7. Tena Ramírez F. Derecho Constitucional/ Mexicano. México: Ed. Porrúa, 1998. P. 154.
8. Madrid Hurtado Miguel de la. Decreto por el que se reforma y adiciona el artículo 115 de la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos // Publicado en el Diario Oficial de 3 de febrero de 1983.
9. Цит. по: Madrid Hurtado Miguel de la. Ideología y Partido. México: P.R.I. 1984.

СЕКЦИЯ 6

Проблемы сосуществования национального и международного права в глобальном мире: формирование, развитие, обеспечение

УДК 341.645:(470+571)

Анохин А.Н., к.ю.н, доцент ,

Совхоз Ф.Р

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» Юридический факультет

О ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ПОЗИЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Европейский суд по правам человека является высшей судебной инстанцией для всех судебных систем европейских стран, включая Турцию и Россию. Россия, являясь демократическим правовым государством, присоединилась к Европейской правовой системе.

В соответствии с Федеральным законом от 30 марта 1998 г. №54 – ФЗ Россией ратифицирована Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и протоколам к ней. Согласно статье 1 данного закона РФ признала обязательную юрисдикцию Европейского Суда по правам человека по толкованию и применению конвенции и протоколов к ней в случае предполагаемых нарушений Россией положений перечисленных международных договоров.[1] В соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции РФ вступившие в силу для Российской Федерации в мае 1998 года, конвенция и протоколы являются составной частью правовой системы страны и имеют приоритет над национальным законодательством[2].

Европейский суд объединяет профессионалов высочайшего класса, экспертов, обладающих не только разнообразными профессиональными знаниями и навыками, но и житейской мудростью. Комплементарная оценка работы и роли суда в сфере защиты прав человека многократно давалась Конституционным судом РФ. Однако, в последнее время решения ЕСПЧ стали нести явно политизированный характер. Политизированность в деятельности ЕСПЧ на российском направлении проявляется при анализе решений суда по искам против РФ.

Как говорил Марк Туллий Цицерон: «Высшее право – высшее бесправие». Действительно ли это так? И как с этим бороться?

Цель данной работы – показать предвзятое отношение Европейского суда по правам человека по отношению к Российской Федерации.

Для реализации данной цели необходимо выполнить следующие задачи:

- 1) Проанализировать решения ЕСПЧ и постановлений КС РФ.
- 2) На основе данного анализа сделать вывод.

Одним из примеров этого, в частности является опубликованная на сайте ЕСПЧ статистика по делам за 2016 год, согласно которой каждое пятое решение суда о нарушении хотя бы одной статьи Европейской конвенции по правам человека касалось России, вследствие чего, ей предписано выдать российским заявителям 7,4 млн евро в качестве «справедливой компенсации», по сравнению с показателями 2013 года, составившими 4, 1 млн евро здесь отмечается значительное увеличение[3]. И это увеличение расходов на компенсации в связи с решениями ЕСПЧ по делам граждан может повлечь нарушение прав российских граждан, поскольку при их исполнении невозможно будет выполнить бюджетные обязательства РФ.

И как же защититься государству, если правовой институт превращается в механизм геополитической манипуляции?

На наш взгляд, именно это и послужило основанием для дополнения к части 1 статьи 3 ФКЗ от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) "О Конституционном Суде Российской Федерации" пунктом 3.2 следующего содержания: «по запросам федерального органа исполнительной власти, наделенного компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против Российской Федерации на основании международного договора Российской Федерации, разрешает вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека»[4].

Одним из примеров применения данной статьи является то, что 19 января 2017 года Конституционный суд России признал невозможным исполнение решения Европейского суда по правам человека о выплате акционерам ЮКОСа компенсации в 1,8 млрд евро.

Как указано в Постановлении по этому делу: приоритет основ российского конституционного строя и устанавливающих запрет на передачу Россией в соответствии с международными договорами своих суверенных полномочий, если

это влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и противоречит основам ее конституционного строя, постановления Европейского Суда по правам человека, основанные на интерпретации Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации. В качестве международного договора Российской Федерации Конвенция о защите прав человека и основных свобод обладает в правоприменительном процессе большей юридической силой, чем федеральный закон, но не равной и не большей, чем юридическая сила Конституции Российской Федерации[5].

Далее, разрешая вопрос о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека как межгосударственного субсидиарного органа по защите прав и свобод человека, Конституционный Суд Российской Федерации должен в соответствии с международными обязательствами России находить разумный баланс, с тем чтобы принятое им решение, с одной стороны, отвечало бы букве и духу постановления Европейского Суда по правам человека, а с другой - не вступало бы в противоречие с основами конституционного строя Российской Федерации и установленным Конституцией Российской Федерации правовым регулированием прав и свобод человека и гражданина[5].

И это правильно, ведь Конституция РФ – это нечто большее, чем законодательный акт государства, это основной закон (право) многонационального народа России, обладающий высшей юридической силой по отношению к праву РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что в последние годы решения ЕСПЧ несут не только юридический характер, но и политический. И когда те, или иные решения затрагивают основы конституционного строя, национальный суверенитет Российской Федерации, она вправе не исполнять данные решения, так как именно через Конституцию должна решаться проблема соотношения постановлений Конституционного суда и Европейского суда по правам человека. С одной стороны, ЕСПЧ - правозащитная инстанция, призванная защищать естественные права человека, а с другой стороны, в современных условиях он превратился в инструмент геополитической войны с Россией, где под видом защиты естественных прав человека фактически предпринимаются попытки противодействия в сфере осуществления государственного суверенитета.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней". – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12111157/#ixzz4dpXHtHAR>
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). – [Электронный ресурс] – Режим доступа - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
3. Статистика Европейского суда по правам человека за 2016 год. – [Электронный ресурс] – Режим доступа - http://echr.coe.int/Documents/Stats_analysis_2016_ENG.pdf
4. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) "О Конституционном Суде Российской Федерации". [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 N 1-П "По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу "ОАО "Нефтяная компания "ЮКОС" против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации". - [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211287/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/

УДК 340.12

Сорокин Р.А.

к.ю.н.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им.
В.И. Вернадского» Юридический факультет*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВХОЖДЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вхождение Республики Крым и г. Севастополя в состав Российской Федерацией, осуществленное в марте 2014 г. получило неоднозначные оценки со стороны различных представителей международного сообщества. Часть стран Запада и их сторонники обосновывают свое непризнание результатов проведения крымского референдума и последовавшего включения в состав России двух новых субъектов тем, что указанные события, по их мнению, нарушают нормы международного права.

В сложившейся ситуации особую важность приобретает вопрос соответствия вхождения в состав Российской Федерации Республики Крым и г. Севастополя нормам современного международного права.

Здесь необходимо рассмотреть действующие принципы международного права как основополагающие начала и нормы функционирования межгосударственной системы, обладающие высшей юридической силой и отображающие основы практики международных отношений.

Основные принципы международного права закреплены в Уставе ООН [1], Декларации о принципах международного права (1970 г.) [2], Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.) [3], Международном пакте «О гражданских и политических правах» [4] и т.д. В этих документах указанные принципы выражены в форме международно-правовых норм, поэтому они и выступают в качестве источников современного международного права.

В соответствии с пунктом 2 статьи 1 Устава ООН, одной из целей ее деятельности является развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов [1].

В главе VIII Заключительного акта СБСЕ дается следующее разъяснение данного принципа: «Государства-участники будут уважать равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой, действуя постоянно в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций и соответствующими нормами международного права, включая те, которые относятся к территориальной целостности государств. Исходя из принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие» [3].

При этом, Декларация о принципах международного права содержит формы дальнейшего возможного самоопределения народов: «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются способами осуществления этим народом права на самоопределение» [2]. Так подтверждается и закрепляется дальнейшее развитие указанного принципа.

Рассматривая международно-правовое обоснование воссоединения Республики Крым с Россией, необходимо установить соотношение принципа

самоопределения народов с принципом суверенного равенства государств, включающим неприкосновенность их территориальной целостности.

Соответствующий вопрос решен в Декларации 1970 г., которая подтверждает нерушимость территориальной целостности суверенных и независимых государств, которые, во-первых, соблюдают в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов, во-вторых, имеют правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на соответствующей территории. В Венской декларации Всемирной конференции ООН по правам человека 1993 г. еще раз подчеркнуто, что государство, претендующее на защиту принципа территориальной целостности и политического единства, должно иметь «правительства, представляющие интересы всего народа на их территории без каких-либо различий» [5].

На Украине же к марту 2014 г., вследствие государственного переворота, было свергнуто законное правительство, власть в столице и западных регионах страны захватили представители незаконных вооруженных националистических формирований. Таким образом, к моменту проведения крымского референдума на Украине не существовало правительства «представляющего без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на соответствующей территории». Националисты и неонацисты, осуществившие переворот в феврале 2014 г., высказывали идею об уничтожении русскоязычного населения Крыма и Юго-Востока Украины. Имели место случаи применения насилия в отношении крымчан и просто инакомыслящих граждан со стороны представителей т.н. «Евромайдана», что исключало равноправие и самоопределение народов на Украине к марту 2014 г.

В этих условиях принятие Декларации о независимости Автономной Республики Крым и г. Севастополя [6], осуществление волеизъявления крымчан на референдуме в марте 2014 г. и последующее вхождение Республики Крым в состав Российской Федерацией, закрепленное соответствующим Договором [7], полностью отвечают рассмотренным выше положениям международного права. Принятие Генеральной Ассамблеей ООН Резолюции от 27 марта 2014 [8], направленной на непризнание мировым сообществом результатов крымского референдума 16 марта 2014 г. можно объяснить незнанием соответствующих государств реальной ситуации на Украине и в Крыму или их нежеланием знать эту ситуацию.

Список литературы:

1. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html> (07.02.2017).
2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (07.02.2017).
3. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true> (10.02.2017).
4. Международный пакт «О гражданских и политических правах». // Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи. // Нью-Йорк, 1966.
5. Венская декларация и Программа действий (принята на Всемирной конференции по правам человека, 1993 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (11.02.2017).
6. Декларация о независимости Автономной Республики Крым и г. Севастополя от 11.03.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://crimea.gov.ru/app/2988> (17.02.2017).
7. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (18 марта 2014 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/20605> (17.02.2017).
8. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 27 марта 2014 (68/262. Территориальная целостность Украины) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/455/19/PDF/N1345519.pdf?OpenElement> (17.02.2017).

Шумиленко А. П., к.ю.н., доцент

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского» Юридический факультет*

Пастухова Л. В. к.ю.н., доцент

*Крымский филиал ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия» (РГУП)*

ПРАВО ГОСУДАРСТВ НА ДЕРОГАЦИЮ В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

За период 2015–2017 гг. 6 государств (Гватемала, Перу, Турция, Украина, Франция и Эквадор) предоставили Генеральному секретарю ООН уведомления об их решении либо отступить от обязательств по Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г., либо же продолжить действие введённого ранее чрезвычайного положения [1]. Очевидно, что такая практика государств остаётся чрезвычайно актуальной и сегодня, а в современной науке международного права исследованию проблемы отступления государств от их обязательств по международным договорам в сфере прав человека уделяют всё больше внимания (рассматривая эту проблему с точки зрения: ● *теории права международных договоров*; ● *теории международного права прав человека*; ● *проблем права международной безопасности*; ● *анализа специфики практики Комитета по правам человека*; ● *исследования особенностей региональных систем защиты прав человека*; а также ● *проблем международного уголовного права и противодействия организованной преступности*). По нашему мнению, изучение упомянутой проблемы также требует акцентирования внимания и на особенностях соотношения международного и внутригосударственного права.

Р. Хиггинс относит нормы об отступлении государств от обязательств по обеспечению прав человека к инструментам *согласования* этих прав не только с *обязательствами государств по обеспечению всеобщего блага*, но также и с *положениями*: **а)** *о возможности денонсировать международный договор*; **б)** *о возможности формулировать оговорки*; **в)** *о запрете злоупотребления правом*; **г)** *раскрывающими содержание и объём прав человека*; **д)** *о возможности ограничения прав человека для обеспечения общественных и государственных интересов* (т. н. «*law-back*» clauses) [2, с. 457].

Нормы об отступлении государств от обязательств содержат следующие международные договоры по вопросам защиты прав человека: *Международный пакт о гражданских и политических правах* 1966 г. (МПГПП) [3, с. 446–458]; *Конвенция о защите прав человека и основных свобод* 1950 г. (ЕКПЧ) [3, с. 510–521]; *Американская конвенция о правах человека* 1969 г. (АКПЧ) [3, с. 522–537]; *Арабская хартия прав человека* 2004 г. (АХПЧ) [4] и *Конвенция о статусе беженцев* 1951 г. [3, с. 400–410]. Формулировка норм соответствующих статей общих договоров (ст. 4 МПГПП, ст. 15 ЕКПЧ, ст. 27 АКПЧ, ст. 4 АХПЧ)¹ схожа, но объективные предпосылки для отступления от обязательств имеют некоторые различия: в ЕКПЧ и АКПЧ² содержится прямое указание на *войну* (в МПГПП под *чрезвычайным положением* подразумевались, в первую очередь, вооружённые конфликты международного и немеждународного характера [5, с. 2]); в МПГПП, ЕКПЧ и АХПЧ допускается отступление при *угрожающих жизни нации чрезвычайных обстоятельствах* или *чрезвычайном положении*; АКПЧ указывает на *возникновение опасности для государства либо же другие чрезвычайные обстоятельства, которые ставят под угрозу независимость или безопасность государства*. Не могут оправдывать меры по отступлению от обязательств ни внутренний конфликт и беспорядки, которые не составляют серьёзной, а также непосредственной угрозы жизни нации, ни экономические трудности *per se* [6, с. 7].

Общим для всех договоров является *запрет отступления государств от обязательств по обеспечению*: права на жизнь; свободы от рабства; свободы от пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания; принципа недискриминации; и принципа *nullum crimen, nulla poena sine lege*. В современном международном праве за правом человека на жизнь³, свободой человека от рабства и пыток, а также запрещением дискриминации признан характер *jus cogens*. АКПЧ и АХПЧ (в отличие от МПГПП и ЕКПЧ) содержат также норму, запрещающую отступление от судебных гарантий, необходимых для обеспечения защиты этих прав.

Важными условиями применения норм об отступлении также являются: **1) необходимость**; **2) пропорциональность**; **3) временный характер**; а также **4) соответствие внутригосударственному праву**⁴; **5) официальное объявление о**

¹ А также ст. 9 Конвенции о статусе беженцев 1951 г.

² В названии ст. 27 АКПЧ употребляется термин «*приостановление гарантий*».

³ В контексте запрета произвольного лишения жизни.

⁴ К примеру, ст. 30 АКПЧ содержит следующие общие требования: любые ограничения прав и свобод человека могут применяться лишь «в соответствии с законами, которые были приняты с учётом

наличии чрезвычайного положения⁵; 6) соответствие иным международным обязательствам. Именно последние три условия позволяют констатировать наличие тесной связи норм международного и национального права в контексте права государств на дерогацию в сфере прав человека.

Прежде всего, государства должны действовать исключительно в рамках их действующего законодательства⁶, регулирующего как порядок объявления чрезвычайного положения, так и осуществление чрезвычайных полномочий⁷ [5, с. 2]. Практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) свидетельствует, что, прежде всего, *обосновывающими объявление чрезвычайного положения обстоятельствами признают: наличие на территории государства незаконных вооруженных формирований, действующих под руководством извне, а также осуществляющих антиконституционную и террористическую деятельность (Ирландия); террористические акты (Великобритания, а также Турция); угрозу осуществления террористических актов (Великобритания [8])*⁸. Необходимо подчеркнуть, что ЕСПЧ при рассмотрении соответствующих дел в основном при объявлении чрезвычайного положения поддерживал позицию государства⁹.

Анализ практики предоставления государствами Генеральному секретарю ООН соответствующих уведомлений позволяет сделать вывод, что государства (за редким исключением [11]) исполняют условие, касающееся объявления чрезвычайного положения. В своё время Европейская комиссия по правам человека подчёркивала, что в отсутствие формального и публичного акта отступления (например, объявление военного положения или объявление

необходимости обеспечения общих интересов, и для цели, для которой эти ограничения установлены».

⁵ Это прямо указывается лишь в п. 1 ст. 4 МПГПП.

⁶ Межамериканский суд по правам человека (МСПЧ) дал следующее толкование понятия «закон» (по смыслу ст. 30): «общая правовая норма, связанная с общим благосостоянием, принятая демократически избранными законодательными органами, установленными Конституцией, и сформулированная в соответствии с процедурами, установленными в конституциях государств-участников для этой цели» [7, с. 9].

⁷ Оценка соответствующего законодательства государств может быть дана, к примеру, Комитетом по правам человека (КПЧ) независимо от объявления чрезвычайного положения в рамках процедуры предоставления государствами периодических докладов.

⁸ Оценивая такие обстоятельства, ЕСПЧ и Европейская комиссия по правам человека (в прошлом) исходили из свободы усмотрения государств в этом вопросе, неоднократно подтверждая это в своих решениях.

⁹ Хотя в отношении Греции (которая входит в четвёрку государств, в отношении которых органами ЕСПЧ рассматривались дела по ст. 15) Европейская комиссия по правам человека постановила, что «чрезвычайное положение, угрожающее жизни нации, объявленное Грецией ... не существует в реальности» [9, с. 73, 75, 86 и 87]. Более того, СБСЕ подчёркивает, что «чрезвычайное положение не может использоваться для свержения демократического конституционного строя и быть направленным на уничтожение международно-признанных прав человека и основных свобод» [10, с. 12].

чрезвычайного положения) ст. 15 ЕКПЧ не может применяться [12, пар. 527]. Практика применения ЕКПЧ свидетельствует, что государство, не исполнившее это требование¹⁰, обязано нести ответственность за исполнение обязательств в полной мере [14, с. 44].

Особым¹¹ процедурным условием отступления от обязательств является обязательное уведомление государством-участником¹² других его участников о введённых мерах и причинах их принятия, а также о прекращении указанных мер (п. 3 ст. 4 МПГПП, п. 3 ст. 15 ЕКПЧ, п. 3 ст. 27 АКПЧ, п. 3 ст. 4 АХПЧ)¹³. Исходя из практики КПЧ, МПГПП предусмотрена обязанность предоставления государствами также и исчерпывающих разъяснений в отношении каждой его статьи, затрагиваемой отступлением [16, с. 7]. Зачастую государства делают это крайне несвоевременно – прежде чем КПЧ будет предоставлена официальная информация, могут пройти годы¹⁴.

Вопрос квалификации ситуации внутри государства тесно связан с таким условием правомерности отступления от обязательств, как соответствие другим международным обязательствам¹⁵. *При определённых обстоятельствах органы международного контроля, по нашему убеждению, обязаны констатировать наличие в государстве именно вооружённого конфликта и определять при этом – не противоречит ли, к примеру, поведение государства его обязательствам по международному гуманитарному праву*¹⁶.

Поскольку нормы об отступлении от обязательств по международным договорам в сфере прав человека изначально формулировались с презумпцией эффективного действия принципа верховенства права на национальном уровне, *неукоснительное соблюдение государствами действующего законодательства о правовых режимах чрезвычайного положения, военного положения, а также контртеррористической операции, наравне с выполнением государствами их*

¹⁰ В этом контексте особое внимание следует обратить на практику Украины [13].

¹¹ По убеждению Европейской комиссии по правам человека, «одним из наиболее важных» предусмотренных ЕКПЧ условий отступления от обязательств [15, с. 74].

¹² Посредством депозитария соответствующего международного договора.

¹³ Соблюдение этого условия позволяет другим государствам-участникам чётко определить объём договорных обязательств, действующих между ними и «отступающим» государством.

¹⁴ Бахрейн присоединился к МПГПП в 2006 г. и доклад в рамках первого цикла должен был предоставить до конца 2007 г. Первоначальный доклад Бахрейна был получен КПЧ лишь 2 марта 2017 г. [17].

¹⁵ Примечательно, что в *Африканской хартии прав человека и народов* 1981 г. (АХПЧН) [3, с. 537–547] нормы об отступлении от обязательств отсутствуют. Таким образом, у государств-участников АХПЧН отсутствует и возможность отступления от обязательств по МПГПП (это может трактоваться как нарушение условия соответствия другим международным обязательствам).

¹⁶ Иногда это может идти в разрез с официальной позицией государства, которое квалифицирует ситуацию совсем по-другому и весьма неоднозначно [18].

договорных обязательств по своевременному уведомлению заинтересованных государств о соответствующих введенных ими мерах и причинах их принятия, а также прекращении указанных мер, являются первоочередными гарантиями правомерной реализации государствами их права на дерогацию в отношении тех международных договоров по правам человека, которые предоставляют им эту возможность.

Список литературы:

1. International Covenant on Civil and Political Rights (New York, 16 December 1966). Status as at: 12-04-2017 07:34:06 EDT. <https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-4&chapter=4&clang=en> (13.04.2017).
2. Higgins R. Themes and Theories. Selected Essays, Speeches, and Writings in International law. Vol. I. New York: Oxford University Press, 2009. LXXXV, 689 p.
3. Международное публичное право. Сборник документов: в 2 ч. Ч. I / сост. и авт. вступ. статьи К. А. Бекяшев, Д. К. Бекяшев. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 1408 с.
4. Arab Charter on Human Rights. League of Arab States (May 22, 2004) // International Human Rights Report. 2005. Vol. 12. P. 893–905. <<http://www1.umn.edu/humanrts/instree/loas2005.html>> (14.04.2017).
5. UN Doc. CCPR/C/21/Rev.1/Add.11; 31 August 2001. General Comment No. 29. States of Emergency (Article 4).
6. UN Doc. E/CN.4/1985/4; 28 September 1984. **The Siracusa Principles on the Limitation and Derogation Provisions in the International Covenant on Civil and Political Rights.**
7. Inter-American Court of Human Rights. Advisory Opinion OC-6/86 of May 9, 1986. The word «laws» in article 30 of the American Convention on Human Rights (requested by the government of Uruguay). 9 p. <http://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_06_ing.pdf> (12.04.2017).
8. Case of A. and Others v. The United Kingdom (App. No. 3455/05). Judgment 19 February 2009. <<http://adsdatabase.ohchr.org/IssueLibrary/Case%20of%20A.%20and%20others%20v.%20The%20United%20Kingdom.doc>> (10.04.2017).
9. The Greek Case (Application No. 3321/67 – Denmark v. Greece; Application No. 3322/67 – Norway v. Greece; Application No. 3323/67 – Sweden v. Greece; Application No. 3344/67 – Netherlands v. Greece). 5 November 1969. Report of the Sub-Commission. Volume I. Part 1. Strasbourg <http://www.echr.coe.int/Documents/Denmark_v_Greece_I.pdf> (10.04.2017).
10. Документ Московского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ. Москва, 1991. <<https://www.osce.org/ru/odihr/elections/14310?download=true>> (10.04.2017).
11. UN Doc. C.N.416.2015.TREATIES-IV.4 (Depositary Notification). International Covenant on Civil and Political Rights (New York, 16 December 1966). Ukraine: Notification under article 4(3). 5 p. <<https://treaties.un.org/doc/Publication/CN/2015/CN.416.2015-Eng.pdf>> (12.04.2017).
12. European Commission of Human Rights. Application Nos. 9780/74 and 6950/75. Cyprus against Turkey. Report of the Commission (Adopted on 10 July 1976). <<http://www.cyprus-conflict.org/materials/echr/index.html>> (12.04.2017).

13. Notification – JJ7979C Tr./005-185. 10 June 2015. Ukraine – Derogation to the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (ETS No. 5). 10 p. <<https://wcd.coe.int/com.instranet.InstraServlet?command=com.instranet.CmdBlobGet&InstranetImage=2833408&SecMode=1&DocId=2278178&Usage=2>> (12.04.2017).
14. Case of Isayeva v. Russia (Application no. 57950/00). Judgment 24 February 2005. Strasbourg. 56 p. <<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-68381>> (12.04.2017).
15. European Commission of Human Rights. Application No. 332/57 lodged by Gerard Richard Lawless against the Republic of Ireland. Report of the Commission (Adopted on 19th December 1959). Strasbourg. 208 p. <<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-73438>> (12.04.2017).
16. UN Doc. CCPR/C/2009/1; 22 November 2010. Guidelines for the treaty-specific document to be submitted by States parties under article 40 of the International Covenant on Civil and Political Rights.
17. UN Doc. CCPR/C/BHR/1; 13 March 2017. Consideration of reports submitted by States parties under article 40 of the Covenant. Initial report of States parties due in 2007. Bahrain [Date received: 2 March 2017].
18. Derogation contained in a Note verbale from the Permanent Representation of Ukraine, dated 5 June 2015, registered at the Secretariat General on 9 June 2015. Reservations and Declarations for Treaty No. 005 – Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Declarations in force as of today. Status as of 10/04/2017 <http://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/005/declarations?p_auth=Cme5epZm> (10.04.2017).

УДК 343.163

Черницова В.В.

Крымский юридический институт (филиал)

«Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»

ОКАЗАНИЕ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ – ВЕДУЩИЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Международная интеграция, активно протекающие процессы глобализации в различных областях и интенсивное развитие современных технологий, особенно в сфере электронных коммуникаций, привели к значительному расширению торговых, экономических, социальных, культурных и иных связей граждан различных стран. Эти объективные процессы приводят к росту уровня международной преступности, в особенности организованной, что влечет необходимость укрепления правового сотрудничества государств.

Надзор за соблюдением положений национального законодательства и международных договоров Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства, в том числе при подготовке органами следствия и дознания

запросов о правовой помощи по уголовным делам, их передаче в компетентные органы иных государств, исполнении в Российской Федерации иностранных запросов, соблюдением при этом законных прав и интересов граждан возлагается на прокуратуру Российской Федерации.

Генеральная прокуратура Российской Федерации как правило, выполняет и функцию центрального компетентного органа по осуществлению международного сотрудничества в сфере правовой помощи по уголовным делам и передачи уголовного судопроизводства, в связи с чем на нее возложены задачи по реализации Российской Федерацией прав и выполнение обязательств, предусмотренных международными договорами.

Более того, в соответствии с российским законодательством Генеральная прокуратура Российской Федерации является единственным органом, уполномоченным направлять запросы о выдаче лиц для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговоров в иностранные государства, принимать решения о выдаче из Российской Федерации лиц для уголовного преследования в иностранных государствах.

При этом участие прокуратуры в оказании правовой помощи не ограничивается сферой уголовного преследования – главой 29.1 КРФоАП, введенной Федеральным законом от 04.05.2011 № 97-ФЗ, обеспечение международного сотрудничества в сфере правовой помощи по делам об административных правонарушениях также возложена на Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

В настоящее время прокуратурой Российской Федерации в соответствии с международными договорами или на основании принципа взаимности осуществляется взаимодействие в сфере правовой помощи более чем с 80 государствами.

Ключевые вопросы организации указанной деятельности в системе органов прокуратуры урегулированы приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 12.03.2009 № 67 «Об организации международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации», согласно п. 1.1. которого взаимодействие с органами, организациями и учреждениями иностранных государств, а также международными органами и организациями определено как одно из приоритетных направлений деятельности прокуратуры Российской Федерации [1, с. 87-88].

Отдельные вопросы прокурорской деятельности на данном направлении урегулированы указаниями Генерального прокурора Российской Федерации от 12.03.2009 № 68/35 «О порядке рассмотрения и исполнения в органах прокуратуры Российской Федерации поручений об осуществлении уголовного преследования, запросов о правовой помощи или о возбуждении уголовного дела, поступивших от компетентных органов иностранных государств»; от 18.10.2008 № 212/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора и передачи лиц, совершивших общественно опасные деяния, для проведения принудительного лечения» и др.

Для выполнения данных задач в Генеральной прокуратуре Российской Федерации учреждено Главное управление международно-правового сотрудничества, к компетенции которого относится:

обеспечение выполнения обязательств и реализация прав, вытекающих из международных договоров и законодательства Российской Федерации по вопросам международного сотрудничества, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства в пределах компетенции органов прокуратуры;

организация участия Генеральной прокуратуры Российской Федерации в разработке проектов международных договоров Российской Федерации;

координация деятельности органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам международного сотрудничества

осуществление непосредственного взаимодействия с компетентными органами иностранных государств, международными органами и организациями в целях решения возложенных на прокуратуру Российской Федерации задач;

подготовка предложений об участии Генеральной прокуратуры Российской Федерации в мероприятиях международного характера;

контроль за своевременностью и полнотой исполнения в соответствии с требованиями международных договоров и законодательства Российской Федерации запросов о выдаче лиц и правовой помощи;

регулярный анализ и обобщение практики и эффективности работы органов прокуратуры в сфере международного сотрудничества[2, с. 137-138].

Также неотъемлемым элементом работы прокуратуры при организации оказания правовой помощи является разъяснение компетентным органам иностранных государств требований российского законодательства и оговорок, сделанных Российской Федерацией при ратификации ряда международных

договоров, изучение иностранного законодательства и практики международного сотрудничества по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам.

Основой международного сотрудничества и взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации с прокуратурами зарубежных стран являются двусторонние межведомственные соглашения, которые заключены в настоящее время с соответствующими органами более 40 иностранных государств. В рамках таких соглашений подписываются программы сотрудничества и осуществляются предусмотренные в них мероприятия, производится обмен опытом работы, нормативными правовыми актами и методическими материалами, проводятся совместные круглые столы, семинары, конференции и консультации по вопросам экстрадиции и оказания правовой помощи по уголовным делам и др. [3, с. 111].

В случае отсутствия многосторонних или двусторонних договоров Российской Федерации с иностранным государством, взаимодействие Генеральной прокуратуры Российской Федерации с компетентными органами иностранного государства в сфере уголовного судопроизводства осуществляется на основе принципа взаимности.

В сфере уголовного судопроизводства можно выделить такие ключевые направления оказания правовой помощи, как запросы об осуществлении процессуальных действий, о выдаче находящихся на территории России для уголовного преследования, или об уголовном преследовании в отношении гражданина Российской Федерации.[4, с. 76]

Указанная деятельность, как правило, связана с ограничением прав и свобод лиц, в отношении которых принимаются соответствующие меры, а наибольшая опасность связана с рассмотрением вопроса о передаче лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования, с чем связана повышенная ответственность органов, участвующих в оказании правовой помощи, и в первую очередь – Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Высокий уровень международного взаимодействия в рамках оказания правовой помощи является неременным условием как защиты прав граждан при осуществлении уголовного преследования, так и для укрепления принципа неотвратимости наказания за совершенные преступления, а также для повышения международного авторитета Российской Федерации.

Список литературы:

1. Участие органов прокуратуры Российской Федерации в международном сотрудничестве по вопросам выдачи и правовой помощи по уголовным делам: сб. методич. и информ. материалов / под общ. ред. заместителя Генерального прокурора Российской Федерации государственного советника юстиции 1 класса, заслуженного юриста Российской Федерации А.Г. Звягинцева. М.: Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2011. – 504 с.
2. Гриненко А. В. Уголовный процесс : учебник — 2-е изд., перераб. — М. : Норма —2009 - 496 с.
3. Бирюков П.Н. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью и правовая система РФ. Воронеж, 2001. – 226 с.
4. Карасева Е.В. Взаимодействие органов расследования Российской Федерации с компетентными органами иностранных государств при производстве по уголовным делам // Предварительное следствие в органах внутренних дел: Курс лекций / Под ред. М.В. Мешкова. М.: Книжный мир, 2004. – 374 с.

УДК 341.4

Петрова А.С.

Крымский филиал ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Анализ международного опыта борьбы с коррупцией свидетельствует о том, что в современных условиях проявления коррупции стали теми факторами, которые создают реальную угрозу национальной безопасности и демократическому развитию большинства стран мира, негативно влияют на все стороны общественной жизни. Отдельные аспекты предотвращения и противодействия коррупции в различных сферах жизнедеятельности общества и государства рассматривали такие ученые, как: Ф.В.Абрамов, С.М. Баранов-Мохорт, М.Ю. Бездольный, С. Свекла, М.Д. Данчук, Д.И. Иосифович, М.И. Мельник, Е.С. Молдаван, Е.В. Невмержицкий, И.С. Нуруллаев, Т.П. Попченко, Я. Прохоренко, С.С. Серегин, М.И. Флейчук, В.П.Чабан и др.

Для международного сообщества проблема противодействия коррупции продолжает оставаться одной из актуальнейших. Объективные факторы ее развития свидетельствуют о том, что коррупция создает существенную опасность для жизнедеятельности многих стран мира, и сегодня масштабы ее распространения представляют угрозу для национальной безопасности любой страны. Факторы успешного противодействия коррупции уже давно известны и апробированы международным сообществом. Это, прежде всего открытость власти, прозрачность и

понятность процедур принятия государственных решений, действенные механизмы контроля за деятельностью государственных органов со стороны гражданского общества, свобода слова, свобода и независимость средств массовой информации.[2, с.31]. Близкой к совершенной, в контексте этого вопроса, является Национальная антикоррупционная стратегия Республики Молдова, принятая на 2011-2015 гг., Внедрение которой осуществляется на системе таких принципов, как: 1) принцип соблюдения прав человека; 2) принцип укрепления национальной системы неподкупности; 3) принцип приоритетности мер предупреждения коррупции; 4) принцип взаимодействия с гражданским обществом и международными организациями; 5) принцип непрерывности и реалистичности; 6) принцип прозрачности; 7) принцип последовательности и координации усилий [4]. По нашему мнению, достаточно четкая и эффективная система борьбы с коррупцией, которая опирается на солидную нормативно-правовую базу и однозначную поддержку общества действует в Финляндии. Для финской правовой системы не являются характерными законы с использованием термина «борьба» с определением определенного вида преступления. Финский законодатель заложил принципы предупреждения и предостережения совершения преступлений в каждом нормативно-правовом акте, определяющих конкретную сферу деятельности, а не вид преступления. Согласно положениям Уголовного кодекса Финляндии, за совершение действий, которые могут квалифицироваться как «коррупция», предусмотрены санкции от штрафа до заключения сроком до четырех лет в зависимости от степени общественной опасности преступления. При анализе бельгийского опыта, можно увидеть, что страна пошла не только традиционным репрессивным путем - установление уголовной ответственности за коррупционные деяния, но в ней осуществляется и предупреждения коррупции. Так эта проблема нашла свое отражение в пределах реформы COPERNIC, в частности, в реформе сектора финансового контроля. Бельгия расширила понятие коррупции относительно злоупотребления властью, не ограничиваясь только уголовным аспектом, но и оставив место для таких понятий, как разъяснение норм, их напоминание, транспарентность поведения, приведет к выработке кодекса поведения. Если рассмотреть опыт борьбы с коррупцией в Германии и Словакии, то он свидетельствует об эффективности привлечения общественности для борьбы с коррупцией. В частности, ведомство уголовной полиции федеральной земли Нижняя Саксония внедрило прием анонимных сообщений от граждан об экономических преступлениях. Такое решение было принято по результатам пилотного проекта, в

ходе которого за четыре месяца до вышеупомянутого спецподразделения, который состоит всего из 9 работников прокуратуры и 33 полицейских, поступило 184 сообщения. Уголовные дела были открыты в 124 случаях, из которых 30% касается дел о коррупции [1, с. 7]. Вместе с тем следует отметить, что воплощение в жизнь эффективных мер по борьбе с коррупционными проявлениями в отдельных странах не проходит без существенных проблем, преодоление которых требует повышения эффективности ведения борьбы с коррупцией, создание дееспособных систем противодействия этому негативному явлению. Так, несмотря на актуальность этого вопроса, в Польше до последнего времени не принимался отдельный законодательный акт о коррупции. Считалось, что достаточной правовой основой для борьбы с коррупцией есть ряд статей Уголовного кодекса, предусматривающих ответственность за различные виды взяточничества и превышения полномочий должностными лицами. Однако угрожающая для государства распространенность коррупции и потребность более полной реализации подписанных Польшей (в связи с вступлением в Европейский Союз) международно-правовых соглашений побудила польскую власть к принятию дополнительных мер. Достаточно разветвленной в сфере борьбы с коррупцией является национальное законодательство Великобритании, поскольку определенные нормы материального права, касающихся правоотношений, возникающих вследствие совершения теми или иными должностными лицами коррупционных действий, могут находиться в различных актах. Учитывая то, что законодательство в этой сфере не является кодифицированным, существовала определенная сложность его применения правоохранительными органами Великобритании. Сегодня в этой стране происходит обновление антикоррупционного законодательства, и прежде всего, отменяется парламентский иммунитет от ответственности за деяния, содержащие признаки коррупционных [5, с. 54]. Также, важную роль в борьбе с коррупцией играют Национальные программы по борьбе с коррупцией, принятые правительствами многих стран мира.

Таким образом, необходимость реагирования на угрозы и проблемы, источником которых является коррупция, привело к разработке международных нормативно-правовых актов по предотвращению коррупционных проявлений. Результатом совместных усилий является значительное количество международных документов в сфере противодействия коррупции, основными из них является Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, Коммюнике Европейской комиссии от 28 мая 2003 по комплексной политике Европейского

Союза по противодействию коррупции, Рамочное решение Совета Европейского союза № 568 от 22 июля 2003 «о борьбе с коррупцией в частном секторе», Уголовное конвенция о борьбе с коррупцией Совета Европы, Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию Совета Европы, Рекомендации Группы государств против коррупции (GRECO), Конвенция Совета Европы «об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов, полученных преступным путем», Страсбургская Конвенция о коррупции в контексте уголовного права от 27 января 1999 и другие. Анализируя результаты совместных соглашений государств в сфере противодействия коррупции, следует особое внимание обратить на Конвенцию ООН по противодействию коррупции. Этот юридический акт является результатом совместных международных договоренностей, в котором сложены ключевые положения, необходимые в практической деятельности по противодействию коррупционным проявлениям. Подчеркнуто, что коррупция уже не представляет собой локальную проблему, а превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику всех стран, что обуславливает исключительное значение международного сотрудничества в области предупреждения коррупции и борьбы с ней. Существует убеждение, что всеобъемлющий и комплексный подход необходим для эффективного предупреждения коррупции и борьбы с ней, а наличие технической помощи может играть важную роль в расширении возможностей государств, в том числе через усиление потенциала и создания институтов, в области эффективного предупреждения коррупции и борьбы с ней.

Список литературы:

1. Андрианов В. Коррупция как глобальная проблема современности / В. Андрианов // Маркетинг. – 2008. – № 2. – С. 3-23.;
2. Лопатин В.Н. О системном подходе в антикоррупционной политике // Государство и право, 2001, с. 31.
3. Кузнецов Ю.А. Силинский Ю.Р. Хомутова А.В. Российское и зарубежное законодательство о мерах противодействия коррупции – Владивосток : Изд-во ДВГАЭУ, 1999, с. 123–124.
4. Постановление Парламента Республики Молдова «Об утверждении Национальной антикоррупционной стратегии на 2011–2015 годы»: от 27.07.2011 г., № 154 // Monitorul Oficial. — № 166–169. — Ст. 483.
5. Решетников Ф.М. Ответственность за должностные преступления в зарубежных странах / Ф.М. Решетников. — М., 1997. — С. 54.
6. Швец Е.В. Некоторые аспекты международно-правового сотрудничества государств – членов Совета Европы в области борьбы с коррупцией // Журнал российского права, 2000, № 7, с. 67.

Ляховчук Ю.Н.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского» Юридический факультет*

МЕЖДУНАРОДНО – ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНКУРЕНТНОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА»

Конкуренция является особым социальным явлением, соответственно ее регулирование относится к одной из важнейших функций государства. Европейский Союз данному явлению уделяет существенное внимание, так делаются большие шаги для пресечения нарушения добросовестной конкуренции. Для этого был произведен перенос регулирования на региональный уровень, что в последствии ощутило повлияло на конкурентную политику.

Целью конкурентной политики ЕС является обеспечение конкуренции в качестве необходимого условия создания и нормального функционирования общего (единого) внутреннего рынка стран-членов. При достижении подразумевается стремительное развитие европейской экономической интеграции.

Эффективная конкурентная политика должна обеспечивать оптимальное распределение ресурсов, тем самым способствуя формированию хороших условий для инноваций и соответственно технического прогресса.

Правовое регулирование конкурентной политики ЕС строится на определенных соглашениях (договорах). Первый был заключен в 1951 году Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). [1] При создании Европейского Экономического Сообщества в 1957 году, страны-члены исходили из необходимости обеспечить равные возможности для конкуренции предприятий стран-членов во всех секторах экономики. Главенствующее место среди основополагающих положений заняла система «предотвращение нарушения конкуренции в общем рынке». Принципы и правила конкуренции, изложенные в Договоре об учреждении ЕЭС, сохранились до наших дней по существу в неизменном виде.

13 декабря 2007 г. принят в Лиссабоне до сих пор действующий Договор о функционировании Европейского Союза (ДФЕС). В нем содержатся все правила конкуренции, которые необходимы для функционирования единого рынка.

Сравнительно новым является Протокол № 27, также регулирующий правовое положение конкурентной политики, в нем особо закреплены меры по достижению добросовестности конкурентной политики. [2]

Важное значение для законодательной базы играет суд ЕС, так как большинство выносимых им решений используются в качестве прецедента. Важным аспектом является то, что основополагающим принципом является принцип приоритета европейского права над правом национальным и в случаях. Таким образом, при возникновении между ними противоречий, решения принимаются на основе норм ЕС.

Стремительно развивается нормотворчество, связанное с предотвращением неконкурентных действий предприятий. Дискуссионным вопросом выступает в данном случае дефиниция «предприятие», так как ни в одном вышеназванном источнике она не содержится. Для выявления ее используются положения Суда ЕС. Понятие предприятия фактически приравнивается им к понятию «хозяйствующих субъектов», к которым относятся «все участники экономической деятельности независимо от их юридического статуса и способа финансирования». [3]

Особенностью конкурентной политики ЕС является включение в нее государственной помощи. Нормы статей 107, 108, 109 ДФЕС регулируют порядок самого контроля и определяют границы государственного вмешательства. Существует множество решений Еврокомиссии, которые определяют специфику правил конкуренции на основе отраслевого принципа.

Согласно ст. 107(1), «за исключением случаев, указанных в настоящем Договоре, любая помощь, оказываемая государством-членом непосредственно или за счет использования государственных ресурсов в любой форме, которая нарушает или создает угрозу нарушения конкуренции путем предоставления преимуществ определенным предприятиям или производству определенных товаров, в той мере, в какой она оказывает негативное воздействие на торговлю между государствами-членами, является несовместимой с общим рынком».

Таким образом, вся ответственность за соблюдение правил конкуренции возлагается на Еврокомиссию и на национальные компетентные органы.

Еврокомиссия наделяется рядом полномочий, присущих исключительно ей. К таковым относится расследование неконкурентных действий предприятий и государств. У ее представителей большой объем полномочий. Они имеют право на беспрепятственный доступ к информации, на вход и проверку служебных помещений, и особо важное значение имеет право требования любого

учредительного документа. Большие сложности возникают при нарушении конкуренции на рынке действиями компаний третьих стран. Но для ответных действий Еврокомиссии требуется соответствующее разрешение суда ЕС. Как известно страны ЕС признают прецеденты, они в свою очередь позволяют привлекать к ответственности компании третьих стран, а также требовать пересмотра некоторых условий соглашений. [4]

Но, все же Еврокомиссия имеет ограниченные возможности влияния на действия компаний, центры управления которыми находятся за пределами ЕС. Для этого заключаются всевозможные договоры для сотрудничества и взаимопомощи в данной сфере.

Примером может стать победа в деле против «Microsoft» (американская компания) в 2008 году, где происходило взаимодействие с антимонопольными органами США.

Еврокомиссия опубликовала Белую книгу, которая содержит в себе положения о компенсации потребителям, но как правило она может осуществляться только по решению суда. В основном она носит рекомендательный характер для совершенствования национального судебного законодательства по определенному принципу, который сводится к следующему, «нарушитель платит». Тем субъектам, которые все таки ощутили на себе убытки в следствии нарушений соответствующих норм добросовестной политики Комиссия выделяет ряд рекомендаций, касающихся восстановлению нарушенных убытков. [5]

В заключении нужно сказать о том, что Европейский Союз имеет богатый опыт как регулирования, так и реализации добросовестной конкурентной политики, особенно на региональном уровне. Анализируя позитивные и негативные аспекты европейского опыта можно с легкостью приступить к «оживлению» интеграционных процессов на территории всего СНГ.

Список литературы:

1. Право Европейского союза. Учебник для вузов / Под ред. Кашкина С. - М.: Изд-во «Юрайт», 2010. - 1119 с.
2. Шемятенков В. Европейская интеграция. - М.: «Международные отношения», 2003 г., 400 с.
3. Case of the Court of Justice techniques sur l'Union europeenne. Luxembourg 2009. P.130.
4. Материалы Шестой конференции ЮНКТАД. Глава 2, с. 22-23.
5. Commission of the EC. White paper on damages action for breach of the EC antitrust rules. COM (2008) 165 fnal. Brussels. 2.4.2008.

УДК 339.543.2: 351.82 (470+571)

Гиренко О.И.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского» Юридический факультет*

**ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА НА НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
РФ**

2010 год ознаменовался созданием Таможенного союза сначала между тремя странами: Российской Федерацией, Республикой Казахстан и Республикой Беларусь. В итоге образования Таможенного союза в рамках Единого экономического пространства Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) регламентировано единое тарифное и нетарифное регулирование внешней экономической торговли, а также основные положения о таможенном, санитарном и фитосанитарном, ветеринарном контроле [1].

Основополагающая роль отведена таможенному регулированию как главной детерминанте функционирования Таможенного кодекса Таможенного союза (ТК ТС), который, в свою очередь, устанавливает двухступенчатый порядок регулирования, а именно: межгосударственный и национальный. Первостепенное значение имеет межгосударственный уровень, что вытекает из п. 2 ст. 1 ТК ТС, которым определено, что таможенное регулирование в таможенном союзе осуществляется согласно таможенному законодательству данного объединения, а в части не урегулированной таким законодательством, до установления соответствующих правоотношений на уровне таможенного законодательства таможенного союза, – в соответствии с законодательством государств-членов таможенного союза [2].

Данное положение свидетельствует о том, что национальной правовой системе регулирования отведено второклассное значение в рассматриваемом контексте осуществления правотворчества. Поэтому возникает коллизия, суть которой сводится к тому, чтобы внести изменение в Конституцию Российской Федерации, то бишь, в п. «ж» ст. 71, который регламентирует исключительное ведение РФ в таможенном регулировании.

В п.1ст.3 ТК ТС установлен состав таможенного законодательства таможенного союза, элементами которого являются:

1. Таможенный кодекс таможенного союза;
2. международных договоров государств-членов таможенного союза, регулирующих таможенные правоотношения в таможенном союзе;
3. решений Комиссии таможенного союза, регулирующих таможенные правоотношения в таможенном союзе, принимаемых в соответствии с ТК ТС и международными договорами государств-членов таможенного союза.

В связи с указанной структурой источников таможенного законодательства таможенного союза можно констатировать факт, что данный список представляется больше ограниченным, чем источники нормативного регулирования ЕврАзЭС, что является логичным и закономерным. Относительно Комиссии таможенного союза, исследуемая ст.3 ТК ТС определяет таким образом последнюю в качестве органа, фигурирующего в создании таможенного законодательства таможенного союза [3]. Образованный орган определяется как монолитный орган, действующий на постоянной основе, наделенный конкретными полномочиями по принятию решений, которые имеют общеобязательный характер.

И, говоря об этом источнике права, то мнения юристов по этому поводу разошлись, ибо выступаю два спорных вопроса, а именно: о правовом положении решений Комиссии ТС, а также о их дальнейшей имплементации в законодательство Российской Федерации.

Поскольку решения данного органа, формирующего нормативную политику в сфере таможенного регулирования таможенного союза, не относятся к международным договорам, то в соответствии со ст. 15 Конституции РФ они не могут быть включенными в национальную правовую систему России. К примеру, Каширина А.А. и Морозов А.Н. придерживаются позиции, главным мотивом которой выступает возможность отождествления решений Комиссии с международным договором и приданием им статуса последнего. По их мнению, Договор о создании Комиссии ТС является международным договором, благодаря которому и решения Комиссии внедряются в «ткань национального правопорядка» [4]. Но такая точка зрения не согласовывается с реальным правовым статусом.

Однако Комиссия ТС была ликвидирована вследствие принятия от 18 ноября 2011 года Договора государств-членов ТС «О Евразийской экономической комиссии», на смену которой сформирована Евразийская экономическая комиссия. В соответствии со ст. 5 вышеуказанного Договора решения новоучреждённого

органа включаются в структуру правовой базы международных договоров и Таможенного союза, и Единого экономического пространства, что предопределяет их безусловное применение в регионе сторон-участниц. При этом, те проблемы, свойственны для решений Комиссий ТС, актуальные и для решений Евразийской экономической комиссии в правоприменительной практике национального законодательства РФ.

Международные договоры, заключенные между сторонами Союза – это следующий источник права Таможенного союза. В виду этого ТК ТС рассматривают как международный договор, установленный Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества. Его обособленное отделение от всего массива нормативного правового регулирования Таможенного союза и в результате выступающего в роли унифицированного и самостоятельного акта является абсолютно мотивированным.

Необходимо заметить, что полномочия Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества по поводу нормативного регулирования в международных соглашениях выражены не совсем конкретно. Согласно ст. 5 Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества Межгосударственный Совет принимает во внимание и разрешает принципиальные вопросы Сообщества, связанные с общими интересами государств-членов Сообщества, определяет стратегию и принимает решения, направленные на реализацию целей и задач Сообщества. Более конкретным правовое положение Межгоссовета обозначено от 26 февраля 1999 г. в Договоре между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, в ст.58 которой зафиксировано, что в случаях, когда по общему мнению Сторон это является необходимым и оправданным, Межгоссовет вправе принимать решения, устанавливающие единые для государств-участников Договора правила, которые являются обязательными во всех своих частях и подлежат непосредственному применению государствами-участниками.

В то же время правовая форма таких решений представляется нечёткой, поскольку большинство договоров оформлено в виде решений Межгоссовета ЕврАзЭС, который также есть высшим органом Таможенного союза. Наглядным объяснением этого является Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 года [5].

Наряду с этим, Межгосударственный Совет принимает и отдельные решения, чаще всего на уровне руководителей государств. В такой ситуации возникает логический вопрос относительно их правового статуса. Поэтому если рассматривать подобные решения Межгоссовета ЕврАзЭС с ракурса международных договоров, тогда утрачивает своё значение и содержание правовая конструкция, определяющая порядок принятия решением Межгоссовета договоров, которые фиксируют правоотношения в сфере таможенного дела. Однако доля решений главенствующего органа Таможенного союза не имеет отношение к таможенному законодательству, что есть, по сути, противоречивым.

Хочется акцентировать внимание на формулирование нормы ФЗ от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в РФ», а именно: п.2 ст. 4 определяет, что официально опубликованные международные договоры, составляющие договорно-правовую базу Таможенного союза, и решения органов Таможенного союза действуют в РФ непосредственно, если не содержат требований по изданию внутригосударственных актов для их применения [6]. Отсюда следует вывод, что использование во множественном числе категории решения органов Таможенного союза сводится к тому, что в таможенное законодательство ТС включены и решения ранее действующей Комиссии ТС, и решения ныне действующего Межгосударственного Совета ЕврАзЭС.

С установлением правового режима решений органов Таможенного союза обусловлено действие приоритета международных норм перед нормами национальной правовой системы России, закрепленного ст. 15 Конституции РФ.

Вместе с этим, положение п.10 ст. 4 ФЗ « О таможенном регулировании в РФ» устанавливает, что если таможенным законодательством ТС установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом, применяется таможенное законодательство ТС. Как уже было выше отмечено, что законодательство ТС состоит из решений Комиссии, которые не относятся к международным договорам, поэтому отсюда следует тот факт, что ФЗ «О таможенном регулировании в РФ» выходит за границы приоритета, установленного п. 1 ст.15 Конституции РФ, провозглашающего правило согласованности принятых в РФ законов Конституции РФ [7].

Таким образом, всё вышеизложенное сводится к следующим выводам. Необходимо чёткое формулирование и определение правового статуса решений Межгосударственного совета ЕврАзЭС и решений Комиссии ТС.

Без сомнения, правовая база Таможенного союза концентрирует в себе значительное количество правовых актов, которые аккумулируются и задают вектор политики в дальнейших взаимоотношениях между государствами-участниками данного Союза. Несмотря на изобилие как международных, так и национальных документов, существует ряд других проблем, выраженных:

1. в противоречии норм права, которые содержатся в различных нормативных правовых актах, и неблагоприятном последствии, что демонстрируется на качественных характеристиках таможенных операций и барьерном применении правил таможенного законодательства субъектами внешнеэкономической деятельности;
2. в отличительных чертах правил таможенного управления государств-участников Таможенного союза;
3. присутствие в таможенном законодательстве Таможенного союза колоссального объёма отсылочных норм к национальным законодательствам Сторон Союза, что, впоследствии, служит источником разнообразия применения координирующих и организационных основ в области таможенных правоотношений.

Бесспорно, что в указанных моментах усматривается несовершенство правовой базы таможенного законодательства, пробелы и противоречия которой отражаются в аспекте деятельности таможенных органов, что требует ликвидации такого рода коллизий.

Список литературы:

1. Решение Межгоссовета ЕврАзЭС от 5 июля 2010 г. № 48 «О ходе реализации второго этапа формирования Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС»// Правовая система «Консультант плюс».
2. Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 года № 17) // Правовая система «Консультант плюс».
3. Бюллетень международных договоров. № 7. Июль. 2011.
4. Каширина А.А., Морозов А.Н. Правовые аспекты интеграции на постсоветском пространстве в рамках ЕврАзЭС: проблемы и перспективы// Журнал российского права. 2010. № 2. С. 91-103.
5. Федасова Ю.В. Актуальные проблемы формирования таможенного законодательства Таможенного союза // Журнал социально-политические науки. 2013. № 1. С. 46-48.
6. Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // Правовая система «Консультант плюс».
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). // Правовая система «Консультант плюс».

Хлыстова П. Н.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В.И. Вернадского» Юридический факультет*

**«ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ
О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД В ПРАВОВУЮ
СИСТЕМУ РОССИИ»**

Развитие интеграционных процессов в международно-правовой системе с неизбежностью ставит вопрос о соотношении международного права с национальным законодательством государств и государственным суверенитетом. Международная интеграция и возрастающее влияние международных организаций прямо отражаются на процессах развития внутри национальных государств. Вместе с тем в условиях мировой глобализации реформы в национальных правовых системах государств приобретают иное измерение, они перестают быть исключительно внутренним делом данного государства. На современном этапе представляется чрезвычайно важным найти баланс между сохранением национального законодательства и соблюдением международно-правовых норм.

Одним из важнейших и старейших международных договоров, гарантирующих неотъемлемые права каждого человека, является Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, подписанная членами Совета Европы в 1950 году [1]. На все государства, ратифицировавшие данную конвенцию, распространяется юрисдикция Европейского суда по правам человека. Функцией этого международного судебного органа является адаптация конвенционных гарантий к правовой и социальной действительности путём толкования гарантированных прав.

Однако последнее время довольно часто встречается расхождение в правовых позициях ЕСПЧ и Конституционного Суда Российской Федерации. Показательным примером является резонансное дело «Маркин против России». Обстоятельства дела заключались в том, что Капитан Константин Маркин с 2004 года служил по контракту в войсковой части, выполняя функции оператора электронной радиоаппаратуры. В сентябре 2005 года в его семье родился третий ребенок. В тот же день супруги развелись, а дети остались с отцом. Маркин попросил

командование о предоставлении ему отпуска по уходу за ребенком, но получил отказ. В 2006 году суд, в котором отец безуспешно обжаловал отказ, указал, что, хотя общая норма Трудового кодекса предусматривает возможность предоставления такого отпуска не только матери, но и отцу, если он фактически осуществляет уход за ребенком [2], но специальная норма законодательства о статусе военнослужащих предоставляет эту льготу лишь женщинам [3]. Апелляция согласилась с таким решением, после чего Маркин подал жалобу в КС и ЕСПЧ, которые сформировали две диаметрально противоположные позиции по данному делу.

По мнению КС, военнослужащие выполняют конституционно значимые функции, чем предопределяется их специальный правовой статус. Поскольку военная служба исключает возможность массового неисполнения военнослужащими своих служебных обязанностей без ущерба для охраняемых законом публичных интересов, отсутствие у военнослужащих мужского пола права на отпуск по уходу за ребенком не может рассматриваться как нарушение их конституционных прав и свобод [4].

ЕСПЧ посчитал, что лишение военнослужащих-мужчин права на отпуск по уходу за ребенком, когда женщины-военнослужащие имеют право на такой отпуск, является дискриминацией по признаку пола и нарушает право на уважение семейной жизни и право на свободу от дискриминации по признаку пола, закрепленные в ст. 8 и ст. 14 Конвенции [5]. В результате толкование ЕСПЧ прав, гарантированных Конвенцией, пошло в разрез с конституционным смыслом, придаваемым этим правам в Российской Федерации.

Возникновение противоречивых подходов также стало неизбежно в деле «Анчугов и Гладков против России». Согласно статье 32 Конституции РФ не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда [6]. Голосовать имеют право лишь заключенные следственных изоляторов временного содержания, получившие открепительное удостоверение через доверенное лицо, поскольку в отношении этих лиц ещё нет вступившего в силу приговора. Заключенные подали жалобу в ЕСПЧ по причине ограничения их избирательных прав. По мнению Страсбургского суда, такое положение плохо соотносится с требованиями ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции, толкуя данные требования довольно широко, суд констатировал непропорциональный подход российского законодателя к лишению своих граждан избирательного права [7]. Представляется справедливым установить механизмы реализации принципа соразмерности в вопросе лишения заключенных

избирательного права. То есть не распространять запрет на всех лиц, содержащихся в местах лишения свободы, без учета особенностей их личности, тяжести совершенного преступления и иных аспектов индивидуальной ситуации, а установить пропорциональную дифференциацию.

В 2015 году группа депутатов Госдумы обратилась в КС с просьбой оценить возможности признания и исполнения постановлений ЕСПЧ, противоречащих положениям Конституции и правовым позициям КС. В ответ КС отметил в своём постановлении, что Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения норм Конституции. Такое положение относится прежде всего не к самому международному договору, а к истолкованию соответствующей нормы Страсбургским судом в рамках рассмотрения конкретного дела [8]. КС пошёл по пути Великобритании, которая в 2004 году отказалась исполнять решение ЕСПЧ по аналогичному делу «Херст против Великобритании», которое закончилось признанием Европейским судом за заключенными права голоса.

Основополагающий принцип действия конвенции заключается в том, что ответственность за соблюдение закрепленных в ней прав возлагается на подписавшие ее государства. Члены Конвенции также взяли на себя обязательства по исполнению решений ЕСПЧ, установив приоритет международных договоров над национальным законом. Гармоничное взаимодействие европейского и конституционного правопорядка невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами является основой их надлежащего равновесия. Выработав механизм по неисполнению постановлений ЕСПЧ, наше государство дистанцировалось от очень значимого инструмента толкования конвенционных гарантий, создав препятствие для имплементации Конвенции.

В рассмотренных делах ЕСПЧ отстаивает прогрессивные идеи равенства женщин и мужчин в правах, недопустимость дискриминации, уважение семейной жизни, а также избирательные права, закрепленные в Конвенции. Можно отметить, что толкование ЕСПЧ соответствует существующей правовой действительности. На данном этапе развития общества в оговоренных изменениях явно назрела потребность, однако наш законодатель силится сохранить консервативные нормы, уменьшая эффективность международного права, которая зависит от готовности

государств пожертвовать частью своих суверенных полномочий в интересах расширения международного контроля.

Список литературы:

1. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Правовая система «Консультант плюс».
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ // Правовая система «Консультант плюс».
3. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ // Правовая система «Консультант плюс».
4. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 г. № 187-О-О // Правовая система «Консультант плюс».
5. Постановление Европейского Суда по правам человека от 7.10.2010 г. по жалобе № 30078/06 (Konstantin Markin v. Russia) // Правовая система «Консультант плюс».
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.). // Правовая система «Консультант плюс».
7. Постановление Европейского Суда по правам человека от 04.07.2013 г. по жалобам № 11157/04, 15162/05 (Anchugov and Gladkov) // Правовая система «Консультант плюс».
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 г. №21-П // Правовая система «Консультант плюс»

УДК 341.23

Алания Н.А.

Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» Юридический факультет

«ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТАТЬИ 6 ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ»

Статья 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод закрепляет право на справедливое и публичное разбирательство независимым и беспристрастным судом [1]. В свою очередь Конституция Российской Федерации, имплементируя основополагающие положения вышеупомянутой Конвенции определяет в ст. 46, что за каждым гражданином признается право на судебную защиту его нарушенных или оспариваемых прав и свобод и гарантируется право на объективное и беспристрастное судебное разбирательство [2]. Европейский суд по правам человека 22 сентября 2016 года опубликовал решение по делу «Карелин против России». Поводом для рассмотрения данного дела в Европейском суде стало

заявление Карелина о нарушении принципа состязательности судебного разбирательства, а также было отмечено, что при рассмотрении его дела суд возложил на себя функцию обвинителя. Постановление по данному делу является рекомендательным и в нем отмечается недостаточное соблюдение принципа состязательности в административном судопроизводстве. Европейский суд пришел к выводу, что даже угроза наложения штрафа является достаточным основанием для проведения полноценного административного судебного разбирательства по аналогии с уголовным. В свою очередь Правительство Российской Федерации пришло к выводу, что в связи с незначительностью штрафной санкции, угрожавшей заявителю, отсутствовала острая необходимость в проведении процесса по уголовно-правовому шаблону.

Проблема отсутствия обвинителя при рассмотрении дел об административных правонарушениях является широко обсуждаемой темой в научных кругах. В связи с этим представляется важным определить, необходимо ли участие государственных обвинителей при рассмотрении дел об административных правонарушениях, и к чему приводит отсутствие стороны обвинения как таковой при рассмотрении данной категории дел.

К руководящим принципам административного судопроизводства КоАП РФ относит презумпцию невиновности. Однако в тоже время КоАП РФ прямо не указывает, что бремя доказывания виновности возложено на сторону обвинения. Кроме того, одним из признаков судебного разбирательства является состязательность процесса. В российской юридической литературе состязательность рассматривается в двух аспектах: как один из принципов права и принципов осуществления судопроизводства. Под состязательностью понимается форма судебного процесса, в которой функции обвинения и защиты разделены между собой, стороны наделены равными правами в отстаивании своих интересов, а суд в свою очередь, занимает ведущую роль, как непосредственный руководитель процесса. В условиях отсутствия обвинителя прослеживается возложение на судью необходимости выполнять его обязанности по осуществлению обвинительной функции. Совмещение же обвинительной и судебной функций в лице судьи, что объективно наблюдается в российском административном процессе, противоречит статьям 120 и 123 Конституции Российской Федерации.

Проанализировав главу 23 КоАП РФ, следует отметить, что в перечне участников административного судопроизводства отсутствует должностное лицо, которое противостояло бы лицу, в отношении которого ведется производство [3].

Согласно КоАП РФ обязательными участниками в таких делах являются суд, лицо, в отношении которого решается вопрос о привлечении к административной ответственности, представитель (защитник), а также секретарь судебного заседания. Исходя из этого, нетрудно заметить, что сбор необходимых доказательств, бремя доказывания виновности в отсутствие обвинителя возлагается на судью, таким образом сторона защиты противостоит суду, который должен разрешить дело по существу и вынести справедливое решение. Поскольку лицо, которому инкриминируется совершение правонарушения, отрицает совершение противоправного деяния, у судьи возникнет необходимость самостоятельно истребовать доказательства, которые свидетельствовали бы о его непричастности либо подтверждали виновность. Нельзя не согласиться с позицией Берлина А.Я., который отметил, что в таких условиях проведения процесса активизируется роль суда в сборе и интерпретации доказательств [4]. Замещение отсутствующего обвинителя фигурой в лице судьи является крайне недопустимыми противоречит отечественным и международным правовым нормам. Принято считать, что процесс рассмотрения дел об административных правонарушениях относится к ряду несложных процессов, следовательно, проведение его в упрощенном порядке видится более рациональным, в отличие от уголовного процесса, где подробно регламентирован принцип состязательности сторон [5].

Что касается доказательств, то для вынесения решения суд чаще всего опирается на протокол об административном правонарушении, который по своему характеру является своеобразным аналогом обвинительного акта. Отсюда следует, что правомерность вынесения такого акта необходимо доказывать в ходе разбирательства и поэтому имеются два пути решения сложившейся проблемы.

На наш взгляд представляется целесообразным введение государственного обвинителя как обязательного участника производства по рассмотрению дел, регламентированных в КоАП РФ. Обеспечение в каждом деле участия обвинителя несомненно потребует в дальнейшем расширения штата сотрудников и кадрового корпуса, а наиболее тяжкие правонарушения должны рассматриваться в процессуальном порядке, наиболее приближенном к уголовному. В случае отсутствия достаточного количества кадров для обеспечения присутствия обвинителей при рассмотрении таких дел, решение сложившейся проблемы возможно также посредством внедрения в законодательство альтернативного варианта: должностное лицо, вынесшее такое постановление может быть наделено полномочиями государственного обвинителя. Исполнение пилотного постановления

Европейского суда по делу «Карелин против России» положительно отразится на процессе, приведет его в соответствие с международно-правовыми стандартами.

В основе Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Конституции РФ лежат общие социальные и правовые ценности. Суду необходимо таким образом осуществлять правосудие, чтобы при этом не нарушались права граждан, закрепленные в международном и отечественном праве. Необходимо законодательно закрепить принцип состязательности в главе 1 КоАП РФ с той целью, чтобы административный процесс отвечал конвенционным и конституционным гарантиям. Можно констатировать, что введение фигуры обвинителя позволит сделать процесс полноценным и соответствующим международным требованиям. Исходя из анализа современного состояния административного судопроизводства, представляется целесообразным воспринять положения постановления ЕСПЧ и обеспечить практическое применение таких реформ.

Список литературы:

1. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Правовая система «Консультант плюс».
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Правовая система «Консультант плюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Правовая система «Консультант плюс».
4. Берлин А. Я. Отпечаток советской инквизиционной формы // Новая адвокатская газета 2016. № 22 С. 10-11.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Правовая система «Консультант плюс».

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА: ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В
РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО**

Актуальность предложенной темы предопределена объективной закономерностью современного развития права с углубленным взаимодействием национального и международного права, что определяет наиболее важную закономерность – более тесную связь национального общества с мировым сообществом.

Впервые в России норма о соотношении национального и международного права появилась в Конституции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – РСФСР) от 1978 года, которая закрепила положение о преимуществе общепризнанных международных норм, непосредственно относящихся к правам человека, над законами Российской Федерации, и именно нормы международного права прямо порождают права и обязанности граждан Российской Федерации[1].

Ныне действующая Конституция Российской Федерации, а именно часть 4 статьи 15, более широко определила роль международно-правовых норм в пределах внутреннего права, сформулировав постулат, в соответствии с которым общепризнанные нормы и принципы международного права и международные договоры Российской Федерации есть ни что иное как составной элемент ее правовой системы. В случае установления международным договором Российской Федерации иных правил, нежели предусмотрены законом, в таком случае используются нормы международного права[2].

Пребывая в тесной взаимосвязи, нормы международного и национального права оказывают друг на друга безусловное воздействие. Так, директивы международного права порождают возникновение определенных норм во внутригосударственном праве, а перспективные концепции, содержащиеся в последнем, - на установление норм первого. Таким образом, процесс взаимодействия

является двусторонним и предполагает симбиоз, целью которого является, соответственно, реализация совокупных интересов[3].

Общеизвестным является факт, что национальные правовые системы имеют широкое влияние на нормы международного права, что в свою очередь отражается во внешнеполитических отношениях в целом и дипломатии в частности. Заключая между собой международные договоры, государства таким образом осуществляют реализацию своих волей, соответственно, они являются непосредственными творцами международно-правовых норм. Следовательно, в процессе реализации международной политики, основным является учет национального, внутреннего законодательства в виде Основного закона, а при осуществлении внутригосударственных процессов –превосходство в обязывающих нормах международного права.

В целом, представляется верным, что соблюдение вышеназванных положений будет способствовать совершенствованию механизмов сотрудничества между государствами и гарантии обеспечения безопасности в мире [4].

Однако, вопрос о природе взаимодействия норм международного и национального права был и остается одним из наиболее спорных в ключе гарантирования и соблюдения суверенитета государства. В настоящее время основная задача гармоничного функционирования международного и внутригосударственного права охватывается достижением продуктивности, обусловленной социальной необходимостью. Вместе с этим, четкое следование принципам и нормам международного права ни под каким предлогом не умаляет весомость национальной системы права и суверенитета государства.

О. И. Тиунов полагает, что запрет международным правом, равно как и национальным, к примеру, на ведение государством агрессивной войны, либо установление наднационального курса полномочий конкретных межгосударственных организаций, не оказывает влияние на качественные характеристики независимости и суверенности государства – участника международных соглашений, поскольку данные решения направлены на развитие и совершенствование действенности норм права, а не на занижение значения суверенитета государства. Суверенитет, в данном случае, продолжает реализовываться посредством согласования международного права и национального законодательства [5].

“От качества реализации приведенных процессов зависит не только статус государства в качестве устойчивого международного партнера, но и

степень обеспечения и защиты прав и законных интересов человека, которые являются центральным элементом современного государства”[6]. – полагает Базарова Г.С.

В результате имплементации происходит извлечение категорий международного права и преобразование национального законодательства. Задача законодателя – определить имплементацию процессом, способным преобразовать правовую систему как можно более естественным образом, органичным по отношению к собственному праву. Имплементационные процессы являются обоюдными, хотя разными по своей интенсивности.

Таким образом, задачей процесса имплементации не является существенная модификация воззрений и ценностей, сформировавшихся в российском обществе, его предназначение заключается в постепенной трансформации сложившихся культурных и правовых обычаев под воздействием развитых демократических систем.

Список литературы:

1. Конституция (Основной закон) Российской Федерации – России Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 года(в редакции 9 декабря 1992 года) (Утратила силу).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
3. Мингазов Л.Х., Проблемы взаимодействия национального и международного права: конституционно-правовая сфера // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. № 4 / том 154 / 2012. С. 54.
4. Жадан В.Н., Международное право в системе российского законодательства // Журнал “Армия и общество”. № 4 (32) / 2012. С. 1-10.
5. Тиунов О. И. Международное право и правовые позиции Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 2.
6. Базарова С.Г. Вопросы имплементации норм международного права в сфере прав человека в национальное законодательство стран членов Европейского союза и стран СНГ. С. 35-36.

Шармоянц А.Н.

К.Ю.Н.

*Таврическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского» Юридический факультет*

**ПРОБЛЕМЫ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО И
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ТОРГОВОГО МОРЕПЛАВАНИЯ В
РФ.**

В современном мире успешность того или иного государства во многом зависит от того, насколько оно успешно экономически, культурно, политически интегрировано в международное сообщество. Важное место в обеспечении таких процессов отводится решению проблем сосуществования национального и международного права, как ключевого звена в обеспечении интеграционных процессов.

Значимая часть внешнеторгового оборота Российской Федерации [1] приходится на морскую торговлю в связи с чем вопросы сосуществования национального и международного права в регулировании торгового мореплавания приобретают важную роль при реализации интеграционных процессов в экономической сфере.

Не смотря на то, что в соответствии с Конституцией РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, реализация норма международного права на территории РФ возможна только после их имплементации внутри государства законодателем, что справедливо и для международных норм в сфере торгового мореплавания [2].

Нормы международного права и национального права хотя и представляют различные правовые системы, на что указывается в статьях Конституции РФ (ст.15, 17, 69), но вместе с тем в сфере торгового мореплавания они тесно взаимосвязаны и глубоко интегрированы между собой. Нормы международного права оказывают существенное влияние на законодательство Российской Федерации, а в некоторых вопросах дублируются российским законодательством, тем самым становясь неотъемлемой его частью. Принятый в 1995 году закон «О континентальном шельфе Российской Федерации»[3] во многом воспроизводит положения Конвенции

ООН по морскому праву 1982 года о континентальном шельфе[4], но в то же время развивает и детализирует заложенные в Конвенции положения с учетом национальной специфики и потребностей. Термин «территориальное море» был введен в правовой оборот из Женевской конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 года к которой СССР присоединился в 1960 году. Введены в правовой оборот из международного права такие понятия как судно, пропавшее без вести, судно, конструктивно погибшее, установлены принципы определения гражданства членов экипажа, порядок регулирования трудовых отношений на судне, процедура привлечения судна к спасанию людей и судов, правовой режим затонувшего имущества. Аналогичная ситуация сложилась и с другими правовыми актами Российской Федерации, регулирующими вопросы торгового мореплавания, что во многом связано с консервативностью, традиционностью отрасли и сложностью регулируемых правоотношений.

В отличие от других сфер права в торговом мореплавании важное место занимают общепризнанные международные морские обычаи и договоры, которые также признаются Российской Федерацией и распространяют свою юридическую силу на ее территорию в соответствии с Конституцией РФ и ГКРФ (ст. 7). Характер общепризнанных в РФ нормы международного права обретают лишь при условии согласия государства, как суверенного участника международных отношений и основного субъекта международного права с данной нормой и признания ее юридически обязательной для себя [5, с. 167]. К общепризнанным нормам можно отнести международные договоры к которым присоединилась РФ, а также договоры в отношении которых она стала правопреемником СССР. Данные правовые акты могут действовать на территории РФ как непосредственно (если он был ратифицирован, официально опубликован и вступил в силу), так и через принятие внутригосударственных актов для их применения.

В случае коллизий Конституции РФ и международными договорами РФ будет действовать правило о высшей юридической силе Конституции, так как международные договоры РФ являются составной частью правовой системы государства, а в рамках этой системы нет актов, которые могли бы быть выше по юридической силе, чем Конституция РФ [5, с. 171].

Таким образом, нормы международного права в сфере торгового мореплавания является частью законодательства РФ, тесно взаимосвязаны и глубоко интегрированы с ним. Практика же прямого непосредственного действия или воспроизведения норм международного права с учетом национальной специфики

положительно сказывается на международном взаимодействии и сотрудничестве, уменьшает риски возникновения коллизий между международными и внутренними нормами и позволяет отрасли эффективнее интегрироваться в международное сообщество.

Список литературы:

1. Федеральная служба государственной статистики - Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
3. Закон РФ «О континентальном шельфе Российской Федерации» от 30 ноября 1995 г., № 187-ФЗ / «Российской газете» от 7 декабря 1995 г., № 237
4. Официальный сайт ООН / Конвенции ООН по морскому праву – Режим доступа: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf
5. Комментарии к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева – М. :Эксмо, 2009. – 1056 с.

УДК 341.1/8:343.2/7

Холодов М.В.

Крымский юридический институт (филиал)

«Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На современном этапе в правовой доктрине существуют разногласия, которые касаются правильности употребления наименования для характеристики связи между внутригосударственным уголовным законодательством и международным правом.

В юридической литературе наиболее распространены такие термины, как: «влияние», «взаимодействие», «соотношение», «воздействие». Некоторые учёные-правоведы отождествляют данные понятия, другие акцентируют внимание на важность понимания различия между ними.

Обратившись к этимологии данных терминов, можно сделать вывод о принципиальном различии их определений.

По-нашему мнению, «взаимодействие» характерно наличием динамических аспектов, в отличие от понятия «соотношение», которое уместно употреблять к процессам и явлениям статическим. Поскольку связь внутригосударственного и международного права основывается прежде всего на отношениях динамичных, то есть постоянно меняющихся, целесообразнее использовать термин «взаимодействие».

Также отметим, что взаимодействие национального и международного права основывается на взаимном влиянии. В частности, предметом данного исследования является одностороннее влияние международного права на российское уголовное законодательство, как одна из форм взаимодействия данных правовых систем.

Кроме того, в научной литературе распространен термин «воздействие», который близок по значению к термину «влияние», но не тождественен.

По мнению С.В. Черниченко первый означает «намеренные прямые изменения в правовой системе», второй- «характеризует изменения в естественно протекающем процессе».

Говоря о взаимодействии национальной и международной правовых систем, следует подчеркнуть, что данный дуализм построен на основе приоритета международного права как первичного по отношению к внутригосударственному[1].

В Конституции Российской Федерации в части 4 статье 15 провозглашено, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы», соответственно ратифицированные международные договоры обладают приоритетом по отношению к национальным законам.

Большинство учёных на данный момент считают международные договоры источниками уголовного законодательства РФ, однако следует разделить данные источники на опосредованные и непосредственные. К первому виду относятся ратифицированные международные договоры, включённые по общему правилу в национальное законодательство, т.е. в УК Российской Федерации. Однако в ряде случаев международно-правовые акты имеют непосредственное уголовно-правовое значение без их включения в УК Российской Федерации. Это, например, касается вопросов уголовной ответственности лиц, пользующихся иммунитетом в силу ратифицированных международных договоров и конвенций России[4].

Проанализировав нормы международного права, Конституцию России и федеральные законы (в первую очередь ст. 14 Федерального закона от 15 июля 1995 г. N 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации») позволяет

сделать следующие выводы относительно способов воздействия международного права на уголовное законодательство России.

К основным формам влияния международного права на российское уголовное законодательство относятся:

1) «отсылка»- непосредственное указание на действие в национальной юрисдикции нормы международного права, имеющей уголовно правовое значение.

2) «рецепция» - в этом случае акт международного права как источник уголовного права полностью включается в уголовный закон без каких-либо изменений, при этом может вводиться новая норма или изменяться существующая;

3) «имплементация» - уже существующая уголовно-правовая норма или вводимая новая норма уголовного закона адаптируется внутренним законодателем во исполнение международного договора[3].

Нетрудно заметить, что последние два способа по содержанию представляют собой инкорпорацию (включение) предписаний международного права в уголовное законодательство. Особо необходимо уточнить основополагающую разницу между рецепцией и имплементацией. При имплементации норма уголовного закона адаптирует положение международной нормы не буквально, а в соответствии с особенностями правовой системы государства.

Более того, многие международные акты, предписывая внести то или иное изменение в уголовное законодательство страны, не содержат даже примерного текста уголовно-правовой нормы. Поэтому в этом случае у внутреннего законодателя остается своеобразное «пространство для маневра» в целях издания наиболее эффективного и социально значимого для внутренней правовой системы правового предписания. А такая возможность отсутствует при рецепции нормы международного права[2].

В зависимости от характера изменений норм российского уголовного законодательства влияние международного права может быть направлено на:

1) возникновение новых принципов и норм отечественного уголовного законодательства. Так, в соответствии с ратифицированными Российской Федерацией конвенциями в Уголовный кодекс РФ были включены нормы, устанавливающие уголовную ответственность за нарушение равноправия граждан (ст. 136 УК РФ), производство или распространение оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ), геноцид (ст. 357 УК РФ), торговлю людьми (ст. 127 УК РФ);

2) углубление и развитие содержания существующих уголовно-правовых норм. Так, ликвидация различий в степени уголовно-правовой охраны половой свободы и неприкосновенности мужчин и женщин, выразившаяся в уравнивании ответственности за посягательства на эти интересы в ст. 131 и ст. 132 УК Российской Федерации, рассматривается как изменение, соответствующее Международному пакту о гражданских и политических правах. В соответствии с Единой конвенцией о наркотических средствах 1961 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации внесены изменения, касающиеся определения наркотических средств, а также списков наркотических средств, приведенных в Перечне наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. №681;

3) устранение из российского уголовного законодательства устаревших норм. Так, Федеральным законом от 7 апреля 2010 г. №60-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в связи с ратификацией Российской Федерацией Конвенции ООН против коррупции 2003 г. был декриминализован такой состав преступления, как лжепредпринимательство (ст. 173 УК РФ).

Вместе с тем, необходимо отметить, что существует проблема такая, как эффективность и неэффективность влияния норм международного права на отечественное уголовное законодательство. Если источник влияния (нормы международного права) имеет юридически обязательную силу, а его объект (российское уголовное законодательство) к влиянию открыт (расположен), то такое влияние будет считаться эффективным[4].

Влияние положений международного права на внутригосударственное законодательство неэффективно, если последнее не воспринимает современные достижения мировой правовой науки и практики, то есть закрыто для такого влияния. В данном случае основными средствами совершенствования уголовного законодательства являются внутригосударственные источники.

Так, например, международные конвенции, посвященные проблемам транснациональной организованной преступности, терроризма и коррупции, рекомендуют государствам ввести ответственность юридических лиц за эти преступления и предлагают модельные статьи об этом. Такие страны, как Франция, Швейцария, Швеция, Австрия, ФРГ, уже применяют уголовную ответственность юридических лиц.

Кроме того, необходимо отметить, что российская доктрина в целом отрицательно оценивает идею введения уголовной ответственности юридических лиц ввиду ее противоречия принципам конституционного и уголовного права, в соответствии с которыми преступление воспринимается как деяние физического лица, которому свойственны, к примеру, такие категории, как вменяемость, вина. Поэтому считаем, что эффективность влияния данной нормы международного права на Уголовный кодекс Российской Федерации крайне низка. Хотя нельзя отрицать факт ее доктринального влияния на науку уголовного права России, учитывая все возрастающее количество научных публикаций по данному вопросу.

Таким образом, рассмотрев указанную проблематику, можем сделать вывод, что влияние международного права на российское уголовное законодательство представляет собой системный, целенаправленный процесс по изменению норм российского уголовного законодательства. Однако данный процесс не всегда целесообразен и зачастую неэффективен.

Список литературы:

1. Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2012. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 07.04.2017).
2. Вдовин В.А. Имплементация уголовно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы Общей части): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 07.04.2017).
3. Кайсин Д.В. Источники уголовно-правовой системы Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 07.04.2017).
4. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. 4-е изд. М., 2014. Т. 1: Общая часть. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 07.04.2017).

Научное издание

Актуальные проблемы сравнительного правоведения

Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов (19-20 апреля 2017 г.), г. Симферополь